АЛЕКСЕЙ
НАВАЛЬНЫЙ
ПАТРИОТ

Алексей Навальный

ПАТРИОТ

Навальный

Глава 1

Умирать было совсем не больно. Однако очевидно было, что придётся, — иначе стал бы я ложиться на пол самолёта рядом с туалетом. Вы видели этот пол? Он не очень чистый.

Я летел в Москву из сибирского города Томска и был очень доволен собой. Через две недели пройдут региональные выборы, и мы твёрдо намереваемся нанести поражение правящей партии «Единая Россия» в нескольких сибирских городах. Это станет важным сигналом, что после двадцати лет правления Владимир Путин не всемогущ и даже не особенно популярен в той части России, где огромное количество людей по-прежнему ежедневно смотрит телевизор, воспевающий «национального лидера» двадцать четыре часа в сутки.

Мне самому уже несколько лет запрещено участвовать в выборах. Политическую партию, которую я возглавляю, государство не признаёт. Недавно мы получили уже девятый отказ в регистрации за восемь лет. У нас всегда «неправильно оформлены документы». Только в редчайших случаях нашим кандидатам удаётся появиться в избирательном бюллетене — их не допускают под любыми, самыми нелепыми предлогами. Поэтому задача,

стоящая перед нашей организацией, одной из самых больших в стране, но подвергающейся постоянным нападкам со стороны государства, звучит немного шизофренично: победить на выборах, к участию в которых нас не допустили.

В авторитарной стране, где двадцать лет основной задачей власти было приучать людей к беспомощности, к мысли, что от них ничего не зависит, не так-то просто уговорить их идти голосовать. При этом доходы населения падают седьмой год подряд — в принципе, если привести на участки хотя бы треть людей, недовольных властью, то ни один её кандидат никогда не выиграет. Только как привести? Убедить? Напугать? Мы выбрали третий вариант: разозлить.

Уже несколько лет я с коллегами снимал нечто вроде бесконечного сериала о коррупции в России. В последние годы редкая серия не набирала три-пять миллионов зрителей. Мы сразу отказались от занудного и, если честно, довольно трусливого журналистского подхода, принятого в российских реалиях: всех этих бесконечных «предположительно», «вероятно», «возможно» и прочих слов, навязанных редакциям юристами. Мы называем вещи своими именами. Украл — значит украл. Коррупция — значит коррупция. Если у чиновника есть роскошное поместье, мы не просто рассказываем о его существовании, а находим его, снимаем дронами и показываем во всех подробностях, сравнивая реальную стоимость имущества со скромными доходами, указанными владельцем в официальных декларациях.

Можно сколько угодно теоретизировать, а можно изучить

фотографии со свадьбы пресс-секретаря президента страны и обнаружить, что часы, предательски выглядывающие из-под рукава его рубашки в тот момент, когда он обнимает невесту, стоят шестьсот двадцать тысяч долларов. Потом получить из швейцарского магазина справку о настоящей цене часов и рассказать эту историю стране, где каждый пятый живёт за чертой бедности. Притом что сама эта черта бедности — скорее черта нищеты: сто двадцать долларов в месяц. И когда зритель придёт в бешенство от наглости коррупционеров, сказать ему: посмотри на этом сайте список кандидатов, за которых нужно голосовать в твоём регионе, если не хочешь и дальше оплачивать роскошную жизнь чиновников.

Это работало. Мы одновременно развлекали и возмущали людей картинками из жизни «скромных патриотов у власти», объясняли на конкретных примерах, как работает механизм коррупции, и призывали к конкретным действиям, наносящим максимальный ущерб путинской системе.

Уткнувшись в иллюминатор, я думал о том, что теперь у меня достаточно материала, чтобы выпустить на ютубе пару фильмов о коррупции в сибирских городах. Их посмотрит несколько миллионов человек, а несколько сотен тысяч жителей Новосибирска и Томска не только посмотрят, но и разозлятся настолько, чтобы внять нашему призыву идти на выборы и голосовать против кандидатов партии Кремля. Ухмыляясь, я вспоминал и о том, как власти, понявшие наш замысел, пытались мне помешать.

На чиновников всех уровней мои поездки по регионам действовали как красная тряпка на быка. Они считали этот

вид моей деятельности одним из самых опасных и бесконечно фабриковали уголовные дела, чтобы ограничить мои передвижения. С 2012-го я год провёл под домашним арестом и ещё несколько лет — под подпиской о невыезде, запрещающей мне покидать Москву.

Сейчас ситуация повторялась. Два месяца назад с подачи государственного пропагандистского канала Russia Today против меня возбудили очередное смехотворное уголовное дело о «клевете на ветерана войны» и выдали предписание не покидать Москву. Я проигнорировал его, посчитав незаконным, уехал в Сибирь делать расследование и теперь возвращался с солидным уловом. Сотни гигабайт видеозаписей, от интервью с представителями местной оппозиции до съёмок секретной дачи одного из провластных депутатов на частном закрытом острове, уже зашифровали, загрузили на сервер и готовили к монтажу.

Я заранее предвкушал разгром «Единой России» в Томске и большие проблемы, ожидавшие её в Новосибирске. Мысль о том, что, несмотря на нарастающее давление (за последние два года одних только рейдов против наших штабов с выпиливанием дверей, людьми в чёрных масках, обысками и изъятием телефонов и компьютеров прошло больше трёхсот), мы стали только сильнее, была, безусловно, приятной. И насколько она была приятна мне, настолько же она была, очевидно, неприятна Кремлю и лично Путину. Скорее всего, это и стало последней каплей, после которой был отдан приказ «приступить к активным мероприятиям». Именно так это обычно называют в своих мемуарах сотрудники КГБ и ФСБ: нет человека — нет проблемы.

В обычной жизни с человеком может случиться много неприятностей. Вас может съесть тигр. Вам в спину может вонзить копьё представитель враждебного племени. Можно случайно отрезать себе палец, пытаясь удивить супруга своим кулинарным искусством, или ногу, неаккуратно орудуя бензопилой в гараже. Кому-то валится на голову кирпич, а кто-то выпадает из окна. Что уж говорить об обычных инфарктах и других досадных, но неудивительных вещах.

И хотя не так уж много моих читателей, надеюсь, получали копьё в спину или выпадали из окон, вам легко представить себе эти ощущения. Детского воспоминания об ободранной коленке достаточно, чтобы написать вымышленное, но очень натуралистическое эссе о том, как вы были ранены мечом при осаде Трои и даже не заметили этого в горячке боя, а потом ужасная боль, распухшая рана и немеющая конечность долгие недели терзали тело и подрывали дух воина. Жизненный опыт и наблюдения за другими позволяют нам в красках представить и примерить на себя любые ощущения. Так я думал, пока не оказался в том самом самолёте.

Повинуясь законам детективного жанра, я попробую рассказать о произошедшем в тот день максимально подробно. Любая мелочь может стать ключом к раскрытию преступления.

20 августа 2020 года. Будильник звонит в 5:30.

Я просыпаюсь без малейшего усилия и иду в ванную.

Принимаю душ. Не бреюсь (то есть не использую пену для бритья). Чищу зубы. Шариковый дезодорант закончился — потерев подмышки голым пластиком, я выкидываю пустой флакон в мусорную корзину. Там его позже и найдут мои коллеги, когда придут обыскивать номер.

Завернувшись в самое большое из полотенец, висящих в ванной, я выхожу в комнату и собираюсь одеваться. Мне нужны трусы, носки, футболка. Я отношусь к той категории людей, которые всегда впадают в лёгкий ступор при выборе одежды, поэтому секунд десять смотрю на вещи, лежащие в раскрытом чемодане.

В голову приходит стыдная мысль: может быть, надеть вчерашнюю футболку? Всё равно через пять часов я буду дома, где снова буду мыться и переодеваться. Не, неудобно. Вдруг кто-то из коллег обратит на это внимание и подумает, что начальник совсем распустился и ведёт себя как бродяга.

Накануне из гостиничной прачечной принесли выстиранное бельё. Я беру из стопки футболку и носки. Чистые трусы есть в чемодане. Одеваюсь и смотрю на часы: 5:47. Опоздать на самолёт никак нельзя: сейчас утро четверга, а я раб четвергов. Что бы ни случилось, в этот день в 20:00 я выхожу в прямой эфир и делюсь своим мнением о произошедшем в России за неделю. Это один из самых популярных стримов в стране. Онлайн меня смотрит от пятидесяти до ста тысяч человек, а за неделю передача «Россия будущего с Алексеем Навальным» набирает до полутора миллионов зрителей. В этом году ни разу не было меньше миллиона. Если бы не четверг, я бы задержался

в Сибири ещё на пару дней, а так приходится улетать с двумя коллегами. Ещё несколько членов команды остаются, чтобы доделать работу.

6:01: ненавижу опаздывать, но, как обычно, не удалось сразу упаковать вещи так, чтобы ничего не забыть. Ремень валяется на кресле, приходится снова открыть чемодан, положить его внутрь и совершить знакомое каждому упражнение — с усилием закрыв чемодан и надавив на него всем своим весом, я застёгиваю молнию и мысленно разговариваю с ней: «Пожалуйста, не разорвись, когда я перестану давить на чемодан!» Это было бы катастрофой.

6:03: выхожу в лобби гостиницы. Мой пресс-секретарь Кира Ярмыш и помощник Илья Пахомов уже ждут меня там.

Мы садимся в вызванное Ильёй такси и едем в аэропорт. По дороге заезжаем на заправку. Это немного необычно (чаще всего водители заправляются до того, как посадить пассажиров), но ничего особенного.

В аэропорту такая же дурацкая система безопасности, как и везде в России: нужно просканировать вещи и пройти через металлодетектор, чтобы просто оказаться в здании. Приходится отстоять в двух очередях и пройти две линии контроля. Всё происходит очень медленно, причём перед тобой обязательно оказывается парень, который сначала забывает вынуть из кармана телефон (сканер звенит), потом снять часы (сканер звенит). Мысленно обругав недотёпу, я иду через рамку (сканер звенит). Я тоже забыл снять часы. Говорю пассажиру, стоящему в очереди за мной: «Извините» — и читаю в его глазах всё то, что сам думал десять секунд назад. Это такая эстафета неловкости.

Ерунда. Такая мелочь не испортит мне настроение! Скоро я буду дома, закончу рабочую неделю и проведу выходные с семьёй. Чувствую себя отлично. До вылета ещё час. Мы стоим посреди аэропорта — классическая троица коллег в командировке ранним утром. Озираемся по сторонам, не знаем, чем себя занять.

— Ну чё, пойдём, что ли, чаю попьём? — говорю я.

Чай стоило пить элегантнее: через три столика сидит человек, снимающий меня тайком. Видео моей сгорбленной фигуры с подписью «Навальный замечен в аэропорту Томска» он выложит в инстаграм — позже его посмотрят много-много раз и будут анализировать каждую секунду. Видно, как ко мне подходит официантка и приносит чай. Она без перчаток, рука голая. Больше к красному бумажному стаканчику никто не прикасается. Илья берёт бутылку с водой и прячет её в рюкзак.

Объявляют посадку. Мы проходим мимо аэропортового магазина с надписью «Сувениры из Сибири», и я покупаю там конфеты. Сразу начинаю придумывать шутку, с которой подарю их своей жене Юле, придя домой. Наверное, должно быть что-то про медведей, это же Сибирь. Шутка не придумывается, ну ладно — сама в голову придёт, когда буду дарить.

В 7:35 мы показываем паспорта и проходим в автобус, который проедет сто пятьдесят метров, чтобы довезти нас до самолёта.

В автобусе случается небольшой переполох. Какой-то парень узнаёт меня и просит сделать с ним селфи. Нет проблем, давай! Вслед за этим окружающие перестают стесняться — селфи просят ещё человек десять,

протискиваясь ко мне со всех сторон. Я радостно улыбаюсь в чужие телефоны и, как всегда в такие моменты, гадаю, кто из них действительно меня узнал, а кто решил сфоткаться на всякий случай. Совершенно идеальная иллюстрация к понятию minor celebrity[1], которое объясняет Шелдон Купер в «Теории Большого взрыва»: «Once you explain who he is, many people recognize him»[2].

На выходе из самолёта фотографирование продолжается, и внутрь мы с коллегами заходим в числе последних. Это тревожный момент: у меня рюкзак и чемодан, их надо убрать на полку. А вдруг все места уже заняты? Не хочется стать тем самым пассажиром, который мечется по салону и просит стюардов найти место для его ручной клади.

Всё отлично: место для чемодана есть, а рюкзак я кладу под ноги. И без того хорошее настроение становится ещё лучше. Я знаю, что будет дальше: прекрасные три с половиной часа полного покоя. Сначала я посмотрю серию «Рика и Морти», а потом почитаю. Для этого мне нужно место у окна. Вот и оно — такое уютное! Все знают, что я всегда сижу у окна: так мои коллеги надёжно блокируют меня от желающих обсудить со мной политическую ситуацию и судьбы России. Вообще, я всегда рад поболтать с людьми, но не в самолёте. Здесь шумно, и меня совсем не радует перспектива видеть в двадцати сантиметрах от себя лицо, кричащее: «Вы же расследованием коррупции занимаетесь? Так я вам расскажу свой случай!» Россия построена на коррупции, и у всех всегда есть свой случай.

Пристёгиваю ремень, снимаю кроссовки. Самолёт начинает ехать по взлётной полосе. Я лезу в рюкзак, достаю ноутбук и наушники, открываю папку с «Риком и Морти»,

наугад тыкаю в сезон, потом в эпизод. И снова удача! Это же та серия, в которой Рик превратился в солёный огурчик, обожаю её.

Проходящий мимо стюард косится на меня, но не просит закрыть ноут в соответствии с дурацким устаревшим правилом авиационной безопасности — perks of being a minor celebrity[3]. Нет, сегодня определённо очень удачный день.

Благодаря доброму стюарду я совершенно точно знаю, когда почувствовал, что что-то не так. Спустя больше месяца в больнице я, надев перчатки, несколько раз протёр ноутбук спиртовой салфеткой, открыл его и обнаружил, что с начала эпизода прошла двадцать одна минута.

Должно случиться что-то экстраординарное, чтобы я перестал смотреть «Рика и Морти» на взлёте. Обычной турбулентности тут недостаточно.

Я смотрю на экран и не могу сосредоточиться. По лбу начинает течь холодный пот. Со мной происходит что-то очень-очень странное и неправильное. Ноутбук приходится закрыть.

Попробуйте пальцем одной руки дотронуться до запястья другой. Почувствовали прикосновение? Ваш организм выработал ацетилхолин, и нервный сигнал сообщил вашему мозгу информацию о вашем действии. Вы увидели прикосновение и одновременно его ощутили. Теперь сделайте то же самое с закрытыми глазами: вы больше не

видите своего пальца, но легко определяете, когда касаетесь руки, а когда нет. А всё потому, что вслед за ацетилхолином, который передаёт сигналы между нервными клетками, ваш организм выработал и холинэстеразу — фермент, который останавливает этот сигнал, когда дело сделано, уничтожает «использованный» ацетилхолин, а вместе с ним и следы прошедшего в мозг сигнала. Если бы этого не происходило, то мозг непрерывно получал бы сигналы о прикосновении к запястью — десятки тысяч и миллионы раз. Произошло бы нечто похожее на DDoS-атаку на сайт. Один раз кликнули на сайт — он открылся. Миллион кликов в секунду — и сайт упал.

Чтобы справиться с DDoS-атакой, можно перезагрузить сервер или поставить другой, более мощный. С человеком сложнее. Получая миллиарды ложных сигналов, мозг полностью дезориентируется, не понимая, что происходит, и в итоге отключается. Через некоторое время человек перестаёт дышать — ведь дыханием тоже управляет мозг.

Так работает нервно-паралитическое химическое оружие.

По моему лбу течёт ледяной пот. Так обильно, что я прошу у своего пресс-секретаря Киры, сидящей рядом слева от меня, салфетку. Кира уткнулась в свою электронную книгу и, не глядя на меня, достаёт из сумки пачку салфеток и протягивает мне. Я использую одну. Потом вторую. Происходит что-то очень неправильное. Такого я прежде никогда не испытывал. Да и непонятно: что я сейчас-то испытываю? Ничего не болит. Просто странное ощущение, что всё сломалось.

Думаю: наверное, меня укачало от того, что смотрел

в экран на взлёте. Надо попросить у кого-нибудь конфету и отвлечься. Неуверенно говорю Кире: «Извини, что-то со мной не то происходит, ты не могла бы со мной поговорить? Мне надо сконцентрироваться на звуке чьего-то голоса».

Просьба странная, если не сказать больше. Но Кира после секундного удивления начинает рассказывать мне о книге, которую читает. Я понимаю, что она говорит, но для этого мне надо сделать почти физическое усилие. Концентрация теряется ежесекундно. Через пару минут мне начинает казаться, что я только вижу шевелящиеся губы и слышу звук, но не могу понять, о чём идёт речь, хотя позже Кира мне расскажет, что я продержался минут пять, мычал «угу» и «ага» и даже задал один уточняющий вопрос.

В проходе появляется стюард с тележкой: это напитки. Я смотрю на него и пытаюсь решить, стоит ли мне выпить воды. Кирина версия событий звучит так: «Стюард ждал. Ты молча смотрел на него секунд десять. И я, и он начали испытывать лёгкую неловкость, после чего ты сказал: „Пожалуй, мне всё-таки надо отойти“».

А что ещё можно сделать в самолёте? Я подумал, что надо пойти умыться холодной водой и мне полегчает. Кира растолкала Илью, спавшего в кресле у прохода, они выпустили меня. Пошёл я босиком. Не то чтобы не было сил надеть кроссовки, просто к тому моменту мне было уже всё равно.

К счастью, туалет был свободен. Каждое действие требует осмысления: в обычной жизни мы этого не замечаем, здесь же мне приходилось прилагать усилие, чтобы осознать, что происходит и что надо делать. Туалет. Надо найти щеколду. Разноцветные штучки. Наверное, это

щеколда. В эту сторону. Нет, в ту. Кран. Надо нажать на него. Как нажать? Рукой. Где рука? Вот она. Вода. Надо плеснуть её на лицо. Фоном звучала только одна мысль, не требовавшая никаких усилий и вытеснявшая из головы все прочие: «Я больше не могу».

Умывшись ещё раз, я сел на унитаз и тогда в первый раз понял: мне конец.

Не подумал: «Наверное, мне конец», а именно понял.

Абсолютно никакой боли. Ещё одно умственное усилие — я мысленно пробегаюсь по телу: сердце? Не болит. Желудок? Всё окей. Печень и другие внутренние органы? Ни малейшего дискомфорта. Всё в целом? Очень плохо, я больше не могу и сейчас умру.

С трудом умываюсь ещё раз. Хочу снова посидеть, но потом понимаю, что сам из туалета уже не выйду. Просто не смогу найти щеколду. Вижу я всё отлично. Дверь передо мной, щеколда тоже на месте. Сил достаточно. Но выловить дурацкую щеколду взглядом, удержать её в фокусе, протянуть руку и открыть в нужную сторону очень сложно.

В коридоре очередь людей, и я ещё способен понять, что они недовольны. Наверное, я пробыл в туалете дольше, чем мне казалось. Я не веду себя как пьяный, не шатаюсь, никто не показывает на меня пальцем — обычный пассажир. Кира сказала мне потом, что со своего места у окна я вышел совершенно нормально, перешагнув через два кресла. Просто был очень бледный.

Стою в коридоре и понимаю, что надо попросить о помощи. Но о чём я могу попросить бортпроводника или стюардессу? «Мне плохо, дайте мне белого вина»? Я не могу даже толком сформулировать, что со мной и что мне нужно.

Посмотрел ещё раз в сторону кресел, потом повернулся в другую сторону. Там самолётная кухня в пять квадратных метров, где стоят тележки с едой. Во время долгого перелёта вы приходите туда размяться под предлогом, что хотите попить.

Всё-таки настоящие писатели — особенные люди. Когда меня спрашивают, каково это — умирать от химического оружия, у меня возникает две ассоциации: дементоры в «Гарри Поттере» Джоан Роулинг и назгулы во «Властелине колец» Толкина.

Поцелуй дементора не причиняет боли, жертва просто чувствует, как жизнь покидает её.

Главное оружие назгула — смертельный ужас, от которого человек теряет волю и силы.

Меня целует дементор, и где-то рядом появляется назгул. Я чувствую ужас от невозможности понять происходящее, ощущаю, что жизнь уходит, и не имею воли к сопротивлению. Мне конец. Эта мысль быстро, мощно и полностью вытесняет предыдущую («Я больше не могу»).

Бортпроводник смотрит на меня вопросительно — кажется, это тот самый парень, что «не заметил» мой ноутбук. Я делаю ещё одно усилие, чтобы придумать слова, с которыми к нему обращусь. Неожиданно для самого себя я просто говорю: «Меня отравили, и я сейчас умру». Он смотрит на меня без испуга, удивления или беспокойства. Даже с полуулыбкой: «Как отравили?» Видимо, дальше он собирается сказать, что еду в самолёте ещё не раздавали, поэтому если у вас болит живот, то нечего есть всякую дрянь в аэропорту. Но его лицо моментально меняется, когда он видит, что я ложусь ему прямо под ноги, на пол

самолётной кухни. Я не свалился, не рухнул, не потерял сознание. Я абсолютно точно почувствовал, что стоять в проходе бессмысленно и глупо. Просто наступил момент, когда необходимо лечь. Ведь я умираю, а умирают вроде как лёжа.

Ложусь на бок. Смотрю в стену. Нет уже ни смущения, ни беспокойства. Вокруг забегали, послышались испуганные возгласы.

Женский голос кричит: «Мужчина, вам плохо? Мужчина, у вас сердце прихватило?» Слабо мотаю головой — нет, с сердцем всё хорошо.

Ещё успеваю подумать: всё про смерть врут. Ни прожитая жизнь передо мной не пронеслась, ни лица родных не появились, ни ангелов, ни ослепительного света. Умираю, глядя в стену. Голоса становятся неразборчивыми, и последнее, что я слышу, — повторяющийся женский крик: «Мужчина, не отключайтесь, мужчина, не отключайтесь!» Потом я умер.

Спойлер: на самом деле нет.

Глава 2

Если вы думаете, что пробуждение из комы — дело одной секунды, как в кино, то я вас разочарую. Рад был бы рассказать о том, что вот только что я умирал в самолёте, а через мгновение открыл глаза — и обнаружил себя в больнице, увидел любимую жену, ну или хотя бы озабоченно глядящих на меня докторов. Только не было такого мгновения. Я умер и очутился в мире галлюцинаций. Оказалось, что возвращение к нормальной жизни — это несколько недель очень болезненных и навязчивых видений, и весь процесс похож на затянувшееся и весьма реалистичное путешествие по кругам ада. Не удивлюсь, если вообще вся концепция ада была придумана людьми, которые однажды побывали в коме и видели то же, что и я. Это были сплошные галлюцинации, через которые изредка проступала реальность. Постепенно реальности становилось всё больше, галлюцинаций — всё меньше.

Из тех первых дней я помню только отдельные моменты. Вот я сижу в кресле-каталке. Вот кто-то бреет мне лицо. Сам я пошевелиться не могу. Вот какой-то хороший человек моет мне руки — кажется, это врач. Ещё он говорит: «Алексей, скажи какое-нибудь слово — я его запишу

и покажу тебе».

Последняя просьба повторялась изо дня в день, и постепенно я начал что-то понимать. Сначала я осознал, что я Алексей. Потом — что это какое-то упражнение, которое доктор хочет, чтобы я выполнил, и задание моё — сказать любое слово. Но проблема была не в том, что я не мог говорить, а в том, что я не мог придумать слово. Я очень старался, но у меня не получалось связаться с той частью мозга, которая ответственна за придумывание слов. И объяснить доктору, что я не могу придумать слово, я тоже не мог, потому что и для этого нужны слова, а у меня в голове их просто не было. Отвечая на простые вопросы медсестры, я кивал, но вот вспомнить и сказать целое слово — это было мне не под силу.

Постепенно я стал лучше понимать происходящее, начал даже что-то говорить. И тут мне дают карандаш и просят: «Напиши что-нибудь». И в этот момент мои мучения начинаются заново: я не имею ни малейшего представления, как люди пишут.

Чаще других меня навещал мой лечащий врач, профессор, очень известный и уважаемый нейрохирург из Японии. Он подолгу разговаривал со мной, спокойно и вкрадчиво объяснял, что произошло, какое мне предстоит лечение, как долго я буду восстанавливаться и когда я наконец смогу увидеть родных. Меня он невероятно впечатлил своим профессионализмом и авторитетом, этот японский доктор — буквально первый реальный человек, которого я отчётливо помню после пробуждения из комы. Очень классный дядька среднего возраста, приятной наружности, немного лысоват. Серьёзный, очень умный, но

при этом почему-то невероятно грустный.

Потом медсёстры рассказали мне, что у него, оказывается, совсем недавно трагически погиб двухлетний сын: его в Японии сбила машина. Профессор пытался сына спаси, сам его прооперировал, но ребёнок, к сожалению, всё равно умер прямо у него на руках. И в один из дней профессор прочитал мне хайку, короткое стихотворение, которое он сам написал в память о сыне. Ничего красивее я в жизни не слышал. Когда профессор ушёл, я долго не мог выбросить эти трогательные строки из головы и тихо плакал над ними несколько дней подряд.

Но при профессоре я всячески бодрился, тем более что с ним мы обсуждали план моего скорого восстановления, который мне жутко нравился. На следующей неделе, рассказывал профессор, мне приделают новые бионические ноги — вместо моих обычных, которых у меня вроде как больше нет. А дальше он проведёт сложнейшую нейрохирургическую операцию по замене моего позвоночника. Позвоночник у меня будет гораздо лучше прежнего, потому что к нему будут присоединены четыре гигантских механических щупальца, точно таких же, как у Доктора Осьминога из фильма про Человека-паука. Восторг!

Можете представить себе моё разочарование, когда мне сказали, что никакого японского профессора не существует! Что все наши беседы, планы, долгие разговоры — всё это просто моя галлюцинация, вызванная тем, что мне одновременно давали шесть разных психотропных лекарств. Я был настолько ошеломлён, что требовал показать мне всех сотрудников больницы (ну вдруг я что-то

перепутал и он не нейрохирург, а, к примеру, реаниматолог), — но в клинике «Шарите» не было никого, подходившего под моё описание. Потом я, конечно, смеялся над этой ситуацией и вроде как согласился с доводами врачей и родных, что история эта не очень реалистична, но всё равно на всякий случай потратил несколько часов и погуглил известных японских нейрохирургов — вдруг всё же есть такой, вдруг у него и сын был, вдруг он правда погиб. Иначе ведь получается, что я три дня рыдал над хайку, которое придумал сам.

Я не помню, как увидел свою жену впервые после комы. Абсолютно точно не было такого момента — вот кто-то заходит ко мне в палату, я открываю глаза, смотрю на эту красивую женщину и думаю: «О, пришла Юля, как классно». Тогда я вообще ещё никого не узнавал, совершенно не понимал, что происходит. Просто лежал и не мог сфокусировать внимание. Но я помню, что каждый день наступал самый лучший момент — рядом со мной появлялась Она. Она лучше всех знала, как поправить мне подушку и как со мной разговаривать. Она не причитала: «Ах, бедный Алексей!», она улыбалась и смеялась, и мне от этого становилось хорошо и спокойно.

На стене напротив моей койки в реанимации висела большая доска. Там было что-то изображено, но, как я ни старался, сконцентрироваться на ней не получалось. Я смотрел на доску целыми днями, а потом в какой-то момент вдруг понял, что там нарисованы сердечки. Чуть позже я понял, что их количество растёт. Потом начал их считать. Потом я осознал, что, пока я нахожусь в реанимации, Юля приходит и рисует по сердечку каждый

день. Глядя на это, я однажды даже сам смог написать что-то на бумажке, протянутой Юлей. Правда, когда она, уже после выписки, показала мне эту бумажку, оказалось, что там не текст, а что-то больше похожее на кардиограмму. Ещё долго писать у меня получалось только в столбик. Писать в строку я научился несколько недель спустя, но ещё долго переставлял местами буквы в словах.

Однажды, когда я уже неплохо ориентировался в реальности и даже понемногу начинал вспоминать английский, я попросил у медсестры воды. Она сказала, что даст мне её, как только я напишу это слово, — и протянула ручку. Я помнил, как будет по-английски «вода», но как это пишется — понятия не имел. Я попробовал и так, и эдак — ничего не выходило. Я начал злиться, снова раздражённо потребовал воды. «Попытайтесь написать ещё раз», — твёрдо велела мне медсестра. Я повозил ручкой по бумаге, окончательно впал в бешенство и в сердцах написал вдруг возникшее в моем подсознании слово — «fuck». И с некоторым злорадством, но всё-таки больше с гордостью протянул бумажку медсестре. Она посмотрела на меня сочувственно: я написал «fkuc».

Я пытаюсь излагать свои воспоминания последовательно, но на самом деле это была сплошная мозаика из фрагментов реальности и снов. Японский профессор. Листок бумаги и ручка. У меня нет ног. Сердечки на стене. Я попал в страшную аварию. Юля. Я в тюрьме.

Я сижу в тюремной камере на шконке. На стенах вокруг меня написаны правила внутреннего распорядка, только это не обычные правила, а слова из песен известной

российской рэп-группы «Кровосток». Охранники требуют, чтобы я зачитывал им эти правила, то есть тексты песен, снова и снова, тысячу раз. Это была настоящая пытка, и в этом своём сне я очень злился. Потом, когда я уже пришёл в себя и рассказал об этом в интервью, ребята из «Кровостока» ответили мне в твиттере: «Лёш, за бэдтрип прости».

В моей палате на стене висел огромный телевизор, и это было отдельным испытанием, мало уступающим по степени мучительности моему навязчивому бреду. Пока я постепенно приходил в сознание, медперсонал старался меня всячески развлекать. Однажды они решили включить мне футбол. Проблема была в том, что я совсем не фанат футбола. В какой-то момент мой коллега Леонид Волков, который приходил меня навещать, спохватился: «Вы зачем футбол ему включаете, он его не любит». Телевизор быстро выключили, а я, хоть и мало что тогда понимал, испытал огромное облегчение.

Юля и Леонид несколько раз пытались рассказать мне, что произошло. Получилось не сразу. Они как будто стучались в закрытую дверь, а за этой дверью был мой мозг, и он не отзывался. Они говорили мне про отравление, про самолёт, где я отключился, про больницу в Омске, наполненную ФСБшниками, про то, как меня долго оттуда не выпускали, про эвакуацию в Германию — а я просто сидел и смотрел в одну точку. Они долго и подробно рассказывали мне, что Путин пытался убить меня, пока я путешествовал по Сибири, что независимые лаборатории подтвердили, что меня отравили, более того — тем же самым веществом, которым российские спецслужбы

отравили Скрипалей в Солсбери. И в очередной раз, когда они произнесли слово «Новичок», я вдруг посмотрел прямо на них и сказал: «Блядь, что? Ведь это же так тупо».

Леонид говорит, что именно в этот момент он понял, что со мной всё будет в порядке.

Постепенно я полностью осознал, что со мной произошло, и вспомнил, что этому предшествовало. И какими бы увлекательными и захватывающими ни были подробности моего несостоявшегося убийства, гораздо больше меня тогда интересовало, чем закончились выборы в Томске и Новосибирске. Мы выпустили наши расследования? Их посмотрели? Люди проголосовали? А как? Удалось ли победить «Единую Россию»? Сколько процентов набрали наши кандидаты? В ночь подсчёта голосов я заставлял Юлю читать мне твиттер вслух, а потом заплетающимся языком диктовал ей сообщения, которые нужно было отправить коллегам.

Результаты выборов превзошли наши ожидания. В Томске победили девятнадцать из двадцати семи поддержанных нами кандидатов, в том числе глава нашего штаба Ксения Фадеева и её заместитель Андрей Фатеев. В Новосибирске депутатами стали двенадцать кандидатов, которых мы поддержали, и среди них опять же координатор нашего местного штаба Сергей Бойко.

И всё-таки, мне кажется, я не полностью осознавал реальность до тех пор, пока мне не разрешили в первый раз самому встать и сделать несколько шагов. Вставать мне не разрешали долго, потому что я был склонен к побегу и даже предпринимал некоторые попытки его осуществить. Пока я медленно приходил в себя, я понял, что снаружи моей

палаты всё время стоят какие-то люди и смотрят на меня через стекло. Они не были похожи на врачей, и после того как я узнал, что со мной произошло, мне объяснили, что это охранники. Однажды я попытался уговорить Юлю выхватить у них оружие и помочь мне бежать. Я чувствовал, что мне надо срочно скрыться. Пистолет я так и не получил. Тогда я решил справиться сам: оставшись один, я сорвал с себя катетеры и трубки, залив палату кровью, и попытался встать. Ко мне, конечно, тут же вбежали медики и быстро уложили меня обратно на кровать, но я так просто не сдался и в следующие дни предпринял ещё несколько попыток.

И когда наконец с разрешения врачей я сам смог подняться и очень медленно пройти несколько шагов до раковины, я по-настоящему всё вспомнил. Я хотел умыться, но руки меня не слушались, и в памяти вдруг ясно всплыло, как несколько недель назад я точно так же пробовал умыться в туалете самолёта из Томска в Москву. Я вернулся в кровать, лёг, уставился в потолок, и на меня накатил настоящий ужас. Я ощущал себя немощным стариком. Я был не в состоянии пройти три метра до раковины. Я не мог открыть кран и умыться. Я боялся, что это навсегда.

Вначале казалось, что это и будет навсегда. Чтобы вернуться к нормальной жизни, нужно было очень постараться. Ко мне каждый день приходила физиотерапевт, она была очень милой женщиной, но она заставляла меня делать самые трудные вещи в моей жизни. Она просила меня сесть за стол и давала две чашки — одну с водой, одну пустую. Ещё давала ложку. И этой ложкой нужно было зачерпнуть воду из полной чашки и перелить

в пустую. Я к тому моменту уже мог неплохо говорить и сказал ей: «Окей, я готов перелить пять ложек». А она говорит немыслимое: «Нет, надо семь». Я, конечно, с огромным трудом в результате зачерпнул и перелил все семь ложек, но ощущение было такое, будто я только что пробежал марафон. Это было невероятно сложно.

А ведь предстояло ещё научиться нормально ходить, держать предметы и координировать движения. Мне по сто раз в день кидали мячик, а я его ловил — это было изнурительно. Другое упражнение, которое не давалось мне много недель, заключалось в том, что я должен был просто лечь на пол из положения стоя, а потом снова встать. У меня получалось максимум три раза, и то с огромным трудом.

Наверное, самым классным в реанимации был тот день, когда из Москвы наконец-то прилетели наши дети — Даша и Захар. Правда, тут у нас случился классический момент неловкости. Обнять меня нельзя: я весь опутан проводами и трубками. О чём говорить в такой ситуации, тоже не очень понятно. Поэтому они просто сидели в палате, а я на них смотрел и был абсолютно счастлив.

23 сентября был мой последний день в «Шарите» — я провёл там больше месяца. Мы подготовились, собрали вещи, я впервые переоделся из больничной одежды в обычную. Выписать меня должны были в три часа дня, но потом попросили подождать до шести: мой лечащий врач хотел зайти напоследок. И вот дверь открывается, заходит мой доктор, а за ним какая-то женщина, показавшаяся мне смутно знакомой.

Это была канцлер Германии Ангела Меркель. Я этого совершенно не ожидал. Конечно, я уже знал, что она

сыграла важную роль в спасении моей жизни: надавила на Путина, чтобы он дал согласие на мою эвакуацию в Берлин. Мне хотелось пожать ей руку или даже обнять (я вообще временно стал очень сентиментален после отравления), но быстро понял, что мои треники и футболка уже достаточно нарушают строгий немецкий протокол и перегибать не стоит. Следующие часа полтора мы разговаривали о политике прямо в больничной палате. О российской политике в основном. Меркель в ней удивительно хорошо разбирается. Она меня очень впечатлила тем, в каких деталях знала наши расследования, в частности последние, сибирские. Даже помнила название одной из упомянутых там фирм — «Дискурс».

То, что она пришла навестить меня в больнице, было очень трогательным человеческим жестом и очень умным политическим. Было очевидно, что Путину это не понравится. На прощание я поблагодарил Меркель за всё, что она сделала. Она спросила, какие у меня планы. Я ответил, что хотел бы как можно скорее вернуться в Россию. Она сказала: «Не торопитесь».

Меня всё равно преследовали мысли как можно скорей вернуться в Москву: я очень хотел встретить Новый год дома. Остановила меня Юля. «Давай подождём, пока ты восстановишься. Неизвестно, что они решат с тобой сделать опять, когда ты вернёшься», — сказала мне она.

Так мы остались в Германии ещё на четыре месяца.

Глава 3

Солдаты стояли в необычных белых костюмах, полностью закрывавших тело. На головах противогазы, из-за которых они похожи на странных животных. Я из семьи военного, и у нас дома тоже, конечно, был противогаз — его единственное назначение состояло в том, что дети друзей моих родителей, изредка приезжавшие в гости, надевали его и бегали по квартире, изображая слона и визжа от восторга. Впрочем, «слоном» можно побыть минуты три максимум: в противогазе очень жарко.

Солдаты же на дороге совсем не веселились и не играли — это было странно. Они останавливали проезжавшие машины и пропускали их дальше только после того, как дотронутся до колёс специальной металлической палкой.

Мне девять лет, я смотрю на происходящее через окно папиного автомобиля «Жигули» шестой модели. Это одно из самых ярких воспоминаний моего детства. Родителей, сидящих на переднем сиденье, солдаты в костюмах, однако, не удивили. Только вызвали раздражение, потому что создали пробку. Родители объяснили мне, что на солдатах костюмы радиационной и химической защиты. Это

происходит потому, что недавно был взрыв на Чернобыльской атомной станции, а мы живём в военном городке у Обнинска — закрытого наукограда, где был построен первый советский атомный реактор. Сейчас мы едем в Обнинск за продуктами. Там хорошее снабжение: всё-таки живут учёные-атомщики. «Снабжение» — важный советский термин, который я уже знаю. Он означает, насколько широк будет выбор товаров на прилавках. Какой-то человек в недрах советского Госплана сделал так, что колбасу в продовольственном магазине Обнинска можно купить с вероятностью на шестьдесят процентов больше, чем наткнуться на неё в единственном продуктовом магазине нашей военной части.

Металлические палки в руках солдат у дороги измеряют уровень радиации на колёсах машин. Правительство пока не признаёт, что чернобыльская катастрофа произошла из-за халатности и разгильдяйства, поэтому официальная причина этих проверок — демонстративное расследование варианта с диверсией. Из-за этого усилены меры безопасности во всех городах, где находятся атомные станции. Если шпионы-вредители (понятное дело, американские) перемещаются по стране с намерением взорвать станцию за станцией, то наши поймают их по следу радиоактивных колёс.

Хотя каждый дурак в нашем городе знает, добавила мама, что настоящая причина совсем в другом. Учёные-атомщики из Обнинска, работавшие в Чернобыле, сразу поняли масштаб трагедии. И, сколько бы ни врали в новостях, многие из них быстро погрузили свои семьи в машины и уехали домой в Обнинск. Вот их и пытаются таким

образом обнаружить. Ведь машины-то у них, как и их одежда, и они сами, «фонят». Власти врут, что угрозы нет, но отчаянно пытаются предотвратить расползание радиоактивных следов по стране.

«Хватит болтать!» — раздражённо сказал отец. Вся эта тема была ему неприятна.

Про Чернобыль я знал. Я проводил там каждое лето.

Почти в каждом населённом пункте на территории бывшего СССР есть памятник погибшим в Великой Отечественной войне. На этом памятнике чаще всего перечислены фамилии местных жителей, не вернувшихся с войны. И вот если подойти к такому памятнику в селе Залесье, находящемся в нескольких километрах от Чернобыльской атомной станции, то на нём среди прочих фамилий можно прочитать: «Навальный, Навальный, Навальный, Навальный». Много Навальных. Уже непонятно, кто из них мои родственники, а кто — однофамильцы.

Мой отец родился в этом селе. Окончив школу, он решил стать военным и пошёл в военное училище, после чего в Украине уже не жил, а служил в разных военных городках на территории России. В деревне остались два его старших брата и мать — моя бабушка. К ней я и ездил каждое лето, всякий раз традиционно выслушивая шутки родственников о том, что я худой и бледный «москаль» и сейчас они меня откормят украинским салом.

За лето мне действительно скармливали количество еды, которому позавидовал бы борец сумо. Я превращался в загорелого деревенского «украинского хлопчика», забывшего русский язык, зато выучившего несколько молитв — их читала религиозная бабушка, а я просто

запоминал и мог повторить, не понимая смысла. Осенью меня сдавали родителям, и мой внешний вид служил аргументом в постоянном насмешливом застольном споре о преимуществах украинцев над русскими (и наоборот). Мать, родившаяся на Русском Севере, в Архангельске, и выросшая в подмосковном Зеленограде, была за этим столом, понятное дело, этническим меньшинством. А я, в миллионный раз слыша вопрос: «Лёша, так ты русский или украинец?», старался увильнуть от ответа, удивляясь про себя, почему взрослые настолько обожают задавать вопросы с дурацкой альтернативой — вроде: «Ты кого больше любишь, маму или папу?»

Чернобыль был ближайшим городом к Залесью, где я проводил лето, — местом, куда все деревенские ездили за покупками и где многие работали. Там же находилась ближайшая действующая церковь. В ней меня крестили тайком от отца. Как любой офицер Советской армии, он был членом Коммунистической партии Советского Союза, а значит, атеистом. Бабушка страшно боялась, что факт крещения ребёнка станет известен и отца за это исключат из партии. Но Бога она боялась ещё больше, поэтому отвела меня в церковь и окрестила. Понятное дело, долго это тайной оставаться не могло, мать с отцом довольно скоро узнали о крещении от родственников. Однако, вопреки опасениям бабушки, ругаться не стали, а просто посмеялись над её страхами.

Деревня была разновидностью рая. Там была речка, там была черешня на деревьях в неограниченном количестве. Там была бабушкина корова. Её исполинский размер позволял мне чувствовать себя очень крутым, когда я,

каждый вечер исполняя свою обязанность, командовал ей идти в хлев, после того как пастухи пригоняли деревенское стадо домой. Там было существенно больше еды, и она была домашняя, а не ужасная, из универмага. Наконец, там были самые весёлые и классные люди. Мои дяди, тёти, старшие братья, сестра, крёстные и прочие родственники, чей статус и степень родства часто было просто невозможно понять.

Рай был уничтожен в половину второго ночи 26 апреля 1986 года. На четвёртом энергоблоке Чернобыльской станции произошёл взрыв. Для всего мира это стало крупнейшей ядерной катастрофой. Для СССР — одной из причин развала страны, с трудом переживавшей экономический кризис «развитого социализма». Для украинской части моей семьи — огромной трагедией и полным обнулением прежней жизни. А для меня — первым жизненным уроком и событием, сильно определившим мои взгляды. Радиация была далеко, зато вранья и лицемерия было столько, что они просто затопили страну.

Спустя несколько дней после взрыва, когда советскому правительству был уже отлично известен масштаб радиационного заражения, жителей сёл вокруг Чернобыля, включая моих родственников, выгнали на сельскохозяйственные работы — сажать картошку. Взрослые и школьники копались в земле, на которую недавно осела радиоактивная пыль. Конечно, местные знали, что что-то происходит. Многие ездили на работу в город, у некоторых были знакомые, работавшие на станции. Новость о том, что на станции был взрыв, распространилась молниеносно. Но

власти-то взрыв отрицают — что же это означает? Что он был ещё сильнее, чем можно предположить? Или что его вообще не было? Было ясно: раз власти что-то скрывают, значит, есть что скрывать, но вслух об этом не скажешь. На дворе всё ещё 1986 год, и даже мысли о том, что скоро Советский Союз с его огромной машиной контроля над мыслями и словами перестанет существовать, никому в голову не приходит. Поэтому, если тебе сказали: «Иди и копай картошку», значит, нужно идти и копать картошку. Это было самое опасное и вредное занятие, которое только можно было придумать. Зачем это было сделано? Чтобы не создавать панику среди населения.

Очень типичный и совершенно тупой ответ советской, а потом и российской власти на любой кризис: «Интересы населения требуют, чтобы ему бесконечно врали». Ведь в противном случае люди, конечно же, начнут выбегать из домов и хаотично метаться, поджигая строения и убивая друг друга!

Однако правда в том, что такого никогда не происходило. Это самое население в большинстве кризисных ситуаций готово вести себя разумно и дисциплинированно, надо просто объяснить ему, что происходит и что надо делать. Вместо этого — и я наблюдал потом такое много раз, пусть и в меньшем масштабе, — чиновники всегда первым делом врут. Для них в этом нет практической пользы. Просто закон такой: в любой ситуации обманывай. Принижай ущерб, всё отрицай, вводи в заблуждение. Потом разберёмся, но вот прямо сейчас, в кризисный момент, надо сказать неправду, потому что глупое население к правде, конечно, не готово.

Вот и в той ситуации с Чернобылем бесполезно искать рациональное зерно. Почему для успокоения людей надо было выгнать их на принудительные сельхозработы, а не предложить им, например, оставаться дома в течение недели и не выходить на улицу без крайней необходимости?

В Киеве — огромном миллионном городе и столице Украины — 1 мая, то есть спустя всего пять дней после взрыва, была проведена первомайская демонстрация. Ровно с теми же пропагандистскими целями: соврать, притвориться, что всё хорошо. Сейчас мы знаем, как принимались эти решения. В своих кабинетах сидели деятели Коммунистической партии, которых беспокоило только одно: чтобы ни советские люди, ни, боже упаси, иностранцы ничего не узнали об атомной катастрофе. Здоровье десятков тысяч людей было принесено в жертву грандиозной операции прикрытия, которая к тому же оказалась совершенно бесполезной: радиоактивный выброс был настолько велик, что его фиксировали лаборатории по всему миру.

Много лет спустя, отбывая срок по очередному аресту, я сидел в камере и читал альманах, где были опубликованы архивные документы — секретные справки КГБ УССР. Там был описан потрясающий эпизод с корреспондентом журнала Newsweek, который через некоторое время после аварии приехал делать о ней репортаж. Отделение КГБ по Украине восторженно отчитывалось об уникальной операции: они сделали так, что во всё время командировки журналист не говорил ни с кем, кроме агентов КГБ. В справке указывалось, что в этой спецоперации было задействовано два десятка человек, от членов

«спецдружин» до пенсионеров КГБ. Все, кого интервьюировал корреспондент, были сотрудниками спецслужб, и все они рассказывали, что последствия аварии минимальны, а население с восторгом воспринимает отличную работу партии и правительства.

Огромные ресурсы были брошены на то, чтобы обмануть одного-единственного журналиста. Для чего? Глупый вопрос: так положено. Не можем же мы допустить, чтобы вражеские журналисты клеветали на советскую действительность, извращая существующие факты. Поэтому мы лучше сами немного извратим факты, но исключительно для того, чтобы их потом не извратили иностранцы.

Все эти трюки не работали, так же точно, как никого не обманывают знаменитые магазины с пластиковыми продуктами в Северной Корее. Их ставят для того, чтобы иностранцы, которых везут из аэропорта, видели: бананы и апельсины есть в свободной продаже. А иностранцы уже много лет радостно фотографируют эти лавки как достопримечательность: вот же они, знаменитые фальшивые фрукты, здорово!

Парадоксальным образом жители Вашингтона, Лондона или Берлина знали больше правды об аварии, чем люди, жившие в зоне заражения.

Наша семья не знала всей правды, но знала куда больше остальных — просто потому, что родственники звонили и рассказывали, что происходит. Пока партия и правительство бодро отрицали «гнусные инсинуации вашингтонской пропаганды» о взрыве в Чернобыле, нам звонили и говорили: все местные знают — на станции

взрыв, везде военные, что-то происходит.

Потом начался кошмар. Людей стали выселять из тридцатикилометровой зоны вокруг атомной станции, и, сколько бы ни твердило государственное телевидение о слаженной работе, мы-то знали, что всех наших многочисленных родственников с одним комплектом одежды отправляют по всей Украине в любые места, где были пустующие помещения вроде пионерлагерей. Люди были в отчаянии и не знали, что делать. Бросать своё хозяйство было невыносимо мучительно — тем более что по советским меркам этих людей можно было считать богачами. Сейчас я понимаю, что украинская часть моей семьи жила обычной небогатой деревенской жизнью, но тогда по сравнению с ними мы были бедными родственниками. И это притом, что мой отец был военным, а значит, получал зарплату выше средней. Просто мы жили совсем советской жизнью — военная часть, квартира, зарплата, — а они со своими садами, коровами и подсобным хозяйством более успешно решали хотя бы продовольственный вопрос.

И вот сейчас каждый из них должен был выйти из дома, который построил сам, захватив только документы и минимум одежды, взяв за руки детей, сесть в автобус и уехать навсегда в неизвестном направлении. Коровы мычат, собаки лают — всё как в фильмах про войну. Через пару дней по деревням начали ходить солдаты и отстреливать собак. Ведь голодная корова просто умрёт, а одичавшие псы собьются в стаи и будут нападать на редких оставшихся людей.

Операция по ликвидации последствий аварии

происходила в режиме чудовищного бардака, который невозможно было скрыть. Приведу одну из наших любимых семейных историй, чтобы вы могли оценить масштаб царившей тогда глупости и неразберихи.

Людям объявили, что их выселяют. Через несколько часов нужно идти к автобусам, взяв только деньги, документы и вещи первой необходимости. Больше ничего брать нельзя — всё радиоактивно. А на чердаке у моей бабушки сушилась рыба. Всё пропадает — и дом, и хозяйство, и чердак, и рыба. А сушёную рыбу так любит младший сын! В отчаянии бабушка берёт эту рыбу, идёт на почту, упаковывает посылку, пишет наш адрес и отдаёт. К её великому изумлению, на почте, дорабатывающей последние часы, посылку принимают: хорошо, мол, отправим. По улицам ходят люди в защитных костюмах, объявляют в громкоговорители, что все предметы заражены и их ни в коем случае нельзя брать с собой, если только они не жизненно необходимы. В это же время почтовый работник, действующий по инструкции, спокойно берёт посылку и отправляет её из радиоактивной зоны в Подмосковье. Посылка дошла! Отличная была сушёная рыба. Отец собирался съесть её с пивом, но мать устроила скандал, и он согласился принести из части прибор, измеряющий радиацию. Рыба фонила так, будто на неё сбросили атомную бомбу. Мать отнесла её в лес и закопала.

Всего под выселение попало сто шестнадцать тысяч человек. Им нужно было дать новое жильё, работу, выплатить компенсации за оставленное имущество. Даже для богатой развитой страны это непростая задача, СССР же и без того переживал экономический кризис —

чернобыльская катастрофа стала одним из ключевых факторов, прикончивших советский режим.

Представьте себе, что вашу семью куда-то выселяют. Это ужасно, но вроде не смертельно. Правительство, наверное, выплатит компенсацию, какие-то деньги есть на счету в банке. Вещи, машину, да и дом, в конце концов, можно купить новые.

А теперь представьте себе, как это было в СССР с его плановой экономикой. Очередь на покупку машины — устаревшей модели «Фиата», выпускаемой в СССР под брендом ВАЗ, — занимала в буквальном смысле десять-пятнадцать лет. Президент США Рейган любил рассказывать советские анекдоты, и один из них звучал так:

В СССР, чтобы купить автомобиль, надо десять лет простоять в очереди, заплатив за машину авансом. И вот один покупатель приходит, вносит аванс, и служащий ему говорит:

— Всё, приходите за вашей машиной через десять лет.

— Утром или днём?

— Это же через десять лет, какая разница?

— Да просто утром ко мне сантехник придёт.

Так вот, это очень похоже на правду. Автомобиль — величайшее сокровище любой семьи. Самый ценный предмет, которым дозволялось владеть в СССР. И вот приходится его лишиться без особой надежды купить новый.

Социализм не умеет ничего производить. Да, он потрясающе эффективен в области пропаганды и вранья, но тут нужно было построить дома — со всей страны

сгоняли солдат и рабочих, которые строили жильё чудовищного качества.

Нужно было дать людям новые вещи. А их не было. Можно выплатить людям советские рубли. Но как вернуть югославские сапоги, за которыми ты специально ездил в Москву и пять часов отстоял в очереди? Их просто нет. А спортивный костюм производства ГДР с надписью PUMA на спине? Старый утрачен, а новый кто сошьёт — Карл Маркс? Любые хорошие вещи — от одежды и обуви до обоев и унитазов — были страшным дефицитом. Советская плановая экономика была не в состоянии удовлетворить спрос даже на предметы первой необходимости. Триста пятьдесят миллионов граждан СССР каждый день стояли в очереди, чтобы что-нибудь купить, и никто не собирался уступать своё место чернобыльцам.

Всё больше военных отправляли в зону аварии. Их называли «ликвидаторами». Это слово навсегда войдёт в лексикон советского, а потом и российского человека. Историй о происходящем в Чернобыле стало ещё больше — одна ужаснее другой, а я слушал и диву давался, насколько они отличались от новостей из телевизора.

Больше всего меня занимал вопрос: зачем же они врут, если все кругом знают правду? Даже мне, ребёнку, было понятно: выселены десятки тысяч людей, значит, через родственников и знакомых знают об этом сотни тысяч, а скорее всего, миллионы. Что же за обман такой беспомощный? Если уж врать, то с выгодой. Сказал, например, что заболел, и не пошёл в школу — это имеет смысл, а здесь что? Известный русский писатель Василий Шукшин написал об устройстве Советского Союза

замечательную фразу: «Ложь, ложь, ложь… Ложь — во спасение, ложь — во искупление вины, ложь — достижение цели, ложь — карьера, благополучие, ордена, квартира… Ложь! Вся Россия покрылась ложью как коростой». Это очень точная характеристика и совсем не преувеличение.

Если бы чернобыльской катастрофы не случилось, наверное, в детстве я слышал бы меньше разговоров о политике, они имели бы менее личный характер и мои политические взгляды были бы чуть другими. Но произошло то, что произошло, и много лет спустя, уже взрослым, женатым человеком, я сидел перед телевизором, смотрел на только что назначенного исполняющим обязанности президента 47-летнего Владимира Путина и, совсем не разделяя восторга от нового «энергичного лидера», думал: да он же всё врёт, совсем как чиновники в моём детстве.

Наверное, в каком-то смысле я результат встречи города и деревни. Мой отец, Анатолий Навальный, младший ребёнок в семье, всегда хотел уехать из своего украинского села. Сделать это было не так-то легко. До 1965 года колхозникам просто не выдавали паспорта. Это была такая мягкая разновидность крепостного права в Советском Союзе, провозгласившем полное равенство и запретившем эксплуатацию человека человеком. Одним из способов уехать была военная карьера. Отец учился хорошо и легко поступил в Киевское военное училище связи. Закончив его,

он попал в войска противоракетной обороны — ту их часть, которая составляла три защитных кольца вокруг Москвы. Замысел военных стратегов СССР состоял в том, что весь Советский Союз так огромен, что защитить его от вражеских ракет очень сложно, зато можно окружить столицу надёжным тройным щитом. Попав в подмосковную военную часть, отец, тогда — молодой офицер, однажды получил приказ сопровождать группу солдат, перемещавшихся общественным транспортом — электричкой. Зашёл в вагон и увидел её — мою будущую мать Людмилу. Мать жила в Зеленограде, советской «силиконовой долине». Этот район Москвы отвели под размещение предприятий советской электронной промышленности. Жители Зеленограда всячески подчёркивали свой высокий уровень образования и причастность к науке. Даже кинотеатр у них назывался «Электрон». Мать закончила Московский институт управления и работала на одном из таких высокотехнологичных предприятий — в Институте микроприборов. В 1975 году они поженились и начали свою совместную жизнь, переезжая между военными гарнизонами этих трёх колец, защищавших столицу нашей родины от нацеленных на неё ракет агрессивного военного блока НАТО. Спустя год они кочевали уже со мной, а с 1983-го — ещё и с моим братом Олегом.

Военные городки (их я сменил три) были похожи между собой: лес, забор, внутри забора несколько военных частей, жилые дома, школа, магазин, Дом офицеров, выполняющий функции кинотеатра и места праздничных собраний. Важнейшим пунктом инфраструктуры был КПП —

контрольно-пропускной пункт: туда нужно было подавать заявку, чтобы получить разрешение на въезд родственников, собиравшихся тебя навестить. Строгость пропускной системы неизменно компенсировалась типично советским явлением: дырой в заборе, через которую можно было провести тех, кто по каким-то причинам не успел получить пропуск. Проводником через дыру обычно назначали меня, чем я ужасно гордился. Традиция эта осталась неизменной: сейчас мои родители живут в таком же военном городке с весьма строгой пропускной системой. Каждый раз, приезжая к ним, я должен отстоять очередь и получить специальный пропуск. На стене в КПП висит распоряжение, гласящее, что иностранец может попасть на территорию городка только по личному приказу министра обороны. Тем не менее в городе полно иностранных рабочих, мигрантов, занятых на строительстве. Как они туда попадают? Ясное дело, не по приказу министра обороны.

Отец служил офицером связи, а мать работала либо экономистом на гражданском предприятии, либо, если их в окрестностях не наблюдалось, бухгалтером в войсковой части.

Очень важной частью жизни в военном городке были номера. Все направления, места работы и другие необходимые штуки зашифровывались номерами. В детстве не существовало концепции «мой папа работает инженером» или даже «мой папа работает военным». Все работают военными. Чтобы тебя поняли, нужно было сказать: «Мой папа работает в 25576, а мама — бухгалтер в 20517». Номера были связаны с престижем: в 3328 строят

новый дом, а значит, скоро будут квартиры, а в медсанчасти 2713 лучший зубной техник. Скажи свой номер — и я скажу, кто ты.

Детский сад один, школа тоже только одна. Когда у меня у самого родился ребёнок и жена сказала: «Давай подумаем, какую нам выбрать школу», я искренне не мог понять этого вопроса. Как это — какую школу? Конечно, ближайшую. Настолько я привык к тому, что школа только одна и выбирать её нельзя.

Огромным преимуществом жизни в военном городке для ребёнка был относительно лёгкий доступ к стреляющим и взрывающимся штукам. Я их обожал и был просто фанатом взрывов. Сейчас, вспоминая о своих экспериментах, могу только порадоваться, что сохранил оба глаза и все пальцы на руках.

Где-нибудь на свалке рядом с частью можно было найти пачку электродетонаторов и взрывать их, используя провода и обычную батарейку. Патроны можно было выменять у солдат просто на еду или на значок «Гвардия». Вернуться домой после двух лет службы с таким значком на груди почему-то считалось особым шиком. В магазине они продавались редко, поэтому комбинация была такая: просишь отца найти значок «Гвардия», а потом идёшь и обмениваешь его у солдат на патроны.

Последний мой военный городок — Калининец — был вообще раем для пироманов. Познакомившись с местными детьми, я получил довольно странное предложение: «Пошли ловить патроны». «Как — ловить?» — удивился я. — «Очень просто, в реке». Мы пошли на полигон, взяв с собой магнит и длинную верёвку, а там с моста закидывали этот

магнит в реку и вытаскивали уже облепленный патронами. Я был в шоке от счастья и не мог поверить своим глазам. Позже отец мне объяснил: в том военном городке была расквартирована Таманская мотострелковая дивизия. Это не ракетчики, у которых почти нет стрелкового оружия и уж точно нет никаких танков, — этот род войск должен постоянно практиковаться в стрельбе. Офицер, когда ему приказывают отправиться на стрелковый полигон со своими солдатами, сперва получает боеприпасы, затем уже едет на полигон — а тот бывает занят другими подразделениями. Или, например, необходимая подготовка выполнена, а патроны ещё остались. По инструкции боеприпасы нужно везти обратно и сдавать по специальной процедуре, причём посчитают каждую штучку. Заниматься этим, конечно же, никто не хотел. Выкинуть патроны где-то в лесу тоже было нельзя — их могли найти дети или какие-нибудь грибники. Поэтому надёжным способом считалось просто подъехать к речке и высыпать их с моста. Этот способ захоронения боеприпасов был взломан хитроумными детьми. Вероятно, полежавшие в воде патроны были непригодны для боевой стрельбы, но, высушенные, прекрасно подходили для взрывов.

Лёгкий доступ к опасным предметам имел очевидные последствия: в одном из военных городков четверо детей постарше пытались взорвать снаряд, положив его в костёр. Один погиб, один остался без ног, двое получили серьёзные ранения. В городке, где я закончил школу, мой одноклассник потерял девяносто процентов зрения и страшно изуродовал себе лицо, взорвав пиротехнический патрон от бронетранспортёра.

Родители снисходительно относились к моим огненно-взрывным опытам, не понимая их истинного масштаба, до тех пор пока я не позвал отца взорвать на балконе бомбочку. Он, наверное, думал, что имеется в виду что-нибудь из спичек. Ха-ха-ха! У меня была магниево-марганцовочная бомба, для изготовления которой я специально ходил на вертолётную площадку и там долго пилил напильником диск вертолётного колеса, сделанного из магниевого сплава. Бомбу мы взорвали вечером, в темноте. Через несколько минут, когда у нас в глазах перестали плавать цветные круги, отец на меня наорал. Больше я его в свои химические опыты не посвящал, но взрывать, конечно, не перестал, наоборот — был воодушевлён успехом.

В чём заключалась служба отца, я особо не понимал. В основном он занимался двумя вещами: уходил по тревоге и ловил солдат. Тревога означала, что внезапно на весь городок начинала выть сирена и офицеры, которые в этот момент были дома, с недовольным видом шли в части. Сирена, кстати, была полезнейшей вещью. Её работоспособность проверяли каждый день в 21:00, и это было главным сигналом всем детям, что нужно идти домой. День разделялся на «до сирены» и «после сирены». Сказать «я не услышал» было невозможно: она ревела как сумасшедшая.

Ловля солдат начиналась с телефонного звонка. Отец или мать брали трубку, несколько секунд выслушивали отрывистые слова дежурного и говорили: «Снова солдат из части убежал». Отец собирался и шёл его ловить.

Иногда солдаты убегали с оружием, и это уже называлось «ЧП». Я не мог понять или добиться от взрослых ответа на

вопрос: чего они убегают-то? Куда бегут и зачем? Солдаты были везде. Они постоянно использовались как рабочая сила: подметали улицы, водили машины, что-то перетаскивали или куда-то шли строем. Очень часто они подлавливали школьников рядом с магазином и просили их зайти внутрь и что-нибудь купить. Сами они боялись это делать, ведь в магазине их мог заметить патруль, специально следивший, чтобы солдаты не уходили из части в самоволку. То есть солдаты действительно не выглядели особенно счастливыми, но вроде не настолько, чтобы просто бежать куда-то в лес. Взрослые отмахивались и не объясняли феномен бегущих солдат.

А бежали они, конечно, из-за дедовщины. Это мне уже потом стало понятно. Издевательства старослужащих («дедов») над новобранцами («духами») достигли в восьмидесятые годы СССР такого масштаба, что в 1982 году министр обороны даже выпустил секретный приказ «О борьбе с неуставными отношениями», тем самым признав их повсеместное существование. Дедовщина превратилась в постоянно самовоспроизводившуюся систему. Приходишь в армию — тебя бьют, отнимают деньги, заставляют мыть полы и стирать вещи «дедам», призванным всего на полтора года раньше тебя. Перетерпев все эти унижения и дождавшись своей очереди, сам начинаешь бить «молодых», ведь так положено: это необходимая часть тягот армейской службы, превращающих гражданского задохлика в настоящего мужчину. Дедовщина часто негласно поощрялась офицерами. Они воспринимали её как саморегулирующуюся систему обучения и дисциплины.

Пришёл, мол, в армию деревенский дурак, не понимает элементарных команд, выглядит неопрятно и вообще тупит. Ну так старший сержант пару раз пробьёт ему «в душу» (так назывался популярный, довольно болезненный удар в середину грудной клетки. По лицу бить нельзя — останутся видимые следы), и тот сразу возьмётся за ум.

Всё это, конечно, не работало: дисциплины больше не становилось, зато престиж армии дедовщина подорвала основательно. Возвращаясь домой после двухлетней службы, солдаты красочно описывали дедовщину ещё не служившим, давали им разные полезные советы. Всё это очень походило на откровения людей, вернувшихся из тюрьмы. Матери слушали это в ужасе и не хотели отправлять в армию своих детей. Периодически, когда очередной несчастный, не выдержав издевательств, кончал с собой или расстреливал своих обидчиков, в армии начинались кампании по борьбе с дедовщиной, впрочем, никогда не имевшие особого успеха. Явление это системное, и бороться с ним можно только системным образом — в первую очередь переходом на контрактную армию, в которой служат профессиональные военные, получающие зарплату за оборону страны, и нет несчастных лопоухих юношей, которых на два года (так было в СССР, сейчас на один) отняли у их семей и заставили потратить это время на странный микс школы выживания и армейского идиотизма. А микс этот был совершенно легендарен, служил предметом постоянных шуток и обсуждений и был понятен даже мне, маленькому.

Любимая поговорка военных до сих пор — «Кто был в армии, тот в цирке не смеётся». Анекдоты про офицеров,

дающих солдатам приказ «копать отсюда и до обеда», весьма близки к реальности. В частности, знаменитые истории о том, как в армии красят траву в зелёный цвет, чтобы она выглядела покрасивей к приезду проверки, — истинная правда, я видел это своими глазами. Не сказать, чтобы это кого-то особенно шокировало. Наоборот: все добродушно посмеивались, признавая, что это очередная неизбежная армейская дурость. Такая вот просто деталь жизни, в каком-то смысле даже милая. Интересно, что в армии принято немного бравировать этим постоянным идиотизмом — это я начал замечать, когда стал постарше. Всё время отмечалось, что наши солдаты и офицеры настолько привыкли выполнять бессмысленные приказы, что, конечно, в боевых условиях проявят чудеса дисциплины. Все живут так плохо и так привыкли к тяготам, что, вне всяких сомнений, в случае войны победят изнеженных американцев с их комфортными казармами и отдельными квартирами для офицеров.

Я терпеть не могу слово «менталитет» и считаю, что это совершенно выдуманное явление, однако какой-то народный характер явно существует, и эта бравада лишениями, которых легко было бы избежать, — важный элемент русского народного характера. Мы страдаем от ужасной жизни, жалуемся и критикуем власть, но одновременно гордимся своим умением выживать в жутких условиях и считаем его большим конкурентным

преимуществом в гипотетическом, но очень важном для нас противостоянии наций. Мол, японцы, конечно, делают хорошие машины, но попробовал бы японец собрать работающий автомобиль из запчастей от трёх разных и ржавого металлолома, как Василий Петрович из соседнего подъезда! Я и по себе это замечаю. Приезжая куда-нибудь за границу и сравнивая политическую деятельность оппозиционера в России и в Европе, нет-нет да и скажешь что-то вроде: «Попробовали бы вы заниматься политикой, если после каждой встречи с избирателями вас сажали бы на месяц под арест!» Получается, вроде как гордишься тем, что у нас среда обитания настолько суровая, а политика настолько настоящая, что нужно обязательно в тюрьме сидеть.

Не нужно быть большим психологом, чтобы понять корни этого чувства: русские хотят нормальной жизни. Мы тоскуем по ней, отлично осознавая, что все существующие проблемы мы создали себе сами. Но нельзя же самих себя признать дураками — значит, нужно найти повод для гордости там, где его совсем нет.

У нас дома политические разговоры вели достаточно часто и к власти относились критически. То же самое, как мне кажется, было и в других семьях, которые я знал. Это может показаться странным: как же так, ведь все офицеры обязаны были быть членами Коммунистической партии, пропаганда среди военных и контроль над идеологической лояльностью были важнейшей государственной задачей. Но эффект был ровно обратный. Слово «политработник» (офицер, отвечающий за идеологическую работу с подчинёнными) всегда произносилось в ироническом

контексте. Над ними посмеивались, понимая, что единственная должностная обязанность этих людей — врать. Грандиознейшее несоответствие между тем, что говорили политработники, и реальной жизнью было, опять же, очевидно даже ребёнку, когда взрослые дяди приходили в школу, чтобы рассказать о преимуществах советского строя. Служивший на Кубе офицер рассказывал о кознях американцев и о том, как хорошо стало жить на «Острове свободы» после победы революции, а детей интересовало только, правда ли, что там можно купить в магазине кока-колу, и какой счастливый билет должны вытянуть твои родители, чтобы их отправили служить хоть куда-нибудь за границу.

Если капитализм так ужасен, что мы должны рыдать от счастья, потому что нам повезло быть советскими детьми, то почему самое большое моё сокровище — две разноцветные банки от импортного пива, такие красивые и нездешние, что все гости (не только дети, но и взрослые) обязательно берут их в руки и разглядывают? Почему идущие в Доме офицеров редкие иностранные фильмы, повествующие о тяжкой борьбе рабочего класса с угнетателями, так сильно смущают зрителей — ведь в них все угнетённые ходят в джинсах, сидят в барах и ездят на машинах? Характерно, что классический американский фильм «Гроздья гнева», рассказывающий о драме разорившихся американских фермеров и идеологически отвечавший целям советской пропаганды на сто процентов, был закуплен в СССР, но быстро снят с проката и демонстрировался только узкому кругу избранных. Это пришлось сделать потому, что нелегко было объяснить

широким народным массам, каким образом американская семья, погибающая от нищеты во времена Великой депрессии, имеет собственный автомобиль и, судя по всему, чувствует себя лучше, чем обычный советский колхозник.

Неудивительно, что всё это беспрестанно обсуждалось на кухнях, но особым образом. На меня огромное впечатление производила подушка. Все советские люди обожали критиковать власть, но одновременно боялись всемогущего КГБ (в терминологии военных городков — «особистов», то есть сотрудников Особого отдела). Главные опасения вызывала прослушка. Конечно, невозможно представить себе существование достаточного количества КГБшников для прослушки разговоров в каждой квартире через телефонный аппарат. Тем не менее, когда к отцу приезжали друзья и они, выпив на кухне, начинали ругать власть, мать накрывала телефон подушкой. Выглядело это дико, и, когда я спрашивал, зачем она это делает, мать отмахивалась: наболтают всякого, вдруг кто-то услышит. Это удивляло: взрослые обсуждали абсолютно бытовые вещи. «Антиправительственные» разговоры в большинстве случаев сводились к тому, что невозможно купить болгарский кетчуп, а очередь за мясом нужно занимать в пять утра. Я совершенно не понимал, чего они боятся и чего в этих разговорах особенного. Любой школьник бывал в магазине, видел огромные очереди, знал, что самое популярное слово в Советском Союзе — «дефицит»; что тут такого, если люди говорят о том, что видят своими глазами? Но делать этого нельзя. Значит, есть какие-то люди, которые запрещают говорить очевидную правду, мало того: они наняли других людей прослушивать телефон в моей

квартире. От них мы должны защищаться подушкой. Какая ирония: всё это было в духе знаменитого романа Оруэлла «1984», а моё первое воспоминание об этой подушке — второй класс школы. То есть 1984 год.

Несмотря на критику власти и даже на то, что дома у матери, как рассказала она мне позже, был экземпляр книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», который в атмосфере строжайшей секретности дали почитать бабушке на работе, всё это ни в коем случае нельзя было назвать каким-то диссидентским или антисоветским настроем. Когда умер Брежнев, мать плакала. Не то чтобы она его очень любила, но все плакали — и она плакала. Очень хорошо помню тот день, потому что я тогда врубил музыку на всю квартиру.

Я топтался у проигрывателя и выбирал, какую пластинку врубить. Что я её именно «врублю», у меня сомнений не было. Какой смысл слушать музыку, если её не слушает никто другой? Это правило утвердилось во мне как раз где-то в шестилетнем возрасте и существовало как закон лет до двадцати. Что заставляет человека, желающего послушать рок-музыку, обязательно поставить одну колонку на подоконник открытого окна? Не знаю, что-то меня всё время заставляло. Видимо, любовь к соседям.

Тогда, в 1982-м, рок-музыки в нашем семейном наборе пластинок не существовало, зато мы жили на первом этаже, и я заранее радовался, что всем будет хорошо слышно. Отлично помню, что остановился я тогда на Адриано Челентано — итальянская эстрада была и популярна, и дозволена. Аккуратно достаю пластинку, точным движением ставлю иголку прямо на полосочку паузы перед

нужным треком. Родители разрешали возиться с проигрывателем сколько угодно, и я был профи.

Хриплый и такой нездешний голос итальянского бунтаря раздаётся на всю округу. Я очень доволен. Но минуты через полторы (песня ещё не закончилась) в квартиру врывается мама. Она явно была где-то рядом с подъездом и бежала сюда так быстро, как могла, — это ясно по её дыханию. «Ты что, с ума сошёл?!» — кричит она мне. Я в ужасе и не могу даже вымолвить: «Вы же мне разрешили». По маминому лицу видно, что я сделал что-то такое, что прежние разрешения не действуют и, скорее всего, не будут действовать никогда.

— Немедленно выключи!

Не дожидаясь, пока я выйду из ступора, мама сама снимает иголку с пластинки (конечно же, совершенно неправильно, и я слышу неприятное «вжиууу», намекающее, что ужасная царапина может остаться прямо на моём любимом треке под названием «Сапожки и меховая шапочка» — русский перевод всех названий был на конверте).

— Ты с ума сошёл, ты ненормальный?

Я не понимаю, в чём я виноват, но дело явно серьёзное, и я прямо боюсь, — но, как обычно, превращая страх в дерзость, говорю:

— Да я всегда так включаю!

— Ты что, какая музыка?! БРЕЖНЕВ УМЕР! В стране траур, а ты музыку врубил на весь городок, как будто праздник. Отец узнает — получишь. Всё, я ушла, сиди тихо.

У меня есть алиби.

В той истории я точно не замешан.

И хотя много лет спустя в прайм-тайм главного государственного телеканала показали документальный фильм, где рассказали о том, что свою карьеру я начал с участия в операции по развалу СССР (а кровавое убийство, о котором пойдёт речь, имело немалое влияние на кончину сверхдержавы), меня тут к делу не припишешь.

Не менее десятка свидетелей видело, что до происшествия я, одетый в шубу, платок, шапку и тёплые штаны, с трудом вскарабкался по ступеням автобуса. Пошёл, переваливаясь, по проходу — шуба была такая тёплая (а под ней ещё и кофта!), что я был чем-то похож на идущую меховую морскую звезду. Взобрался на сиденье, подвинулся к окну, подышал на замёрзшее стекло, чтобы превратить белый слой инея в тёмный кружок водяных капель, и, размазав эти капли пальцем, стал смотреть в окно через получившуюся дырку.

Мне было пять лет, и я ехал домой из детского сада на военном автобусе, выделенном одной из частей нашего военного городка.

Внутри городка детсада не было, поэтому детей возили в ведомственный, расположенный в нескольких километрах от него, у фабрики керамических изделий — так благозвучно назывался обычный кирпичный завод.

Этот факт, кстати, десять лет спустя спас меня от неминуемого битья. Возвращаясь вечером с курсов по подготовке в институт, я ждал автобуса на остановке, куда подошла группа поддатых парней постарше в поисках развлечений.

— Ты чё, на Керамику тянешь? — задал один из них классический вопрос, на который нет правильного ответа.

Я понял, что быть мне битым, но, к счастью, сообразил сказать: «Да вообще-то я на Керамику в детсад ходил». Спустя тридцать секунд выяснения имени заведующей детсада пьяные парни лезли обниматься с криками: «Керамика — сила!»

Но тогда, в 1980 году, я наверняка с грустью смотрел через свой иллюминатор в инее на детсад. Мне там совершенно не нравилось, тем более зимой. Автобус постоянно ломался или был занят, но зимой подменную машину всё равно находили. Зато как-то раз из-за поломки автобуса папа приехал забирать меня на велосипеде — это, конечно, было интереснее старой колымаги.

Приехав в наш военный городок, записанный навсегда в моём паспорте как «Село Бутынь» по названию расположенной рядом деревни, я так же, при свидетелях, выбрался из автобуса, был встречен мамой и препровождён домой. Там меня вытряхнули из шубы, шапки, валенок и варежек, связанных между собой длинной резинкой, покормили, отправили к ящику с игрушками, потом включили телевизор, где надетые на чьи-то руки поросёнок и зайчик несколько минут болтали с ведущей «тётей Таней», выступая на разогреве у главного номера — десятиминутного мультфильма. Ну и сказали идти в кровать.

Я взял с собой своего одноглазого жёлтого медведя, уложил его на подушку и лёг сам.

О том, что через несколько часов в семидесяти километрах к востоку от меня разыграется кровавая драма,

которая окажет большое влияние на жизнь моей огромной страны, я не знал и знать не мог.

Поезд метро мягко качнулся и остановился на конечной, но мужчина, спавший, слегка наклонившись на бок, не проснулся и не пошёл к выходу. Наоборот, только меховая шапка сползла ещё ниже по лбу, заслоняя глаза своего владельца от бело-жёлтого света вагона.

Немногие пассажиры, торопившиеся домой, не удивлялись и думали про себя: «О, этот уже отмечать начал».

А что ещё можно подумать, если на дворе 26 декабря и весь огромный СССР уже начал «отмечать»? Кто на утренниках в детских садах, кто на «Голубых огоньках» (так по-советски называли новогодние вечеринки), большинство — просто выпивая с коллегами вечером на работе.

Самые же внимательные из пассажиров, проходивших мимо спящего, обращали внимание на важную деталь — палку дефицитной копчёной колбасы, предательски торчавшую из сумки, и рельеф этой сумки: две округлости. Их очертания, длина и диаметр моментально сообщали советскому человеку: это бутылка коньяка и бутылка водки.

Поэтому они додумывали ещё одну мысль: «Как бы ты, дядя, своей сумочки не лишился».

Шёл 1980 год, страна, если верить Леониду Ильичу Брежневу, генеральному секретарю КПСС, вошла в период «развитого социализма» — Брежнев говорил «развито́го», ставя неправильное ударение, тем самым как бы намекая, что что-то сильно не так с этим развитым социализмом. Страна вон только что Олимпиаду принимала, гостей со

всего мира встречала, показывая преимущества советского пути развития, а вот пожалуйста: палка копчёной колбасы была объектом настолько притягательным, что на него обращали внимание, беспокоились о сохранности. Мало того: для советских граждан было вполне нормально, увидев в сумке у незнакомого человека колбасу, подойти и спросить, где брал и почём.

И, кстати, трое милиционеров на платформе бдительности внимательных не умаляли: и ребёнок ведь знает, что милиция обкрадывает пьяных граждан. Пошарили по карманам перед сдачей в вытрезвитель — и наутро трудящийся проснулся без червонца, заныканного в нагрудный кармашек пиджака.

Впрочем, пройдя ещё пять метров, внимательные граждане забывали спящего в метро дядю с его дефицитной колбасой и коньяком.

А зря! Колбасе довелось сыграть огромную роль в судьбе всего СССР. Может быть, кто-то даже скажет, что колбаса поступила с СССР так же ужасно, как соломинка с хребтом верблюда, — то есть переломила его безжалостно.

Возможно, это, конечно, и преувеличение, но факт в том, что очень скоро неосторожного спящего мужчину зверски убьют из-за дефицитного продуктового набора в его сумке. Причём убьют его те самые милиционеры, стоявшие на платформе.

Расследование этого преступления станет хоть и секретным для всей страны, но самым громким и значительным для её элиты делом. А результаты расследования приведут к тектоническим переделам сфер влияния властных группировок.

Всемогущий и прекрасно известный всей стране (шутка ли, двадцать лет во главе министерства!) министр внутренних дел Щёлоков потеряет всё и застрелится.

Знали бы обо всех этих последствиях те трое милиционеров на платформе, они бы вмиг протрезвели — да-да, они были пьяны, хоть и находились на дежурстве. Ну, 26 декабря всё-таки.

Обходя поезд метро перед отправкой в депо, они обнаружили спящего гражданина.

У этого буржуя и водка, и коньяк, и колбаса! А нам, простым ментам, что к празднику выдали? Наряд на дежурство?

Движимые чувством социальной справедливости и желанием продлить праздник, трое молодых милиционеров (самому старшему тридцать один год) растолкали спящего. Судя по всему, он был тоже выпивший, хотя доподлинно это неизвестно. И потащили его в милицейский отдел Ждановский (ныне Выхино). Мужчина вырывался и грозил, он к такому обращению явно не привык. А милиционеры тогда не привыкли, что им дерзят. Поэтому, затолкав мужчину в отдел, они первый раз избили его, отняли сумку и сели есть его колбасу и пить его коньяк.

И напрасно майор КГБ Вячеслав Афанасьев вытаскивал служебное удостоверение и заявлял о своей принадлежности к могущественному ведомству — его били, а потом опять шли пить. А потом опять били.

Но сколько человека ни бей, он никуда не испарится. С ним надо что-то делать. Один из милиционеров решил доложить о ситуации начальнику. Тот — начальник отдела Борис Барышев — ситуацию оценил и приехал на место.

А приехав, предложил гениальное антикризисное решение, вполне в духе что тогдашней милиции, что сегодняшней полиции: майора КГБ убить, вывезти в лес и там выкинуть.

Афанасьева запихнули в служебную «Волгу», отвезли в подмосковный лес, где забили металлической арматурой и бросили.

Утром его без сознания, но ещё живого обнаружили прохожие, однако нанесённые травмы были так ужасны, что, пережив только новогоднюю ночь, майор Афанасьев умер 1 января 1981 года.

План у милиционеров-преступников и вообще был так себе, но он окончательно никуда не годился ввиду одного обстоятельства, которое никак не могло быть им известно, так как находилось под грифом «Совершенно секретно».

Мало того, что владелец колбасы Афанасьев занимал довольно высокую должность в Восьмом управлении КГБ, где работал с системами защиты информации, и его пропажу, несомненно, заметили. Дело было ещё и в том, что его начальник, майор КГБ Виктор Шеймов, тоже пропал незадолго до этого.

Так что, как ни сомнительна была советская правоохранительная машина, здесь она выжала из себя всё, что могла. Была создана совместная группа, куда вошли сотрудники и КГБ, и МВД, а возглавил её следователь по особо важным делам прокуратуры СССР.

Скоро выяснилось, что следы преступления ведут к московским милиционерам.

И вот здесь и был поворотный политический момент. КГБ и МВД — конкурирующие ведомства. Эта конкуренция

осложнялась личным соперничеством между главой КГБ Юрием Андроповым и главой МВД Николаем Щёлоковым.

Ну как соперничеством: у Андропова ведомство секретное, и заслуги его деликатные. Но МВД несравнимо больше, постоянно взаимодействует с населением, решает много задач, а главное, его глава, Щёлоков, не просто политический тяжеловес, а настоящий бегемот. Или слон. Двадцать лет во главе ведомства, и всё это время — под крылом главы СССР Леонида Ильича Брежнева.

Щёлокова знают абсолютно все в стране. Он, как мог, поднял престиж милиции (да-да, это немного противоречит тому факту, что его пьяные сотрудники в московском метро убивают за колбасу, но тем не менее). И важно, что он был, что называется, «человеком широких взглядов». Дружил с семьёй известного музыканта Мстислава Ростроповича и его жены Галины Вишневской. Тех самых, на даче которых жил писатель Александр Солженицын. Очевидно, с их подачи он пытался содействовать изданию книг Солженицына.

Примерно в это время моя бабушка принесла с работы самиздатовскую копию «Архипелага ГУЛАГ» и дала почитать моей маме со словами: «Если эту книгу найдут, нас всех посадят».

Так что очевидно, что подобные связи Щёлокова не могли не вызывать раздражения у Андропова, КГБ и консервативной части руководства компартии. Щёлоков, по их мнению, «либеральничал», а по должности ему полагалось «наводить порядок жёсткой рукой».

Скорее всего, генерал Щёлоков и близко не был никаким либералом. Просто, двадцать лет возглавляя советскую

милицию, он понимал тщетность попыток тотального контроля. Вернее, понимал, что у тотального контроля есть пределы. В КГБ, который работал точечно, отлавливая диссидентов (по милицейским сигналам в первую очередь), не понимали, что их систему опеки, контроля и слежки, применяемую к нескольким сотням людей, невозможно применить к миллионам.

Убийство в метро пришлось как нельзя кстати для части «бульдогов под ковром». Ещё больше в их пользу сыграло то, что МВД, спасая честь мундира, начало противодействовать следствию, вставляя палки в колёса и чуть ли не угрожая главе следственной группы.

По словам этого следователя, Владимира Калиниченко, угрозы были так сильны и так реальны, что не только его, но и всю его семью два года охраняла «Альфа» — элитный спецназ КГБ.

В правдивость этого поверить сложно, но факт в том, что дело действительно превратилось в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Получив ситуативное моральное и политическое превосходство, крича: «Ваши пьяные сотрудники убивают офицеров в метро за колбасу», КГБ при поддержке прокуратуры превратило дело об убийстве на «Ждановской» в грандиозное разбирательство на тему злоупотреблений и нарушений в МВД, нацеливаясь на «кадровые выводы» и перераспределение сфер влияния.

Уже через год отдел милиции, в помещении которого избивали майора Афанасьева, был полностью расформирован. Троица убийц и их начальник были расстреляны, ещё четверо сотрудников получили большие

сроки. О том, какими методами вёлся этот процесс, отлично говорит одна деталь: милиционеры-убийцы дали полные признательные показания. Сознались не только в том, что убили майора КГБ Афанасьева, но и в том, что ранее они также убили и его начальника, пропавшего майора КГБ Виктора Шеймова. Да только вот уже позже выяснится, что Шеймова никто не убивал: он оказался перебежчиком и тайно переметнулся в США.

Так что золотое правило сталинских процессов («Чистосердечное признание — царица доказательств») работало и спустя тридцать лет. А уж какими методами выбивали это признание, неважно.

Приговор стал причиной чистки в МВД и большой кадровой перестановки. Но сам Щёлоков пока устоял. Однако от смерти Брежнева он пострадал куда больше, чем я.

И так попавший в немилость после убийства на «Ждановской», он лишился поддержки на самом высшем уровне, хранившей его двадцать лет. С ним расправились быстро, решительно и безжалостно даже по немилосердным кремлёвским стандартам: Щёлоков был уволен, попал под следствие, из его дома изъяли большое количество ценностей, его лишили всех наград. Начали преследовать его родственников. 13 декабря 1984 года всесильный министр внутренних дел застрелился. О его смерти советские граждане узнали только из небольших заметок-некрологов, вышедших в газетах — даже не на первых полосах. О самом же убийстве, огромном процессе вокруг него, приговорах и вскрытых злоупотреблениях в МВД советские люди в массе своей узнают лишь

в девяностые годы.

Но сами милиционеры, конечно, знали об этом в общих чертах, как и все люди, носившие погоны. До них это было доведено в следующей форме: сотрудники КГБ теперь, мол, вообще неприкосновенны. Связываться с ними не надо.

На этот счёт в кругу сослуживцев отца существовала смешная история из жизни, которую я слышал много раз: её часто с удовольствием пересказывали офицеры, да и сам отец на застольях. В их части служил «особист», то есть сотрудник Особого отдела, КГБшник, прикреплённый к воинскому подразделению для того, чтобы следить за всем по своей линии — от секретности до благонадёжности.

Особист этот был человек пьющий. Сильно пьющий даже. И вот в один из праздничных дней он вышел на улицу после банкета в состоянии настолько приподнятом, что для удержания равновесия ему пришлось двумя руками крепко обхватить одну из огромных колонн, украшавших Дом офицеров, где проходил банкет. Так бы он и стоял дальше, борясь с этой бессердечной стервой — гравитацией, но мимо проезжал наряд милиции. А милиция тогда должна была пьяных граждан с улиц забирать, отвозить в отдел или в вытрезвитель. На вопросы милиционеров особист отвечать был не в состоянии — молча держался за колонну. Его, конечно, от колонны отцепили, посадили в машину и увезли в отдел. А там пошарили в карманах в поисках документов и обнаружили корочку с тремя буквами: «КГБ». После чего милиционеры не захотели ничего выяснять и ни в чём разбираться. Они моментально снова посадили его в машину, привезли обратно к Дому офицеров и, раскрыв руки особиста, обняли ими ту же самую колонну.

И стремительно ретировались.

Этот правдивый анекдот отлично иллюстрирует общий итог кампании, поводом к которой стало убийство на «Ждановской»: полную победу КГБ над всеми другими людьми в погонах. Все другие организации и ведомства и раньше-то выполняли их приказания, понимая, что управы на КГБ нет. Важнее всего было именно получение политического лидерства. При всей своей мрачной, кровавой известности и огромной роли в истории страны её репрессивная машина (ВЧК — НКВД — ОГПУ — КГБ) не имела политической субъектности. В этом большое отличие СССР и России от многих других диктатур: у нас военные и спецслужбы никогда не были у власти. Они с той или иной степенью энтузиазма выполняли указания власти политической, но сущностных вопросов не решали.

В этом и был ползучий переворот, ставший, по моему мнению, одной из причин краха СССР. С конца семидесятых и до смерти главы КГБ, а потом генсека КПСС Андропова КГБ принимал всё больше и больше политических решений о том, как должна жить страна.

А как он мог принимать решения? Только в рамках своей примитивной логики: «В стране бардак, надо наводить порядок». Как? Очевидно — посадками и ужесточениями правил. Следить за всеми, чтоб работали лучше, чтобы Родину любили как надо. А тех, кто правил не выполняет, привлекать к ответственности.

То, что в стране бардак и надо наводить порядок, было ясно всем. Да только никто не мог признать, что тот бардак — прямое следствие политического строя страны. Поэтому наведение порядка не могло не выродиться

в обычные ритуалы строгости и наказаний.

В принципе, такие ритуалы очень популярны. Я сам, выступая на митингах, говорю, что в стране бардак, коррупция, надо наводить порядок и сажать в тюрьмы жуликов. Такие заявления неизменно вызывают аплодисменты и поддержку.

А мои оппоненты в таких случаях всегда говорят: «Навальному только бы сажать. Ему дай волю — он всех посадит, и нет у него другой программы, кроме как сажать».

Это, конечно, не так. И именно андроповские времена и поздний СССР — один из примеров, показывающих, что такое наведение порядка не работает.

Но тогда, в 1981–1982 годах, это имело опредёленную поддержку в элите, а кто не поддерживал, тот, после истории с Щёлоковым, помалкивал.

Многие до сих пор вспоминают Андропова с ностальгией, и вокруг него строится мощный миф о некоем мудром руководителе КГБ, который, обладая уникальными секретными знаниями, наводил порядок в стране. Отсюда и существенные посмертные почести, и в некоторой степени культ его личности в спецслужбах. В общем-то, все те, кто пришёл к власти в России в период 2000–2022 годов, как раз «андроповцы». Для них ностальгия по СССР — это приятные воспоминания о могучей организации, частью которой они были. Они решали всё и знали всё. Пасли народы — этих бестолковых советских овец, которые до работы не могли дойти, их надо было загонять.

Самое известное из андроповских нововведений — массовые проверки по будним дням в кинотеатрах,

магазинах и просто общественных местах. Днём гражданам положено работать! А они в магазинах. Значит, надо поймать их, записать и отправить письмо на работу, чтобы сделали выговор.

Пошла новая волна арестов диссидентов, инакомыслящих, распространителей самиздата и так далее. Активизация различных хозяйственных дел — борьбы с валютчиками, фарцовщиками, цеховиками и прочими элементами теневой экономики СССР. В общем, вся та совершенно тупая, бессмысленная деятельность, которой занимались довольно тупые, необразованные, но обладающие огромными полномочиями люди: надо кого-то сажать — давайте сажать. Разгонять. Переписывать. Наказывать. Это во многом стало сутью системы и её самоцелью.

Но в 1982 году невозможно было действовать как в 1938-м или даже 1970-м. Никто уже не верил ни в развитой социализм, ни в идеи партии, ни в то, что «нынешнее поколение советских граждан будет жить при коммунизме», как заявлялось с трибун.

Единственной антисоветчиной, которую я слышал в семье, был пересказанный со смехом диалог моего старшего двоюродного брата из Украины и моей бабушки. Когда Саша (так зовут брата) приехал на экскурсию в Москву, его, конечно, повели в Мавзолей. Вернувшись домой в Украину в восторженных чувствах, он бросился к бабушке с криком:

«Я видел Ленина!» На что она ему хмуро ответила: «Так что ж ты ему в морду не плюнул?» Украинская часть семьи хохотала, а я был в полном шоке. Ленин, несмотря на общее критическое отношение к советской пропаганде и понимание, что она врёт, был совершенной святыней. Детская клятва «Лениным клянусь» в иерархии стояла даже выше, чем «клянусь сердцем матери». В учебнике можно было пририсовать усы кому угодно (особой популярностью пользовались гитлеровские усики), но только не Ленину. Мне потребовалось какое-то время, чтобы набраться смелости и выяснить, почему же моя любимая бабушка так не любит «самого лучшего из людей». Оказалось, что всё дело в истории бабушкиной семьи. Она была одиннадцатым, самым младшим ребёнком и единственной девочкой. Хозяйство, в котором одиннадцать мужчин работали с утра до вечера, было весьма зажиточным. Их дом — первый в деревне, крышу которого покрыли железом. Они даже построили мельницу — признак неслыханного богатства. А потом пришли колхозы и всё отняли. И хотя семье моей бабушки, в отличие от тысяч других кулацких семей, удалось избежать высылки в Сибирь, их выгнали из дома и переселили в их собственный сарай. Кровельное железо — предмет зависти всей деревни — сорвали, отвезли в город, там продали, а деньги, согласно семейной легенде, «пропили в сельсовете». В пропитые деньги я тогда не поверил (сейчас в этом не сомневаюсь), но чувства бабушкины понял и Ленина с ней больше не обсуждал, сосредоточив свои идеологические усилия на попытках доказать ей, что Бога нет.

Значимой идеологической диверсией, повлиявшей на

меня и превратившей в маленького диссидента, была музыка. Кассетного магнитофона у нас не было, но те, у кого он был, имели доступ к музыке совершенно потрясающей — року! Официально она осуждалась: считалось, что она аморальна и оболванивает молодёжь, но я, открыв рот, смотрел телепередачи, критиковавшие западную музыку, потому что в них были вкраплены кусочки критикуемого. Они выглядели очень круто — куда круче, чем лауреаты премии «Песня года». Однажды, когда Коммунистической партии, видимо, понадобилось дать особо жёсткую отповедь молодёжи, тянущейся к западной музыке, по телевизору вышла специальная пропагандистская передача. Называлась она как-то вроде «В жестоком мире шоу-бизнеса». Одним из главных отрицательных примеров, призванных оттолкнуть советских телезрителей от тлетворного влияния Запада, была группа Kiss. Их характеризовали как милитаристов и разжигателей войны. Ss в конце названия — это, конечно же, указание на карательные войска нацистской Германии: «Обратите внимание, уважаемые телезрители, что и стиль изображения ровно такой же, как на фашистских шевронах». Несколько секунд на экране мелькали лица музыкантов в их легендарном боевом раскрасе. Знаменитый высунутый изгибающийся язык Джина Симмонса — какие это были прекрасные несколько секунд! Как я надеялся, что передачу потом повторят для усиления пропагандистского эффекта (так часто делали на советском телевидении)! К сожалению, пропагандисты, видимо, поняли свою ошибку и повтора не было, но я, конечно же, всё равно украсил надписью KISS большое количество

заборов.

Класса до шестого я вообще не видел человека, побывавшего за границей, за одним исключением. Подруга моей мамы, тётя Лена, работала в Зеленограде на заводе, производившем электронику, и однажды «по профсоюзной линии» поехала в Югославию. Понятно, что человек, съездивший за границу (путешествие, абсолютно недоступное 99,9% советских граждан), должен привезти всем импортные подарки. Также понятно, что на всех подарков не напасёшься, но хоть какие-то мелочи всё-таки нужны. Мне достался бумажный пакетик сахара из самолёта с английской надписью Aeroflot. Технически он даже не был подарком из-за границы, но выглядел настолько шикарно и загранично, что моментально занял центральное место в моей коллекции детских сокровищ.

А потом мы переехали в тот самый военный городок, где была расквартирована Таманская дивизия, и это окончательно подорвало мою веру в советский строй. Всё дело в том, что там было полно детей, чьи отцы служили в ЗГВ — Западной группе советских войск, то есть в Германии, Польше, Венгрии. И уже не взрослые, а мои одноклассники рассказывали об огромных преимуществах заграничной жизни. Да не просто рассказывали, а подтверждали самым убийственным доказательством: жевательной резинкой, их главным детским сокровищем. Я со своими двумя пустыми пивными банками выглядел просто смешно. Кроме жевательной резинки, у них была одежда отличного качества, обязательно присутствовал стакан, в который можно было налить горячей воды и тем самым лишить одежды нарисованную на нём женщину,

такая же шариковая ручка — переворачиваешь её, и нарисованная скромница ко всеобщему восторгу превращается в голую развратницу.

Ещё круче были те, чьи отцы вернулись из Афганистана, где служили старшими офицерами. У тех дома было невиданное богатство — двухкассетные магнитофоны Sharp, а у самых крутых — даже телевизоры Sony с плоским экраном. Голые женщины там тоже были классом выше, чем поступавшие из ГДР. Это почему-то всегда были календари с японками. Их вешали в туалете, и они служили верным признаком, что хозяин дома или его друзья недавно были за границей. Такая одержимость советских граждан сувенирами на тему секса и эротики объяснялась довольно просто: «в СССР секса не было» — вот каждый и хотел привезти его кусочек из-за границы.

Но жвачки, конечно, были круче всего. У некоторых были даже импортные, то есть не просто разноцветные сладкие шарики, произведённые в странах советского блока, а изготовленные в ФРГ или даже Америке. В них были вкладыши — эти картинки с эпизодами из жизни Дональда Дака стали мечтой каждого советского ребёнка. Жвачки, привезённые из Афганистана, были в буквальном смысле космически круты: вкладыши в них были даже не с Дональдом Даком, а со «Звёздными войнами», и тут уж просто хотелось рыдать от зависти.

Сам не понимаю, почему именно жевательная резинка стала главным символом превосходства заграницы над Советским Союзом. В СССР тоже производили жвачку — её начали выпускать перед московской Олимпиадой 1980 года, и она была умеренным дефицитом. В принципе, её можно

было купить в магазинах. Но это были скучные апельсиновые или мятные пластинки, быстро становившиеся безвкусными. А импортная была именно жевательной резинкой — жевалась долго, сохраняла вкус, из неё можно было надувать пузыри. Было совершенно понятно: вот трое стоят и жуют жвачку, но только один из них надул и звонко лопнул пузырь — значит, он крутой. Советские фарцовщики выпрашивали у приезжающих иностранцев в первую очередь именно жвачку, а потом, много позже, уже в конце перестройки, типичной жалобой людей, ностальгировавших по СССР, было: «Эх, такую страну поменяли на джинсы и жвачку».

Ностальгия по СССР — важная часть российской действительности и политический фактор, который не надо недооценивать. Задолго до Дональда Трампа, провозгласившего: «Make America great again!»[4], Владимир Путин сделал неофициальным слоганом своего правления «Нас будут уважать и бояться, как СССР». Эта риторика была понятна с первых его шагов у власти. Я считал её смехотворной и был уверен, что это не сработает, но оказался неправ. Это банальная мысль, но человеческая память действительно устроена так, что сохраняет только хорошее, и люди, ностальгирующие по СССР, на самом деле ностальгируют по своей молодости — времени, когда всё впереди и ты играешь на пляже в волейбол в компании друзей, а вечером вы пьёте вино, жарите шашлыки, и вас не беспокоят ни преступность, ни безработица, ни смутные перспективы будущего. Даже фирменные советские глупости вроде езды «на картошку» (принудительных сельхозработ, на которые в позднем СССР отправляли

школьников, студентов и служащих городских предприятий) вспоминаешь как весёлое времяпрепровождение с вечерними посиделками вокруг костра. Хотя в те времена поездки «на картошку» и необходимость копаться в промёрзшей земле, «помогая колхозникам спасать урожай», вызывали у всех раздражение и демонстрировали полный провал советской системы сельского хозяйства. Но кто же будет вспоминать неудобные резиновые сапоги, грязь под ногтями и ощущение полной бессмысленности собственного труда, когда в глазах до сих пор стоит однокурсница, ослепительно улыбающаяся с соседней грядки!

Школы, где я учился, возили убирать картошку, морковку и свёклу. Морковка, конечно, лучше всего: её можно было построгать ножиком и съесть прямо на грядке, а картошкой можно было только кидаться, что мы делали постоянно, и это очень приятные воспоминания. Даже мне тогда, в детстве, казалось, что страна моя — самая сильная и мощная, и, несмотря на недостаток жвачек и джинсов, каждому было очевидно, что в случае войны мы всех победим. А спортсмены наши уже сейчас всех побеждают на каждой Олимпиаде. Кроме того, я жил в полной семье с любящими родителями, и все вокруг в основном были такими же. Это, видимо, было искажением восприятия из-за жизни в военном городке: разводы в военных семьях не поощрялись и были скорее редкостью. Позже, пойдя учиться в гражданский университет, я постоянно удивлялся, как много людей вокруг выросло в неполных семьях.

В детстве и молодости всё хорошо — этот закон жизни

часто используют политики, чтобы подменить образ будущего фальшивой картиной прошлого. И здесь каждому важно быть человеком, а не золотой рыбкой, память которой, как известно, сохраняется три секунды. Кидаться с друзьями картошкой на грядках — это, конечно, весело, но всё-таки главное моё детское воспоминание об СССР — очередь за молоком. В 1983 году родился мой брат. В доме, где есть маленький ребёнок, всегда должно быть молоко, и в течение нескольких лет покупать его было моей обязанностью. Каждый день после школы я шёл в магазин и стоял за этим чёртовым молоком не меньше сорока минут. А часто бывало так, что его не завезли, и вот ты стоишь и ждёшь машину в компании десятков угрюмых взрослых. А иногда придёшь чуть позже — и молоко уже разобрали, и тогда родители вечером будут недовольны. Поэтому в СССР я не хочу. Государство, не способное произвести достаточное количество молока, любви у меня не вызывает.

Лично мне очень сильно помогла перенятая от родителей способность разделять страну и государство. В семье очень любили страну и настроены были, я бы сказал, весьма патриотично. Но государство терпеть не могли и относились к нему как к какой-то досадной ошибке. Да, конечно, это наша собственная ошибка — но всё же ошибка. Никаких разговоров об эмиграции у нас никогда не было, и мне даже сложно представить контекст, в котором зашёл бы такой разговор: как же можно куда-то уехать, когда тут твоя страна, твой язык, а твои сограждане — самый прекрасный народ? Хороший народ с плохим государством.

Одна из лучших книг о позднем СССР, написанная

профессором университета Беркли Алексеем Юрчаком, называется «Это было навсегда, пока не кончилось». Совершенно гениальное название: оно полностью отражает всё, что произошло тогда со страной, народом и лично со мной. Я жил в Советском Союзе, который был вечен и с которым ничего не могло произойти. Коммунистическую партию Советского Союза поддерживает 99% населения. Ленин — святой. Революция священна. А потом всё это кончилось. Безо всякой трагедии, разверзшихся небес и судьбоносных событий. Очень хорошо это описано в финальной сцене отличного немецкого фильма «Жизнь других». Он рассказывает о жизни в Восточной Германии. Всемогущая разведка Штази, аналог КГБ, следит за всеми, подслушивает, прокрадывается в дома, и вот в конце один герой фильма объясняет другому, очень недовольному положением вещей: «Это навсегда». После чего камера сдвигается и показывает газету, лежащую на сиденье автомобиля. На первой полосе — Михаил Горбачёв.

Глава 4

Горбачёва в стране не любили. У нас в семье — тоже. Обычно, когда говоришь это иностранцам, все страшно удивляются, потому что в их представлении Михаил Горбачёв — волшебный человек, который дал свободу Восточной Европе и благодаря которому воссоединилась Германия. Так оно и есть, и масштаб личности Горбачёва будет по заслугам оценён историей, но в России и СССР никому он особо не нравился. Вернее, так: огромная симпатия к новому руководителю, который так выгодно отличался от маразматиков Брежнева, Андропова и Черненко (период с 1982-го по 1985-й, когда советские вожди умирали один за другим, в народе прозвали «гонками на лафетах»), сменилась грандиозным разочарованием, переходящим в раздражение. Всему виной была нерешительность Горбачёва, который, провозгласив перемены, пытался их избежать. Но это было потом, а сначала, спустя два месяца после своего прихода к власти, он допустил просто фатальную ошибку: начал антиалкогольную кампанию. Опять же, будем честны: с исторической точки зрения антиалкогольная кампания была совершенно правильна, уместна и очень успешна.

С семидесятых годов в СССР происходила длящаяся алкогольная катастрофа. По оценке некоторых исследователей, чуть ли не каждая третья смерть прямо или косвенно происходила из-за алкоголя. Запойное пьянство стало если не культурной нормой, то абсолютно обыденным явлением. Выражения вроде «он зашился», «он закодировался», «он развязал», «он допился до „белочки“» были частью повседневной жизни и никого не шокировали. Почти в любой семье были алкоголики. От этой болезни погибали кумиры поколений, такие как певец и актёр Владимир Высоцкий. Одна из главных русских книг второй половины XX века (и одна из моих любимых — я её перечитывал раз триста), «Москва — Петушки», — это просто ода алкоголизму. Поэтому, конечно, Горбачёв должен был что-то с этим делать. Если мы взглянем на графики рождаемости и смертности за последние сорок лет, то в начале девяностых увидим знаменитый страшный «русский крест»: кривая смертности идёт вверх и перекрывает кривую рождаемости.

Горбачёвская антиалкогольная кампания не смогла обернуть этот крест, но сильно сгладила ситуацию — это факт. Мужская смертность снизилась на 12%, а женская — на 7%, включая как смерть от естественных причин, так и ДТП, производственные травмы, убийства. Однако методы, которыми велась эта кампания, были ужасны и в буквальном смысле взбесили десятки миллионов. Пропаганда работала в лучших советских традициях, вырезая сцены употребления алкоголя из любимых всеми фильмов. От людей требовали устраивать безалкогольные свадьбы, запрещали банкеты в связи с торжественными

мероприятиями, дни рождения. Это был триумф лицемерия: по всей стране руководители грозили подчинённым увольнением за алкогольные вечеринки, но сами выпивали в компаниях и смеялись над собственными распоряжениями. Отлично помню, как в те времена мои родители и их друзья, собираясь отмечать Новый год в военной части, со смехом рассказывали друг другу, что несут с собой водку и вино, перелитые в чайники. Об этом знали абсолютно все, но нужно было выполнить формальное требование — никакого алкоголя на столах. Так что все сидели и пили «чай».

В винодельческих регионах массово и совершенно варварски вырубалась виноградная лоза. Цены на алкоголь были существенно повышены, магазины резко перешли на продажу спиртного с 14 часов. По замыслу организаторов кампании, всё это должно было привести к тому, что алкоголь станет физически недоступен и люди будут вынуждены меньше пить. На практике главными пострадавшими оказались умеренно пьющие: спиртное стало дефицитом, и люди испытывали настоящие трудности, пытаясь купить бутылку шампанского ко дню рождения. Зато расцветшее самогоноварение удовлетворило спрос непритязательных клиентов. Поразительно, но в этом случае невидимая рука рынка сработала даже в социалистическом Советском Союзе: те, кто хотел бухать, продолжили бухать, просто теперь они пили всякую дрянь. В той же поэме «Москва — Петушки», написанной, впрочем, раньше, есть совершенно гениальная фраза: «Почему-то в России никто не знает, отчего умер Пушкин, а как очищается политура — это всякий знает».

И действительно, рецепты превращения любой жидкости в пригодный для питья алкоголь (ну как пригодный — просто чтобы не умереть) были известны абсолютно всем. В рамках борьбы с самогоноварением перестали продавать дрожжи — но ведь дрожжи нужны для готовки, и особенно важны они были в стране, где купить еду было нелегко и от домашней готовки зависело многое. В одночасье Горбачёва невзлюбили миллионы домохозяек, которые в теории должны были стать его главными сторонницами, ведь он делал всё, чтобы их мужья не пили.

В итоге властям удалось добиться снижения потребления алкоголя. По официальным данным, его подушевое потребление упало в два с половиной раза (в реальности, конечно, меньше — за счёт самогона). Однако ценой этого относительного успеха стала полная утрата Горбачёвым поддержки и уважения. Он превратился в героя злых анекдотов и никогда уже не был популярен внутри страны. Мало того, сама советская система, которая всегда всячески демонстрировала, что ей принципиально плевать на настроения населения, содрогнулась от такого роста недовольства. Спустя всего два года, в 1987-м, антиалкогольная кампания была свёрнута. Тогда никто не проводил социологических исследований и не измерял рейтинги популярности власти, но я уверен, что, как ни парадоксально, антиалкогольная кампания, полезная с точки зрения общей картины, была одной из причин краха СССР. Просто потому, что полностью десакрализовала власть, которую стало принято высмеивать и унижать уже совсем не только в диссидентских кругах, а и среди самых широких народных масс.

Но всё же главной проблемой Горбачёва, которая в конечном счёте стала проблемой всего СССР, была нерешительность и половинчатость его поступков. Он хотел быть реформатором, но страшно боялся реальных реформ. Он приоткрыл людям дверь к свободе, а потом попытался подпереть её ногой и даже плечом, когда люди в неё рванулись, ведь им нужен был проход, а не щёлочка, в которую можно только заглянуть.

В Европе многие благодаря Горбачёву получили настоящую свободу. Я пишу эту главу в Германии, где восстанавливаюсь после отравления, и здесь это особенно понятно. Вот недавно, в ноябре, праздновали тридцать первую годовщину падения Берлинской стены. Горбачёв сыграл огромную роль в этом историческом событии. Берлин наполнен памятниками, связанными с ним: «Чекпойнт Чарли», Музей стены, место, где в 1989 году был застрелен один из последних перебежчиков. Когда стена упала, люди получили если не моментальную свободу, то ясную, короткую дорогу к ней. Они славят Горбачёва и совершенно правы.

А что получили русские и другие народы СССР? Была провозглашена перестройка, имевшая совершенно декларативный характер. Набор пустых лозунгов в традиционном стиле советских кампаний «догоним и перегоним» гласил: ПЕРЕСТРОЙКА, УСКОРЕНИЕ, ГЛАСНОСТЬ, ГОСПРИЁМКА. Над этими лозунгами смеялись. Предполагалось, что в связи с новыми подходами (перестройкой) в условиях разрёшенной критики (гласности) люди и предприятия начнут работать быстрее и эффективнее (произойдёт ускорение), а качество их

работы будут оценивать специальные беспристрастные комиссии (госприёмка). Приведу характерный анекдот тех времён:

Человек, покупающий пирожки, удивлён их внешним видом и спрашивает продавца:

— Извините, а почему у вас пирожки квадратные?

— Перестройка.

— Так, а почему же они сырые?

— Ускорение.

— А надкусанные почему?!

— Госприёмка.

Трагедией Горбачёва, а потом и ельцинских реформаторов первой волны стало то, что они были вынуждены проводить реформы из-за полного развала экономики, но сами же были обвинены в организации этого развала. Плановая экономика трещала по швам. Товаров не хватало. Вводились талоны — специальные бумажки, дававшие право купить в магазине дефицит. Отлично помню такие талоны, которые родители оставляли мне дома на столе вместе с деньгами для похода в магазин: на мыло, на сахар, на чай, на яйца, на крупу и растительное масло.

Исправить ситуацию можно было только экономическими и политическими реформами, но в глазах населения причинно-следственная связь была совсем иной. Не КПСС, Госплан и КГБ довели страну до того, что её пришлось спасать перестройкой, а наоборот, реформы разрушили стабильную жизнь, привели к росту дефицита, талонам и бедности. Слово «реформаторы» стало ругательным и остаётся таким до сих пор: «Знаем мы ваши

реформы, помним талоны и как все нищими стали!» Впоследствии то же самое произойдёт со словами «демократия», «рыночная экономика» и «капитализм».

Впрочем, Горбачёв сделал всё, чтобы оказаться в такой ситуации. Тогда молодой экономист Григорий Явлинский и группа его коллег предложили план «500 дней» — программу политических и экономических реформ, весьма наивную на сегодняшний взгляд, но всё-таки настоящую. В те времена, когда экономистами называли людей, воспитанных на «основах марксизма-ленинизма», никто не смог бы предложить лучше. Горбачёв сначала согласился принять план, который был напечатан во всех газетах и стал широко известен, но потом испугался и начал в своём любимом стиле предлагать «никакой вариант»: ни реформ, ни отсутствия реформ. Это был нежизнеспособный голем, слепленный из иллюзий об экономической системе, в которой социализм и плановые методы управления государством могут уживаться с частным бизнесом и предпринимательской инициативой. Рано поутру добросовестные колхозники идут честно работать на государство и приветливо здороваются с частным фермером, работающим на себя. Плохой госплан заменим хорошим госпланом, придадим социализму человеческое лицо.

Чем старше я становился, тем меньше мог выносить Горбачёва. Но сейчас, в сорок четыре года, я отношусь к нему хорошо — хотя бы потому, что он оказался абсолютно не коррумпированным человеком. Этого отнять нельзя, и это совершенно уникальное явление. Каждый, имевший власть во время транзита от социализма к капитализму,

хотел урвать побольше, и почти все успешно это сделали. Коммунистические руководители среднеазиатских республик СССР вообще стали частными собственниками целых стран, стремительно превратив их в тоталитарные государства. Министры прихватывали себе целые отрасли, которыми управляли. Директора предприятий хитроумными способами превращались в их владельцев. Шустрые комсомольцы, ещё вчера звонкими голосами клявшиеся отдать жизни за дело партии, использовали власть и связи для организации олигархического бизнеса.

А Горбачёв ушёл ни с чем. У него были совершенно колоссальные возможности для обогащения. Никто бы и внимания не обратил на пару огромных заводов, переведённых на офшоры в рамках создания «совместных предприятий». Он легко мог забрать себе советскую заграничную собственность. В конце концов, тупо распилить деньги партии, перекинув их на свои личные счета.

Ничего этого он не сделал. Можно сколько угодно рассуждать о том, что у него просто не было шанса, но факт остаётся фактом: он даже не пытался, потому что, с моей точки зрения, был человеком другого формата. Не алчным.

Да, Горбачёв доставал нас всех, бесконечно носясь со своими «разрядкой» и «разоружением», это была его личная глобальная пиар-кампания. Но он действительно снизил вероятность мировой ядерной войны почти до нуля, установив, как мне кажется, новый политический стандарт отношения к проблеме. В постгорбачёвском мире стало невозможно говорить о ядерном оружии вне контекста «сокращения», а разговоры об ограниченном применении —

табу.

Он действительно выпустил политзаключённых. Долго юлил, но выпустил. А ведь это были его политзаключённые, которых посадил его КГБ, защищая его Коммунистическую партию. Их выпускал не человек вроде Вацлава Гавела — диссидента, гуманиста и драматурга, а тот, кто, согласно стенограмме политбюро, обсуждая возможность выезда академика Сахарова за границу и услышав, что этого добивается его жена Елена Боннэр, отпускал ремарки вроде: «Вот, товарищи, что значит мировой сионизм». Плоть от плоти системы. Тем не менее политзаключённых при нём не стало.

Даже на его фирменную нерешительность я смотрю сегодня немного иначе. Если бы он был решительный, куда бы он нас привёл уже тогда? Вполне вероятно, туда, куда привёл Китай реформатор Дэн Сяопин: на площадь Тяньаньмэнь, где были раздавлены танками и расстреляны тысячи людей.

Война в Афганистане — ещё одна большая часть моих детских воспоминаний. Хотя пропорционально в моей памяти она занимает место, несопоставимое с её ролью в судьбе страны. Наряду с Чернобылем и экономическим кризисом, ввод советских войск в Афганистан в 1979 году и последующая бессмысленная война длиной в десять лет, безусловно, стали могильщиками СССР. Для меня война проявлялась в первую очередь в виде звёздочек на

подъездах. Звёздочки были парадного красного цвета, но никто, конечно, на свой подъезд такую не хотел. Рядом с ней всегда была надпись: «В этом подъезде жил такой-то, геройски погибший при выполнении интернационального долга в демократической республике Афганистан». Однажды у учительницы из нашей школы в Афганистане погиб сын. Слух об этом распространился моментально, и поначалу мы все, как положено, притихли соответственно моменту. Но дети есть дети: понятное дело, после первого урока мы уже орали на перемене и чем-то кидались. Тогда к нам вышла самая спокойная учительница. Никогда до этого не слышал, чтобы она повышала голос, но тут она на нас наорала, назвав «бессовестными».

Тем не менее мне казалось, что война где-то далеко и не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к нашей семье. Не помню, чтобы её даже особенно обсуждали. Во-первых, видимо, потому что мне до призыва было далеко, а во-вторых, находясь внутри армии, имеешь какую-то иллюзию контроля.

Все матери и отцы детей призывного возраста в те годы тряслись от страха, что ребёнка призовут служить в Афганистан. В этой страшной лотерее участвовала вся страна. Ужас этот нарастал по мере того, как поступало всё больше «двухсотых» — так на военном жаргоне называли запаянные цинковые гробы, в которых возвращались тела погибших, «груз 200». В то время призывали в армию моего двоюродного брата, и я помню, как все родственники ужасно переживали, тем более что он, как и положено патриотично настроенному, но неблагоразумному молодому человеку, сам сказал в военкомате, что хочет

попасть в Афганистан. Обошлось.

Но если ты из военного городка, то твой отец военный, и все его друзья военные, и все кругом военные. Поэтому, когда тебя призовут в армию, ты поедешь служить в то место, о котором они договорятся, а в Афганистане окажешься, только если сам уж очень захочешь. Ну а если служить в Афганистан отправили твоего отца — в этом нет ничего супернеожиданного, он ведь военный. С точки зрения ребёнка, это даже классно: папа вернётся с двухкассетным магнитофоном. Ясное дело, что жена военного думала не о магнитофоне, а о вероятном цинковом гробе.

Зато война эта зажила активной жизнью в народном творчестве. Песни про Афган звучали повсюду. Официальные (они звучали и по телевизору) воспевали воинский долг и подвиг; полузапрещённые (или, вернее сказать, неодобряемые), но всегда более любимые были посвящены смертям, не вернувшимся друзьям и тяготам службы. Бардовская песня в СССР была очень популярна: она была единственной отдушиной в государстве, где каждое художественное произведение должно было проходить худсовет. На пике советско-афганской войны значительная часть репертуара людей, бренчавших на гитаре на кухне или у костра, была связана с Афганом. Таким образом, в воздухе витал вопрос, который нельзя было задать вслух, но и невозможно не произнести мысленно: а зачем вообще там погибают наши ребята?

Газетные передовицы о священном интернациональном долге не работали. Никто не понимал, что у нас за долг такой перед людьми, живущими в далёких горах за тысячу

километров, никогда не говорившими на русском языке, никогда не имевшими к нам отношения. Даже намёк на мировое господство не действовал. Официально Советский Союз всегда выступал с антиколониальных и антиимпериалистических позиций. В жизни же между строк читалось: «Мы такие крутые, мы командуем половиной мира!» В целом это нравилось советским людям. Но если ввод войск в Чехословакию или Венгрию в Советском Союзе многие одобряли (ну как же, это наш законный военный трофей, мы победили, значит, будем устанавливать свои порядки), то Афганистан? Пыльные камни, которые нас никогда не привлекали. Сейчас их нужно полить кровью, чтобы забрать себе. А на черта они вообще нужны? «Душманов» — это слово очень быстро вошло в советский обиход — никому не было жалко. Ведь там погибают и наши солдаты, а призом станет лишь то, что мы прогоним одних вооружённых бандитов и назначим других.

Сейчас, когда доступны некоторые архивные документы, ясно, что Афганская война — это даже не просто грандиозная ошибка, а всего лишь блажь старых маразматиков, находившихся у власти в позднем СССР (маразматиков в прямом смысле слова: к 1979 году политбюро ЦК КПСС напоминало Парк гериатрического периода).

По официальным данным, за десять лет мы положили в этой войне пятнадцать тысяч человек. По исследованию офицеров Генерального штаба — двадцать шесть тысяч. Сколько убито афганцев, никто даже не знает: от шестисот тысяч до двух миллионов по разным оценкам.

Подавляющее число погибших — мирные люди. Ещё больше пяти миллионов стали беженцами.

Война высасывала огромные финансовые ресурсы из стремительно нищавшего СССР, подрывала моральный дух и в армии, и в стране в целом. Генсек Леонид Брежнев и его генералы хотели поиграть в геополитические игры в погоне за превосходством над США, но вместо этого нанесли собственной стране мощнейший удар, от которого она не оправилась.

В широкой перспективе Афганская война имела огромное значение не только для СССР и региона, но и для всего мира. Её прямые последствия мы испытываем и сейчас, сами того не осознавая. Из неё в значительной части вырос современный исламский экстремизм. В ответ на преступную глупость советских руководителей правительство США сделало не меньшую глупость, всячески поспособствовав превращению войны афганских моджахедов против СССР в исламский джихад. Тогда, в восьмидесятые, это сработало отлично. В регион поехали добровольцы со всего Ближнего Востока, а война из противостояния социализма и капитализма (как изображал её Советский Союз) превратилась в священную войну против кафиров, попирающих ислам. Только вот идея, что людей, взявших в руки оружие во имя религии, можно «выключить» политическим решением, сказать им: «Ребята, всё нормально, мы победили, расходимся», была трагически неверной. Людям, ставшим под зелёные знамёна, оказалось недостаточно просто изгнать советские войска. Лозунги, с которыми они шли, были для них не пустым звуком, не уловкой — они реально в них верили. И,

прогнав СССР, они потребовали превращения Афганистана в шариатскую страну. И вот уже Усама бен Ладен, любимый американцами, получавший от них деньги и оружие, постепенно становится их врагом, потому что планы расходятся, США теряют интерес к Афганистану и больше не хотят финансировать джихад. А для религиозного фанатика «кто не с нами — тот против нас». Лидеры Исламского государства вроде Багдади стали теми, кто они есть, именно в Афганистане, куда приехали за своей священной войной, остановить которую нельзя никогда: сейчас она продолжается и в Сирии, и на улицах европейских городов.

Из всей предложенной Горбачёвым палитры реформ заработала только одна, но она быстро изменила всё до неузнаваемости: гласность. В отличие от прочих заявленных преобразований, для этого ничего и не нужно было делать. Нужно было НЕ делать — не запрещать, не цензурировать, не увольнять за статьи. Начиная с 1987 года в прессе один за другим начали выходить материалы, при чтении которых думалось: «Как это вообще опубликовали?» Потом стало понятно, что писать правду очень выгодно: никто тебя не уволит и никаких оргвыводов не сделает, зато — всенародная любовь и бешеные тиражи. Идеологическая плотина затрещала, и, хотя советские лидеры отчаянно пытались заткнуть брешь, было поздно. Новость о сюжете, снятом с показа на центральном телевидении, моментально приводила всех в такую ярость, как будто эти самые люди не жили в стране с тотальной цензурой ещё год назад. Шутки про Горбачёва, вырезанные из юмористической программы КВН, становились главной

темой для обсуждения. С 1987 года СССР стал стремительно двигаться к званию чемпиона в области свободы слова. Мысль, что «за слова больше не сажают», приводила всех в восторг: люди стремились выговориться за все семьдесят лет цензуры.

В октябре 1987 года на центральном телевидении вышла программа «Взгляд». Она стала для меня всем. Не думаю, что хоть что-то ещё в жизни повлияло на мои политические взгляды так сильно. Передача выходила ночью, что уже было очень круто и непохоже на привычное телевидение. А главное, в передаче была рок-музыка! Начал я её смотреть именно поэтому. Эфиры были устроены довольно просто: молодые ведущие, тоже очень непохожие на привычных официозных хрычей, показывали какие-то репортажи и обсуждали их в студии. Периодически разговоры прерывались клипами групп «ДДТ», «Алиса», «Кино», Nautilus Pompilius и других. Видеть рок-музыкантов с их социальными и часто антисоветскими песнями по телевизору — это была просто фантастика: как будто плотина цензуры не просто дала трещину, а по ней стали стрелять из крупнокалиберных орудий. Моя мать тоже смотрела каждую передачу — спасибо ей за то, что она обсуждала вышедшие сюжеты с одиннадцатилетним мной, поощряя мой интерес к общественно-политической жизни.

В течение четырёх лет «Взгляд» был, безусловно, самой популярной передачей Советского Союза. Его авторы и ведущие стали суперзвёздами, определившими дальнейшее развитие телевидения. Поразительно по-разному сложилась их судьба.

Владислав Листьев, главный «взглядовец», был застрелен

в собственном подъезде. Артём Боровик стал одним из главных журналистов-расследователей и погиб в 2000 году. Моя дочь ходила в школу, названную его именем.

Александр Любимов, которого я обожал больше всех, сейчас стал прилежным путинцем и скитается по государственным теле-радио каналам. В 2007 году, во времена расцвета уже путинской цензуры, он пригласил меня на своё ток-шоу на радиостанции, принадлежащей государственному «Газпрому». Он был всё так же умён, говорил с теми же с детства знакомыми интонациями, но уже явно продвигал «государственную линию» и чётко понимал, что можно говорить, а что запрещено. Мне всё время хотелось сказать: «Да господи боже мой, Александр, ведь я стал тем, кто я есть, благодаря вам и вашим коллегам. И почему-то именно вы предали свою программу».

Константин Эрнст после «Взгляда» вёл программу «Матадор», посвящённую кино, и я смотрел абсолютно каждый выпуск. Сейчас он возглавляет Первый канал государственного телевидения и стал одним из главных путинских пропагандистов. Самые отвратительные лживые сюжеты, включая знаменитый репортаж о маленьком русском мальчике, якобы распятом украинскими солдатами на глазах у его матери, выходят именно под его началом.

Иван Демидов, один из режиссёров программы и впоследствии автор суперпопулярной музыкальной передачи, стал одним из первых лидеров «Молодой гвардии Единой России». Затем (какая ирония!) он возглавил идеологическое управление путинской партии, а потом

и вовсе пошёл работать в администрацию президента.

Пишу эти строки и полез в «Википедию», чтобы более точно рассказать о судьбе кумиров моего детства, — тех, кто стоял у истоков свободы слова в России. Почитал — и просто сижу, схватившись за голову. Совершенно невозможно поверить, что они не просто замолчали, не пройдя испытание деньгами, а с той же самой энергией и инициативой стали активно агитировать за новый режим, с пеной у рта оправдывая несправедливость и коррупцию. Не все, конечно, но большая их часть.

В 87–89-м годах вышли три фильма, которые стали абсолютно культовыми и ошеломили миллионы советских людей, особенно молодёжь. Лично мне после них стало окончательно понятно: назад дороги нет. Мы живём в новой стране, в названии которой по какой-то причине всё ещё есть слова «советских социалистических», но в ней самой уже нет ни того, ни другого. Безусловно, я описываю опыт подростка, для которого высказывания и поступки музыкальных кумиров, их модель поведения вообще важнее всего на свете. Взрослые люди с их проблемами, очевидно, смотрели на вещи немного иначе, но фильмы были действительно феноменально популярны.

В одном из них, «Взломщике», главную роль сыграл лидер моей тогда любимой группы «Алиса», Константин Кинчев. Сюжет, как тогда было модно, остросоциальный, но незамысловатый: он не имел большого значения, ведь в фильме показывали жизнь Ленинградского рок-клуба, выступления популярных групп. Русские панки на сцене выглядели ничуть не хуже, чем опасные для молодёжи иностранные музыканты из советской пропагандистской

передачи про ужасы западного шоу-бизнеса. Сколько раз этот фильм показали в кинозале нашего Дома офицеров, столько раз я его и посмотрел.

Про фильм «Асса» в «Википедии» написано, что он стал «одним из киносвидетельств русского рока, достигшего пика своего развития во второй половине 1980-х годов». Так оно и было. В финальной сцене Виктор Цой, лидер группы «Кино», самой популярной группы того времени, начинает петь свой суперхит «Мы ждём перемен» перед публикой в ресторане, а заканчивает перед огромной толпой.

Цой сыграл и в «Игле», главном фильме советского проката 89-го года. Там были и наркоманы (тема до этого абсолютно табуированная), и экологическая катастрофа Аральского моря (об этом в СССР тоже не говорили), и борьба с мафией, и рок-музыка, и погибающий в конце главный герой, с трудом уходящий в темноту под песню «Группа крови».

Это было как два эскалатора в метро: свобода слова и творчество ехали вверх, а экономика — вниз. И, что имело совершенно принципиальное значение, в более открытом мире люди начинали яснее осознавать свою нищету. Нельзя сказать, что человек в 1984 году жил богаче, чем в 89-м или 90-м, — скорее наоборот. Просто в девяностые ему уже было с чем сравнить. Декоративная экономическая реформа, провозгласившая «многоукладную экономику» (наряду с социализмом допускавшую существование и частных предприятий, которые тогда ещё стеснительно называли «кооперативными» или «научно-производственными»), не давала большинству людей возможности заработать и обогатиться. Но некоторые успешно пользовались

ситуацией. Вся страна была в шоке, когда кооператор Артём Тарасов был провозглашён первым советским миллионером, выплатив себе заработную плату в три миллиона рублей. Его партнёр по кооперативу был членом КПСС и уплатил партийные членские взносы — девяносто тысяч рублей (мой отец тогда получал триста рублей, мать — сто шестьдесят).

Подобные люди, пусть и не настолько богатые, появлялись то здесь, то там. Некоторые внезапно пересаживались на иномарки. Всё это совершенно сводило с ума обычных советских людей, не понимавших, откуда берутся эти капиталы. Очень часто «успешными предпринимателями» того времени становились представители номенклатуры, партийные лидеры, комсомольцы, и это утверждало людей во мнении, что дело нечисто и источник их богатства — не предпринимательская инициатива, а власть и доступ к ресурсам. Нельзя к тому же забывать, что семьдесят лет в Советском Союзе культивировали презрение к «торгашам»: нэпманам, лавочникам и вообще к людям, открыто преследующим денежную выгоду. Работник торговли и в советские времена мог жить неплохо, но престижно было быть космонавтом, военным или профессором. И тут внезапно космонавты — никто, обычные смертные, получившие трёхкомнатную квартиру и чёрный автомобиль «Волга», профессора вообще еле сводят концы с концами, а какие-то непонятные кооператоры и торговцы барахлом на рынке — короли жизни, и денег у них больше, чем у любого Героя труда.

То время принято называть периодом обнищания

населения, но по сути это было скорее осознание своей нищеты в сравнении с теми, кто из неё вырвался. Оказалось, что можно быть бедным, когда все остальные так же бедны, но совершенно невыносимо быть бедным, когда сосед гораздо богаче тебя.

Часто приходится слышать рассуждения о зависти русских или советских людей к первым предпринимателям. Мол, именно поэтому конец восьмидесятых стал таким ненавистным временем. Но я считаю, что причина была именно в неравенстве возможностей. Если бы Горбачёв сделал предпринимательство лёгким и доступным, если бы в него хлынули миллионы, а не только десятки тысяч самых умных, самых хитрых или оказавшихся в правильном месте, всё было бы совершенно иначе. Но создание кооперативов, а затем и первых предприятий было чудовищно осложнено и полностью контролировалось советской бюрократией. Для того чтобы запустить бизнес, нужно было платить взятки, иметь связи, ну или обладать харизмой, способной сокрушить стены. Это на долгие годы определило образ бизнесменов как ушлых, хитроумных людей, начавших своё дело не совсем законным путём.

В армии, милиции и КГБ особенно остро чувствовалось снижение статуса офицера. Что-то явно назревало.

19 августа 1991 года я, очень недовольный, вышел из дома. Родители заставили меня идти на «дачу». Одно из веяний перемен заключалось в том, что многим раздали небольшие участки: шестьсот квадратных метров, «шесть соток» — в России это выражение стало синонимом дачи. Собственно, никакой дачи, то есть загородного дома, у нас,

конечно, не было, а был сарай с какими-то лопатами, и вот мне нужно было идти туда, что-то копать и пилить — самое ненавистное занятие из всех возможных. Пройдя метров четыреста, я вышел через КПП нашего городка, чтобы, перейдя дорогу, отправиться в соседнюю деревню, где был наш участок. Но перейти дорогу оказалось не так легко: по ней ехали танки.

Глава 5

Вообще-то танками у нас было никого не удивить. Все приезжающие обожали фотографироваться с фирменным дорожным знаком нашего городка: «Осторожно, танки». Но сейчас всё выглядело предельно странно. Во-первых, танки ехали по обычной асфальтовой дороге, чего они никогда не делают, ведь от дороги в таком случае может ничего не остаться. Во-вторых, это реально выглядело так, будто они едут на войну или какую-то спецоперацию, а не на учения. Всё казалось каким-то хаотичным, что ли. Ну и главное: они ехали по направлению к Москве.

Обрадовавшись, что у меня есть какой-то, хоть и притянутый за уши, повод не идти на дачу, я вернулся домой, чтобы включить телевизор и узнать, что происходит. По телевизору шёл балет «Лебединое озеро». По этому признаку любой советский человек безошибочно понимал: случилось что-то серьёзное. С детства я знал, что, если вместо мультфильмов показывают какой-то дурацкий концерт классической музыки, значит, умер какой-то вождь. Это было сигналом к кампании общественной скорби. Было непонятно, кто мог умереть сейчас: Горбачёв был молодой, а ни из-за кого другого не стали бы менять

нормальные передачи на балерин.

Довольно скоро всё выяснилось. В стране было объявлено чрезвычайное положение, а самопровозглашённый ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) заявил, что к нему переходит вся полнота власти. Михаил Горбачёв, в то время уже не только генеральный секретарь КПСС, а президент СССР, то ли арестован, то ли просто удерживается на своей даче в Форосе. По радио зачитывали заявления ГКЧП как «заявления советского руководства» — как будто они уже всех собой заменили. Из заявлений я понял, что власть пытаются захватить какие-то чокнутые деды. Это было ясно не столько из сути обращений, сколько из их стиля. Там было полно абсолютно советских штампов и оборотов вроде «в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса», «необходимость принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к катастрофе», «хаос и анархия, угрожающие жизни и безопасности граждан Советского Союза». От имени «советского руководства» обращение подписали премьер-министр Павлов, председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго и ещё какие-то люди, чьих имён я не знал, — включение их в «советское руководство» вызывало недоумение.

Не помню точно, что именно я обсуждал тогда с родителями, помню только, что мне всё-таки пришлось идти на дачу перекладывать какие-то доски. Я шёл, бормотал про себя проклятья в адрес новоявленной хунты, но при этом у меня с первого момента было чёткое ощущение, что всё это полная ерунда, ничего у них не получится. Несмотря на танки, «Лебединое озеро», КГБ,

армию и МВД во главе путча, его сопровождало ощущение какого-то комизма, пародии. ГКЧП пытался нагнать жути, но вызывал только смех. По крайней мере, такие ощущения были у меня. Может быть, в Москве, куда въехали танки, дело выглядело иначе, но мой опыт жизни в семье военного и в военном городке не говорил мне, что армия, хоть, очевидно, и недовольная положением дел, прямо мечтает вернуться назад, в точку, где нужно класть подушку на телефон, прежде чем рассказать анекдот друзьям.

Впрочем, в Москве тоже никто не испугался. К Белому дому — Дому Советов Российской Федерации — начало стягиваться огромное количество защитников. Защитить они хотели Ельцина, президента РСФСР, и законодательную власть РСФСР, Верховный Совет. Грубо говоря, это было противостояние России, где к власти пришли противники КПСС, и СССР.

Позже по радио было зачитано обращение к советскому народу. Оно было невыносимо длинным, каждая фраза в нём напоминала передовицу газеты «Правда», а в 1991 году передовицы «Правды» были неким смешным понятием, означавшим набор штампов, глупостей и вранья. Из обращения я запомнил только, что в нём всячески осуждался расцвет спекуляции (это было явное покушение на нашу будущую богатую жизнь при капитализме и рыночной экономике), и фразу: «Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящих под угрозу жизнь и здоровье будущих поколений». Это уже вообще было покушение на лучшие достижения современности — только, значит, в газетах

и журналах появились голые женщины, а их хотят отменить под предлогом угрозы здоровью. Уж не говоря о том, что это была стопроцентная калька с тех самых передач, где осуждалась рок-музыка, потому что она содержит «разнузданную пропаганду секса и насилия». Очевидно, что авторы обращения пытались затронуть тайные душевные струны советских людей — мол, услышат они о запрете секса, о спекуляции и о необходимости выделения горюче-смазочных материалов сельчанам (такой пункт тоже был), стукнут по столу и скажут: «А ведь правильно всё делают товарищи из ГКЧП! Давно пора и сельчанам помочь, и секс запретить!»

Но по столу, конечно, никто не стукнул. Выражение Владимира Ленина «страшно далеки они от народа» в российской политике используется постоянно, к месту и не к месту, но здесь было стопроцентное попадание. Пожилые генералы были уверены, что они отлично знают и чувствуют «настоящий глубинный народ», а на самом деле, как это очень часто бывает, все их представления о народе сводились к беседам с водителями и охранниками, которые им поддакивали и сообщали, что все вокруг терпеть не могут Ельцина, демократов и спекулянтов.

Вечером того же дня ГКЧП прикончил себя сам, потеряв любые шансы на захват власти. Они провели пресс-конференцию и зачем-то решили это сделать в прямом эфире. Главным хитом стали трясущиеся руки Геннадия Янаева, вице-президента СССР. Он был главным участником и как бы лицом заговора. Это выглядело в буквальном смысле полной противоположностью тому, что хотели сказать эти странные мужчины в серых костюмах: «Мы

взяли власть твёрдой руки и сейчас наведём порядок». Рядом с Янаевым сидел министр МВД Пуго, человек с самой странной причёской на свете (такую я позже видел в фильме «Дракула мёртвый, но довольный» у главного героя в исполнении Лесли Нильсена), и ещё четыре непонятных человека, включая совсем экзотических, вроде председателя крестьянского союза СССР. На вопрос «Где Горбачёв?» звучал странный ответ, что Горбачёв находится на лечении и после того, как он вылечится, курс на преобразования будет продолжен. Было ясно, что заговорщики немного опасаются даже несчастного Горбачёва, чьи нерешительность и слабость, по логике, и были причиной их действий. Журналисты откровенно издевались над участниками пресс-конференции, прямо называли случившееся военным переворотом и задавали вопросы типа: «Советовались ли вы с Пиночетом?» Вся страна прильнула к экранам, пытаясь понять, что происходит, и увидела она вовсе не железных генералов, перед которыми трепещет публика, а неуверенных в себе и даже, похоже, немного испуганных людей, над которыми потешаются журналисты. Повторюсь, мне ситуация с самого начала не показалась очень серьёзной, а после пресс-конференции стало окончательно ясно, что никакого захвата власти не будет. Комедия какая-то, а не путч. Даже само слово «путчисты», намертво привязавшееся к ГКЧП (в российской историографии эти события называются «августовский путч»), добавляло карикатурности происходящему.

Всё продлилось ещё пару дней, в течение которых ГКЧП так и не обрёл поддержки, зато вокруг Ельцина

и демократической российской власти произошла беспрецедентная консолидация. Сотни тысяч горожан вышли на улицы в Ленинграде, в Москве вокруг Белого дома люди не только беспрепятственно собрались, но и соорудили баррикады. Солдатов и офицеров, введённых в Москву, путчисты бросили без приказов и ясной стратегии. В итоге каждый танк, каждый бронетранспортёр был облеплен людьми, которые братались с солдатами, кормили их (о питании заговорщики тоже не позаботились). Типичные разговоры звучали так:

— Ну что же, вы будете в нас стрелять?

— Конечно нет, как же мы будем стрелять в народ? Мы вместе с народом.

В какой-то момент один из танковых батальонов демонстративно перешёл на сторону Ельцина и развернул свои десять танков так, что они уже как бы защищали Белый дом. Все ликовали от этой новости, а я — больше всех: ведь это были танки из нашей Таманской мотострелковой дивизии. Это если и не казалось мне личным вкладом в победу над заговорщиками, то точно давало чувство сопричастности. Наш же таманский танк сыграл роль в главном звёздном моменте Бориса Ельцина, который залез на него, чтобы обратиться к своим сторонникам. Ельцин стоит на танке, вокруг его охрана, рядом люди развернули флаг — трёхцветный российский, а не красный советский. Это самая известная фотография того времени, отлично передающая смысл момента: с этой секунды Ельцин главный, он законный президент, а никакой другой власти (на самом деле включая

и Горбачёва) больше не существует. Ирония в том, что двадцать семь лет спустя все снова начнут публиковать эту фотографию — в связи с событиями вокруг меня. Ровно по центру этой фотографии, возвышаясь над Ельциным, стоит один из его тогдашних телохранителей — Виктор Золотов. 11 сентября 2018 года, отбывая очередной арест, я услышал по радио: генерал армии, командующий войсками национальной гвардии Виктор Золотов записал видеообращение к Алексею Навальному. Наш фонд расследовал коррупцию Золотова, и мы обнаружили, что он обкрадывает своих собственных солдат и офицеров, закупая продовольствие по цене в несколько раз выше рыночной. Наш видеоролик, весьма унизительный для генерала Золотова (мы там назвали его капустным и картофельным вором), посмотрело несколько миллионов человек, в том числе, очевидно, все триста тысяч бойцов Росгвардии. Золотов стерпеть этого не смог и выпустил ответное видео, где в генеральской форме на фоне флагов и марширующих солдат грозил мне местью и рассказывал, что за мной стоят силы, готовящие в России антиконституционный переворот. Естественно, все моментально нашли фотографию почти тридцатилетней давности, на которой Золотов активно участвует в том, что, с точки зрения советской власти, было самым настоящим переворотом, приведшим к развалу страны.

Из архивов и воспоминаний участников событий мы знаем, что ГКЧП разработал план штурма Белого дома, но в итоге не стал реализовывать его, чтобы избежать человеческих жертв. Мне кажется, дело ещё и в том, что заговорщики понимали неосуществимость своего плана.

К тому моменту воинские части уже массово отказывались выполнять их приказы. Трагическая гибель трёх человек в ночь с 20 на 21 августа была результатом хаоса и дезорганизации управления войсками, а не противостояния армии и народа.

21 августа министр обороны СССР Язов отдал приказ о выводе войск из Москвы. ГКЧП проиграл. А вместе с ним был проигран и Советский Союз. Вернувшийся со своей дачи в Крыму Михаил Горбачёв, очевидно, ожидал, что его как освобождённого героя будут встречать ликующие толпы. Его возвращению действительно радовались, но только как очередному признаку поражения ГКЧП. План Горбачёва укрепить свою власть на волне неприятия ГКЧП не удался. Все симпатии и поддержка достались Ельцину и новой власти — то есть тем, кто решительно действовал и рисковал. Тем более что сразу же появились свидетельства, что Горбачёв, возможно, участвовал в подготовке заговора или как минимум знал о нём заранее и просто, в своей обычной манере, решил не становиться на сторону ни советских консерваторов, ни российских реформаторов, а выжидать, чья возьмёт. Нерешительность — самый большой грех эпохи перемен. Горбачёв моментально потерял всё — очередное проявление совершенно потрясающего феномена, наблюдающегося во времена революций. Вот ещё в понедельник этот человек был пусть не самым популярным, но всеми признанным президентом огромной страны. Ему подчинялись самая большая армия мира, промышленность и сельхозпредприятия на территории одной шестой суши земного шара. Этот человек запросто мог устроить ядерную

войну. Но вот наступил четверг — и он никто. У него, конечно, остался персональный автомобиль, секретари и спецтелефон, но по нему уже никто не звонит.

Что бы там ни было написано в документах, казалось бы, железобетонно защищённых Конституцией и армией прокуроров, а центр власти моментально перенёсся к Ельцину, как по воздуху. В таких случаях никто ведь толком не понимает, как именно это происходит, но одновременно ни у кого нет сомнений: транзит власти случился.

Официально СССР перестал существовать три месяца спустя. 8 декабря 1991 года республики РСФСР, Белоруссия и Украина провернули удивительный трюк. Их руководители Ельцин, Шушкевич и Кравчук встретились в белорусском лесу и заявили, что, мол, раз наши три республики были учредительницами СССР, то мы можем его и распустить. Что мы и делаем, а взамен создаём Содружество независимых государств.

С политической точки зрения трюк был понятен: президенты республик хотели окончательно выбить и Горбачёва, и всех его чиновников из игры, забрав себе всю полноту власти. Для того всё и затевалось. Но его реализация требовала формального уничтожения незыблемого СССР.

Сейчас очень любят рассуждать, как ошибочны были Беловежские соглашения. О них публично горюет Владимир Путин. С напором и страстью он утверждает, что это было «крупнейшей геополитической катастрофой». Мне тогда так не казалось (я не претендую на объективную истину, а просто рассказываю о своих ощущениях). Это было какой-

то рядовой новостью в телевизоре. Ну хорошо, её обсуждали немного больше остальных, но никакого ощущения значимости момента не было. Собравшиеся в лесу совершили хитрую и, скажем честно, довольно лживую и лицемерную юридическую манипуляцию, но в целом просто констатировали очевидное: никакого СССР как реальной страны к тому моменту уже не существовало.

Ни Ельцин, ни лидеры Украины и Белоруссии в развале СССР не виноваты. Советский Союз уничтожили две организации: Коммунистическая партия Советского Союза и КГБ СССР. Партия бездарным управлением своих маразматических лидеров довела страну до экономического кризиса, а ложью и лицемерием — до кризиса идеологического. КГБ в лице своего председателя Владимира Крючкова попытался устроить военный переворот, подготовленный так же плохо, как и всё, что делал Комитет в предыдущие годы. По мнению большинства исследователей августовского путча, именно председатель КГБ Крючков был главной фигурой среди заговорщиков. В ленинградском отделе КГБ тогда работал подполковник Владимир Путин, который в то время вовсе не кричал о геополитической катастрофе, а в погоне за деньгами и новыми возможностями радостно покинул ряды своей организации, чтобы окончательно примкнуть к одному из главных сторонников Ельцина, мэру Ленинграда Анатолию Собчаку. Путин, безусловно, один из тех, кто был прямо заинтересован в развале СССР, способствовал ему и получил от этого максимальную выгоду. Не будем преувеличивать персональную роль Путина или говорить о том, что он как-то особенно предал

свою организацию, — он просто рационально действовал в своих интересах. Вчера ловил диссидентов на улицах Ленинграда, чтобы их посадили в тюрьму за антисоветскую пропаганду, а сегодня таскает чемодан за одним из самых радикальных сторонников новой власти.

Несомненно, я был одним из тех счастливчиков, для которых СССР развалился без потрясений. Если бы мой отец служил в те годы не в Подмосковье, а в Баку, Нагорном Карабахе, Абхазии или одной из Балтийских республик, всё это выглядело бы совсем иначе. Все копившиеся годами противостояния вспыхнули, вылившись в конфликты и даже войну. Вдруг выяснилось, что армяне и азербайджанцы ненавидят друг друга настолько, что вот уже воюют, грузины и абхазы — не милые соседи, сидящие за одним столом, а люди, выгоняющие друг друга из домов. Обо всём этом постоянно писали, детально объясняя глубокие причины происходящего. Впрочем, каждая страна объясняла их по-своему. Но из Москвы всё это вместе казалось какой-то дичью: вот сумасшедшие, что они вдруг воевать начали? Столько лет жили рядом «дружной многонациональной семьёй советских народов», а тут натурально режут друг друга из-за какой-то ерунды. Безусловно, это было совершенно эгоистичное и даже невежественное рассуждение человека, которому просто повезло оказаться там, где нет ни войны, ни национального конфликта, а только столичная погоня за деньгами. Невозможно было поставить себя на место армян или азербайджанцев, да и не хотелось совсем.

По таким же эгоистическим соображениям единственной межнациональной проблемой,

интересовавшей меня, была проблема русских. Они внезапно стали крупнейшим разделённым народом Европы. Мне довольно легко было провести мысленный эксперимент: вот моего отца отправляют служить в 14-ю армию, расквартированную на территории Молдавии, и я внезапно становлюсь частью русскоязычного меньшинства. Я как минимум точно был бы недоволен внезапной переменой и тем, что я стал «меньшинством».

Политические процессы в бывших советских республиках сулили выгоду тем, кто стоял на националистических позициях, — процесс совершенно естественный и характерный для распада любой империи. Хочешь, чтобы твоя партия получила больше голосов, — заручись поддержкой избирателей, сказав что-то вроде: «Русские оккупанты, пошли вон с нашей земли, возвращайтесь в свою Москву!» Не то чтобы все вокруг оказались реальными русофобами, просто СССР так долго подавлял любые проявления национализма, мороча всем голову лицемерной чушью про дружбу народов и «пятнадцать республик — пятнадцать сестёр», что маятник не мог не качнуться в обратную сторону. Национализм стал моден и популярен. Годы централизации и управления из Москвы обернулись тотальным неприятием всего, что казалось имперским наследием: мол, мы наконец-то освободились от диктата России, а все, кто у нас ориентируется на неё, — пятая колонна и враги.

В этом и заключалась геополитическая катастрофа, которую, впрочем, все осознали гораздо позже. Новое российское руководство, в котором на третьих и четвёртых ролях сидели Путин и такие, как он, абсолютно

игнорировало проблему русских, оставшихся за пределами страны. Это всё было «политической повесткой ГКЧП», а если ГКЧП говорит, что это проблема, то мы должны говорить, что такой проблемы не существует. Огромное количество конфликтов можно было бы предотвратить и много судеб спасти, если бы тогдашнее российское правительство предложило простейшие программы по возвращению русских на территорию России. Понятно, что откуда-нибудь из более богатых стран Балтии никто бы особо не поехал, там нужны были другие подходы, но на недоуменные восклицания живущих в Узбекистане, Киргизии и многих других республиках — «А мы-то теперь что, нам-то теперь что делать?» — надо было как-то отвечать. Поразительно, что даже сейчас, когда тема «русофобии» и ущемления русских стала чуть ли не главным пунктом кремлёвской повестки, это по-прежнему голая лицемерная риторика, за которой не стоит никаких действий. Человек, родившийся в русской семье за пределами России, с ума сойдёт в борьбе с бюрократической машиной, прежде чем получит гражданство собственной страны. Я лично ещё в 2008 году написал законопроект, по которому любой, у кого среди предков есть русский или представитель другого коренного народа России, получает российское гражданство автоматически, просто предъявив любой документ, в котором обозначена национальность, например свидетельство о рождении дедушки или бабушки. В принципе, ничего особенно революционного — аналог законов, существующих в Германии или в Израиле.

Тем не менее ни этот законопроект, ни десятки

аналогичных не были приняты. Действующая власть предпочитает бесконечно трясти картой «ущемлённых русских», но не готова делать ничего, чтобы им помочь. Предположим, Россия 91-го была слишком бедна для этого. Но в России 2000–2020-го денег было так много, что уж проблему русских за границей точно можно было бы решить, где-то финансируя русские школы и поддерживая русский язык, а где-то попросту переселяя людей обратно на родину.

Описывая все драматические события того времени, я должен признаться, что при всей их судьбоносности в реальной моей жизни они занимали второе, а может быть, даже и третье место. На первом месте тогда были личные проблемы, среди которых главная была, конечно, «поступить».

Концепция обязательного поступления в институт — столп российского и советского образования и воспитания, классовый признак в обществе, демонстративно утверждавшем всеобщее равенство. Ты поступил — значит, ты умный, хорошо учился, у тебя, скорее всего, приличная семья. Не поступил — ты дурак. Ко времени моего поступления вуз начал давать отсрочку от армии, и появилась новая социальная норма для мальчика: поступил в институт — получил отсрочку, не поступил — пошёл служить, а значит, точно дурак.

Советское общество, весьма лицемерно воспевавшее человека труда, на самом деле очень чётко проводило линию, согласно которой люди с высшим образованием были первым сортом, а без него — вторым. Скорее всего, это

делалось для того, чтобы мотивировать всех членов общества, независимо от происхождения, получать высшее образование. Идея неплохая. На каждой стене и в каждом учебнике написан рецепт успеха: «Учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин». Хочешь социальную лестницу, чтобы выбиться в первый сорт, — учись. Положительный герой любого советского фильма — заводской рабочий, который ходит в вечернюю школу или вечерний институт.

На практике это работало не очень. Долгосрочным последствием стало катастрофическое падение престижа любых профессий, связанных с физическим трудом, в том числе очень высококвалифицированных. Профессионально-техническое образование маргинализовывалось и подвергалось унижениям. «ПТУшник», то есть учащийся профессионально-технического училища, стал синонимом двоечника. Совершенно нормальным считалось, когда учитель говорил ученику: «Ты, Петров, оболтус, и дорога тебе только в ПТУ» — и контекст фразы подразумевал, что, став водопроводчиком, электриком или рабочим на заводе, Петров присоединится к армии лузеров и алкоголиков, лишённых в жизни любых перспектив.

Всё это приводило к огромному давлению на школьников. Не поступить было страшно. Это означало клеймо позора: «А вы слышали? Её сын не поступил!» — «Да вы что, не может быть! А казался таким толковым мальчиком».

В моей семье, помешанной на образовании, давление было двойное. Мать, как я уже писал, закончила

престижный тогда Московский институт управления, инженерно-экономический факультет. Отец в дополнение к своему военному училищу в 85-м году закончил заочно юридический институт — в армии это позволялось — и перешёл из ПВО в военные юристы, стал работать юрисконсультом Таманской дивизии. Таким образом наша семья окончательно переместилась в ту часть советского общества, где мне было положено поступить «в приличное место», а в противном случае я становился позором семьи.

Фраза «учись хорошо, а то не поступишь» нависала надо мной класса с шестого. Концепция «хорошей» учёбы предполагала следующий диапазон: от одних пятёрок (это значит, что ты ботаник, и такое, конечно, нереально) до равного соотношения пятёрок и четвёрок. Очень плохо, если ты получаешь одни четвёрки. Троек быть не должно. Фраза «мам, у меня, похоже, будет тройка в четверти» сулила долгие мучения и серьёзный разговор. Не могу сказать, что меня особенно ругали за плохие оценки, просто самому было понятно, что быть троечником — это серьёзное преступление.

Главным предметом в советской школе была математика. За четвёрку по ней мне приходилось бороться. В старших классах добавилась борьба за четвёрки по химии и физике. Задачи по этим предметам бесили меня своей абстрактностью. Тригонометрия, необходимость разбираться в том, какой длины будет гипотенуза у треугольника, если известны длина одной его стороны и косинус одного угла, вообще сводила с ума. Понятно, что на мое классическое восклицание: «Да зачем мне вообще это надо, я никогда в жизни не буду использовать

косинусы!» — следовали такие же классические объяснения: «Это должен знать каждый образованный человек» и «Вдруг ты вырастешь и решишь стать инженером».

Инженером я быть не хотел. Я любил читать. Это было огромным преимуществом в других школьных предметах, от литературы до истории. Каждую весну, когда учитель выдавал огромный список летнего чтения, класс стонал и возмущался, а я втайне ликовал. Ведь лучшего развлечения, чем чтение, не существует! Ну разве что, как я писал выше, что-нибудь взрывать и поджигать. В обед читать книжку, а вечером пойти что-нибудь взорвать — вот она, идеальная жизнь. К сожалению, мою страсть к чтению серьёзно ограничивал всё тот же дефицит, ведь хорошие книги было очень сложно достать. Например, для этого каждый месяц, в день, когда в книжный магазин завозились новинки, матери приходилось вставать в четыре утра и занимать очередь. Ещё можно было сдавать макулатуру и получать за это талоны на покупку книг — но прежде нужно было ещё найти магазин, где эти книги продавались. Одна из моих любимых книг в детстве — сборник рассказов О. Генри — была получена именно таким способом: сколько-то килограммов макулатуры (не помню точно сколько, но много) давали право купить одну из книг из специального каталога.

Интересный феномен: с детства я привык, что люди, которые меня не очень хорошо знают, удивляются, что я люблю читать. Видимо, физиономия у меня такая, неодухотворённая. А может быть, причина этого — высокий рост. Я почти всегда был самым высоким в любом классе, где бы ни учился. Никто никогда не спрашивал у меня:

«Какую ты книжку прочитал?», все спрашивали: «Каким спортом занимаешься?» Это происходит до сих пор. Приходится отвечать: «Э-э-э, ну, всяким понемножку». Не ответишь же честно: «Никаким спортом не занимаюсь и не хочу. Ни за какую команду не болею. Отстаньте от меня, я хочу сидеть в углу и читать книжку».

Так что моя любовь к книжкам была постоянна, а к спорту, как и у многих людей, в лучшем случае вспыхивала и довольно быстро потухала. К тому же спортивные возможности ребёнка, живущего в маленьком военном городке, сильно зависели от такого субъективного фактора, как наличие энергичного офицера с соответствующей подготовкой, который внезапно решает вести спортивную секцию в порядке общественной нагрузки. Как-то раз такой приехал, и в школе появилось объявление: «С завтрашнего дня в нашей школе работает секция самбо». Я, конечно же, побежал записываться на самбо, представляя, как уже скоро ловкими приёмами смогу побеждать хулиганов на улице. Самбо закончилось через три месяца, когда меня швырнул через плечо старший школьник. Я ударился бедром и уполз с татами в угол, решив, что нужно полежать немного — и всё пройдёт. Не повезло: вскоре прямо в меня прилетел малыш, которого взрослые самбисты швырнули так же, — в результате к диагнозу «ушиб бедра», поставленному позже в больнице, добавился перелом мизинца. Впрочем, офицера-самбиста через некоторое время перевели в другую часть, и наша секция всё равно закрылась.

Ровно таким же образом я прошёл через настольный теннис, баскетбол и бокс. Бокс я довольно быстро бросил

сам, когда понял, что вместо эффектных спаррингов тут нужно бегать, как лошадь.

Но больше всего я мечтал о каратэ. Мечта эта была запретной: в Советском Союзе была специальная статья Уголовного кодекса «Незаконное обучение каратэ» — за изучение этих приёмов можно было отправиться в тюрьму на срок до пяти лет. Понимаю, что это звучит совершенно дико и объяснить смысл запрета каратэ невозможно, но это ещё один отличный пример, показывающий, что такое Советский Союз с его манией запрещать всё на свете.

Однажды мать, которой я в очередной раз пожаловался, что хотел бы заниматься каратэ, сказала: «Так дядя Витя вроде бы им занимался». Дядя Витя был сослуживцем отца и другом нашей семьи. С этого момента я принялся донимать его просьбами показать мне приёмы. Через пару месяцев, когда он понял, что отделаться от меня не получится, он, предварительно взяв с меня клятвенное обещание, что я нигде не проболтаюсь, показал мне стопку чёрно-белых фотографий. Это был сфотографированный учебник каратэ, а на самом деле просто набор самых примитивных картинок: вот мужик машет ногой, а вот он задирает колено, нанося кому-то удар в голову. Каждая картинка была подписана японскими иероглифами, и это окончательно создавало ощущение, что дядя Витя совершает преступление ради меня. Несмотря на мольбы, взять фотографии домой он мне не разрешил, но сказал, что, если я буду хорошо учиться, он покажет мне пару приёмов. Придя домой в полном восторге, я подвесил на дверь тяжёлый мешок, не помню уж чем наполненный, сложил пальцы в какую-то хитроумную комбинацию,

предназначенную для смертельного удара в солнечное сплетение, и долбанул по мешку. Следующие дней десять все у меня спрашивали: «Что это у тебя рука опухла?», а я загадочно улыбался.

Немного беспокоило то, что хулиганов в нашем городке совершенно не было. Здесь даже двери никто не запирал, а вся палитра преступлений исчерпывалась новостью: «Прапорщик Сидоренко опять напился и поскандалил с женой». Проблема полностью решилась, когда я переехал в тот самый Калининец, где стоит Таманская дивизия. Это уже был большой городок, разделённый на несколько частей, с общим населением почти в двадцать пять тысяч человек. Спустя пару недель после приезда ко мне подошёл парень явно постарше и на полголовы выше и сказал: «Дай, пожалуйста, пятнадцать копеек, потом отдам». Я был скорее даже польщён этой просьбой — друзей-то у меня ещё не было, а тут взрослый мальчик сам подошёл, а значит, потом, когда я окажусь в школе (дело было летом, на каникулах), я как минимум смогу в присутствии одноклассников небрежно сказать: «Привет!» старшекласснику. Поэтому я полез в карман, вытащил мелочь и выдал пятнадцать копеек. Через три дня я встретил его на улице, и история повторилась, только в этот раз, увидев, что мелочи у меня много, он сказал: «А вообще, дай, пожалуйста, тридцать». На третий раз я сказал, что, конечно, дам ему ещё пятнадцать копеек, но хотел бы вскоре получить назад все шестьдесят. На что услышал уже совсем невежливый ответ: «Давай, не выпендривайся». Так я понял, что оказался в ужасной роли мальчика, у которого хулиганы отнимают деньги. К этому я был совсем не готов.

Читая о таких ситуациях в книжках, я ухмылялся и думал, что со мной-то такого, конечно, не случится: сразу дам отпор. Уж лучше один раз быть битым, чем всё время — объектом унижений. В книжках, к сожалению, не писали о том, что подобные отношения начинаются как «дружественная разводка», обман. Сначала нет никакой конфронтации и вступать в драку глупо, но не успеешь оглянуться, как на вопрос о деньгах ты врёшь: «У меня нету» — и слышишь классический ответ: «А если найду?»

Следующие полгода этот мальчик (в школе его все знали под кличкой Кран) отравлял моё существование. Приходилось его избегать, иначе каждая встреча превращалась в невыносимые диалоги с тычками и угрозами. Я был в отчаянии и не понимал, что делать. В классе я был самым большим и сильным, но Кран был, во-первых, повыше, во-вторых, постарше, а главное, очень дерзким и самоуверенным, что в искусстве уличного противостояния, конечно, самое главное. Старшего брата, которому можно было бы пожаловаться, у меня не было. Просто дружественного старшеклассника — тоже. Да и не каждый захотел бы связываться с главным школьным хулиганом. Жаловаться родителям — исключено. Во-первых, это очень стыдно, а во-вторых, я и так знал, какой совет они мне дадут: «Да врежь ты ему один раз, он от тебя отстанет». Взрослым очень легко давать советы типа «врежь» или «дай сдачи». Все детские противостояния кажутся им какой-то ерундой, хотя по эмоциональному и психологическому накалу они во сто раз превосходят взрослые проблемы.

Ситуация стала совсем катастрофической, когда,

в очередной раз сказав, что денег у меня нет, и отказавшись дать проверить карманы, я получил по лицу, да ещё после этого всё-таки отдал двадцать копеек. Дома я сказал, что губа распухла оттого, что я её прикусил. Весь вечер и полночи горевал и думал, что же делать, а с утра пошёл погулять. И тут навстречу идёт этот чёртов Кран. Разворачиваться, делать вид, что я его не заметил, и идти в другую сторону было уже поздно. «Чё это у тебя, губа распухла? Дай посмотреть», — сказал он мне вроде бы примирительно, пытаясь повернуть моё лицо.

И тут я совершил самый смелый поступок в своей жизни. Сейчас меня почти в каждом интервью спрашивают, не боюсь ли я и откуда черпаю смелость. Мне искренне кажется, что моя работа в последние пятнадцать лет особой смелости не требует (это скорее вопрос осознанного выбора) и уж точно не требует и одного процента той отваги, которая понадобилась мне тогда. Наверное, это чувство знакомо многим: от ярости, отчаяния и, как ни парадоксально, прежде всего от страха ты становишься способен на самые решительные и смелые поступки. Выкрикивая все известные мне ругательства, я несколько раз со всей силы ударил его в лицо. Примерно половина ударов достигла цели. От неожиданности он упал и в полном изумлении смотрел на меня, лёжа на спине, слегка прикрываясь руками, видимо, в ожидании, что я сейчас брошусь его топтать. Я в таком же шоке смотрел на него сверху. Вспышка ярости прошла, адреналин уходил, и с каждой миллисекундой я всё больше чувствовал себя знаменитым котом Шрёдингера: то ли Кран сейчас встанет, и я буду мёртв, то ли нет. Так я постиг жизненное правило:

совершить смелый поступок легче, чем иметь дело с его последствиями. И я убежал.

Я бежал что есть силы и оглядывался: Кран бежал за мной. Правда, сильно поотстав. Ему всё-таки потребовалось секунд пять, чтобы прийти в себя и подняться. Через две минуты в боку закололо, но я терпел, понимая, что, если я остановлюсь, будет гораздо хуже. В итоге я всё-таки убежал, и следующие дня три было прямо очень страшно. Во-первых, я мог быть бит прямо в школе перед друзьями и, что ещё ужаснее, перед девочками, а во-вторых, Кран мог побить меня с целой компанией своих друзей-хулиганов. Об этом даже думать не хотелось. Однако, к моему огромному удивлению, несколько раз столкнувшись со своим злодеем в школе, я обнаружил, что он только устрашающе смотрит на меня, но к активным действиям не переходит. Постепенно установилась ситуация, при которой он демонстративно не замечал меня, а я точно так же — его. До сих пор не понимаю, почему так случилось и почему он не попытался меня побить хотя бы из мести. Возможно, это объясняется макроэкономической теорией: свободный агент бродит по рынку и отнимает деньги у младшеклассников, каждый из которых в среднем одинаково запуган и одинаково строптив. Продемонстрировав вспышку безумия, я повысил в глазах агента издержки домогательств. Соответственно, он принял рациональное решение не обращать внимания на меня, а переключиться на других, менее психованных. Так что меня, можно сказать, спасла невидимая рука рынка.

Второе возможное объяснение заключается в том, что я благоразумно не стал рассказывать всем об этом

инциденте, поделившись по секрету только с парой близких друзей. И Кран, поняв, что я не пытаюсь подорвать его репутацию главного хулигана, успокоился.

После эпического «Противостояния возле 21-го дома», в результате которого мне удалось сбросить ненавистное иго и избавиться от денежной дани, школьная жизнь нормализовалась. До самого конца школы я учился лучше среднего, у меня были отличными отметки по литературе и истории, хорошие по математике, физике и сходным предметам и только одна особенность: очень плохое поведение. Я не дрался, не прогуливал, не бил окна, а совершал проступки, гораздо более тяжкие в глазах учителей: постоянно шутил. В каждом классе есть ученик, который обожает по поводу и без повода громким голосом вставлять свои ремарки, по большей части — очень глупые. В нашем классе это был я.

Учителей я не боялся совершенно и не понимал, почему большинство других детей боится их просто панически. Что они могут тебе сделать, если ты более или менее выучил урок? Только поставить двойку за поведение. Я довольно быстро сообразил, что это ни на что не влияет. Я получал свою четвёрку или пятёрку по предмету, за этот же урок учительница вписывала мне в дневник красной ручкой: «Поведение: неуд», и это не означало ничего. Годовая оценка за поведение тоже почти всегда была «неуд», что технически означало двойку, но на практике все просто говорили: «Алёша учится хорошо, на четвёрки и пятёрки. Только поведение у него ужасное». При этом вторая часть звучала как своего рода тайный комплимент, что я улавливал, когда родители рассказывали о моей учёбе

своим знакомым. Вообще, забавно, что взрослые почти всегда довольно одобрительно воспринимали информацию о том, что у меня двойка по поведению. Я даже хвастался своим дневником, когда мне не верили, что он весь исписан красными ручками учителей, и получал стандартную реакцию: «Молодец, Алексей, наш человек».

Сейчас-то я, конечно, понимаю, насколько я был невыносим для преподавателей. Думаю, что для них это самый нелюбимый тип ученика: выпендрёжник, который считает себя очень умным и разлагает дисциплину в классе, чтобы девочки похихикали над его шутками. Я благодарен учителям за то, что они не снижали мне оценки, чётко разделяя мои знания и моё поведение.

В прямые конфликты с преподавателями я вступал нечасто, но если уж вступал, то со всей страстью — с обзывательствами, оскорблениями и последующим вызовом родителей в школу. С одной из учительниц истории я ругался так сильно, что даже думал тогда: если жизнь моя сложится интересно и я напишу о себе книгу, я обязательно припомню ей следующий случай. Рассказывая об истории Александрийской библиотеки, она упомянула, что однажды библиотеку передали под залог десяти талантов, а назад её не вернули: «И вот десять талантливых людей, оставленных в залог, перешли владельцу библиотеки».

Естественно, как маленький выскочка, прочитавший несколько книг, я поднялся и стал объяснять ей и всему классу, что талант — это никакой не талантливый человек, а просто денежная единица. Слово за слово начался огромный скандал, в котором, конечно же, очень скоро

обсуждали уже не историю Древнего Египта, а моё хамское поведение (я назвал учительницу дурой).

Так что я выполняю детское обещание, данное самому себе, но понимаю, что не прав был, конечно, я. Несчастная женщина один раз ошиблась, а я превратил её уроки в ад, призывая всех не слушаться её и раздувая одну оплошность до космических масштабов.

Но в целом, за этим маленьким исключением, могу сказать, что школа у меня была очень хорошая. У тех, кто учился не очень, был даже такой лайфхак: в последнем классе перейти из нашей школы в соседнюю, «гражданскую», расположенную в нескольких километрах. Любой наш троечник там становился отличником. До сих пор не понимаю, как это работало, ведь программа, по идее, была одинакова во всех школах.

Девятый и десятый классы проходили под особенным знаком вопроса: куда поступать и, соответственно, к каким экзаменам готовиться? Был 1991 год, романтическая пора зарождавшегося капитализма, позже прозванная «проклятыми девяностыми». Бизнес становился всё более доступным: он был уже не какой-то экзотической профессией, как в конце восьмидесятых, а чем-то обыденным. Я, конечно же, хотел получить такую специальность, чтобы разбогатеть. На то ведь и нужен капитализм, — рассуждал я, — чтобы самые умные и толковые (а я-то, конечно, к таким отношусь) разбогатели. Денежные перспективы сулили новые профессии с классными иностранными названиями — в первую очередь менеджер. Есть такие удивительные люди — менеджеры, — думал я, — они самые главные, и будущее

у них самое радужное.

Прочитав в газете, что в Плехановском институте в Москве открывается «Школа юного менеджера», куда принимают молодых людей от четырнадцати до восемнадцати, я пошёл к матери и сказал, что хочу попробовать туда поступить. Учёбе в школе это не мешало, ведь занятия проходили по субботам и воскресеньям. Некоторой проблемой было то, что пришлось бы ездить в Москву, то есть двадцать минут на автобусе до железнодорожной станции Голицыно и ещё час на электричке до Москвы, а там на метро. Но ради того, чтобы стать менеджером, то есть сделать первый шаг к головокружительной карьере, я, конечно, готов был поездить.

Приехав в Плехановский институт в день сдачи экзаменов, я увидел, возможно, самую большую очередь в своей жизни. Очевидно, волшебное слово «менеджер» манило не одного меня. Экзамен представлял собой один гигантский тест с вариантами ответов — по нынешним временам это стандартный способ проверки знаний, а тогда он выглядел одновременно диким, очень модно-заграничным и довольно лёгким, ведь проще дать правильный ответ, когда можно выбрать из четырёх вариантов. Спустя пару недель я поехал проверять результаты. У огромной стены, куда были наклеены листы А4 с фамилиями, стояли десятки очень нервных подростков. Сверху — огромная надпись: «Это списки тех, кто не поступил. Если вашей фамилии здесь нет, значит, вы поступили». Тут уже и я начал нервничать: что за бред вообще? Такого я никогда не видел. Проверил списки — нет

моей фамилии. Проверил, нет ли ошибки в алфавитном порядке. Часа полтора проверял, выяснял, правильно ли я всё понял, — вроде всё нормально, поступил. Приехав домой, поделился радостной новостью с родителями, и мать, конечно же, сказала: «Быть такого не может, это наверняка списки тех, кто поступил, а ты что-то напутал» — и даже поехала в Москву и проверила сама. Всё было правильно, я прошёл. Я — юный менеджер.

Курс был платным и включал лекции по праву, психологии, экономике и чему-то ещё. Выяснилось, что тайные менеджерские знания можно получить, тупо прочитав обычный учебник по праву. На лекциях, в общем, и пересказывали такие учебники. Но зато, поскольку занятия проходили в настоящем вузе, они выглядели прямо по-взрослому: большая полукруглая аудитория, забитая людьми, лектор за кафедрой, у меня специальная тетрадочка для конспектов, кто-то хихикает на заднем ряду, и лектор делает сердитое замечание.

Впрочем, главной цели — узнать что-то о том, как работает бизнес, — я достиг, хотя знание это было немного разочаровывающим. Мне дали его не лекции, а осознание, какой хитрый бизнес-проект — «Школа юного менеджера». Плехановский институт дал в газету привлекательное объявление, наполненное модными словами. Через «строгий барьер экзамена» пропустили всех желающих — ограничителем явно была только физическая вместимость аудитории. Со всех собрали деньги и прочитали им довольно заурядные лекции. Уж не знаю, заканчивал ли «Школу юного менеджера» тот парень, который это придумал, но заработал он неплохо.

Что касается основного места учёбы, мы устроили несколько семейных советов, где, в общем, проблема выбора была сведена к двум опциям: экономический или юридический факультет. Конечно же, в новом мире рыночной экономики останутся только две эти профессии — экономисты и юристы, — а все остальные вымрут в ходе естественного отбора. В 92-м году сама идея пойти учиться на какого-нибудь физика выглядела смехотворно, а уж на врача и учителя — и обсуждать нечего, непонятно было, кто туда идёт и зачем. Я рассказываю это вроде с иронией, но ведь это был объективный процесс того времени: все так хотели стать юристами и экономистами, что в течение нескольких лет открылись сотни подобных профильных вузов, и уж точно абсолютно в каждом существующем вузе, в любом училище или колледже завели юридический и экономический факультеты. Привело это к довольно очевидным последствиям: спустя пятнадцать лет юристов, экономистов, менеджеров и маркетологов стало как собак нерезаных, а нормального инженера было не найти. Пишу эту книгу в 2020 году и очень надеюсь, что к 2035 году то же самое не произойдёт с программистами и специалистами по искусственному интеллекту.

Но это случилось позже, а в 1993 году, когда я поступал, система образования была ещё советской и во всей Москве было всего три гражданских вуза, где обучали юристов. Из двух опций я в итоге выбрал эту, в первую очередь потому, что мне хотелось держаться подальше от математики.

У меня было четыре варианта поступления. Как довольно метко описал их один из абитуриентов, с которыми я учился на подготовительных курсах: 1 — юридический

факультет Московского государственного университета, куда ломится вся Москва, 2 — юридический факультет Московского государственного института международных отношений, где учатся одни блатные и КГБшники, 3 — Российский университет дружбы народов, где учатся студенты из Африки и КГБшники, приставленные, чтобы за ними следить. Ещё был вариант 4 — юридический факультет военного университета. Поступить туда мне как сыну военного было проще всего, но я насмотрелся на жизнь в военном городке, так что сама мысль о том, что я должен буду надеть форму и выполнять чьи-то приказы, казалась мне совершенно невозможной. Родители сделали несколько вялых попыток убедить меня пойти в военный университет, но скорее потому, что понимали, как сложно будет поступить на гражданский юридический. Получив решительный отпор, больше они с этим ко мне не приставали, хотя был ещё один забавный момент. На самом деле существовала и пятая опция: Академия ФСБ. Технически следственный факультет тоже давал юридическое образование, и отец однажды сказал мне, что знает там кого-то, связанного с поступлением, и поэтому не рассмотреть ли мне и такой вариант? Я даже обсуждать этого не стал, но сейчас забавно подумать о том, как сложилась бы моя судьба, если бы в 1993 году я пошёл учиться на следователя ФСБ.

В итоге я решил поступать на юридический в Московский государственный университет. Задача, прямо скажем, амбициозная, и родители только хмыкнули, узнав о моём решении. И сейчас юрфак МГУ даёт, скорее всего, лучшее юридическое образование в России, а тогда-то

поступить туда было примерно как поступить в Гарвард.

Ужасный, невыносимый и бессмысленный стресс — вот что это было, если описать одной фразой. После того как всё это закончилось, я дал себе обещание, что никогда в жизни не буду наседать на своих детей в связи с поступлением. Спустя двадцать пять лет после каждой нудной лекции («поступить в хороший вуз — это самое важное, что ты можешь сделать»), которую я читал своей дочери Даше, я вспоминал это обещание, чувствовал себя пристыженным и всё равно читал новую лекцию. Наверное, это часть того, что называется «родительским инстинктом».

Придя на первый экзамен, я оказался в толпе абитуриентов и их родителей и сразу столкнулся с вице-премьером российского правительства. Человек, не сходивший тогда с экранов телевизора, пришёл поддержать своего поступавшего сына. Мы с матерью переглянулись. Честно говоря, я до сих пор понятия не имею, как в те годы формировались списки поступивших — сколько было блатных, сколько за взятки, а сколько действительно сдавали экзамены. Мне нужно было восемнадцать баллов, я получил пять по английскому, пять по истории. Сочинение давало две оценки. Я получил пять за творческую часть и три за грамотность, но при подсчёте баллов учитывалась худшая оценка, и это сделало моё положение опасным: теорию государства и права я должен был сдать только на пять. В этом я был более или менее уверен: «теория» была одним из моих любимых школьных предметов. Но на экзамене я имел возможность сам убедиться в том, как работает система «не пускаем лишних».

Я, конечно, много читал об этом — в СССР существовала почти узаконенная практика не принимать евреев на математические факультеты. Конечно, никто не говорил им: «Вы еврей, мы вас не принимаем». Просто на устном экзамене несчастному школьнику с проблемной «пятой графой» задавали всё более сложные вопросы. Какой бы он ни был умный, преподаватель всё равно умнее и рано или поздно придумает вопрос, на который школьник не сможет ответить. Характерный анекдот того времени:

На вступительных экзаменах в МГУ еврея-абитуриента хотят завалить и задают бесконечные, всё более сложные вопросы. Он отвечает на все, наконец его спрашивают:

— Как вы объясните, что Лев Толстой помнил себя с сорокадневного возраста?

— Ничего удивительного, я помню себя с восьмидневного.

— Что же вы помните?

— Помню, что пришёл старый еврей с бородой и пейсами и отрезал мне возможность поступления в университет.

Ко времени моего поступления никакого национального ценза не существовало, но суровые законы рынка ввели другое квотирование — вполне интернациональное. Если на факультете четыреста мест, а сто детей нужно взять, потому что их родители — начальство, а ещё сто мест проданы за деньги, необходимо срезать в два раза больше поступающих. На экзамене я ответил на все вопросы, но преподаватель продолжал задавать новые и новые, пока не спросил, как сейчас помню, о понятии «нормального риска». Это термин из трудового права, который проходят

только на третьем курсе университета. Отдавая себе отчёт, что ответ: «Я не знаю» — худший из возможных, я начал что-то выдумывать на ходу. Председатель комиссии махнул рукой, сказал: «Вы не знаете!» — и поставил мне четыре.

Семнадцать баллов. Я не поступаю. Конечно, сам виноват, надо было писать сочинение на пять и пять, и никто не мог бы меня срезать. Но всё равно катастрофа. Два дня я переживал так, будто жизнь моя закончилась. В голове проигрывалась сценка, как я говорю друзьям и родственникам: «Я не поступил», а они сочувственно кивают. Однако решение нашлось довольно быстро. В Университет дружбы народов принимали с баллами, полученными на экзаменах в МГУ, и там семнадцати было достаточно. Так я попал в место, которое на жаргоне тех времён называлось «Лумумбарием». Полностью мой вуз назывался Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Это учебное заведение было создано как международный университет, куда могли приезжать учиться студенты из стран, выбравших «социалистический путь развития». Как и всё в СССР, создание вуза активно использовалось для пропаганды, в данном случае — пропаганды противостояния колониализму и поддержки «трудящихся всего мира в их борьбе с американским неоимпериализмом». Поэтому университет демонстративно назвали в честь Патриса Лумумбы — конголезского политика, зверски убитого праворадикально настроенными военными под командованием бельгийцев. Как показали позже рассекреченные документы, сотрудники ЦРУ тоже приложили руку к этой смерти.

История трагическая, но советские люди, перекормленные пропагандой и поэтому весьма саркастически и цинично относившиеся ко всем событиям такого рода, придумали следующий её пересказ: «Советские трудящиеся возмущены, что Чомбе по приказу Мабуту в Катанге убил Лумумбу», — демонстрируя тем самым, насколько им до фонаря международная политика в условиях, когда в магазине нет сливочного масла.

В постсоветские времена добавка «имени Патриса Лумумбы», очевидно, начала тяготить руководство университета, уставшего от бесконечных шуток, и они стыдливо, не привлекая внимания, избавились от неё на первом году моего обучения.

В числе интересных фактов об университете было принято (не без тайной гордости) упоминать, что в нём учился знаменитый террорист Карлос Шакал. Причём иностранная пресса обычно акцентирует внимание на том, что он посещал «военную кафедру», что российскому гражданину смешно: военные кафедры есть почти во всех университетах, и в них нет ничего зловещего. А выпускнику РУДН смешно вдвойне, ведь у нас военной кафедры не было. Однако вуз, безусловно, был специфический. Я поступал в первый год, когда абитуриентов стали принимать сразу после школы. До этого обязательным требованием была служба в армии, почему и ходили бесконечные слухи и шутки о том, что все неиностранцы, учащиеся в «Лумумбарии», — разведчики.

Так или иначе, я поступил, моя жизнь не была разрушена. Я мог гордо поддержать разговор на тему поступления, просто пережив обязательную порцию шуток

про «Лумумбарий», шпионов и студентов из Африки. Уровень бытового расизма среди граждан СССР и постсоветской России был тогда довольно высок, несмотря на все телеувещевания о дружбе народов.

Все мальчики из моего и параллельных классов дружно поступили в военные училища, военный университет и Академию ФСБ. Вообще, эта особенность биографии (я из семьи военного, все вокруг военные, все друзья поступили в военные училища) позже делала меня немного чужим в либерально-демократической среде. Не то чтобы происхождение осуждалось, но оно казалось странноватым. Типичный активист — это выпускник хорошей московской школы. А я — подмосковный тип, у которого на физиономии написано, что он мент или военный. Забавно, что вот это «на лице написано» действительно работало, причём в обе стороны. До того как я стал более или менее известен и меня стали узнавать в лицо, полицейские на митингах постоянно принимали меня за своего — оперативника. Я даже легко мог проходить через любые полицейские оцепления, главное — сделать непроницаемую физиономию и вести себя так, как будто ты тут самый главный.

Поступив, я с нетерпением ждал сентября, чтобы увидеть наконец-то своих однокурсников: вдруг они и правда окажутся какими-нибудь непонятными людьми, чья задача — следить за иностранцами. Иностранцев я тоже, понятное дело, ждал, хотя к 93-му году они уже не были такой экзотикой, как в СССР. Первого сентября стало ясно, что всё будет отлично: совершенно нормальные бывшие школьники, такие же, как я. И с первого разговора понятно,

что все очень умные. Иностранцы тоже были — милейшие люди, правда, годами постарше и явно немного переживавшие из-за незнания языка и страдавшие от холода.

Специфика обучения в РУДН предполагала, что первый год все иностранцы учат только русский язык, а все русские — только иностранный язык, который им назначали случайным образом. Здесь я сделал одну из самых больших глупостей в своей жизни. На общем собрании всех поступивших студентов я последовал дурацкому совету ректора, который сказал: «Конечно, хорошо знать два иностранных языка. Поэтому, если вы учили в школе английский, возьмите французский или испанский». Меня распределили в английскую группу, и я пошёл и попросил поменять мне язык. «Вам французский или испанский?» — спросила женщина на кафедре. Я пожал плечами. Она записала меня во французскую группу.

Суперинтенсивное изучение французского действительно позволило мне более или менее овладеть языком к концу года, а к концу обучения в университете я, как и все, получил даже дополнительный диплом переводчика с французского на английский. Но без практики (а где можно практиковать французский?) язык довольно быстро забылся, а английский так и остался у меня в недоученном состоянии. Говорить — говорю, но с сильным акцентом и кучей грамматических ошибок.

Как раз во время моих раздумий об университете и поступлении в полный рост разворачивалось то самое явление, из-за которого во многом девяностые годы

получили прозвище «проклятые». Я уверен, что именно это явление — одна из главных причин, по которым Путин сохраняет популярность у части общества и с его именем связано представление об «установлении порядка», хотя в целом государственная система при нём тотально деградировала. Явление это в нашем городке олицетворял человек в белых носках. Эти носки были отлично видны, потому что ноги в них он выставлял в окно своего автомобиля «ауди». Сомневаюсь, что это удобная поза — сидеть в машине, выставив ноги в окно, но, видимо, она была важна ему с точки зрения демонстрации превосходства над окружающими. Человека звали Эмиль, и он был главный бандит. Ну то есть в этом и заключалось «проклятье девяностых»: каждый человек в любом насёленном пункте знал, кто тут главный бандит и какие действуют преступные группы. Организованная преступность появилась как-то одномоментно, но сразу отвоевала себе огромное место в общественной жизни. Вроде только что закончился Советский Союз, при котором наличие человека в белых носках было немыслимо. Да, конечно, были люди, сидевшие в тюрьме, были некие «цеховики» — люди, занимавшиеся запрещённым предпринимательством, но с точки зрения обычных граждан они существовали на какой-то другой планете. Если о ком-то говорили, что он сидел в тюрьме, это ни в малейшей степени не могло иметь какой-то положительной коннотации. Ещё было популярное выражение: «Живёт на сто первом километре». Советская система уголовного права запрещала бывшим преступникам селиться ближе ста километров к большим

городам. «Сто первый километр» был местом, где живут всякие алкоголики, воры и подозрительные типы, совершенно не имеющие романтического ореола и ни в коем случае не наделённые какой-то властью.

И тут внезапно выясняется, что, оказывается, главная сила в стране — это вот те, кто собирается в шашлычной у дороги каждый вечер. К ним, как в фильмах про итальянскую мафию, ходят «решать вопросы», советоваться, их стоит остерегаться. Это было поразительное явление, особенно для места, где я жил. В городе целая дивизия вооружённых мужчин, чья работа — воевать и убивать, но главный авторитет — неизвестно откуда взявшийся грузин в белых носках. Дополнительное значение у слова «авторитет», обозначающее как раз неясный статус таких людей (то ли преступник, то ли предприниматель, то ли уважаемый человек), появилось именно тогда и активно используется до сих пор. В любой биографической статье о том же Путине найдётся много эпизодов о связях с «авторитетными предпринимателями» — всем понятный эвфемизм для обозначения бандитов и представителей преступных группировок.

Также внезапно выяснилось, что тюремный опыт — это что-то хорошее и очень важное. Фраза: «Он сидел в тюрьме семь лет, он пропащий человек, с ним не нужно иметь дел» — непостижимым образом трансформировалась во фразу: «Он отсидел семь лет — значит, он знает полезных людей и может решить наши проблемы». Наш Эмиль был нижним звеном пищевой цепочки. Более крупный бандит, «державший» Одинцовский район, базировался

у автомастерских на Минском шоссе, километрах в пятнадцати от нас. Над ним стояли ещё какие-то люди, связанные с «солнцевскими». Эту иерархию понимали все вокруг — по крайней мере, все люди, с которыми общался я: и школьники, и студенты, и взрослые. Откуда все это знали — непонятно, но всем было очевидно: это как поселковая, районная и областная администрация. Если у тебя не получается решить вопрос с местными бандитами, то можно договориться с вышестоящей группой.

Любой бизнес, от маленького магазина до завода, имел «крышу». «Крыша» — главное слово девяностых. На второй минуте обсуждения любого предпринимателя звучал вопрос: «А кто его крыша?» Преступные группы образовывались по самым разным принципам — по территориальному (разные там «подольские» и «солнцевские»), по наличию боевого опыта («афганцы»). Ещё были спортсмены — наверное, самая многочисленная группа. Все борцы, боксёры и так далее поголовно подавались в бандиты, а боксёрские залы были прямо кузницей кадров. Наконец, были «синие». Так называли олдскульную преступность с их доперестроечной тюремной иерархией и татуировками — потому они и были «синими».

Вся страна обсуждала бандитские войны, противостояние между «синими» и спортсменами и тому подобные увлекательные вещи. Россию захлестнула волна шансона — если подумать, это русское кантри.

Глава 6

Учёба в университете мне не нравилась. Я, безусловно, не ожидал, что в реальной жизни она будет выглядеть как студенческие вечеринки из американских фильмов, но разочарование приносило буквально каждое направление университетской жизни.

Во-первых, вечеринки и разгул. Они были, конечно, но вид имели чаще страшный и неловкий. Я с самого начала попал в компанию ботаников, несмотря на не слишком «ботанический» внешний вид. Мне всегда приятнее оказаться в компании людей, которые ужасно стесняются противоположного пола, но прочитали кучу книг и шутят (или пытаются шутить) заумные шутки, чем среди заядлых тусовщиков, непринуждённо перемещающихся с бокалом, смеющихся и очень круто целующих воздух друг у друга возле щёк. Таких я сам до сих пор стесняюсь и боюсь.

Позже, на третьем-четвёртом курсе, я примкнул к крутой компании. В том смысле, в каком понимали крутость в девяностые. Там был парень с геликом[5], мой хороший друг. Там был сын крупного мента, сын ФСБшника, и мы все изображали из себя крутых парней. Ну, в девяностые, если ты приезжал на гелике, ты таким и был. А на нашем к тому

же стояли мигалки, и у моего друга был дивный документ — «непроверяйка». Натурально, документ, выданный МВД, на котором было написано: «Предписание без права проверки». Он, прямо как бумага в книге «Три мушкетёра», сообщал тому, кто брал его в руки, что сам автомобиль, его водитель и пассажиры не подлежат обыску, проверке и административной ответственности. Это к вопросу о том, почему «как в Америке у нас не получилось»: вот потому и не получилось, что были такие документы. Они и сейчас, кстати, существуют.

Но я отвлёкся.

Несмотря на переход в крутую компанию, с ботаниками я тоже отношения сохранил — интересно, что именно с ними я поддерживаю связь до сих пор. Когда я говорю жене: «Вечером пойду пить пиво с университетскими друзьями», она совершенно спокойна, потому что со всеми знакома и точно знает, что самой радикальной частью вечеринки могут стать шутки об истории Древнего Рима и споры о национальном вопросе.

К тому же скоро выяснилось, что мою желанную разгульную студенческую жизнь естественно ограничивает такая досадная штука, как автобус № 26.

Автобус № 26 — мой враг, объект моей постоянной неловкости и боль моих студенческих лет. Технически я жил в ближнем Подмосковье, но транспортная система девяностых, и до того, в советские времена, очень сомнительная, ещё сильнее сжалась от безденежья и общего бардака. Такси существовало только в виде редких машин частного извоза, стоило баснословно дорого, да и почти не присутствовало на таких малоперспективных маршрутах,

как железнодорожная станция Голицыно — военный городок Калининец. Поэтому ничто не угрожало царствованию автобуса № 26, а подданные вроде меня терпели.

Чтобы успеть в университет к первой паре, начинавшейся в 9:00, я должен был проснуться в 5:55, позавтракать, одеться, дойти до остановки и сесть на тот рейс автобуса, что в расписании был обозначен как 7:04. Ну то есть как сесть — взять штурмом. Таких, как я, едущих в Москву к 9:00, было много, и часто подошедший автобус просто не мог открыть двери — они были зажаты спинами пассажиров, успешно залезших в него на предыдущих остановках. Следующий рейс был в 7:18, на практике это означало сорокаминутное опоздание. С автобуса нужно было со всех ног бежать на подходящую к ж/д станции электричку до Москвы, а там пересесть на благословенное московское метро, где поезда ходят быстро, часто и изобильно.

Поэтому мы, стоявшие на остановке, разжимали двери руками и под ругань и крики водителя через громкоговоритель (он причитал о судьбе своих драгоценных государственных дверей) буквально утрамбовывали тех, кто уже ехал. Утрамбовывали мужчины — женщины прибегали к технике «ввинчивания».

Но вечером было ещё хуже. Последний рейс ко мне в городок уходил в 21:28. Позже ни утрамбовываться, ни ввинчиваться было уже просто некуда. Сами понимаете, это была катастрофа. Какие могут быть тусовки, какое студенческое веселье, если в полдесятого, когда любое веселье только начинается, а девочки только-только

позволили себя уговорить перейти с шампанского на водку, ты должен быть на чёртовой ж/д станции Голицыно! А значит, с вечеринки надо уйти в 20:30. Ну, конечно, периодически возникали варианты у кого-то переночевать, остаться у друзей в общежитии и так далее. Но это, очевидно, означало утренний приход в универ в виде немытого всклокоченного бомжа, да и гордость не позволяла проситься к кому-то часто.

Досада моего положения была ещё и в том, что невозможно же было признаться и объяснить кому-то свою трагедию с автобусом № 26! О какой крутизне вообще может идти речь, если ты, как лох, вынужден бежать с электрички на автобус, чтобы оказаться дома в своём жалком Подмосковье в детское время — без четверти десять?

Поэтому я часто предпочитал просто идти со станции домой пешком. Не так и далеко — 6,2 километра. В пешем походе были даже серьёзные плюсы: например, если возвращаешься домой не очень трезвый, то этот ночной моцион приводит тебя в норму. Но минусов было больше. Самый большой — идти было просто страшно. Страшно не то, что через лес, а то, что собьют. Многочисленные веночки и ленточки, привязанные к деревьям и столбам то тут, то там, уверенно подтверждали: ага, запросто собьют.

Дорога была прямая, ровная, совершенно тёмная и с крохотной обочиной, за которой была глубокая канава. Когда сам едешь на машине пассажиром, то убеждаешься: прохожий появляется в свете фар буквально перед капотом. Даже аккуратный трезвый водитель может совершить наезд на такую вот жертву автобусного расписания, а пьяный — тем более. А уж пьяных в те времена, когда гаишники брали

взятки, совершенно не таясь, и за деньги отпускали не то что пьяного, а пьяного с автоматом, гоняло по ночам очень много.

Зимой же, когда маленькая обочина совсем исчезала и приходилось двигаться прямо по проезжей части, а при виде приближающихся фар отступать в сугроб, идти было совсем-совсем неприятно.

Эк я. Сколько страниц автобиографической книги посвятил несчастному автобусу. Вот что называется — боль всей молодости. Сколько лет прошло, а я всё жалею об упущенных возможностях вечеринок и разгула.

Я, кстати, потом миллион раз задавал себе вопрос: почему же я не прибегнул к такому очевидному решению, как съём однокомнатной квартиры рядом с университетом? На первом-втором курсе — понятно, я не мог себе этого позволить. Но потом, когда стал работать, — мог бы. Понятия не имею, почему я этого не сделал, но, оглядываясь на прошлое, я рад, что сохранил приемлемый баланс «стеснительный ботаник, изображающий крутого парня». Чёрт его знает, куда бы привела меня съёмная квартира в середине девяностых. Не то что я не уверен в себе и думаю, что меня могла увлечь «плохая компания», но жизнь, вполне вероятно, сложилась бы иначе.

Ха-ха-ха. Перечитал последнюю фразу и внутренне засмеялся...

Однако здесь уместно упомянуть ещё одну причину, по которой учёба в университете и сам он не оставили у меня тёплых воспоминаний: наркоманию.

Я успел закончить вуз до наркоэпидемии начала нулевых годов, выкосившей целые поколения в городах и посёлках

Подмосковья, на Урале и во многих других регионах. Из тех, кто учился со мной в школе и РУДН на одном потоке, я знаю считаные единицы погибших от наркотиков или ставших настоящими героиновыми наркоманами. Однако на каждом новом курсе таких знакомых становилось всё больше. Мой брат Олег, который на семь лет младше меня, назовёт уже весьма приличное количество одноклассников и однокурсников, сторчавшихся до клиник или трагического конца.

Первый курс, я еду с приятелем на автобусе, идущем от метро «Юго-Западная» до остановки «РУДН». В который раз замечаю группки из двух-трёх странных подростков в спортивных костюмах, которые слоняются вдоль забора нашей территории и поднимают с земли какие-то бумажки. А время — 8:30 утра.

— Андрюха, — спрашиваю, — кто это такие? Постоянно вижу таких хмырей здесь, и самое удивительное в том, что они заставили себя встать в такую рань, чтобы приехать и ходить вдоль забора, заглядывая в урны. Кто это вообще?

Приятель смеётся:

— А ты не знаешь? Это наркоманы. Они ищут нычки. (Сейчас их называют «закладки».) — Нигерийцы прячут наркоту в сигаретных пачках вдоль забора, в урнах, под лавочками, а наркоманы, у кого нет денег, просто наудачу бродят и ищут их тайники.

И он ещё веселее засмеялся, увидев выражение моего лица и расширившиеся глаза.

Мир наркотиков обошёл меня, парня из военного городка, совсем стороной. Я знал, что где-то есть какие-то наркоманы. Героин — это ужасно. Марихуана менее ужасна,

она продаётся спичечными коробками, называемыми «корабль». Стоит недорого, курят её многие знакомые, и выглядит это всегда супердебильно: они натужно смеются, и кажется, что они как будто изображают смех.

А оказывается, я каждое утро хожу мимо гнезда наркомании. РУДН в течение нескольких лет действительно был гнездом и главным местом распространения тяжёлых наркотиков. Всему виной международная специфика университета. Это было одно из немногих мест, где были иностранцы, и, что ещё важнее, они были из стран третьего мира и жили компактно в общежитиях. Студенты-нигерийцы наладили каналы поставки героина и стали первой настоящей наркомафией в России, работавшей по «мировым стандартам». Как в кино: деньги отдаёшь одному, другой говорит тебе, где товар. Идёшь и поднимаешь с земли сигаретную пачку, в которой лежит шарик из фольги. Единая этническая принадлежность, язык, не понятный никому вокруг, родственное и клановое доверие — эти факторы помогали нигерийцам довольно долго оставаться важнейшими игроками рынка, и территориально это всё происходило у нас в РУДН.

Наркополиция, которая и сейчас-то в России сама организует крупную наркоторговлю, отлавливая и сажая лишь мелких конкурентов, в те времена и подавно занималась только наркобизнесом и грабежом барыг. Они ненавидели нигерийцев и поначалу боролись с ними крайне жёстко именно потому, что те были для них на одно лицо, говорили на непонятном языке и не подчинялись правилам. Сам видел, как в подземном переходе через Ленинский проспект оперативники поймали убегающего

чернокожего наркоторговца и буквально разорвали ему рот, чтобы достать те самые шарики в фольге. Они катались по всему переходу в лужах крови.

В общем, хотя рассказывать об этой стороне жизни нашего университета знакомым и родителям, слушая их охи и восклицания, было прикольно (если честно, я и сейчас не понимаю, чего в моем рассказе больше — желания передать, как это было, или тайного хвастовства, как это было *круто*), в целом весь этот наркоконтекст, увлечение наркотиками среди студентов младших курсов и особенно несчастные родители, приводившие своих бестолковых чад за руку в аудиторию и караулившие их под дверью, чтобы не сбежали, мне совершенно не нравился. Из-за этого я не чувствовал, что учусь в приличном месте.

Наверное, во всём этом был большой плюс. Наркотики раз и навсегда лишились в моих глазах гламурного и романтического ореола. Они ассоциировались не с классными вечеринками, где модели нюхают кокаин через стодолларовые купюры, а с тем, что они и есть в реальной жизни: нищими людьми, попрошайничеством, грязью, какими-то мерзкими кровавыми бинтами и обгорелыми ложками. Очень-очень много раз потом в своей жизни я сталкивался с самыми разными наркоманами и наркоторговцами. С разной историей, бэкграундом, взлётами на разную высоту и падениями разной силы, но результат был один: они ломали себе жизнь.

Так что ну их к чёрту, эти съёмные квартиры для двадцатилетнего парня в середине девяностых.

Следующее, что не просто неприятно поразило, а прямо шокировало меня в университете, — коррупция. То, что

приёмные комиссии коррумпированы и принимают людей за взятки и по знакомству, удивлять не могло. Это было известно абсолютно всем в СССР и позже в России. Общая деградация всех органов советской власти с конца семидесятых затронула все сферы, включая, конечно, образование — высшее прежде всего. Хотя признаюсь, что на меня произвело впечатление, как много студентов имеют родственников в университете и живут в соседних домах, то есть в тех квартирах, которые строили и выделяли сотрудникам РУДН. И ещё я изумлялся простоте схем, которые проворачивали сотрудники, чтобы устроить своё чадо на супервостребованный юридический или экономический факультет.

Пока деревенские дурачки вроде меня штурмовали юридический напрямую, сдавая экзамены и преодолевая высокий конкурс, ушлые люди, понимавшие, как работает система, направляли своих детей на непривлекательные факультеты вроде сельскохозяйственного. А потом, спустя полгода, оформляли внутривузовский перевод. Небольшая сумма в конверте (или даже просто дружеская услуга коллеге), и хоп — ты уже на юридическом.

Но это ладно. Такие схемы родители и преподаватели проворачивали где-то там, тайно.

А вот как сами студенты платили за экзамены и зачёты — это прямо впечатляло. Любой экзамен можно было сдать за деньги, и это делалось совершенно открыто. Безусловно, существовали преподаватели, не бравшие этих стодолларовых бумажек, лежавших в зачётках. Наверное, большинство не брало вот так откровенно и напрямую, но те, кто брал, могли «решить вопрос». И всегда существовал

«человек на кафедре», к которому можно было подойти. Он брал пятьдесят долларов себе и сто долларов профессору (с его слов! Скорее всего, тоже себе) и решал вопрос.

До сих пор помню прекраснейший эпизод с предметом «Гражданский процесс зарубежных стран». Его вёл дедушка, выглядевший как уважаемый профессор, честнейший и милейший человек. Предмет был сложный, по общему мнению, бесполезный и никому не нужный. Но зачёт сдавать надо! И вот в аудиторию приходит мой одногруппник, дагестанец Мамедхан, он же просто Мага, и радостно объявляет: «Я договорился, он возьмёт по пятьдесят долларов за зачёт! Собирайте зачётные книжки и кладите туда по полтиннику».

Вот так, открыто? Такому милому дедулечке? Не верилось. Но про Магу было известно, что он покупает, или «вымучивает» (от слова «мутить»), все экзамены. Сумма небольшая, в те времена основной валютой в кошельке у каждого был именно доллар. Большая часть группы, даже многие из тех, кто обычно не платил, посмеиваясь, сдают зачётки, вкладывая в них купюры. Собирается большая стопка. Моя зачётка и мой полтинник тоже внутри — врать не буду. Мага не может все унести сам: «Лёха, помоги по-братски, возьми половину».

Мы относим зачётки милейшему профессору, он улыбается, вежливо и церемонно с нами здоровается, просит поставить стопку зачёток перед ним, после чего, совершенно не стесняясь нас, берёт их по одной, достаёт купюру или купюры (в некоторых лежало по пять десяток, и профессор неторопливо их пересчитывал), откладывает их в ящик стола, ставит зачёт и расписывается. Вся

операция заняла минут пять, после чего мы отнесли зачётки обратно и раздали.

Было ли такое повсеместно и в каждом вузе страны? Нет. Всё-таки технические вузы, всякие там физтехи и мехматы, не были настолько поражены коррупцией. Конкурс туда сильно упал, все хотели быть юристами и менеджерами, а не физиками. Народ, который шёл туда учиться, был беден. Всё держалось на энтузиазме и в каком-то смысле на представлении, что «все эти математические гении — люди со странностями». В те времена их поведение было «нерыночным» (хотя потом стратегически многие из них выиграли, и почти все по-настоящему замечательные бизнесы были основаны именно разнообразными физтеховцами, а не менеджерами с юристами), соответственно, и экзамены они сдавали по старинке, а не с помощью равновесной цены в точке пересечения графиков спроса и предложения.

А вузы типа моего — модные и привлекательные — как раз дали в итоге мощнейший выброс кадров в структуры государственного управления, госкомпании (тогда их ещё не было, но путинский госкапитализм был не за горами) и компании крупного олигархического бизнеса. И вот это суперциничное отношение ко всему, лёгкость, повседневность и обыденность коррупции надолго сформировали нравы и привычки российской элиты.

Ага, я так нравоучительно об этом рассказываю — как будто сам не платил.

Возьму на себя часть личной ответственности за разгул коррупции и расскажу позорнейшую историю своей биографии. Хотя в те времена я ею весьма гордился, всем

рассказывал, мне казалось, что она отлично показывает мою лихость и находчивость.

Раз уж в этой части книги я продолжаю отвечать на вопрос: «Почему как в Америке не вышло?», мне кажется, история эта здесь уместна.

Я уже «крутой». Ну то есть относительно, конечно. Настоящий крутой — это у кого крутая машина. «Гелендваген» или «мерседес» S-класса — это топ. Любая «бандитская» иномарка тоже подошла бы: БМВ, джип вроде Tahoe, всё в этом роде. Ничего подобного я себе позволить и близко не мог, но в нашей компании такие машины были, и главный козырь — гелик с мигалками. Священный свет этого гелика, причудливо отражаясь и преломляясь в окружающих объектах, падал и на меня. Как и на всю ту часть компании, которая так же многозначительно изображала из себя непростых людей, но в реальности была страшно далека от посещения автосалона. Так или иначе, предполагалось, что я уже не хожу, как лох, на все занятия подряд, а вместо первой пары иду в кафе, которое на первом этаже здания университета держали бывшие студенты-арабы. Здороваюсь с такими же многозначительными бездельниками, пью кофе, дожидаюсь друзей, мы идём завтракать. Потом куда-то едем. С кем-то «перетираем». Обсуждаем слухи и сплетни. Смеёмся и шутим друг над другом. Иногда идём на какое-нибудь занятие. Потом снова тусим, обсуждаем какие-то дела, бизнес-возможности (они никогда не переходят в реальность), ну и всё в таком духе. В общем, традиционное для девяностых бессмысленное времяпрепровождение молодёжи, которая пытается намекнуть всем вокруг

и самой себе, что она непростая, стараясь произвести впечатление на окружающих и, скажем честно, в первую очередь на девушек. Это работало с переменным успехом, но в целом работало.

Ну так вот. Очевидно, что довольно много занятий я пропускал. Коррупционный способ решения вопроса экзаменов подходил не всегда. Во-первых, это было бы недешёво. Во-вторых, это было уже для меня недостаточно *круто*. Надо было не заплатить, а «добазариться». В ход шли различные ухищрения, в основе которых лежало, конечно, враньё. Методом проб и ошибок был выявлен один из наиболее эффективных способов: прийти к преподу, объявить, что ты работаешь в прокуратуре или чём-то подобном (типа, помощником прокурора). Вот, мол, устроился. Жутко занят, извините. Поставьте зачёт.

Вспоминая это сейчас, думаю о том, как это тогда удивительно гармонировало одно с другим: ты постоянно изображаешь кого-то вроде бандита или человека, с ними связанного, а потом приходишь куда-то и объявляешь себя помощником прокурора Центрального округа Москвы. И ни у кого никаких вопросов. Ну а как должен выглядеть помощник прокурора или сам прокурор? Как бандит, конечно. Они же и есть бандиты все. Это всё одна зона человеческой жизнедеятельности: прокуроры, бандиты, РУБОП, люди на БМВ и «мерседесах». Такова была норма девяностых, которая пропала в начале и середине нулевых (и в этом была огромная реальная заслуга Путина), но сейчас вернулась в нашу жизнь полностью. Сейчас прокурор — тот же бандит, просто в более структурированной ОПГ.

Но я снова отвлёкся.

Удостоверение преподаватели не спрашивали и почему-то почти всегда без проблем сразу ставили четвёрку. Мы с приятелем — сыном крупного полицейского — получили весьма приличное количество четвёрок благодаря вот таким байкам.

И надо же было, чтобы на кафедре уголовного процесса мне попался вредный препод, который сам работал в прокуратуре. Выслушав мой рассказ, он задал мне пару уточняющих вопросов. На них я ответил без проблем: летнюю практику в прокуратуре я прошёл. Она заключалась в том, что мы ходили для сотрудников в «Макдональдс». Так что фамилии и адреса я знал. Кстати, «мой» прокурор (он больше любил не «Макдональдс», а пирожки из «Русского бистро») стал большим начальником, и я недавно встретил его фамилию в очередном обвинении по уголовному делу против меня и ФБК.

Четвёрку мне препод поставил. Но оказался таким дотошным, что не поленился и позвонил в отдел кадров прокуратуры, уточнить, работаю ли я у них...

Через неделю я сижу, как обычно, в холле, в своей компании бездельников. Заканчивается лекция, и из аудиторий вываливает народ, в том числе и с моего курса. Они смотрят на меня и смеются. Блин. Что случилось? «Да, — говорят, — препод по уголовному процессу в конце лекции сказал, мол, есть у вас такой Навальный? Я ему поставил четыре, потому что он выдал себя за моего коллегу в прокуратуре. Передайте ему, что его четвёрку я аннулировал и экзамен он мне никогда не сдаст».

Я приуныл. Что делать — непонятно. Чувак объявил мне вендетту, он совершенно прав, и, даже если я идеально выучу весь чёртов уголовный процесс — не велика задача, — он всё равно мне сдать экзамен не даст. Тут уж просто воспитательный момент.

И тут мои раздумья прервало появление Ивана Даниловича Козочкина, заведующего кафедрой уголовного процесса. Это единственный преподаватель, которого я тут называю по имени, потому что Иван Данилович, несмотря на грозное название своей кафедры, был просто королём коррупции.

«А ведь любой зачёт и экзамен, который сдаётся преподавателю кафедры, можно по определению сдать заведующему кафедрой, — осенила меня мудрая юридическая мысль. — Это же, получается, вышестоящая инстанция».

Я сразу подошёл к Ивану Даниловичу и поделился с ним этим рассуждением. Козочкин внимательно посмотрел на меня: «Ты прав, Лёша. Заходи на кафедру с документами».

Я занял сто пятьдесят долларов у друзей и отнёс на кафедру. Экзамен сдан.

На следующий день встречаю в коридоре злосчастного прокурорского работника.

— Навальный, когда вы придёте сдавать экзамен? — ехидно улыбается он.

— А мне не надо, спасибо. Я всё сдал, — отвечаю я максимально смиренно, подавляя ответную ехидную усмешку.

— Нет, надо, я вам четвёрку аннулировал.

— Возможно. Но я уже получил новую оценку. На этот раз

пятёрку.

И тут уж никакие силы мира не смогли бы удержать меня от торжествующей улыбки. И не удержали.

— До свидания, — говорю я, разворачиваюсь и ухожу походкой героя боевика после финальной сцены с самым большим взрывом.

Как я и написал выше, я пересказывал эту историю много раз и был страшно горд собой. Сейчас ничего, кроме стыда и разочарования самим собой тогдашним, не испытываю. Но из песни слов не выкинешь. Может, для того я и пишу об этом в таких подробностях, чтобы не просто передать дух времени, но и — методом публичной исповеди — разорвать связь с собой тогдашним. То есть ничего такого уж ужасного я не делал. Глупая трата своего времени и своей молодости была главным моим преступлением. Учиться мне было легко. Несмотря на то что с посещением лекций у меня было не очень, подавляющее число предметов я сдавал сам. Без коррупции и «муток». Сдавал без троек — только на четвёрки и пятёрки. С детства вбитая в голову заповедь («Всё, что ниже четвёрки, — это катастрофа и знак, что ты дурак») работала. Но когда коррупция и «мутки» имели место — это была позорная глупость. Не надо было этим заниматься, я прекрасно сдал бы всё сам. И вообще, надо было красный диплом получить.

И это подводит меня к главной причине, по которой мне не хотелось и не было интересно учиться: все эти преподаватели и тогдашние университеты вообще, увы, не могли ничему научить. На факультетах естественных наук было иначе — законы физики не меняются в зависимости от того, кто стоит у руля: президент России или генеральный

секретарь Коммунистической партии Советского Союза.

А вот у преподающих право и экономику мир рухнул, причём несколько раз. Законы и сама экономическая формация страны менялись постоянно. А они — вчерашние преподаватели марксизма-ленинизма. Праведники научного атеизма. Даже максимально удалённые от текущей политики, вроде преподавателей римского права, всю жизнь врали и лицемерили, ведь любое явление было положено объяснять классовой борьбой и положениями диалектического материализма. Даже те, кто пытался заниматься серьёзной наукой, обязаны были включать в свои диссертации десятки страниц идеологической чуши.

В середине девяностых все эти люди — приятные, милейшие и образованные — оказались совершенно профнепригодны. Они ничего не знали сами и ничему не могли научить других. Я довольно быстро понял одно из главных правил права: хороший юрист — не тот, кто знает всё, а тот, кто понимает, что и где почитать, чтобы разобраться. Это точно работает применительно к романо-германской системе права (в англосаксонской, основанной на прецедентах, всё сложнее) и уж тем более работает в странах, только начинающих строить новую правовую систему, вроде тогдашней России.

Мне нравится и нравилось быть юристом, я не ленился читать первоисточники, и меня страшно бесило чувство, что я разбираюсь во многих вопросах лучше преподавателей. Это просто выгоняло меня из аудитории, как могучая центробежная сила. Снаружи был преображающийся мир — пусть далеко не всегда прекрасный, но многообещающий. А ты, как дурак, должен

сидеть в аудитории, где преподаватель с явным затруднением рассказывает тебе о только что принятом законе, который он прочитал позже и в котором понял меньше, чем ты сам. А уж когда приходилось выслушивать какие-то экономические воззрения этих недавних певцов марксизма-ленинизма или тем более их взгляды на «геополитику» (я ещё тогда решил для себя, что постоянное употребление слова «геополитика» — маркер дурака, и этот признак меня ни разу не подвёл), это было просто невыносимо.

Конечно, мне хотелось сбежать и начать работать. Гибкая система посещения это позволяла. А главное, мне нужна была машина: автобус № 26 меня измучил. Мне хотелось мобильный телефон. Они только появились, и в глазах любого именно «мобила» была первым и базовым знаком, что ты не какой-то лох, а стоящий человек. Ну и вообще, состояния рождались на глазах. Как-то же все эти люди зарабатывают на свои прекрасные блестящие чёрные «мерседесы»! Значит, и любой может, я — уж точно. Правильно говорят: сейчас Россия — страна возможностей. Как когда-то Америка. Только лучше.

Есть в России такая рок-группа — «Бахыт-Компот». Так вот, в девяностые у них была песня — ужасная с музыкальной точки зрения, но очень важная как философское размышление панка. Я тоже об этом постоянно думал. Припев у песни такой:

«Нам хрен в дышло, а у чехов вышло.
Нам хрен в дышло, а у венгров вышло.
Нам хрен в дышло, а у немцев вышло».

Ну и так далее. У всех стран советского блока вышло. У прибалтийских республик СССР (теперь — стран Балтии) вышло. А у нас нет. Нефть есть, газ есть, металлы и лес есть, какая-то инфраструктура и промышленность есть. Высокообразованное население — есть, и много.

А ничего не вышло. Не просто «как в Америке» не получилось, но даже как в Польше. Я пишу это в 2021 году, когда в России официально тринадцать процентов людей живут за чертой бедности. А по уровню средней заработной платы нас обогнали и Китай, и Ливан, и Панама. Не вышло.

Когда-нибудь, конечно, получится и всё будет хорошо. Но надо признать правду: тридцатилетний период жизни страны с ранних 1990-х по 2020-е — это бездарно потерянное время деградации и отставания. А поколение моих сверстников и людей на пять-десять лет старше не зря называют потерянным и проклятым. Именно эти люди должны были стать главными выгодоприобретателями свободы — рыночной и политической. Они могли легко адаптироваться к новому миру (большинство представителей старшего поколения такой возможности было лишено). Пятнадцать процентов из них должны были стать предпринимателями, как в США. Но ничего не вышло ни у них — самых перспективных, ни у остальных. Спору нет, в 2021 году люди живут лучше, чем в 1990-м, — но, извините, тридцать лет прошло. И в Северной Корее люди живут сейчас лучше, чем тридцать лет назад, и в любой другой стране. Причины — научно-технический прогресс, целые новые отрасли экономики: связь, интернет, банкоматы, компьютеры. Люди, которые объясняют рост уровня жизни по сравнению с девяностыми успехами

и усилиями путинской власти, действительно похожи на героев анекдота, говорящих: «Спасибо Путину, при нём скорость работы компьютеров выросла в миллион раз».

Сравнивать надо не нас в 1990-м и нас сегодняшних, а нас сегодняшних и нас — *таких, какими мы могли бы быть*. Не в области фантастики и сказок — если бы мы росли среднемировыми темпами, спокойно добивались того, что на наших глазах сделали Чехия, Восточная Германия, Китай и Южная Корея. Такое сравнение навевает грусть. Это не абстрактное математическое упражнение, это тридцать лет нашей жизни. И бог знает, сколько ещё таких потерянных и украденных лет впереди. Пока Путин у власти, мы так и будем считать упущенные возможности, замечать: о, вот ещё одна страна обогнала нас по ВВП на душу населения. А вот эти — смотрите-ка, мы всегда относились к ним как к нищим — обогнали нас по уровню средней зарплаты.

Так почему не вышло-то? Чем мы оказались хуже Польши и Чехии?

У меня есть простой ответ. И хотя технически это ответ вопросом на вопрос, всё становится ясно:

— Скажите, а архитектор польских реформ Бальцерович стал долларовым мультимиллионером, как наш Чубайс?

— Скажите, а семья чешского посткоммунистического лидера Вацлава Гавела купила себе дом за пятнадцать миллионов долларов на Сен-Бартелеми[6], «острове миллионеров», и обладает другими активами на сотни миллионов?

— Скажите, а как так вышло, что именно в России почти все без исключения «молодые демократы-реформаторы-рыночники» девяностых стали сказочно богаты и сейчас

перекрасились в «консерваторов-государственников»? Ведь ни в Эстонии, ни в Венгрии, ни в Словакии, ни в ГДР — нигде этого не произошло.

Сейчас, когда у нас есть и тонны автобиографических свидетельств, и интервью, и архивные документы, и, главное, наглядные результаты тех дел и реформ, когда мы своими глазами видим «реформаторов девяностых», а ныне — путинских холуёв, пропагандистов, олигархов, чиновников, людей сплошь очень богатых, нам стоит уже честно, отбросив лицемерие и попытки оправдать самих себя за бесцельно прожитые годы, признать: не было в России у власти никаких демократов. В смысле — людей с подлинно либеральными и демократическими взглядами.

И главной истории нашего недавнего прошлого, о противостоянии «демократов» и советских консерваторов, тоже, в общем, не было.

«Как же не было, если я в ней участвовал!» — это даже мне хочется воскликнуть в ответ на такое то ли радикальное, то ли наивное, то ли чуждое суждение. Но сейчас, в 21-м году, ясно видится, что противостояния не было, по крайней мере в том виде, в каком пытаются представить его участники тех событий.

Был объективный исторический процесс. Был СССР, обанкротившийся идеологически, экономически и нравственно. Конфликт элит, часть которых ради отстранения устаревших маразматиков примеряла на себя более популярный окрас: в тот момент — «демократов и сторонников рыночной экономики». И под этим лозунгом захватила власть. Так и что же здесь такого? Оно ж ровно так и должно работать. Вам шашечки или ехать? Вам надо,

чтобы часть элиты провозгласила новые лозунги и победила под ними, или вы тут собираетесь ходить с прибором определения идеологической чистоты — либералометром — и выяснять, кто больше верил в то, что говорил, а кто меньше?

На самом-то деле, такой прибор не помешал бы. А то ведь ровно поэтому и не вышло. Ни как в Америке, ни как в Чехии.

Если борьбу с консерваторами-социалистами-маразматиками-дураками-вредителями в странах советского блока возглавляли (или, в некоторых странах, как минимум играли в ней ключевую роль) люди формата Леха Валенсы и Вацлава Гавела, прошедшие давление и репрессии, многолетней работой подтвердившие реальную приверженность словам, которые они говорили с трибун, то у нас всё было совсем не так.

Главный «радикальный демократ» — Борис Ельцин. В 1976 году, когда я родился, Ельцин уже был первым секретарём Свердловского обкома КПСС. То есть губернатором крупнейшего промышленного региона на Урале. С полномочиями, кстати, куда большими, чем у современных губернаторов. Вёл себя он там как типичный советский начальник-самодур. И как сел он в середине семидесятых в чёрный персональный автомобиль, вселился в служебную квартиру, обзавёлся элитной служебной дачей, так до самой смерти и пользовался всем этим вместе со своей семьёй. Плоть от плоти советской номенклатуры, узнающей о жизни «простого народа» от шофёров и домработниц.

— А как же «период опалы»?

А вот это отличный вопрос. До сих пор огромное количество людей убеждено, что Ельцин выступил с резкой критикой партийных боссов, опубликовал некие доклады, за что его репрессировали и он, бедолага, чуть ли не на нелегальное положение перешёл. В реальности ничего этого не было. Ни докладов, ни особой критики, ни тем более опалы. Сначала советские партийные боссы в рамках своих интриг назначили его главой Московского обкома КПСС, то есть мэром Москвы, а потом, когда начали с ним конфликтовать, пересадили его в кресло главы Госстроя. То есть министра строительства. Да уж, опала так опала! Даже на чёрную «Волгу» классом ниже пересаживаться не пришлось. И всё окружение у него было соответствующее — лживая советская номенклатура. И семья такая же, с такими же ценностями, вернее — с их полным отсутствием и одной только тягой к личной роскоши и деньгам. Это будет иметь ключевое значение, когда семья трансформируется в «Семью».

Никаких реальных идеологических мотивов у Ельцина, увы, не было, только жажда власти. Это был, бесспорно, человек крайне талантливый. Настоящий интуитивный политик, чувствовавший настроения людей и знавший, как их использовать. Человек, готовый время от времени действовать решительно и смело — но всегда для себя и своей власти, а не для людей и не ради интересов страны.

Пишу эту неожиданно страстную отповедь Ельцину, который, увы, ответить уже не может, и понимаю, почему мне это так важно. Во-первых, я сожалею о том, что был слепым фанатом Ельцина и принадлежал к той части общества, которая своей готовностью поддерживать его во

всём открыла дорогу тому беззаконию, что творится сейчас. Можете надо мной смеяться, но мне это важно.

Во-вторых, мало что меня так злит, как популярное сравнение меня с Ельциным. Такие параллели любят проводить в Кремле, и лидер российских коммунистов, который, несмотря на то что я уже много лет помогаю его партии в борьбе за выживание, должен критиковать меня по должности, любые заявления обо мне начинает с фразы: «Навальный — это молодой Ельцин».

Это прямо, как говорится, ранит меня в самое сердце. Я понимаю, что для того и сравнивают, чтобы позлить, но это кто-то очень грамотно придумал. Действительно злит.

Говорят, что от любви до ненависти один шаг. Я шагов сделал гораздо больше, но любовь совершенно точно была.

В начале и в середине девяностых я был не просто сторонником Ельцина, а из таких, что, не раздумывая, поддержат лидера во всех его начинаниях. Интересно, что в моём случае дело было не в том, что мне так уж нравился сам Ельцин или члены его команды. Я просто терпеть не мог альтернативу. Чёрно-белый политический мир, существовавший тогда, определил: либо ты с Ельциным, за движение вперёд — с ошибками, трудностями, непопулярными решениями. Либо за этих трухлявых безмозглых пней из СССР, у которых вообще нет никакой повестки, кроме: «Возвращаемся назад, там было хорошо».

А мне не было там хорошо. И попытки доказать обратное выводили из себя. И до сих пор, кстати, выводят. В девяностые какие-то идиоты пытались мне доказать, что моя мать, оказывается, не должна была вставать в пять

утра, чтобы купить мяса. А я не стоял каждый день в часовой очереди за молоком. А сейчас какие-то малолетние олухи, не помнящие СССР или не жившие в нём ни дня, устраивают холивары в интернете, доказывая, что Советский Союз был чем-то вроде Атлантиды, где все люди жили в справедливом обществе, преступности почти не было, а лучшую в мире науку боготворили все слои населения. Они постят пропагандистские картинки тех времён в качестве аргумента: вот, мол, смотрите, это обычный советский сельский магазин. Зумим на витрины и видим, что в продаже есть и бразильский кофе, и индийский чай. А вот целая пирамида из консервов — крабового мяса! Можно даже ценник разглядеть: сорок копеек. А трудящийся тогда получал в среднем — вот вам ссылочка на данные Госплана СССР — двести восемьдесят рублей.

Такого рода рассуждения заставляли мою память бунтовать и толкали меня прямо-таки на передовую священной борьбы президента Ельцина за демократию и рыночную экономику.

Добавьте сюда интерес к политике, появившийся у меня в тринадцать лет, и родителей, ведущих разговоры о политике, и получится кто-то вроде помешанного.

Я просто не мог спокойно слушать, когда кто-то критиковал Ельцина, а заодно Гайдара и Чубайса, главных его реформаторов. Сколько сотен часов я провёл в яростных спорах, защищая Чубайса — его чековую приватизацию и, позднее, залоговые аукционы!

— Это же формирование класса эффективных собственников!

— Это же изъятие собственности у отвратительных «красных директоров», которые мешают замечательным реформам!

У меня ведь был диплом по теме «Правовые особенности приватизации в России». Я там доказывал, как всё хорошо, правильно и основано на законе.

Как сейчас помню: очень приятный пожилой профессор с кафедры гражданского права — один из немногих действительно толковых преподавателей — спросил меня, стоящего на подиуме: «Ну, с правовыми основами всё ясно, а вы-то сами как считаете, был ли правовой механизм использован на благо людей и общества? Ведь крупнейшие, самые прибыльные сырьевые предприятия страны были просто буквально отданы бывшим главным чиновникам бесплатно. По схемам, неотличимым от обычного мошенничества».

Я тогда с досадой подумал: «Надо же, какой классный дед, а тоже недобитый коммунист, выступает против демократов, демократии и движения вперёд». И очень вежливо и немного снисходительно объяснил ему и всей комиссии, что взгляды на политические решения о приватизации могут быть разными, хотя лично я приветствую усилия реформаторов по передаче предприятий эффективным собственникам (я сделал ударение на слове «эффективным»), но в рамках своей работы я рассматриваю юридические аспекты, а они безукоризненны. Нареканий нет.

Профессор продолжал вежливо улыбаться, покивал головой. Я получил пятёрку.

Помню и другой случай. Я почти наорал на

малознакомую однокурсницу, сказавшую даже не мне, а своей подруге что-то вроде: «Голосовать надо за Явлинского, это единственный нормальный вариант».

Что?! Кто-то настолько глуп, что не понимает: только полная и безоговорочная консолидация вокруг Ельцина позволит ему победить коммунистов, желающих затащить нас обратно в какой-то мрак, где люди мечтают о возможности купить югославские ботинки?!

Уровень тревоги красный! Хороший человек обязан сейчас же влезть в чужой разговор и либо доказать этой дуре, что она ничего не понимает, либо, если аргументы не подействуют, просто обозвать её дурой вслух.

Видимо, этот мелкий эпизод врезался мне в память потому, что, во-первых, девушка была симпатичная, мне нравилась и страшно разочаровала меня своей, как мне казалось тогда, непроходимой тупостью. А во-вторых, спустя немного лет я вступил в партию этого самого Явлинского и, ожидая голосования партийной ячейки по своей кандидатуре, смеялся, представляя себя тогдашнего, если бы эта девушка оказалась путешественницей во времени и на моё «дура!» показала мне моё сегодняшнее фото.

Я гордо отстаивал право Ельцина, его правительства и администрации расстрелять парламент из танков. Ну конечно, расстрелять, а как иначе-то? Они же против реформ, они идиоты, что с ними разговаривать. Мы, образованные люди, знаем, как надо делать. Вон вся московская интеллигенция за нас и против них. Это какие-то бомжи собрались там, они просто не в состоянии даже понять, как правильно всё то, что делает команда Ельцина,

Гайдара и Чубайса. Пусть расходятся по домам в смиренном послушании. А если нет, то они заслужили этот снаряд из танка.

Выбрали на честных выборах? Представляют избирателей? Да плевать и на эти выборы, и на эту Конституцию, и особенно на этих избирателей. Это самое тупое быдло. Неудачники. Они не нашли себя в новом мире реформ и возможностей — это полбеды. Но они ещё и остальным не дают богатеть и развиваться! Собаки на сене: сам не ем и другому не дам.

Я смотрю на несколько листов распечатанного текста. Специально приберёг их, зная, что у меня в плане есть пункт «сложное отношение к Ельцину». Для создания настроения, так сказать.

Это вышедшее в 2021 году расследование (не наше, к сожалению) о шикарной вилле семьи Ельцина — его дочери и зятя — на острове Сен-Барт, или «острове миллионеров», как его называют из-за концентрации суперэлитной недвижимости богачей и звёзд. Там отдыхают семья Кардашьян и Абрамович. И вот выяснилось, что и семье первого президента России — борца с привилегиями, демонстративно ездившего на трамвае, — тоже принадлежит там дом за пятнадцать миллионов евро.

Работает! Смотрю и чувствую ту ненависть, к которой я всё же дошагал от своей любви.

Ненавидеть мёртвого человека глупо, и обязательно всплывает в голове поговорка: «Мёртвого льва может пнуть даже осёл». Мне она, кстати, всегда казалась странной. Что ж теперь, и Гитлера мёртвого нельзя пинать со Сталиным, и Пол Пота с Мао? Я же не виноват, что Ельцин умер до того,

как я стал достаточно заметен, чтобы он услышал мои слова.

Наверное, это всё же не ненависть, которой можно ненавидеть живого, а какой-то хитрый микс нелюбви, тоски и сожаления. Сожаления о грандиозном упущенном шансе моей страны и моего народа на нормальную цивилизованную европейскую жизнь, которую мы заслужили. Надежды, чаяния, доверие, в том числе слепое доверие таких наивных и бестолковых людей, как я в молодости, были преданы и цинично проданы. Обменяны на какие-то жалкие коррупционные приработки и схемки ельцинской семьи. На гарантии безопасности для них. Первый указ Путина был о материальном обеспечении и гарантиях неприкосновенности «семьи первого президента России». Это то, во что выродились великие исторические события середины восьмидесятых — начала девяностых.

Путин свои обещания выполнил. Семья Ельцина живёт в комфорте и безопасности. Ведёт какой-то свой небольшой, по нынешним масштабам, бизнес — судя по газетным публикациям, часть своих коррупционных доходов вложила в недвижимость.

Зять Ельцина, Валентин Юмашев, долгие годы работал официальным советником Путина. Смешно, что при этом он так же вполне официально находится на содержании сразу у нескольких олигархов одновременно. Вообще-то это очень похоже на коррупцию и взятку. Но никто не обращает внимания. Во-первых, неприкосновенность. А во-вторых, серьёзно? Платежи от олигархов? Да это самое невинное, что они делали.

И вот я смотрю на этот дом на Сен-Барте, и так мне горько оттого, что вот на это обменяли свободу граждан России. Так что прекратите в качестве примера несправедливой сделки приводить коренных американцев, продавших Манхэттен за двадцать четыре доллара: как вам всенародный президент, победивший на первых своих выборах (честно!) с результатом пятьдесят семь процентов и обменявший всё на дом с террасой где-то на Карибских островах?

Трезвый и объективный взгляд на ельцинское время открывает нам очень грустный, неприятный, но объясняющий приход к власти Путина факт: у власти в постсоветской России никогда не было никаких демократов и уж тем более либералов, которые выступали за свободу и противостояли консерваторам, мечтающим о возрождении СССР. За редчайшими исключениями вроде Гайдара и Немцова, которые оказались людьми лично не коррумпированными и нашли в себе силы либо устраниться (Гайдар), либо противостоять реинкарнации авторитаризма (Немцов), все они были сборищем отвратительных, лживых, лицемерных мерзавцев и воров. Партийными функционерами и комсомольцами, на время подхватившими демократическую риторику, чтобы в рамках политического противостояния того времени оказаться на стороне Кремля. Власти. Только это и было им важно: всегда занимать сторону тех, кто контролирует силовой аппарат, а главное, возможности обогащения.

Ведь все эти люди всегда воспринимали и воспринимают власть как ренту, феодальный надел, выданный на кормление. Власть = деньги. Власть = возможности. Власть =

комфортная жизнь для тебя и твоей семьи. А всё, что ты делаешь во власти, направлено исключительно на её удержание. Именно поэтому в СССР все эти деятели были лояльными членами КПСС и ни в малейшем инакомыслии замечены не были (все, включая Ельцина, который, несмотря на созданный вокруг него миф, руководящего чиновничьего кресла не покидал ни на секунду). Потом в этих же кабинетах они отдрейфовали в идеологическую нишу «демократов-капиталистов» и были приятно ошеломлены, поняв, как много можно получить в личную собственность в этой новой экономической формации. А потом, осознав, что все эти «выборы», «свобода слова» и дурацкие «права человека» — совсем даже не обязательное приложение к их швейцарским банковским счетам и не «неизбежное зло», они поплыли в сторону «патриотических консерваторов, сожалеющих о развале великого СССР». Совершенно органично. Никакого стресса. Сильно ошибаются те, кто думает, будто Анатолий Чубайс каждый вечер напивается от горя и унижения, — ведь в 1996 году он примерно миллион раз страстно сказал на пресс-конференциях о неэффективности государственной собственности. А уже спустя десять лет ещё более страстно доказывал преимущество государственных корпораций — этой волшебной системы, позволяющей руководителю быть одновременно и чиновником, получающим государственные деньги, и гендиректором с огромной зарплатой, бонусами и частными самолётами. Такая система идеально подходит, например, для развития нанотехнологий. И как только мудрый Владимир Владимирович Путин выдаст ему несколько сотен

миллиардов рублей, он, Чубайс, очень быстро покажет, что государство эффективнее частника.

Так вот: не нужно думать (как я когда-то), что Чубайс реальный и Чубайс условный страдают от собственного лицемерия и ежесекундной лжи. Органичное двоемыслие было важным качеством функционера советской системы. Те, кто был в нём особенно хорош, перешли в систему ельцинскую. Ну а настоящие профи составили систему путинскую. Они сменили несколько идеологических систем, не вылезая из служебного автомобиля с мигалкой. Ну профи же, правда.

Я не верю в карму. Не верю в предопределённость. Однако когда я пишу это, то думаю о насмешке судьбы: я испытываю чувство личной расплаты за то, что слепо поддерживал Ельцина в любых его беззакониях.

Не нравится тебе, что Путин тебя убить пытался химическим оружием? А когда Ельцин, выбравший и назначивший этого Путина, херачил из танков по парламенту, что ты говорил? Напоминаю: «Очень правильно, давно пора, никакой жалости к этим дремучим идиотам, засевшим в парламенте!»

Приватизационные залоговые аукционы, когда крупнейшие сырьевые предприятия были бесплатно розданы назначенным олигархам, — они ведь были не только циничны и аморальны по сути, но и абсолютно беззаконны по форме. Тех, кто хотел на них пролезть и поучаствовать в борьбе за лучшие куски пирога, оставшегося от СССР, не пускали под такими же смехотворными предлогами, как те, под которыми сейчас отстраняют кандидатов на выборах. А когда они шли

в суды, им улыбались там так же, как прокуроры на судах по твоим сфабрикованным делам.

Мне и моим товарищам не просто не дают участвовать в выборах — любая связь с нашей организацией или просто денежное пожертвование грозит проверками и даже уголовным преследованием. И это тоже сделали ровно они, те, чьё право расстреливать парламент, фальсифицировать выборы «ради реформ» и выкидывать из политики коммунистов и националистов «ради будущего» я так горячо отстаивал.

Кто-то (мне кажется, это была Юля) однажды после очередного моего интервью, где я затронул тему своей личной ответственности за поддержку Ельцина, а следовательно, за приход Путина, сказал мне с раздражением: «Твоё странное покаяние за Ельцина выглядит даже не кокетливым мазохизмом, а просто тупостью. Ты школьником и студентом тогда был. Пятнадцать лет во время первых выборов Ельцина, двадцать лет во время вторых. Где ты — и где избрание Ельцина? Если тебе реально кажется, что в этом есть твоя вина, то поздравляю: у тебя мания величия».

Это логично. Тем не менее подобное публичное покаяние мне кажется очень важным с практической точки зрения. Мы не должны повторить эту ошибку. Путин не вечен, и мы не знаем, каким будет сценарий его добровольного, принудительного или естественного ухода. И из собственной истории мы знаем, как велик может быть соблазн закрыть глаза сначала на мелкие, а потом и крупные прегрешения того, кого мы считаем «нашим парнем». Кто выражает наши интересы, отстаивает нашу

линию. И для того, например, «чтобы не дать прийти к власти популистам», немножко подкрутит, подшаманит, подмешает. Теликом государственным попользуется. Ну а что? Правду же будет говорить и мочить того, кого надо мочить.

Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы это чувство «кармического воздаяния» как напоминание об ошибках и совет на будущее разделило со мной как можно больше людей, которые, как и я тогда, благосклонно смотрели на беззаконие, ложь и лицемерие конкретной команды людей ради правильной цели.

Личное разочарование Ельциным произошло из-за машины. Как раз после второго тура тех легендарных выборов 1996 года, когда Ельцин «победил» Зюганова с помощью лжи, клеветы, фальсификаций и грандиозного сговора элит, я осуществил свою мечту — купил машину. Поехал я за ней аж в Германию, что было тогда обычным делом. Купить там, перегнать, растаможить, даже заплатив безумный таможенный сбор, всё равно было гораздо выгоднее, чем покупать иномарку в Москве. Мне хотелось, конечно, иномарку, причём соответствующую моим амбициям (произвести впечатление на окружающих): какую-нибудь подержанную, но не катастрофически старую БМВ. А денег на такую покупку и близко не было. И я, наивный дурачок, поверил сказкам о том, что за семь-восемь тысяч долларов в Западной Германии можно купить «трёшку» БМВ

в приличном состоянии. А «трёшка» БМВ в 1996 году была вполне себе топчик. Даже в нашем университете, где было изрядно детей богатых родителей, она закинула бы меня в топ-30 «крутых», а уж в моём военном городке — и подавно.

Поездка была катастрофой и провалом. Блуждание по авторынкам и автосалонам быстро вправило мне мозги молоточком реальности: машины, на которые я рассчитывал, стоили от пятнадцати тысяч долларов. Немцы, странные люди, почему-то не желали отдавать свои машины русским пройдохам вроде меня по заниженной вдвое цене.

И сколько бы ценников под лобовым стеклом я ни рассматривал глазами, полными надежды, никаких сюрпризов не происходило. Время шло, деньги таяли. Надо было либо брать машину сильно хуже классом, либо ехать домой ни с чем — это казалось совсем глупым. В итоге я в отчаянии купил вовсе не БМВ и даже не «фольксваген», а дурацкий «рено». Renault 19 Chamade — даже сейчас немного стыдно об этом писать.

Вообще-то, в этом не было ничего уж такого ужасного. И главное, это решало мою основную проблему побега от осточертевших электричек и автобусов. Но ничего хоть капельки крутого в этой машине не было. И ломалась она постоянно, и по вождению не сравнить с немецкой. В общем, та покупка посеяла во мне недоверие ко французскому автопрому.

Но в любом случае, какой бы дурацкой ни была моя «рено», её надо было растаможить.

Таможня в России девяностых — место фантастическое.

Символ коррупции, возможностей и быстрых состояний. Люди, «работавшие в таможне», становились долларовыми миллионерами за неделю.

Это была зона хаоса, бардака и столпотворения. Поднявшийся железный занавес позволил огромному количеству товаров, не производившихся в СССР, хлынуть в страну. От компьютеров до автомобилей, от «ножек Буша» (куриных окорочков из США, на долгие годы ставших символом импортного продовольствия) до заветной западной одежды. Завозили всё, и всё было нужно растаможивать.

«Правительство реформаторов», как сейчас очевидно, действовало как раз в русле жуткого коррупционного протекционизма — такого, что любой консерватор обзавидуется. Под предлогом защиты отечественного производителя вводились огромные таможенные пошлины, потом отменялись, потом снова вводились. Таможенную политику мог менять всякий, кто заносил чемодан денег в правительство. К тому же под каждое решение о повышении пошлин придумывались схемы их обхода, льготы и так далее.

В конце концов воцарилась самая простая, но рабочая схема: оформление одних товаров (с высокой пошлиной) под видом других (с низкой).

Характерный анекдот тех времён:

Собрались Дэвид Копперфильд, Иисус Христос и российский таможенник. Начали спорить, кто лучше умеет совершать чудеса трансформации предметов.

Дэвид Копперфильд: «Смотрите, я превращаю воздух

в шляпе в кролика», — машет палочкой, в пустой шляпе — кролик.

Иисус делает пассы над стаканом с водой: «Смотрите, теперь это вино».

Таможенник: «Это не чудеса, а херня какая-то. Вон, видите, стоит ж/д состав с японскими телевизорами?» Таможенник вынимает печать, дышит на неё и ляпает на какую-то бумажку: «Теперь это зелёный горошек».

Растаможка легковых автомобилей — лучший пример происходившего.

Пошлины на иномарки были огромны и вводились для того, чтобы «помочь российскому автопроизводителю». Законы экономики не обмануть — долгие годы пошлин и прямых дотаций в миллиарды и миллиарды автопроизводителю не помогли. Но это было потом.

А тогда, в 96-м, существовали многочисленные пути обхода пошлин: льготы для пилотов, дипломатов, моряков, афганцев, жителей Калининградской области и ещё бог знает что.

Под автомобильный таможенный пост передали большой бывший автопарк в московском районе Очаково, и там в огромных очередях к крошечным окошкам, в которые можно было заглянуть, только согнувшись пополам, толпились сотни и тысячи людей, потрясавших кипами настоящих и фальшивых документов о том, что они моряки-афганцы на дипломатической службе, поэтому могут заплатить за свой «Фольксваген Пассат» 1991 года не сорок процентов его рыночной цены, а пять.

Таможенники с видом до такой степени надменным, что

я до сих пор не понимаю, как мышцы лица обычного человека могут такое изобразить, гоняли эти толпы от окошечка к окошечку. Свою задачу они видели в том, чтобы признать неправильными документы как можно большего количества людей: печать не та, форма не та, дата не та. Это, в свою очередь, расширяло возможности шустрых молодых людей, у которых пресловутая «уличная смекалка» прямо на лице была написана. Эти перед окошечками не стояли, а подходили к дверям, засовывали головы и руки с документами в проёмы с надписью «Вход строго воспрещён», шутили с таможенниками, пожимали им руки. В общем, они умели делать из людей правильных моряков и дипломатов. К документам, переданным через этих посредников, вопросов не возникало.

Но их услуги, понятно, стоили денег. Их выражения лиц намекали на возможность варианта, при котором деньги возьмут, но ничего не сделают. Я решил пошлину заплатить (все удивились, услышав это), поэтому посредники мне были не нужны — только собрать все бумажки и очереди отстоять. Я стоял день, я стоял два. На третий день стало ясно, что к утру четвёртого дня я в заветный кабинет попаду и все бумаги у меня уже будут готовы и снабжены нужными штампами. А утром четвёртого дня я обнаружил на нужном этаже огромную толпу и табличку о том, что сегодня приёма нет.

Я и три предыдущих дня с трудом сдерживал бешенство от этой системы. Какое-то наследие совка, почему-то до сих пор не разгромленное моим любимым ельцинским правительством. Причина, по которой остановился конвейер оформления, выяснилась быстро, её обсуждали

в толпе: приезжает Ястржембский — пресс-секретарь Ельцина, — и его должно встречать всё руководство таможни, а рядовые сотрудники, видимо, просто считали неправильным работать в этот великий день. На всякий случай все ждали: вдруг всё же заработают. Ждал и я, а благодаря тому, что толпа людей прижала меня к окну в коридоре, я увидел и момент приезда Ястржембского. Человек из телевизора, чья функция в основном заключалась в том, чтобы говорить: «Президент работает с документами», когда тот был пьян, и: «У президента крепкое рукопожатие», когда тот переносил операцию на сердце, вышел из чёрного «мерседеса», улыбаясь, пожал руку начальству — плотным мужчинам в синих мундирах — и, взлетев на крыльцо, скрылся за дверью.

Странно, что он не споткнулся и не упал. Мой взгляд был так полон ненависти, что мог бы двигать предметы. Мои губы шептали проклятия в адрес «драного пресс-секретаря», который какого-то чёрта припёрся на таможню и изображает начальство.

Ещё днём раньше меня вполне устраивало враньё этого человека о здоровье Ельцина, и я был готов его защищать. Но вот именно тогда (так случайный личный опыт формирует наши политические взгляды!) я разочаровался в Ельцине, а типов вроде Ястржембского, ельцинскую обслугу, стал считать просто сборищем жуликов и проходимцев. Конечно, я не переметнулся в другой политический лагерь и в любой момент до внезапной отставки Ельцина в 1999 году проголосовал бы за него на любых выборах. Просто я перестал быть его фанатом и даже сторонником — момент на таможне показал мне то, что

я упорно отказывался признавать: власть Ельцина не проводит реформ. Она не даст ничего ни мне, ни остальным. От неё не стоит ждать ни перспектив, ни экономического роста. Это просто старый больной алкоголик и куча циничных мошенников вокруг него, занятых своим рутинным бизнесом по укреплению личного благосостояния.

Позже из мемуаров ельцинского охранника Александра Коржакова мы все узнали, что типичный рабочий день Ельцина продолжался до двенадцати часов, а потом он говорил Коржакову: «Ну что, Александр Васильевич, пора пообедать».

Это был сигнал Коржакову достать бутылку водки и закуску.

А мы между тем ломали копья и срывали голос, говоря о реформах. Не было ничего. Ничего не было. Только группа жуликов из окружения президента, называвшая себя «патриотами-государственниками», и такая же группа, назвавшаяся «реформаторами».

Реформаторы крали больше, зато выглядели поприличнее.

Разочарование в Ельцине при всей эмоциональности момента никаких больших перемен в моих взглядах не вызвало. Да и не до того было. Девяносто шестой год, всё-таки мне двадцать лет. Кругом бандиты, дискотеки, новая интересная жизнь. Я студент, и у меня уже есть машина — я избавлен от ненавистных электричек и автобуса.

Единственное, что, наверное, мой интерес к политике поугас.

Вернул мне его другой человек — Владимир

Владимирович Путин.

Глава 7

Ух, какой драматический поворот! В художественной литературе в таких случаях принято писать что-то вроде: «Плавное течение моего рассказа нарушило такое-то событие». Вот и у меня нарушило. Событие. Я в тюрьме. Предыдущую главу, про поступление в институт, я писал в красивом доме в немецком Фрайбурге, а продолжаю из тюрьмы.

После выхода из больницы я обсуждал с моим агентом Кэти, что точный план этой книги по главам сделать сложно, ведь у меня «ongoing story»[7]. Вот она и развивается, эта история, прямо сейчас, и выглядит это (сам отлично понимаю) как дешёвый литературный приём. Ничего не поделаешь: жизнь полна ситуаций, напоминающих литературные клише.

Смешливая девица — секретарь суда — дала мне на подпись какие-то документы и удивилась, когда я спросил, какое сегодня число: «Как же вы не знаете? Сегодня 18 января, и вы эту дату должны запомнить очень-очень хорошо».

Я с деланым удивлением спросил, что она имеет в виду. Девица ещё сильнее захихикала и замахала на меня руками.

Вопрос мой в ответе не нуждался: мы оба понимали, что именно от 18 января я буду потом отсчитывать свой тюремный срок.

А так как девица была не из местного Химкинского суда, а привезла мне на подпись уведомление из суда Симоновского, где, по месту моего жительства, должны будут рассмотреть вопрос о замене моего условного срока на реальный, её прозрачный намёк выглядел ещё убедительнее. Раз так, давайте я подробно опишу это важное для меня 18 января, а заодно и 17-е тоже. Тем более что в камере у меня пока всё равно ничего нет, кроме бумаги и ручки, — идеальные условия для писателя.

Что утро 17 января будет особенным, было определено довольно давно. Первоначально мой план был такой: вернуться в Москву 15 декабря и отпраздновать Новый год и Рождество. План этот не опирался ни на что, кроме моего представления о скорости выздоровления и желания встретить Новый год дома. В одном из первых интервью после выхода из больницы, отвечая на вопрос: «Скажите хотя бы примерно, когда вы вернётесь? Новый год где встретите?», я фыркнул: «Ну конечно, дома».

Заявление о том, что, вылечившись после отравления, я вернусь в Россию, я сделал ещё в реанимации. Вернее, это было даже не заявление. В один из своих приходов Юля читала мне с телефона всякие неотложные вопросы, которые через неё задавали мне коллеги. Я, лёжа в трубках и проводах, на них отвечал.

— Кира спрашивает: надо что-то ответить New York Times на их вопрос, вернёшься ли ты назад.

— Что за тупой вопрос. Конечно, вернусь.

— Так ей ответить?

— Ну, только без комментария, что вопрос тупой.

К моей досаде, из этого вышла целая новость, которую перепечатали все СМИ.

Вот так: работаешь двадцать лет у всех на виду, — злобно думал я на следующий день, глядя в стену, — пишешь сотни статей, ежедневно подтверждаешь свои слова делами, и всё равно все они могли подумать, что я испугаюсь и не вернусь. Мне это казалось ужасно несправедливым.

Что затея с возвращением в середине декабря провалится, стало ясно в октябре. К тому моменту мне было гораздо лучше, но чувствительность левого бедра так и не вернулась, оставались проблемы с координацией движений.

На семейном совете по этому поводу Юля произнесла фразу, которая меня убедила: «Ты же понимаешь, они могут снова тебя отравить. Давай ты вернёшься в такой физической форме, что, если это случится, у тебя будет хотя бы шанс выжить».

Мы решили отложить отъезд до середины января, а там смотреть по состоянию. И вот рано утром я открываю глаза. 17 января. Отель в Берлине. Мы остановились тут переночевать, приехав из Фрайбурга.

Темно, я гляжу в потолок. Мой живот услужливо напоминает: «Да-да, Алексей, сегодня особенный день». Американцы называют это ощущение «бабочками в животе» — по крайней мере, так всегда говорят герои и героини голливудских фильмов в ответственные моменты. Несколько секунд лежу и думаю, кому же пришло в голову это дурацкое чувство беспокойного ожидания, живущее в животе, назвать «бабочками». У меня такое

бывает накануне больших публичных выступлений, митингов, приговоров и так далее. Я знаю, что это пройдёт в тот момент, когда всё начнётся, но пока они летают. В конце концов я решаю, что «бабочек» придумали американские маркетологи, вроде тех, что каждый год изобретают новые праздники, на которые надо дарить подарки. Правда, непонятно, какой в этом экономический смысл. Может, они продавали лекарство под слоганом: «Нежно успокоим бабочек, летающих в вашем животе»?

Поезд мыслей — мой любимый вид транспорта — моментально довозит меня до следующей станции: «Если бы я был маркетологом, какой праздник я бы придумал, чтобы заставить людей тратить деньги на ненужные покупки?» На ум, конечно, сразу приходит День брата или День сестры. Нет, я могу лучше. Думай!

Вот! Я бы запустил День лучшей подруги — Bestie Day! Толпы девушек носились бы по магазинам косметики, чтобы вручить подарки нескольким подругам со словами: «В этот день я думаю только о тебе, моя любимая подруженька». И будут носиться, никуда не денутся: социальное давление заставит. Пять лет промоушена — и отсутствие подарка в этот день будет означать, что тебя не считают лучшей подругой.

А может, не День лучшей подруги, а просто День подруги? Это увеличивает охват. Нет. Слово «лучшей» будет воздействовать на людей и увеличит средний чек.

Я уже начал планировать глобальную рекламную кампанию, которую мог бы заказать департамент мирового правительства, отвечающий за обогащение торговых сетей (конечно, инфлюэнсеры в инстаграме и голливудская

комедия положений, где героиня попадает впросак, клятвенно заверив нескольких подруг, что они лучшие), как в окно моего мысленного поезда постучал строгий человек:

— Алексей, если ты думаешь, что ты офигенно креативный и с пользой проводишь время, то это не так. То, что ты делаешь, называется «прокрастинация». Ты не хочешь вставать и заниматься делами, а у тебя их полно: самолёт через семь часов.

Ладно, чёрт с вами, встаю. Но мировое правительство ещё пожалеет, что отказалось от моих услуг маркетолога.

Поворачиваю голову — белки глаз в темноте. Юля смотрит на меня. Оказывается, она тоже проснулась.

— Привет.

— Привет.

— Ты шевелил губами — ругался с кем-то?

— Нет, придумывал способ заставить женщин покупать друг другу подарки.

— Здорово. А ты не мог бы придумать способ, чтобы всё быстрее закончилось и наступил вечер, а мы дома?

— Уже придумал. Надо, чтобы кто-нибудь одолжил мне машину времени.

— М-м-м… Надеюсь, твоя идея про женщин и покупки такая же гениальная.

— Давай вставать и делать табату.

— Не, что-то мне неохота прыгать сегодня, и тебе не советую.

Но я-то решил начать новую жизнь. Ну, ту самую, которую обычно начинаешь с понедельника и 1 января каждого года.

Я возвращался домой, и что там впереди — было неясно;

ясно было только, что этой интересной, но странной и неожиданной пятимесячной жизни в Германии пришёл конец. Значимость и торжественность момента нужно подчеркнуть, начав новую жизнь.

Сегодня я буду спокоен и доброжелателен, никто меня не разозлит, ни на кого я не повышу голос. Вернувшись домой, я вне зависимости от развития событий подчиню свою жизнь более чёткому графику. Самосовершенствование войдёт в неё, а прокрастинация будет изгнана. Минимум одна книга в месяц, причём половина прочитанного должна быть на иностранных языках.

Мне сорок четыре, и я обожаю начинать новую жизнь, постоянно это делаю. В первый день новой жизни так классно себя чувствуешь! Ну а начать надо с физических упражнений. Сама мысль о новой жизни смехотворна, если эта жизнь не включает спорт и упражнения, которые ты легко и непринуждённо делаешь каждое утро. Всего десять минут. Это очень просто. Как бы ты ни был занят, всегда можно найти десять минут для утренней разминки, наполняющей тебя энергией на весь день. Господи, да достаточно просто на десять минут меньше сидеть в твиттере! Вообще не проблема. Странно, что у меня раньше не получалось.

Вообще-то спорта в последние пять месяцев было даже слишком много: в нём заключалась моя реабилитация. После больницы я буквально еле ходил, ноги и руки дрожали, связи между мозгом и мышцами были разрушены, и любая последовательность движений давалась очень тяжело.

Но то были занятия с физиотерапевтом и тренером по

подготовленному и оплаченному графику. Хочешь ты или не хочешь, бодр ты или мечтаешь нежиться в постели, а прозвенит дверной звонок, и радостно улыбающийся качок скажет тебе: «Привет, Алексей, сегодня будем делать ноги, и это будет очень тяжело». Контракты с тренером и физиотерапевтом закончились недавно, и под предлогом подготовки к отъезду и работы над проектом PSYCHO — большим расследованием о дворце Путина, которое я должен был выпустить на следующий день после возвращения, — на спорт я, конечно, забил. Но теперь встал с кровати и стал разминаться под ироническим взглядом Юли. Сделаю две табаты.

Это было большой ошибкой, о которой я пожалею в самое ближайшее время.

Табата — это короткий четырёхминутный комплекс высокоинтенсивных упражнений: двадцать секунд работаешь, десять секунд отдыхаешь.

Делаю первую и чувствую, что болит спина. Такое бывает у меня после долгого нахождения в сидячем положении, а вчера мы ехали в поезде семь часов. Обычно это проходит через несколько дней. Окей, как раз в этой табате много упражнений с нагрузкой на спину и поясницу, надо просто тренироваться поинтенсивнее — и всё само вылечится. Невидимая рука спорта решит все проблемы без постороннего вмешательства.

Гений, что сказать. Естественно, на четвёртом упражнении случилось классическое: «Ой, блин, ой-ой-ой, я не могу разогнуться».

Стою, упёршись руками и ногами в пол посередине упражнения «бёрпи», не могу двинуться, смеюсь над

ситуацией и стараюсь не заорать от боли. У кого было защемление нерва в позвоночнике, тот знает.

С кровати слышу вздох: «Ну ты и дурачок у меня. Тебе только этого сейчас не хватает».

Ну ничего, пройдёт. Мне надо торопиться посмотреть последнюю версию расследования о Путине (а оно получилось двухчасовым) и внести правки. Это последняя возможность, ведь не самый вероятный вариант, при котором меня арестуют прямо в аэропорту, всё-таки возможен, и я должен быть к нему готов.

Ковыляю в душ. Моюсь, бреюсь, одеваюсь и иду в соседний номер. Там живёт пресс-секретарь ФБК Кира Ярмыш, она же отвечает за видеопродакшен.

Дверь в номер открыта — меня ждут. Кира и Маша Певчих, начальница отдела расследований ФБК, сидят на диване, уткнувшись в ноутбук, стоящий на журнальном столике. В руках у них бумажные стаканчики с кофе. Вид у Киры и Маши именно такой, какой бывает у людей накануне запуска очень важного проекта, когда все дедлайны летят к чертям.

Огромное расследование о дворце Путина в Геленджике, на примере которого мы детально показываем всю схему финансирования путинской семьи, его развлечений, хобби и любовниц, мы делали несколько месяцев.

Я ещё лежал в реанимации, когда Певчих пришла ко мне в палату и сказала: «Давай-ка врежем им хорошенько. У нас есть планы дворца, и, пока ты тут учишься ходить, я найду, откуда они брали деньги».

Проект назвали PSYCHO, потому что, когда мы первый раз разглядывали план объекта со всеми этими театрами,

золотыми орлами и диванами стоимостью в квартиру, мы постоянно повторяли: «Да он просто больной, свихнулся на роскоши».

Мы сразу договорились, что выпустим расследование на следующий день после моего возвращения.

И вот сегодня стало очевидно, что мы не успеваем. Огромное количество компьютерной графики. Гигантские подробные схемы, доказывающие коррупционные цепочки, — не включить их невозможно, без них наши обвинения голословны, но они так скучны обычному зрителю. Наша вечная проблема — найти баланс между развлекательностью и нудными юридическими подробностями.

Мы посмотрели последнюю версию, Кира записала ещё одну порцию правок. Я окончательно утвердил название и главные картинки, которые мы будем распространять по соцсетям, завлекая зрителей.

Завтра выпустить не успеем, но попробуем убиться, чтобы всё было готово к среде.

— А если тебя арестуют в аэропорту?

— Тогда действуйте по обстоятельствам, но придерживайтесь общей идеи: выпустить как можно быстрее. Если видите, что новости об аресте съели всё информационное поле и расследование не получит должного внимания, то можно задержать на один день, но не дольше.

Возвращаюсь к себе в номер сильно озабоченный. Краткое текстовое описание расследования для ютуба, тексты для соцсетей, пост в моём блоге — ничего из этого не готово, и непонятно, когда делать. Можно сделать хороший

продукт, но потом всё испортить, плохо его распространяя, — это правило новых медиа я выучил давно.

Вообще-то я предполагал, что прилечу в воскресенье вечером, всё спокойно доделаю, а на следующий день выпущу наш блокбастер, максимально используя соцсети. Прежде всего модный сейчас тикток — на него я в этот раз возлагал особые надежды. Но тот факт, что все вокруг совершенно обыденным тоном добавляли к обсуждению любого сценария вопрос: «А если тебя арестуют в аэропорту?», начал вызывать нервозность. Не в том смысле, что я боюсь ареста, а просто я понял, что легкомысленно не доделал кучу важных дел.

Надо, пожалуй, пойти и написать кучу имейлов «последнего дня», а то ведь правда посадят, и буду потом локти кусать. По опыту, наибольшие проблемы могут доставить вещи, о которых не думаешь. Интернет-доступ в банк, доверенности, пароли к разным программам и устройствам, которые используешь в быту. Девяносто девять процентов твоего душевного спокойствия в тюрьме — это уверенность, что с твоей семьёй всё в порядке.

А сидеть и переживать, что твоя жена не может снять деньги с твоего банковского счёта, потому что по идиотской банковской инструкции ты должен написать разрешение со своего имейла, не хочется. Сто мировых газет могут написать: «Навальный арестован и в тюрьме», но менеджер в банке всё равно будет отвечать: «Извините, ничем не можем вам помочь. Ему надо написать имейл или воспользоваться нашим очень удобным приложением для телефона». Открываю ноутбук. Необходимость написать

много имейлов — один из самых частых поводов для раздражения у современного человека. И сейчас именно она подогревает во мне котелочек со злостью. А ведь всего три часа назад я сказал себе, что сегодняшний день — начало новой жизни — будет ознаменован моим исключительным спокойствием и доброжелательностью.

Юля собирает вещи, я пишу дурацкие имейлы и думаю о том, что спина болит всё сильнее.

Стук в дверь — ну кто там ещё притащился? Юля открывает, и я слышу её слова на английском: «Дэниэл, я ещё не разрешила снимать, я не готова».

Дэниэл — отличный и очень приятный молодой режиссёр. Он снимает документальное кино. Понятно, что ему нужны интересные кадры: приготовления, последние минуты сборов, совещания («Что делать, если...») и так далее. Чем живее и чем больше нервов, тем лучше.

Я предупредил его вчера, что позволю снимать сборы, но попозже, а камеру можно будет включать только с разрешения. Но какой режиссёр-документалист станет соблюдать это правило?

Вот я и нашёл повод сорвать на ком-то злость.

«Дэниэл, — ору из соседней комнаты, — какого хрена, мы же договаривались! Зачем ты это делаешь? Ты очень мешаешь». И, не удержавшись, добавляю непечатную фразу, начинающуюся на *Get the...*, а заканчивающуюся на *... out of here*[8], и сразу же жалею: не стоило так грубо.

Дэниэл ушёл. Заглянувшая в комнату Юля покрутила пальцем у виска: «Ты чего? У него камера работала. Вот будет тебе эмоциональный момент фильма».

Окей. В список дел на сегодня только что добавилось ещё

одно: извиниться перед Дэниэлом. Гениально.

Дописал и отправил имейлы. Проверил, есть ли у Юли доступ к банковским программам (упражнение довольно бессмысленное, ведь все мои счета уже много месяцев заблокированы по искам «повара Путина» Евгения Пригожина, человека, ещё во времена СССР судимого за разбой, а сейчас ставшего благодаря дружбе с Путиным «успешным предпринимателем», монополизировавшим поставки питания в московские школы и детские сады).

Время поджимает, по графику сейчас ещё одно совещание — «Сценарии». Зову Леонида Волкова, начальника нашего штаба, Певчих, Киру. Юля тоже присоединяется. Кратко обсуждаем план ближайших действий на случай, если:

— мы беспрепятственно попадём домой;

— меня задержат в аэропорту и посадят;

— задержат, потом выпустят, подождут, когда возмущение утихнет, а потом арестуют;

— ничего не произойдёт, но меня арестуют через пару недель по другому делу.

Ну и так далее. Сценарии эти — не просто мысленные эксперименты и гимнастика для ума: мы перебираем изощрённые инструменты, которые Кремль уже использовал. В XXI веке против тебя действует не классическая репрессивная машина, а репрессивно-пиаровская машина. Всем игрокам важно общественное мнение. Одни и те же действия, но совершённые по-разному, могут либо оставить людей равнодушными, либо взбесить их и вытолкнуть на улицу. Тут важно всё, от дня недели до погоды.

Достаточно вспомнить, как хитро Кремль поступил с приговором по делу «Ив Роше», когда я получил условный срок, а моего младшего брата Олега упекли в тюрьму на три с половиной года. На последнем заседании 19 декабря суд назначил дату вынесения вердикта — 15 января. А потом молниеносно (и, конечно, совершенно незаконно) огласил приговор 30 декабря, избежав таким образом больших манифестаций: люди были застигнуты врасплох, а на следующий день — канун Нового года, подарки, праздничная суета, родственники, стол. Не до протестов.

Обсуждение наше касалось скорее вопросов оперативных: кто и что должен был делать немедленно. В целом, как работать, если меня посадят, не обсуждалось уже давно. С 2012 года, когда уголовные дела против меня стали печь как пирожки, мы миллион раз обсудили это вдоль и поперёк. К тому же все последние годы я по нескольку месяцев провожу под арестом, и наша организация преспокойно работает без меня — это предмет моей большой гордости, у нас крутая команда.

Мы позвали Ольгу Михайлову — моего адвоката, которая специально приехала, чтобы лететь со мной обратно, на случай, если меня задержат в зале пограничного контроля. С ней мы тоже быстро пробежались по возможным сценариям и решили, в какой последовательности будем проходить границу.

Михайлова считала, что меня задержат после «барьерчика», то есть после погранконтроля, а затем быстро уведут. Поэтому сначала пройдёт она, потом я, потом Юля.

Все эти важные вещи надо было обсудить, чтобы быть готовыми к любому развитию событий, но в целом я считал,

что в день прилёта мне ничего не угрожает.

Я давно бросил попытки прогнозировать и анализировать поведение Путина и Кремля. Слишком много в нём стало иррационального. Это вполне объяснимо: Путин правит более двадцати лет и, как любой лидер в истории, торчащий у власти так долго, одержим мессианскими идеями, которыми царя щедро подкармливает окружение, — вроде идеи «Нет Путина — нет России», прямо провозглашаемой с трибун Государственной думы.

Реального соотношения сил внутри кремлёвских групп тоже никто не знает, что бы ни писали политологи. Поэтому надо не высчитывать, что они там думают, а делать то, что считаем правильным мы.

Тем не менее у нас есть общее понимание принципов работы медиа и общественного мнения. Чуть ли не единственное, что мы знаем о методах правления Путина, — это то, что он бесконечно проводит соцопросы и учитывает их результаты в своих планах. Арестовать меня в аэропорту ему просто невыгодно. Говоря откровенно, с чего бы Путину делать мне такой подарок?

Из всех сценариев изоляции, если уж она случится, этот для меня — оптимальный.

Во-первых, по делу уже есть решение Европейского суда, признавшего не только мою невиновность, но и полное отсутствие состава преступления.

Я так и заявил на совещании: «Хотите мне сказать, что они меня арестуют по делу, по которому уже есть решение ЕСПЧ? Не смешите меня».

Во-вторых, арест за «нарушение правил условного

осуждения» слишком циничен даже по меркам Кремля. Сначала они сами пытались меня убить — отравили. А потом, когда я оказался в коме и реанимации, объявили: «Ах, он не пришёл отмечаться в полицию. Посадим его за это». Сделать так — значит как минимум сразу проиграть борьбу за первый бастион общественного мнения: журналистов, внимательно следящих за развитием ситуации.

Ну и в-третьих, мой испытательный срок, начавшийся в 2014 году, после многочисленных продлений окончательно завершился 30 декабря 2020 года, то есть восемнадцать дней назад. Мне уже невозможно поменять условный срок на реальный, потому что испытательный срок закончился.

Понятно, что такая мелочь, как закон, никогда не остановит российского судью. Для него важна одна вещь в мире: телефон, по которому ему звонит начальник и даёт инструкции.

Однако зачем им нужны осложнения? Зачем городить огород, привлекать внимание, а главное, вызывать сочувствие людей ко мне уж слишком нарочито незаконными действиями?

На последней пресс-конференции Путин сказал про меня фразу, явно продуманную и определяющую текущую тактику: «Кому он нужен?»

Так не лучше ли, ровно в рамках концепции «Кому он нужен?», демонстративно проигнорировать моё возвращение? Обернуть громкое событие в пшик? Журналисты вместо ожидаемых красивых кадров задержания получат фотографию меня с чемоданом

в аэропорту, не знающего, куда себя деть в ожидании машины под прицелом десятков телекамер.

А потом, спустя пару недель, когда шум уляжется, начать допросы по новому, только что сфабрикованному делу. Через пару месяцев посадить под домашний арест — эта штука ужасна тем, что ты вроде бы и арестован, но никому тебя не жаль: дома же сидишь. Ну а ещё месяца через три посадить в реальную тюрьму на небольшой срок. Потом продлить его. А потом не выпускать. К тому времени все уже к этому привыкнут: чего сейчас-то бунтовать, если он давно сидит? Нет, Путин, конечно, безумен, но такой глупости, как громкий арест в аэропорту, он не совершит.

Когда Леонид Волков предложил обдумать, что делать, если мой самолёт посадят не в том аэропорту, где меня встречают люди, а в другом, я аж руками замахал: «Что ты, что ты! Они никогда такого не сделают. Подумай: ну как такое может укладываться в концепцию „Да кому он нужен“?»

Да кому он нужен, чтобы из-за него пассажирские самолёты разворачивать? Один только маленький-маленький червячок упорно точил фундамент моих логических построений: проект PSYCHO.

Я знал, что на этапе расследования утечек быть не может. Но пару недель назад мы передали материал в большой продакшен. Делается сайт, оформляется лонгрид с текстом, монтируется двухчасовой фильм — уже довольно много людей в курсе содержания и деталей проекта. Я полностью доверяю всем нашим людям, но всё-таки ФБК — объект максимальных усилий целой огромной спецслужбы, ФСБ, по инфильтрации и вербовке. Кроме того, информацию

о проекте можно получить, взломав компьютеры и сети, установив прослушку и скрытые видеокамеры в офисе, в конце концов. И червячок этот говорил мне: «Чувак, ты сам знаешь, что если Путин в курсе, что ты хочешь всей стране показать его дворец изнутри, рассказать о том, как содержатся его любовницы и как государственный „Газпром“ покупает им квартиры, то у него просто съедет крыша и он тебя закроет в ту секунду, когда сможет это сделать. Хотя бы для того, чтобы ты не стал публиковать это расследование из опасения, что в тюрьме есть тысяча и один способ убить тебя за него».

В общем, мы посовещались и расходимся, чтобы через тридцать минут встретиться, уже с вещами. Я встаю с дивана и чувствую сильную боль в спине. Блин, ну почему так всегда? Не могла она заболеть в другой день? Несколько месяцев делаю упражнения каждый день — и хоть бы хны. А сегодня... Ладно, пройдёт — главное, чтобы встречающие меня люди не увидели, что я нагнуться не могу.

Все расходятся, я должен позвать съёмочную группу — я ведь обещал им дать снять последнюю минуту сборов. Значит, это последние минуты, которые мы с Юлей проведём вдвоём, до тех пор пока мы не приедем домой. Ну или как получится.

Сидим в обнимку и хихикаем. Момент вроде требует, чтобы мы «поговорили», но говорить особо не о чем. Настроение у всех окружающих — в диапазоне от трагического до настороженного. А мы просто очень хотим домой, в Москву. Для нас с Юлей этот день не тягостный, а долгожданный, и напряжение связано только с тем, что следующие несколько часов вокруг нас будет свалка

журналистов, потом хаос встречи в аэропорту и так далее. Поэтому мы сидим и говорим друг другу что-то вроде:

— Ну ты как?

— Я нормально, а ты?

— Я супер. Надо потерпеть немного, и скоро будем дома, закроем дверь, и все от нас отстанут.

— Ага, отстанут.

Гораздо больше, чем полиция и ФСБ в аэропорту, меня беспокоит вопрос маски. Встречать нас будет несколько тысяч человек — это видно по группе встречи в фейсбуке. Значит, придётся толкать какую-то речь — хоть небольшую, но надо. И люди специально приедут, и самому мне хочется что-то им сказать, поблагодарить их за поддержку. Мало того, что всё это точно превратится в бестолковую толчею (уж в том, что Путин не хочет видеть красивых картинок моего триумфального возвращения и ликующих толп, сомневаться не приходится), я не понимаю, как мне выступать: в маске или без?

Правила пандемии и европейский политический этикет говорят, что в маске. С кем бы я тут ни встречался, все с удовольствием болтают без масок, но фотографируются потом обязательно в масках и на расстоянии полутора метров, иначе избиратели не поймут.

Но говорить речь в маске? Тем более нелегальную речь в маске? Я такое проходил много раз. Выйду в зону встречающих, кремлёвские активисты сразу устроят кошмарную свалку, расставят нанятых за деньги людей с абсурдными плакатами. Рядом будет стоять полиция и орать в мегафон, что все должны немедленно разойтись. Обычно в таких случаях я, не обращая ни на что внимания,

ищу возвышение, взбираюсь на него и выступаю, перекрикивая полицейские мегафоны. Что я только не использовал в качестве случайной трибуны: от сугроба до домика с горкой на детской площадке. Но делать это в маске?! Вся энергетика пропадёт. Это как надевать бахилы, заходя в дом, через который только что прошло цунами.

Подумав, взвесив все за и против, прихожу к «очень мудрому» решению: буду действовать по обстановке.

Все начинают собираться, мы одеваемся и проверяем, не забыли ли чего. Наш номер заполнен людьми с вещами и верхней одеждой — та же самая компания занимает гораздо больше места, к тому же оператор прыгает по комнате в поисках наиболее драматического ракурса.

Те, кто остаётся в Берлине, смотрят на нас с Юлей со смешанным выражением озабоченности и сочувствия. Это и немного раздражает, и веселит. В очередной раз говорю всем, чтобы не стояли с траурными физиономиями, ведь всё будет отлично и часов через шесть мы устроим созвон по зуму.

Из всех суеверий я строго придерживаюсь одного: нужно присесть на дорожку. Я уже сам не понимаю, суеверие это или традиция. Вот бы сейчас сесть в поезд мыслей и подумать об отличиях суеверий от традиций, но некогда. Здесь куча людей, в том числе не очень знакомых или знакомых, но придерживающихся очень рациональных взглядов, типа Лёни Волкова, и я стесняюсь сказать: «Давайте присядем на дорожку». Но если и существуют какие-нибудь маленькие духи или божества, дарующие удачу в дороге, то самое время их вызвать. А то даже оскорбительно по отношению к ним получается: всю жизнь

выполнял этот ритуал, отправляясь с семьёй на три дня в соседний город, чтобы посмотреть достопримечательности, а тут поездка, за которой в прямом эфире следят тысячи людей, — и я вдруг проигнорирую железное правило.

Чтобы надо мной не сильно смеялись и особенно чтобы не шокировать иностранца Дэниэла своей дремучестью, говорю вроде как в шутку: «А теперь давайте по русской традиции присядем на дорожку». Все охотно садятся, а Волков говорит: «О, у меня мама всегда так делает».

«У нас в Канаде тоже такое есть», — добавляет Дэниэл.

Радуюсь, что я тут не главный язычник и все вокруг тоже взывают к духам путешествий.

В коридоре нас встречает группа спортивного вида мужчин: по проводам-пружинам, торчащим у них из ушей, можно сразу догадаться о роде их деятельности. Это полиция Берлина, управление личной защиты (close protection team). Я — «персона в зоне риска», и полиция должна учитывать это в своей работе. В разных частях страны полиция самостоятельно оценивает уровень этого риска. В Шварцвальде, откуда мы только что приехали, оценку моего риска понизили с наивысшего уровня до третьего — это значит, что полиция присутствует только на заранее запланированных публичных мероприятиях. В Берлине сказали: «Мы не знаем, что там в других регионах, а тут столица, и здесь вы находитесь в зоне максимальной угрозы».

К такому заявлению прилагаются два бронированных лимузина и шесть человек, сопровождающих тебя на любой прогулке, — меньше нельзя. Это немцы: если они написали

инструкцию, то будут её выполнять, даже когда в Землю врежется комета.

На самом деле полицейские — отличные, весёлые ребята. За те месяцы, что мы здесь, мы с Юлей с ними подружились, они всегда стараются помочь. Плюс, как мне кажется, нас сблизило то, что они были со мной с первых секунд моей «новой жизни» после отравления, в буквальном смысле наблюдая через стекло в моей палате, как я учусь есть, говорить и ходить.

Сегодня можно только порадоваться, что я под охраной. Протокол максимального риска предполагает, что нас привезут прямо на лётное поле и мы благополучно прошмыгнём мимо кучи журналистов, ждущих меня в аэропорту. Мне их немного жаль, и я разделяю их досаду — ждать несколько часов и так и не получить ни одного кадра, — но я точно не хочу толкать никаких речей на английском в аэропорту.

Прощаемся, обнимаемся, садимся в машины. Мы с Юлей в одну, адвокат Михайлова и мой пресс-секретарь Кира — в другую.

Начальник охраны, обернувшись с переднего сидения, шутит со мной. Говорит, что они всем коллективом ценят мою смелость, но я ведь отдаю себе отчёт в том, что в следующий раз путешествовать смогу нескоро? Ха-ха.

Я отшучиваюсь в ответ, говорю, что ожидаю, что они приедут меня спасать, высадившись с вертолёта на крышу тюрьмы. И снова думаю о том, насколько же все не разбираются в политике. А иностранцы так вообще ничего не смыслят в происходящем у нас. Ну какая, блин, тюрьма? Прямо с самолёта?

Мы заезжаем на лётное поле через специальные ворота. Полиция уносит наши паспорта, через некоторое время приходит пограничник — сличить их с нашими лицами. Улыбаемся ему из машины, он улыбается нам. Всё, к вылету готовы.

Первое, что я увидел, зайдя в самолёт, — огромный ёж.

Кира мне сказала, что ей позвонило около десяти журналистов, предупредивших, что они взяли билет на наш самолёт. Значит, в реальности будет человек пятнадцать, прикинул я.

Их было человек пятьдесят или даже больше, и сейчас все они сгрудились в центре салона, стоя друг на друге и нависая над обычными пассажирами, смотревшими на происходящее с изумлением.

Это был шар, из которого иголками торчали палки с телефонами на конце, камеры, руки и немного голов. Настоящий медиаёж. Я сразу почувствовал полное спокойствие. «Бабочки в животе» улетели. У меня всегда так. Ненавижу ожидание события — митинга или выступления — и ощущаю это противное беспокойство, но, когда событие начинается, всё проходит. Видимо, организм понимает, что беспокоиться больше не о чем — надо работать.

Пришло время моей «любимой» части. Журналистам надо что-то снять или записать. Это их работа, и их за этим прислала редакция. Со мной же в ближайшее время не произойдёт ничего — я просто буду сидеть в кресле.

Никаких комментариев и интервью на борту я давать не собирался. Все главные слова я приберегал для Москвы. Выговоришься сейчас — потом, в действительно важный

момент, будет нечего сказать. Опытные политики обладают уникальным навыком повторять одно и то же с таким видом, как будто это откровение, произносимое впервые. Я такого мастерства ещё не достиг, поэтому отшучивался и уговаривал «ежа» разомкнуть свои иголки и пропустить нас к нашим местам.

Ёж не пускал, следуя правилу: «Непрерывно снимай, *вдруг он что-нибудь сделает!*» А что я мог сделать-то? Сальто? Спеть комические куплеты? Разорвать портрет Путина и съесть его обрывки? Вот это были бы классные кадры. Все медиа мира были бы мной страшно довольны.

Сзади слышался умоляющий голос стюардессы, просившей всех сесть на свои места. Продолжая шутить дурацкие шутки вроде «Странно, почему здесь так много журналистов?» и здороваясь со знакомыми, я решительно наступал на ежа до тех пор, пока он не смилостивился и не пропустил нас к нашим местам.

Легче не стало. Теперь вся эта человеческая масса нависала над нами, снимая, светя фонариками, записывая микрофонами. В глазах у каждого журналиста было написано: «Ну давай! Делай что-нибудь».

Я и сделал. Достал ноутбук, включил «Рика и Морти» и начал смотреть, засунув в уши наушники. Может, это было не очень вежливо, но зато естественно: я всегда так делаю.

Глянул на Юлю, у неё в глазах мольба: «Ты же не бросишь меня одну вот так, уткнувшись в свой мультик?»

Я не люблю такие неловкие моменты с журналистами, а она их просто НЕНАВИДИТ. Отдаю ей один наушник, и она шепчет в освободившееся ухо: «Спасибо».

Потешаюсь над ней внутренне. Она не любит все эти мультики, которые я обожаю, от «Симпсонов» и «Футурамы» до «Рика и Морти», но сейчас будет делать вид, что смотрит их с увлечением.

К усилиям стюардессы по наведению порядка присоединился капитан корабля: он через громкоговоритель призвал всех рассесться по местам, это сработало. Мы полетели. Впервые я радовался турбулентности и загорающимся сигналам «Пристегните ремни» — только в эти моменты над нами не нависал кто-нибудь, повторяя: «Алексей, как вы думаете, вас не арестуют в аэропорту?»

Высокий лысый мужчина был настроен решительнее всех. Он просто встал рядом, приказал своему оператору нацелить на меня камеру и кричал на весь салон: «Алексей, скажите несколько слов для телевидения Израиля!»

Не было слышно ни Рика, ни Морти.

Поняв, что железная воля этого человека преодолеет любые преграды, я придумал шутку: «Я хочу заверить всех в Израиле, что со мной всё будет так же хорошо, как с ситуацией на Ближнем Востоке» — и, повернувшись, уже открыл рот, но в последний момент остановился, напомнив себе важнейшее правило любого политика на планете Земля: никогда ничего не говори об Израиле и ситуации на Ближнем Востоке без особой нужды. Что бы ты ни сказал, все будут очень недовольны. Поэтому сказал я что-то вроде: «Большой привет всем, кто смотрит телевидение Израиля. Всё будет хорошо».

Лысый мужчина просиял и, повернувшись к своей камере, начал растолковывать зрителям мой

многозначительный комментарий.

Объявили посадку. Все расселись.

— Уважаемые пассажиры, в связи со сложной погодной обстановкой и большим трафиком службы аэропорта Внуково не могут принять нас прямо сейчас, и нам придётся сделать несколько кругов вокруг аэропорта. Топлива у нас достаточно.

По самолёту пролетел вздох. Это была комбинация из разочарованного «Вот чёрт!» от нормальных пассажиров, радостного «Наконец-то началось что-то интересное» от журналистов и общего «Ну, всё понятно».

— Приношу всем свои извинения! — крикнул я на весь салон. Все засмеялись, и кто-то даже захлопал.

Мне правда было очень неудобно. Через ряд от нас сидела молодая женщина в одном из самых ужасных положений, в которых может оказаться пассажир, — люди с детьми это понимают. На руках она держала спящего младенца, уже довольно большого и тяжёлого, а рядом сидел ребёнок лет семи. Она была одна, с детьми и багажом. Дурацкие правила авиакомпании «Победа» запрещают пассажирам менять места, и женщину эту, несмотря на все её мольбы, не пересадили из журналистской гущи вокруг нас. Она держалась стоически, да ещё и нам постоянно показывала большие пальцы, выражая поддержку.

— Вот бедолага, — заметила мне в ухо Юля, — лететь одной с двумя маленькими детьми — и так повесишься, а если нас сейчас ещё в другой аэропорт завернут и её никто не встретит? Не позавидуешь.

— Да здесь всё-таки полсамолёта обычных пассажиров. Вот они разозлятся на нас, если уведут самолёт! Я бы на их

месте был в бешенстве. Но непохоже, что уведут. Просто будут мурыжить в воздухе, пока встречающим не надоест ждать.

«Биииим» — новое сообщение капитана корабля.

— Уважаемые пассажиры, — мне показалось, что в этот раз пилот даже не скрывал иронии, — наземные службы аэропорта Внуково сообщают, что в связи с погодными условиями они не могут нас принять. Наше судно направляется в сторону аэропорта Шереметьево.

Я снова извинился на весь салон. Все снова засмеялись. Журналисты не скрывали ликования: не зря летели, будет что включить в репортаж. Обычные пассажиры озабоченно тёрли лбы, прикидывая, что делать со встречающими и стыковочными рейсами.

Медиаёж снова подобрался и начал концентрироваться вокруг наших сидений, игнорируя требования стюардессы занять места: всё-таки мы идём на посадку. Действительно, я же могу открыть иллюминатор и выпрыгнуть с парашютом, чтобы обмануть погранслужбу. Как можно пропустить такие кадры!

Чтобы от нас отстали, мы с Юлей взялись за руки и уткнулись друг в друга лбами, перешёптываясь. Ёж довольно заурчал щелчками фотокамер. Мол, ладно: не хотите давать интервью и прыгать с парашютом — тогда изображайте любовь. Такие кадры тоже дают хороший интернет-трафик.

Самолёт сел. Мы вышли. Телефоны у всех заработали. В автобусе, везущем нас от самолёта, журналисты рассказывали нам последние новости. Во Внуково, где нас встречают несколько тысяч человек, идут задержания. Мало

того, когда все через сервисы трекинга самолётов увидели, что мы летим в другой аэропорт, полиция перекрыла дорогу, ведущую из Внуково, чтобы встречающие не смогли на такси и своих машинах ехать в Шереметьево.

Рассказывая это всё, журналисты держали перед нами телескопические палки с телефонами, ведя прямую трансляцию происходящего.

— Что, — говорю, — вы транслируете-то? Ничего не происходит. Мы стоим в автобусе, и у меня в руке чемодан. Кому это интересно?

— Ну как, — отозвался один из снимающих, — прямую трансляцию только на «Дожде» сейчас смотрит полмиллиона человек.

Ни хрена себе, мне бы столько зрителей на моих четверговых эфирах! Очевидно, саспенс — «арестуют Навального или нет» — людям интереснее, чем мои политические речи.

Я сразу вспомнил сенсационно популярный прямой эфир, который устроили журналисты одного из изданий несколько лет назад. Они в прямом эфире надевали на арбуз резинки. Такие тонкие резиновые колечки, которые продаются для непонятных нужд. В кино их используют, чтобы обвязывать пачки наличных.

Одна резинка, две… Тысяча. Арбуз сжимался в центре, превращаясь в подобие восьмёрки, но не лопался и не взрывался. За этим процессом следило несколько миллионов человек, и я в их числе. Смотреть было невыносимо: глупость же полная, что я, не видел треснувшего арбуза? Но перестать смотреть было ещё невыносимее: я уже потратил целый час, не могу же

я пропустить *тот самый момент*, когда арбуз лопнет.

Наверное, и здесь происходит нечто подобное: всем интересно узнать, лопнет ли арбуз, и они хотят видеть тот самый момент.

Из автобуса в здание аэропорта мы так и шли странной суматошной толпой и, конечно, пошли не в ту сторону. Хорошо, что сотрудники аэропорта нас остановили. «Надо всё-таки что-то сказать», — подумал я. Будет неудобно перед журналистами, если меня сейчас заберут, а я так и не дам им никаких комментариев. Уж не говоря о том, что вот я наконец в Москве, сошёл с самолёта. Чувствую, что хочется что-то сказать, — вот и вперёд.

Мы как раз проходили мимо большого светящегося постера с Москвой. Ну, так её рекламируют для иностранцев: Красная площадь, собор Василия Блаженного, ещё что-то в этом роде. Взяв Юлю за руку, я решительно направился к постеру. Вот отличное место для брифинга.

Как это часто у меня бывает, я моментально забыл всё, что намеревался сказать. Не смысл, конечно, но структуру и последовательность. Сказалось всё само. Я начал с извинений перед пассажирами — не только моего рейса, но и всего московского аэроузла: к тому моменту выяснилось, что власти вообще остановили работу Внуково «из-за погоды». Дальше сказал, что вне зависимости от того, как будут развиваться события, я очень рад, что оказался в Москве, на родине. Я знаю, что правда на моей стороне.

В общем, что чувствовал, то и сказал.

Пошли на погранконтроль.

Как и договаривались, адвокат Михайлова прошла первой, чтобы её не отсекли пограничники, если меня

начнут задерживать «с той стороны».

Потом я, потом Юля.

Пограничник весело посмотрел на меня и протянул руку за паспортом.

— Что, — говорю, — ждали меня?

— Ну конечно.

Он произвёл совершенно типичные манипуляции. Полистал паспорт, посмотрел в него, потом на меня, потом набрал что-то на клавиатуре. Внезапно из-за матового стекла смежной комнаты вылезла голова его коллеги.

«Ага, старший по званию. Это капитан».

Капитан протянул руку и с деловым видом начал листать мой паспорт.

Юля ухмыльнулась, глядя на меня, во взгляде её было написано: «Ну началось».

— Алексей Анатольевич, пройдите, пожалуйста, со мной.

На лице адвоката Михайловой отразилось всё, что она думала по поводу провала нашего хитрого плана. Она стояла рядом, буквально в пятидесяти сантиметрах, но уже за заборчиком, символизирующим государственную границу. Она пыталась открыть этот заборчик и зайти обратно, но он, очевидно, был заблокирован и открывался только по нажатию кнопки из будки пограничника.

— Зачем мне идти с вами?

— Надо установить некоторые детали.

— Ну устанавливайте здесь, какие проблемы?

— Вы должны пройти со мной.

Ага, нашли дурака, думаю. Решили задерживать — тащите своих ментов, которых у вас тут взвод наготове. Хотят избежать картинки с полицией, которая меня уводит.

— Я не обязан никуда идти. Вот у меня адвокат, я настаиваю, чтобы вы в её присутствии устанавливали свои детали или что там у вас.

Таким образом мы препирались ещё, в глазах капитана была боль. Ему дали указание, чтобы я просто ушёл в соседнюю дверь и больше не вышел. Без всякой полиции. Но стало понятно, что так не получится. Он пробормотал что-то в рацию. Неизвестно откуда появилось человек шесть полицейских.

Михайлова стала терзать заборчик ещё энергичнее, требуя пустить её обратно.

На всякий случай я передвинул Юлю, стоявшую между мной и полицейскими, себе за спину. Чёрт его знает, что они тут придумали.

Такие же традиционные препирательства с майором полиции, но их я вёл скорее на автомате. Вот этот рутинный диалог — «Пройдёмте! — Не пройду. — Пройдёмте! — Я не обязан, вот мой адвокат. — Нет, пройдёмте!» — я могу вести даже во сне, так часто это со мной бывало.

Важнее было сообразить. Так, «одноразовый» телефон в кармане — я его нащупал. Рюкзак с ноутбуком у Киры, я нашёл её взглядом — с ней всё окей. Чемодан отдаю Юле: непохоже, что её тоже задержат. Вроде всё, я готов.

Прощаюсь с Юлей, целуя её в щеку, я уже на стадии: «Если вы откажетесь выполнять требования сотрудников полиции, то к вам будет применена сила».

Отказываться идти, чтобы они тащили меня за руки за ноги, как на митингах, смысла не имело. Вдруг они мне просто в своей комнате вручат повестку о явке в суд или

в уголовную инспекцию. Тогда вся эта драка через пятнадцать минут будет выглядеть глуповато.

Ещё раз поцеловав Юлю, я пошёл в сопровождении торжественного эскорта из полицейских.

Дверь была совсем рядом, метрах в десяти. За ней была комната со столом и стулом, там стояло ещё человек десять полицейских.

— А вы что, поджидали в засаде?

— Присаживайтесь.

Я сел. Полицейские стали полукругом возле меня. Они были в масках, руки за спиной. Выглядело это очень смешно, и моим первым порывом было достать телефон, снять это и отправить, чтоб выложили в твиттер. Я остановил себя. Непонятно было, есть ли вообще камера на моём телефоне: это явно была одна из самых дешёвых моделей. А главное, телефон запросто отнимут, и тогда я не смогу сообщить, куда меня повезут. Чаще всего это можно сделать из автозака. Что на свободу из этой двери я уже не выйду, было очевидно.

Все слышали выражение «театр для одного зрителя». Вот этот театр и начался несколько секунд спустя. Двое в гражданском включили камеры, а третий (главный — это было видно по пиджаку), достав какие-то бумажки, подошёл к майору и начал торжественным голосом докладывать:

— Товарищ, бла-бла-бла, сообщаю, что в производстве, бла-бла-бла, находится материал, бла-бла-бла, Навальный, бла-бла-бла, розыск, бла-бла-бла.

Выслушав это, майор повернулся к пограничнику. Тот тоже начал докладывать, что в ходе проверки документов (бла-бла-бла) обнаружен гражданин Навальный.

Тут я просто начал смеяться:

— Вы чего себя как сумасшедшие ведёте и для кого это шоу устраиваете? Я здесь один, расслабьтесь и говорите нормально.

Но расслабиться они не могли: две камеры снимали происходящее, и начальство, придумавшее эту процедуру, незримо присутствовало в лице этих камер. На мои слова никто не реагировал. Выслушав пограничников, майор снова повернулся к гражданскому в пиджаке и, только что не отдав честь, сообщил ему:

— Сообщаю, что в ходе, бла-бла-бла, был выявлен, бла-бла-бла, меры к задержанию, бла-бла-бла.

Я смеялся уже в голос. Менты, стоявшие вокруг, тоже явно чувствовали неловкость от комизма ситуации, но камеры снимали, и они должны были делать что сказано.

Я попытался прервать парад взаимных докладов:

— Так, друзья мои, вы мне скажите: я задержан? Если нет, то я пошёл.

Полицейские, стоявшие полукругом, напряглись, но другой реакции на мои слова не было. Им явно вообще запретили со мной разговаривать.

Внезапно торжественная часть закончилась, и пиджак повернулся ко мне:

— Пройдёмте.

— Куда?

— Пройдёмте.

— Статус мой сообщите. Я задержан?

— Пройдёмте.

Меня снова вывели на лётное поле, там ждало два полицейских автобуса. В мой село человек восемь,

пиджак — рядом со мной. Блин, позвонить из автобуса не получится. Простым ментам наплевать, а этот точно будет вырывать трубку.

Ехали долго и явно не в Москву. Сквозь замёрзшие стекла можно было видеть деревья, маленькие магазинчики и сугробы на улицах, только не центральных.

Спросив пару раз, куда мы едем, и не получив ответа, я снова убедился, что разговаривать со мной запретили. Обычно менты, даже если не отвечают по сути, любят поболтать со мной на политические темы.

Подъехали к зданию с забором.

— Выходите.

На улице снова два чувака с камерами. Вывески нет, но это явно отдел полиции, пластиковое стекло, за ним сидит майор. Очевидно, дежурная часть.

— Товарищ майор, а можно узнать, куда меня привезли?

— ОВД Химки.

Странно, что так долго ехали. Химки — подмосковный город, расположенный недалеко от аэропорта Шереметьево. Значит, меня решили спрятать в Московской области, ведь искать все будут в Москве.

— Можно в туалет?

— Пожалуйста.

Сейчас позвоню, пока телефон не забрали. Не тут-то было. Дверь в туалет открыли, два мента смотрят, а оператор ещё и снимает.

— Вы совсем охренели? Камеру уберите свою.

Оператор ушёл, менты остались и дверь закрывать отказались: не положено.

Подумав, решил не пытаться спрятать телефон в ботинке

или вроде того. Раз меня сюда привезли, значит, обыщут, и мне несолидно будет оказаться с телефоном в носке. Тем более всё снимают — потом будет специальный репортаж о том, как я пытался обмануть бдительных стражей порядка, но потерпел неудачу.

На лицах химкинских полицейских было написано всё, что они думают о том, что именно их отделение выбрали, чтобы задерживать меня и оформлять документы. Я знаю, все полицейские районных отделов ненавидят, когда меня привозят, потому что начинается нашествие начальства. Оно приходит живьём, оно звонит по телефону. Цепочка командования предполагает, что дежурный отчитывается обо мне своему начальнику, тот — своему, и так далее, до министра. На практике — много раз это наблюдал — разнообразные начальники названивают дежурному с одними и теми же вопросами всю ночь, доводя его до белого каления.

А потом начинают приезжать и проверять составленные на меня документы, или «материал» (на их жаргоне). Если в документах окажутся очевидные ошибки, то на суде я буду их высмеивать и унижать, журналисты — радостно транслировать это в сеть, а высшие начальники — читать это и злиться.

Поэтому для спасения чести мундира ночью обычно приезжают сотрудники, которые умеют всё оформлять правильно, и заставляют всё переписывать. Но ошибки всё равно всегда есть.

Тайный протест химкинских полицейских выразился в том, что они хотя бы со мной разговаривали, вели себя дружелюбно и даже смеялись над моими шутками. Что

называется, атмосфера сразу потеплела.

Конечно, это разновидность стокгольмского синдрома. Одни творят беззаконие молча, другие творят его точно так же, но при этом говорят тебе: «А хочешь чаю с лимоном?» И вот ты уже готов расстрелять первых и обожаешь вторых.

Именно поэтому, кстати, сколько бы люди ни смотрели детективных сериалов, система «плохой полицейский — хороший полицейский» всегда будет работать. Когда ты за решёткой, ты очень нуждаешься в чём-то хорошем.

Увидев полицейского, который должен был провести обыск, я остолбенел. Это же Осипов! Один из восьмерых моих отравителей — в их лица я вглядывался долго и отлично их запомнил. Этот майор был, как и все, в маске, но у него было точно такое же круглое лицо, мешки под глазами и, главное, причёска — седеющая чёлка. Седеть можно по-разному, и у этого белые и чёрные волосы были ровно в той же пропорции. Майор, мне показалось, обратил внимание на то, как я на него уставился. В комнате было человек шесть, но смотрел я только на него. Я подошёл к «Осипову», думая о том, что это был бы красивый жест со стороны Путина — если бы сейчас чувак снял маску, оказался реальным Осиповым и сказал: «Ну что, Алексей, как ты там в своём ролике говорил? „Я знаю всех, кто пытался меня убить“?»

Но майор маски не снимал, а продолжал копаться в своих бумажках, поглядывая на меня.

Мой лёгкий ступор прошёл. Да, сходство верхней части лица поразительное, но думай логически, Алексей. Во-первых, ты не видел Осипова — только его фото из паспорта, которому несколько лет. Нельзя

идентифицировать людей по причёске и оттенку седины. Во-вторых, этому, похоже, в районе пятидесяти, а Осипову — около сорока лет. А в-третьих, до такого они бы не додумались. Да и опасно: всё отделение полиции будет знать.

«Осипов» тем временем был умеренно весел и дружелюбен, чем окончательно устранил любые сомнения. Даже как-то жаль стало. Вот была бы драма так драма! Куда там Голливуду.

Потеплевшая атмосфера имела и негативное последствие: адреналин схлынул, неизвестности больше нет. Обычное задержание и ночь в полиции. Сразу вернулась боль в спине. Причём сильная. Когда начался обыск, мне уже было сложно нагнуться и снять ботинки. Обыскивали вежливо, но дотошно — ещё бы: две камеры, два ока незримо присутствующего начальства, продолжали снимать. Я порадовался, что не стал прятать телефон и избежал позорного момента его обнаружения. Каждую вещь с меня сняли и проверили металлоискателем. Как обычно: шнурки, ремень и всё металлическое надо снять.

— Кольцо?

— Оно не снимается.

— Хорошо.

Вообще-то кольцо снимается, но, сколько я ни оказываюсь под арестом, всегда говорю, что не снимается, и от меня отстают.

— Телесные повреждения есть?

— Нет.

— Заболевания? Чувствуете себя как?

— Нет заболеваний, чувствую себя хорошо.

Майор, заполнявший документы, вопросительно взглянул на меня:

— А спина?

Минуту назад я жаловался на неё, да и сам он видел, с каким усилием я снимал ботинки и носки.

— Спину писать не надо.

В этом проблема с больной спиной. Проверить это невозможно. Ну и вообще, что это за заболевание такое — «боль в спине»? Всем кажется, что ты симулируешь, чтобы всех разжалобить. Тем более что арестованные имеют тенденцию сразу начинать жаловаться на все болезни (это, кстати, правильно). Но кто будет жалеть человека с больной спиной? В этом случае жалость скорее вызовет отсутствие воображения: мог бы придумать что-нибудь получше. Уж не говоря о том, что по неписаному кодексу героического политзаключённого жаловаться на здоровье следует, только если что-то совсем серьёзное (не знаю, кто придумал этот кодекс. Возможно, я сам только что).

— Вот ваша одноразовая постель. Вот, — подполковник протянул квадратную коробку, — еда и чай. Вот матрас.

Матрас был старый и в ужасных пятнах. В принципе, они везде всегда такие, но опытный человек должен возмутиться.

— Вы чего? Вы где этот матрас взяли, из-под мёртвого бомжа? Он прожарку явно не прошёл. Давайте другой.

Подполковник посмотрел на пятна и, вздохнув, согласился. Пошёл в кладовку и достал оттуда новый. И новую подушку, в целлофане.

Боже! Новые матрас и подушка — какая неслыханная удача. Жизнь налаживается!

Меня завели в «обезьянник», дверь захлопнулась.

Длинная деревянная лавка, три стены. Вместо четвёртой стены — решётка (потому и «обезьянник»); в последние годы вместо решётки стали делать прочное пластиковое стекло. Видимо, это должно демонстрировать гуманизацию правосудия. Здесь были и решётка, и стекло. За стеклом, поставив стулья, сели два лейтенанта.

— Вы чё, на меня всю ночь смотреть будете?

Лейтенанты грустно кивнули.

— Камеры же есть, — показал я в угол, где висела полукруглая коробочка.

Лейтенанты так же синхронно пожали плечами.

Я снял куртку, аккуратно свернул её и положил, стараясь выбрать самую чистую часть скамейки. Разложил матрас — довольно тонкий лист поролона. Положил на него синтетическую тряпочку — одноразовую простыню. Снял ботинки и лёг. Две мысли: «Кайф, наконец-то!» и «После ночи на этой деревяшке мне конец». Сплю я в полиции всегда очень хорошо и в этот раз заснул моментально.

Проснулся я от ужасной боли в спине, возникшей, когда я хотел перевернуться с боку на бок. Одного лейтенанта не хватало, но оставшийся непрерывно смотрел на меня.

С большим трудом я поднялся и надел ботинки.

— Спина болит очень, — объяснил я наблюдавшему за моими мучениями менту.

— Так как раз для спины спать на жёстком хорошо.

— Ага, охренительно. Так мне хорошо сейчас, хоть умирай.

Лейтенант не боялся говорить. Уже неплохо.

— Слушай, а вообще кто-то знает, что я в Химках?

— Да уже давно все знают. Ещё ночью начали писать.

— Ха, ну и чего, «Крепость» ввели уже?

Лейтенант вздохнул: ввели.

«Крепость» — это план обороны отдела полиции от нападения. Его разрабатывали, очевидно, на случай терактов и всяких ЧП, но на практике используют, когда не хотят пускать в здание ОВД адвокатов, правозащитников, журналистов и любых других людей. Жалуешься потом: «Ко мне не допустили адвоката». А МВД отвечает: «В это время шли плановые учения, и был введён план „Крепость“. На территорию впускали и выпускали с неё только сотрудников этого отдела полиции».

Когда меня задерживают, всегда вводят «Крепость».

— А сколько времени сейчас? — спрашиваю я, ожидая услышать: «Пять утра». Окон мне не видно, но какой-то полумрак по всему отделу, тишина. Нет обычной беготни и хлопанья дверями.

— Половина десятого.

— Ого, ничего себе я спал. А можешь, пожалуйста, сказать дежурному, что я требую свой звонок? Вчера мне обещали, но так и не дали позвонить. И я не сомневаюсь, что за забором стоят мои адвокаты, — пусть им дадут войти.

— Хорошо, — лейтенант ушёл.

Покопавшись в коробочке с сухим пайком арестанта, я нашёл там пластиковый стаканчик и пакетик чая. В это время мой лейтенант вернулся.

— Дежурный сказал, что через полчаса вас отведут к адвокату.

— Отлично, а можно мне кипятку пока?

— Без проблем.

Через полчаса мою клетку открыли.

— Пойдёмте.

— Адвокаты приехали?

— Да, они тут.

Как обычно в таких случаях, идём на второй этаж, где выделяют какую-то комнатушку. Коридор, кабинет, снова коридор: «Вам сюда».

Я делаю шаг и в буквальном смысле остолбеневаю.

Большая, ярко освещённая комната — я жмурюсь после полумрака моей камеры. Стоит стол, на нём несколько микрофонов на подставках, как на пресс-конференциях. Напротив стола ряды кресел, на них сидят люди в масках — журналисты, что ли? У первого ряда кресел несколько операторов с камерами на штативах. Когда я зашёл, они повернули камеры на меня. Посередине зала стоят мои адвокаты Михайлова и Кобзев и смотрят на меня такими же дикими глазами, какими я смотрю на них. Все явно ждут, пока я сяду за стол с микрофонами. Он оформлен очень торжественно: рядом стоят огромные флаги на древках.

«Охренеть, пресс-конференция», — лихорадочно думаю я. Вот гады. Специально не сказали, чтобы я не умылся, а так и пришёл — мятый, сонный и с всклокоченной головой. Я начал приглаживать волосы руками, стараясь, чтобы это не выглядело слишком панически: камеры глядели на меня.

Так, а что же они хотят, чтобы я заявил? Чтобы я извинился? Отказался от гражданства? Сказал, что покидаю Россию? Всё это дикие идеи, но ничего лучше я придумать не мог. В голове моей возникали какие-то советских времён процессы над диссидентами. Там устраивали нечто вроде покаянных пресс-конференций. Да,

но в этом случае они же должны были на меня надавить, удостовериться, что я скажу то, что им надо.

Я же сейчас сяду и такое им устрою! Может, они считают, что достаточно меня напугали этим странным арестом? Может, адвокаты им что-то обещали в обмен на мою свободу?

Видимо, от полного шока я начал воображать в десять раз быстрее, и все эти мысли пролетели в моей голове за те две секунды, что я оглядывал зал, привыкая к яркому свету.

— Что здесь происходит?

— Сейчас здесь будет суд, — у Михайловой такое выражение лица, как будто она хочет ударить кого-то сумкой.

— Что?!

Всё это казалось идиотской шуткой, розыгрышем — тем более что Вадим начал смеяться.

— Сейчас здесь будет суд по твоему аресту.

— Но мы же в отделении полиции.

— Да, нас пустили в здание три минуты назад и сказали, что здесь пройдёт выездное заседание Химкинского суда.

— Но это невозможно.

— Начальник ОВД Химки просит арестовать тебя на месяц.

— А это кто? — показываю я на людей на креслах.

— Это публика. Не знаю, как они сюда попали.

Я внимательно посмотрел на «публику» и обнаружил, что всё это — мужчины средних лет, хмуро отворачивающиеся от моего взгляда.

— Ты шутишь.

Я по-прежнему стоял у входа, ожидая, что Ольга сейчас

рассмеётся и всё объяснит, а я похвалю её актерский талант. Происходящее было совершенно невозможно даже по меркам путинского правосудия.

Меня формально объявили в розыск, так как я не являлся в уголовную инспекцию и не отмечался там, пока лечился после отравления в Германии. Отмечаться два раза в месяц — моя обязанность по приговору, который решением Европейского суда уже признан неправосудным. Теоретически Симоновский суд по месту моего жительства может рассмотреть вопрос о замене моего условного срока на реальный из-за того, что я не приходил. Они так делали уже не раз, когда я попадал под аресты за участие в митингах. Типа, это тоже нарушение: я обязан себя «хорошо вести и не нарушать закон». Такие процессы были нужны, чтобы запугать меня и напомнить, что в любой момент меня могут посадить. До этого все такие процессы заканчивались так: «Ну ладно, на этот раз мы тебя сажать не будем, но это последнее предупреждение». Однако, в любом случае, это формально всегда выглядит как судебный процесс. Повестки, даты заседаний. Прения сторон. Уголовная инспекция требует меня посадить, рассказывает, какой я ужасный. Мы спорим.

А это что? Суд в отделении полиции. Какое ко мне имеет отношение начальник ОВД Химки и за что он может требовать арестовать меня на месяц?

— Садись, — Михайлова махнула на стул. — Я не знаю, кто тут шутит, но только не я.

Стул, на который она показала, стоял прямо под портретом Генриха Ягоды. Назвать судебный процесс «кафкианским» — это полнейшее клише в России. Я сам так

называл каждый свой процесс, пока эта метафора окончательно не стала моветоном. Тем не менее тут сходство было буквальным. Если я правильно помню, герой Кафки случайно заходит в суд по каким-то своим делам, а там его начинают судить. Изумление, а потом возмущение героя не производит никакого впечатления на шестерёнки судебной машины.

Так и здесь. Я вышел из камеры отделения полиции на встречу с адвокатом, а оказался на собственном суде с «публикой» и «журналистами».

Поэтому, когда зашла судья, я просто начал на неё орать:

— Вы что, с ума здесь все посходили? Как это может быть? Кто эти люди, почему они знали о процессе раньше меня?

— Это журналисты и слушатели, у нас открытый процесс.

В это время — как удачно! — с улицы начало доноситься скандирование: «Свободу Навальному!» и «Пропустите!»

— Прямо сейчас внизу стоят люди, пустите их на процесс.

— Все, кто хотел войти, вошли.

— Ну вы же слышите, что они кричат: «Пропустите».

— Люди стоят там несколько часов, никого не пускают, — добавила Михайлова. — Я сама стояла три часа, но меня пустили несколько минут назад, а о том, что будет суд, я узнала за три минуты до начала.

— Все, кто хотел войти, вошли.

— Вы сказали, что у нас открытый процесс. Я требую пустить журналистов, их там десятки.

— Процесс открытый. Заявки поступили от пресс-службы МВД и от... — она назвала два прокремлёвских издания. — Больше никто не изъявил желания присутствовать на суде.

— Так ведь никто и не знал о суде!!!

— У нас процесс открытый, любое СМИ могло отправить заявку, но они не захотели.

Казалось, что Ягода — сталинский нарком НКВД, придумавший знаменитую систему, при которой хватали любых людей, обвиняли их в том, что они английские или японские шпионы, а потом расстреливали, — подмигивает мне со своего портрета.

Я яростно ругался и риторически недоуменно восклицал — эффект был ровно такой, как у Кафки. «Публика», насупившись, сидела абсолютно молча, уставившись в пол или в телефоны. Адвокаты сыпали ссылками на закон, который никого не интересовал. За окном всё громче скандировали, судья продолжала настаивать, что желающих попасть на процесс нет.

Больше всего меня поразила девушка-лейтенантик. Кто-то должен был формально представлять начальника ОВД, требующего меня арестовать. Очевидно, желающих позориться не было, вот её и отправили. Молоденькая и застенчивая девушка, явно перепуганная происходящим поначалу. На её примере тоже можно было в реальном времени наблюдать поразительную кафкианскую трансформацию.

Сначала она страшно стеснялась и на все вопросы тихонько отвечала: «На усмотрение суда». Потом, окончательно поняв, что суд и она — одна сторона и никто не наругает и не засмеётся, если она скажет что-то не так, она начала поддакивать судье и более матёрой и циничной тётке, представлявшей прокуратуру. Потом, очень быстро осознав, что мы — те, кто орёт, ругается, чего-то требует

и тычет пальцем в закон — обречены и вообще-то мы — враги, а она — *государство*, всё более горячо начала включаться, эмоционально вовлекаться в процесс, который только что её саму пугал своим безумием. Чувство стаи. Свой — чужой.

Несколько часов безумия — и: «Именем Российской Федерации арестован». Мы начали гадать, куда меня отправят. Это Московская область — значит, в один из дальних СИЗО, Волоколамский или Можайский. Гадали мы недолго. В зал вошла та смешливая девица, которую я упоминал выше.

— Я из Симоновского суда, распишитесь в получении повестки.

Михайлова берёт повестку, читает, поворачивается ко мне: «Матросская тишина».

На повестке стоят имена тех, кому она отправлена:

— Навальный;

— адвокат Михайлова;

— адвокат Кобзев;

— начальник СИЗО № 1 «Матросская тишина».

Я прикинул: мы в Химках, рядом с аэропортом. Симоновский суд почти в центре Москвы, оттуда часа полтора езды. Выходит, мы тут ещё вовсю спорили, а в Симоновском суде уже знали, где я буду сидеть. Наверное, ещё самолёт мой не успел приземлиться в Москве, а мне уже приготовили номер в «Матроске».

Оставалась пара минут, пока была суматоха и все подписывали бумажки, — их я решил потратить на тикток. Меня сажают, значит, завтра наши выпустят расследование про дворец Путина. Мне надо как-то призвать всех его

распространять. Но как? Вокруг полно полиции, меня снимают несколько камер — не запишешь же видео: «Распространяйте наше расследование о дворце Путина!» Пока это строжайший секрет.

— Оля, запиши, пожалуйста, несколько секунд, как я просто сижу и молчу.

Полицейский секунд через пять заметил, что она меня снимает, и начал вырывать телефон: не положено.

Этого достаточно. Я записал на бумажке текст к этому ролику: «Мы выпустили видео про дворец Путина, но вокруг меня полиция, и я не могу об этом сказать. Поэтому просто молчу. Помогайте распространять».

Пришёл конвой. Меня увели. Снова обыск.

— Кольцо.

— Не снимается.

— Там, куда мы едем, вам его с пальцем оторвут, но снимут. Советуем взять мыло и снять.

Пришлось снять.

Обычно, когда ты уже в наручниках, тебя выводят через какой-то задний выход, и ты сразу оказываешься в машине. Но тут не суд и такого выхода нет, поэтому меня повели на глазах у всех.

«Только бы не упасть и не скорчиться от боли, вставая. Только бы нормально влезть в машину с этой чёртовой спиной на глазах у всех: кадры потом явно будут везде! Давай, Алексей, постарайся. Иначе твою больную спину все примут за испуг и страдание».

Вывели на улицу — люди заорали. Я, неожиданно для самого себя, заорал в ответ: «Ничего не бойтесь!» Это был важный момент: именно в такой чувствуешь настоящее

единение со своими сторонниками. Они думают о тебе и хотят поддержать. Ты думаешь о них, о том, что этот арест нужен, чтобы боялись они, и делаешь всё, чтобы помочь им не бояться. Идёшь с ровной спиной и кричишь: «Ничего не бойтесь!»

Я вообще сентиментальный человек — покажите мне фильм про одинокую собачку, и я буду рыдать в три ручья. А тут, понятное дело, такой эмоциональный момент. Меня запихнули в крохотный металлический «пенал» автозака. Колени упираются в дверь. Глаза полны слёз благодарности к тем, кто меня поддерживает. Хочу вытереть их рукой и вдруг вижу камеру. Она слева, на уровне моих глаз, сантиметрах в пятидесяти от меня.

«Ну уж нет, — думаю, — хрен вам, а не кадры „Навальный плачет в автозаке после ареста“». Просто шмыгаю носом и концентрирую внимание на собаке. Она была на улице на поводке у полицейского, и сейчас они зашли внутрь. Мне её видно через решётку двери. Это не овчарка и не другая собака того типа, что используют для охраны арестантов, а стаффордширский терьер. Пёс сильный и зубастый, но совсем без шерсти. «Ему же страшно холодно, — думаю я, — сначала на снегу, теперь на железном полу».

Поехали, скандирование затихло. Слышу, как у сопровождающих машин завыли сирены, вижу всполохи мигалок. Самодовольно думаю о том, что не только Путина возят по Москве кортежем с мигалками.

Остановились. Одни ворота. Вторые ворота. Третьи.

— Выходите.

Невзрачное крылечко. Стоят несколько человек.

— Фамилия?

— Навальный.

— Статья?

— У меня нет статьи. Я пока задержанный. Меня сюда незаконно привезли.

— Проходите.

Когда-то мой адвокат Вадим Кобзев, рассказывая об одном из своих клиентов — руководителе банды киллеров, сказал, что тот сидит в спецблоке «Матросской тишины». Это было в 2012 году, но я очень хорошо запомнил этот разговор, потому что на вопрос: «Что за спецблок?» — Вадим без улыбки ответил: «Когда тебя посадят, Алексей, не сомневайся, ты будешь сидеть в этом спецблоке».

Мы зашли в комнатку. Шесть или семь офицеров охраны. У каждого на груди видеорегистратор. В миллионный раз за последние два дня записывают мои анкетные данные.

— Ну чего, — спрашиваю, — когда вы меня поведёте в ваш знаменитый спецблок?

Охранники весело переглядываются:

— А вы уже в нём.

Раздеваешься догола. Каждый предмет пропускают через рентген. Шучу про напильник в носке. Молчат. Им тоже запретили разговаривать.

Матрас. Подушка. Миска. Ложка. В 2013 году меня сажали на пять лет, и, хоть и выпустили на следующий день, процедура мне знакома.

Камера небольшая и чистая, но в ней совсем пусто.

— Дайте, пожалуйста, книжку.

— Завтра напишите заявление в библиотеку.

— А сейчас? Делать-то нечего. Скучно.

— Сейчас нельзя.

— А газету можно?

— Газету нельзя.

«Что же я буду делать остаток вечера?» — думаю я. Знаю, что лечь спать по правилам нельзя.

— Ну хотя бы бумагу и ручку дать можете?

— Это пожалуйста.

Так я эту главу и написал.

Глава 8

Кто бы мог предположить, что эти шестьсот долларов станут лучшей инвестицией в моей жизни! А тогда я был просто в ярости, что придётся их потратить. С ужасом думаю о том, что мог бы отказаться их платить. А такая мысль была — не из-за размера суммы (хотя это была половина моей месячной зарплаты), а из гордости: почему я должен платить, а остальные нет? Это унизительно.

Я — юрист в компании крупного московского девелопера. Ну вы понимаете, что такое девелоперы в лужковской Москве девяностых. Неси деньги Лужкову, его заместителю — легендарному Владимиру Ресину, посадить которого за взятки уже тогда требовал каждый нормальный человек, так откровенно и цинично он действовал (и снова ирония: так много я боролся с Ресиным и расследовал его делишки на всех стадиях своей карьеры, но пишу это в тюрьме, а 85-летний Ресин сидит в Госдуме, он старейший депутат и представляет путинскую «Единую Россию»), — и будешь строить. В наш холдинг входило несколько компаний, сидевших в разных офисах в Москве, но головной находился по адресу: Никитский переулок, дом 4, строение 1. И этот адрес полностью совпадал с адресом

Департамента строительства Москвы, возглавляемого тем самым Ресиным. У лужковской жены тоже был там офис, кстати. В общем, тёплая компания бизнесменов, обладающих «уникальными деловыми связями».

Денег у нас много, на дворе конец девяностых, цены на московскую недвижимость ставят рекорды, и девелоперы процветают.

Структура владения нашей фирмой мне пока не очень понятна, хотя разобраться при желании и наличии любопытства несложно, я же юрист. А поскольку я ещё и знаю английский, мой начальник Саша только и мечтает скинуть на меня огромные коробки с документами на кипрские офшоры владельцев. Я пару раз заглядывал туда в поисках паспортных данных — там такой бардак, что я пока предпочитаю держаться подальше от этих тайных знаний. Мне и без офшоров понятно, что в нашей части холдинга главный чувак — тот, кто приезжает ко входу на восхитительном «мерседесе» (S-класс, 140-й кузов, двигатель шесть литров — то был период моего преклонения перед дорогими машинами), с джипом охраны, которая, как в кино, разбегается, зорко смотрит в разные стороны и обеспечивает безопасный и стильный проход в здание. Не уверен, что это давало больше безопасности, но точно означало, что в подъехавший лифт тебя не пустят.

Боссом нашего здания был Александр Чигиринский. Имя как у представителя русской мафии из голливудского блокбастера. У «старшего» здания на Никитской и босс был соответствующий — старший брат Александра, Шалва Чигиринский. Несмотря на их внешнее сходство с мафиози,

я за всё время работы не видел ни малейших проявлений криминального характера. Джипы эти с охраной были тогда необходимым антуражем. Сами охранники были в действительности приятными людьми (я всегда и везде был в приятельских отношениях с охранниками — как «личниками», работавшими с моими начальниками, так и с теми, кто выполнял более традиционные функции. Охранники чаще всего бывшие военные или менты и, как я уже говорил, признают во мне своего — не знаю почему).

Наши начальники старались культивировать какой-никакой командный дух, единство в коллективе. То были времена, когда на Русь ещё не пришли тимбилдеры, коучи и специалисты по личностному росту. Никто тогда не знал, как важно для обстановки в офисе периодически нанимать за немыслимые деньги консультанта, который с помощью коллективных игр, флипчартов, презентаций и «оценки 360 градусов» убьёт рабочее время сотрудников в загородном пансионате, чтобы скорее перейти к главной части: вечеринке с аномально высоким количеством алкоголя, сексу (кому повезёт) и сплетням о тех, кому повезло.

Наши Чигиринские глядели вперёд. Ещё в 1998 году они просто вывозили весь офис на майские праздники в Турцию. Бесплатно. Хочешь — едешь, хочешь — нет. Хотели, конечно, все, и получалась тусовка человек на двести, а разговоров о том, как знатно потусили, что пили, что ели и кто был замечен выходящим из чьего номера, хватало аж до следующих майских.

Понятно, что уже в самые первые дни в офисе я знал о такой ежегодной практике и твёрдо решил, что поеду. Во-

первых, это отличная социализация: сразу перезнакомлюсь со всеми и перестану быть «новеньким юристом», во-вторых, я люблю море и пляж, и пусть сейчас такое заявление считается моветоном — да, я считаю пляжный отдых лучшим. А в-третьих, вот те стайки милых девушек, работающих в наших многочисленных приёмных, они же тоже едут! Как же могу не поехать я?

Ну а дальше, как обычно, вечная история облома чего-то гарантированно прекрасного. Начало года, экономический кризис 1998-го разразится только в августе, и пока у нас всё так хорошо, что мы с кем-то там снова объединяемся, сливаемся и всё такое. Как всегда в таких случаях, начальники устраивают совещание и решают начать новую жизнь с повышения эффективности. А именно: «Наверняка есть какие-то расходы, надо их сократить как неэффективные». На то ведь мы и эффективные менеджеры, чтобы за этим огромным полированным столом с умным видом сократить какую-то трёхкопеечную фигню, понять, что это привело к потере трёх рублей, потратить ещё десять рублей, чтоб вернуть всё на место, и так далее. Менеджмент, короче.

Представители новых акционеров, рыскавшие глазами в поисках предмета для сокращения, наверное, остолбенели от счастья, увидев пункт «Оплата поездки всех сотрудников в Турцию». Хищные ноздри затрепетали в предчувствии радости секвестирования. Квадратные очки блеснули, отразив область монитора с графой «Итого».

— Что, всех берёте?

— Да.

— И секретарей, и шофёров?

— Ну да, конечно.

— Ясно.

Это «ясно» важно сказать так, чтоб голос не выдал радостного предвкушения. Никакого торжества. Спокойное, нейтральное «ясно». Но там, в груди, уже разгорается пожар! Найден бриллиант для сокровищницы «обнаруженных в ходе аудита неэффективных расходов». Акционер будет доволен, ведь так дела не делаются: это же безумие какое-то, деньги на ветер!

И по офису поползли слухи, что в этом году поездка отменяется.

Такие суровые лица, твёрдые взгляды и сжатые губы я видел в советских фильмах про революцию и Гражданскую войну.

Все — от начальников отделов до секретарей и водителей — превратились в население оккупированной деревни, где каждый житель — партизан. Да, они вынуждены говорить с начальниками вежливым тоном и из признаков непокорности заметна только необычайно гордо поднятая голова, но ясно: только отвернись, и эти люди начнут пускать под откос поезда.

Недовольство коллектива настолько осязаемо висело в воздухе, что устрашило даже апостолов эффективности. Начался торг.

— Поедут, но не все.

— Нет.

— Все, но немножко доплатив.

— Лучше смерть.

В конце концов ради сохранения лица инициаторов идеи оставили всё как есть. С маленькой приписочкой: правило

не распространяется на тех, кто работает в компании меньше года. Таких и была всего пара человек.

Как вы уже поняли, одним из них оказался я.

Когда эту новость огласили официально на совещании юридического отдела, это был один из тех моментов, которые проживал каждый: ты делаешь вид, что тебе максимально всё равно, хотя тебе, конечно, не всё равно. Ну серьёзно?! Все едут бесплатно, а я должен платить?!

Коллеги же явно боролись сразу с двумя феноменами: огромным магнитом, который внезапно появился у стула, на котором я сидел, и силой немыслимой гравитации, заставлявшей их головы повернуться в мою сторону. И такой же мощной, почти сейсмической силой, рождающей в подобные моменты ехидную улыбку на лице. Всё это были хорошие люди, которые, безусловно, считали несправедливым «правило одного года», но так уж мы, человечество, устроены: лёгкое злорадство над ближним на фоне наступившего облегчения за самого себя всегда приятно. За злорадство по важному вопросу приличный человек себя одёрнет и осудит. А по мелочи — можно, конечно. Это всего лишь денежный вопрос — заплатит, куда он денется.

Конечно, никуда я не денусь. И хоть эмоции мои бушевали в стадии торга, разум сразу переместился, минуя все прочие, в стадию принятия. Бесит. И возмутительно. И «эти идиоты».

Но отказаться от весёлой тусы, молниеносной адаптации в коллективе и офисных баек на весь следующий год будет просто глупо.

Спустя четырнадцать лет я довольно случайно оказался

в совете директоров «Аэрофлота» — крупнейшей российской авиакомпании. Пробыл я там всего лишь год, но так вышло, что именно на этот год пришлось несколько инцидентов с буйными пассажирами, и на совете гендиректор компании, очень кипятясь, рассказывал о них и заявлял, что «Аэрофлот» будет требовать принятия специального закона, запрещающего авиадебоширам летать. Я всегда голосовал за такие предложения и поддерживал их, вспоминая тот полёт в Турцию.

Самолёт почти полностью был занят сотрудниками нашего офиса. Каждый радовался долгожданным майским праздникам, теплу, отдыху, скорой встрече с морем. И почти каждый разделил эту радость с алкоголем — неразлучным другом человека. И конечно, все были не в силах усидеть на месте, метались по салону, пересаживаясь от компании к компании, перекрикиваясь через весь самолёт и выясняя, кто что наливает.

Бортпроводников все игнорировали, их призывы пристёгиваться, не вставать, не курить в туалетах и так далее тонули жалким писком в мощном гуле улья офисных работников, вырвавшихся на волю.

Мы группой юристов с водкой и примкнувших к нам секретарш с мартини оккупировали кухню — то самое пространство в хвосте самолёта, с которым я теперь так хорошо знаком. Несчастная девушка-бортпроводница долго увещевала нас уйти и не мешать ей работать. Потом, обращаясь ко мне (очевидно, выбрав самого молодого и самого трезвого), воскликнула:

— Если вы немедленно не уйдёте, я приму меры!

— Какие? — спросил я максимально издевательским

тоном во внезапно установившейся тишине, «изображая юриста». — Неужели нажалуетесь на нас капитану данного воздушного судна?

Пьяным и весёлым смешна любая глупость, вся тусовка сгибается пополам от смеха, а отсмеявшись, разливает по новой. Бортпроводница чуть не плачет — и она, и мы знаем, что сделать с нами ничего нельзя. Сейчас, к счастью, это не так.

Жизненный урок: мало что в такой степени заслуживает сожжения из огнемёта, как группа пьяных юристов, знающих, что несовершенство законодательства позволяет им безнаказанно умничать и выпендриваться перед обычными людьми, которые закона не знают, но по сути правы.

Отдых после прилёта был менее буйным. Видимо, накопившаяся тяга к угару была не так уж велика, раз вся расплескалась в самолёте. Такое часто приходилось наблюдать: начинается с «Ооох, загуляю!», а продолжается тихим алкоголизмом с пивом на пляже. Я был изрядно разочарован тем, что рассказы о разгульных вечеринках коллег оказались просто байками. Все разбрелись по компаниям, а виделись только у священного места поклонения каждого туриста в Турции — за ужином в формате шведского стола. Некоторые пытались доказать, что турки всё-таки сами себя обманули с этим шведским столом и возможно-таки съесть и, главное, выпить дешёвого красного вина на сумму, существенно превышавшую стоимость ужина. На мой взгляд, это ни у кого не получилось, хотя ряд попыток, безусловно, заслуживал приза за волю к победе.

Можете представить степень моей скуки и разочарования, если мы с моим коллегой-юристом Андреем Белкиным записались на экскурсию. И вы не поверите — в боулинг! В своё оправдание могу сказать, что в 1998 году боулинг в России был экзотикой. Почти никто из моих коллег там не бывал. Я был, в связи с чем планировал изображать усталого и скучающего Чайльд-Гарольда, ненавидящего всё. Хорошо бы ещё, конечно, с ходу страйк выбить. Дело в том, что чуть ли не первый боулинг в Москве открыли рядом с моим университетом в гостинице «Центральный дом туриста» — фактически официальной штаб-квартире знаменитой солнцевской мафии. Это, в общем, никого не смущало. Любая гостиница тогда была штаб-квартирой какой-нибудь мафии.

Так вот, я со своим коллегой Андреем, весёлым бывшим следователем, подавшимся в корпоративные юристы, записался на экскурсию в боулинг.

Экскурсия была устроена стандартным для Турции образом: большой автобус объезжал несколько отелей, собирая туристическую группу, а потом уже вёз всех на место. У каждого отеля он ждал десять-пятнадцать минут, и те, кто сел в него раньше, обычно вылезали, чтобы поглазеть на лобби соседних отелей и сравнить со своим.

Наша гостиница была последней в очереди. «Чёрт, не достанется места у окна», — подумал я, поэтому, когда автобус остановился и открыл двери, я не остался тусить у входа (это часто называется «подышать воздухом», хотя на практике означает «покурим или просто постоим в клубах дыма от тех, кто курит»), а, заметив, что место у окна всё же есть, поскорее зашёл, сел на него и начал всех разглядывать.

Постепенно стоявший на улице народ тоже начал возвращаться. Вот ещё одна группка людей идёт ко входу мимо моего удобного наблюдательного пункта. Одна девушка в накинутом на плечи белом свитере (вечерами было ещё прохладно) крутила головой, всё разглядывая. Она смешно задрала руки, вытянув их вертикально вверх — такой очень детский жест, когда ребёнка переполняет ликование и ему немедленно хочется что-то сделать. На лице у неё был написан такой классный, именно детский восторг, — она прямо говорила всем своим видом: «Ну здорово же всё! Посмотрите, как всё хорошо!» — что я не сдержал улыбку, глядя на неё. И в этот момент она посмотрела в мою сторону.

На микросекунду я подумал: «Ой, неудобно. Сижу, уставился на незнакомую, да ещё такую красивую девушку и улыбаюсь, как ненормальный».

Но ещё микросекунду спустя девушка улыбнулась в ответ.

И я подумал: я на ней женюсь.

Мысль: «Я на ней женюсь» — очень избитая, и невозможно поверить, что человек правда так подумал. И если бы я не женился на Юле, я бы её забыл, но я женился — и поэтому точно запомнил, что она действительно пришла мне в голову. Это была необычная и довольно странная мысль, но при этом — совершенно ясная и очевидная.

Восторженно-романтически настроенный человек (а это точно не я) ещё может подумать что-то вроде: «Я влюбился с первого взгляда». А меня как-то перебросило через эту мысль сразу к «женюсь». Вспоминаю об этом сейчас

и думаю о том, как странно это мгновенное ощущение, что вот он, правильный человек, только он тебе и нужен, и никто другой. Как будто в тебе все эти годы был какой-то встроенный радар, о котором ты не знал, и внезапно он ожил и объявил, что всё — миссия выполнена, а ты ни о какой миссии даже не знал.

Пришедшее понимание, что правильный человек обнаружен, хоть и было таким полным, что даже смутило меня своей очевидной бредовостью, осложнялось мыслью: блин, а дальше-то чё? Как познакомиться-то с ней? Допустим, это моя будущая жена. И что я должен ей сказать? «Иди сюда, крошка, ты будешь моей», с плотоядной улыбкой? Я очень хотел тогда так уметь, но, к сожалению, не умел ни капельки и очень завидовал тем, кто без проблем подходит и знакомится с женщинами.

На помощь пришёл коллега Андрей.

В боулинге наши с девушкой игровые дорожки оказались в разных концах зала. Каждую секунду я пялился на её компанию, а девушка, мне казалось, тоже поглядывала в ответ. Какое-то полное было ощущение, что наш зрительный контакт и улыбка через стекло автобуса сделали нас немножко знакомыми. Однако дальше дело не двигалось. Дурацкий боулинг уже закончился, девушка теперь разглядывала какие-то игровые автоматы.

И вот, пока я издалека бросал на неё многозначительные взгляды (вдруг она всё поймёт и подойдёт сама!), Андрей решительно направился в её сторону. Я понял, что это мой шанс, и увязался следом.

Подойдя к девушке, Андрей по необъяснимой причине представился так:

— Привет. Меня зовут Андрюша.

А она рассмеялась и сказала:

— Ну а меня тогда — Юляша.

И я сразу понял, что всё будет хорошо. Она не была холодной и отстранённой. Мы познакомились, и я стал немедленно шутить, а она стала смеяться. А потом шутить в ответ. Всё время до конца экскурсии мы провели вместе, а через пару дней поехали на такую же экскурсию, но уже в аквапарк. Можно сказать, что это было наше первое свидание.

В нашей семье принято считать, что я сразу был от Юли без ума (я с этим не спорю). Тем не менее я очень хорошо помню, как я вернулся из Турции: я только зашёл в квартиру и не успел даже сумку на пол поставить — а она мне уже позвонила.

Через полгода мы стали жить вместе, через два поженились. Ещё год спустя родился наш первый ребёнок, дочка Даша, а ещё через шесть лет — наш сын Захар.

Это очень распространённое клише — разговоры про «химию» между людьми, но я, если честно, думаю, что эта самая «химия» и правда существует. И «любовь с первого взгляда» существует — я тому живой пример. Сейчас, когда я пишу это, мы с Юлей вместе уже двадцать четыре года. И иногда люди помоложе или журналисты, которым хочется задать какой-нибудь «оригинальный» вопрос на интервью, спрашивают меня: мол, в чём секрет успешного брака? А я понятия не имею. Огромная доля успеха просто в везении. Мне повезло встретить Юлю. Если бы я её не встретил, то, возможно, сейчас был бы другим человеком, трижды разведённым, одиноким, и по-прежнему искал бы

кого-то.

Так что если и есть какой-то секрет, то он в везении и таком феномене, как «родственная душа». Я уверен, что у каждого она есть. Когда ты встречаешь свою родственную душу, ты просто сразу понимаешь: это она.

Конечно, брак — это работа (ещё одно клише, но в него я тоже верю). Постоянно приходится идти на множество компромиссов. Мы с Юлей — обычные люди, мы спорим и ругаемся, но всё равно где-то внутри всегда есть чувство, что это твой самый близкий человек на земле. Ты любишь её, а она любит тебя. Ты поддерживаешь её, а она поддерживает тебя. Все твои лучшие моменты — с ней.

В России, если ты занимаешься политикой, да ещё и не поддерживаешь власть, тебя в любой момент могут арестовать. В твоём доме будут проводить обыски, твои вещи будут конфисковывать. Заберут телефоны у твоих детей и ноутбук у твоей жены. Однажды у нас на обыске чуть было не изъяли телевизор. Но я ни разу не слышал от Юли ни одного упрёка. Мало того, из нас двоих она придерживается даже более радикальных взглядов. Юля всегда была очень погружена в политику, и она ненавидит людей, захвативших власть в нашей стране, наверное, даже сильнее, чем я. И я думаю, что она никогда не жаловалась не потому, что держала всё в себе, а потому что думает так же, как я. И это мотивирует меня делать то, что я делаю.

Глава 9

В 1999 году, когда Путин только пришёл к власти, многие были от него в восторге: потому что молодой, потому что не пьёт, как Ельцин, потому что говорит вроде правильные вещи. Это укрепляло надежду, что всё наконец-то будет как надо. Меня эти разговоры очень раздражали. Мне категорически не нравилась концепция «преемника» — я хотел настоящих конкурентных выборов. Если представить, например, что Путин — коммунист, вёл избирательную кампанию и честно победил, я бы хоть и очень расстроился, но согласился бы с результатами. Однако тут ситуация была ещё хуже: это был не просто преемник, а человек, которому вручили страну в подарок за лояльность и готовность обеспечить безопасность бывшему президенту и его семье. Я сразу понял, что не верю ни одному его слову. Назначение Путина вызвало у меня не просто разочарование, а желание ему противостоять. Я не хотел, чтобы такой человек был лидером моей страны.

Теперь я иногда думаю, что моё решение вступить в партию выглядело странно, но тогда я прямо что-то почувствовал. Я хотел зафиксировать себя на противоположной стороне политического поля, как можно

дальше от Путина. Чтобы потом, когда я уже буду дедушкой, я мог бы говорить своим внукам: «Я был против с самого начала!»

Оставалось только выбрать, куда вступать.

Коммунисты по-прежнему были крупнейшей организацией и очевидным решением для человека, который хотел заявить о своей оппозиции преемнику Ельцина, но один намёк на советское прошлое действовал на меня как красная тряпка на быка. Даже гипотетический разговор о том, чтобы присоединиться к коммунистам, был невозможен. ЛДПР (Либерально-демократическая партия России) тоже отпадала. Хоть она и была заметна и вроде как тоже в оппозиции, я просто не верил, что её лидер, Владимир Жириновский, намерен в самом деле противостоять действующей власти.

На демократическом фланге были «Союз правых сил» и «Яблоко», но если в СПС входили крупные и вполне состоявшиеся чиновники типа Чубайса и Немцова (как мне тогда казалось — какие-то комсомольцы), то в «Яблоко» скорее милые ботаники. Они на тот момент были единственной по-настоящему демократической партией и открыто выступали против Путина.

Может быть, я колебался бы дольше, но тут пошли первые разговоры о том, что проходной барьер в Думу поднимут с пяти до семи процентов, и возникли сомнения, что демократы смогут этот новый барьер преодолеть. Это мне и помогло определиться. Я хотел ясно обозначить свою позицию — из принципа пойти и вступить. И я отправился в офис «Яблока» на Новом Арбате.

Не так я себе представлял штаб-квартиру парламентской

партии! Я ожидал, что окажусь в солидной организации, поэтому даже надел костюм и приехал на машине. Подготовил речь о том, что я юрист, увлекаюсь политикой и хотел бы найти какую-то возможность на волонтёрских началах им помогать. Но в офисе «Яблока» царил страшный бардак, никто явно не знал, что со мной делать. На меня просто посмотрели как на сумасшедшего и отправили в отделение партии по месту жительства.

Там дела обстояли ненамного лучше. На первом этаже жилого дома, в маленькой квартире, переделанной в общественную приёмную, у входа я обнаружил тётеньку, которая мне очень удивилась и, пока мы общались, рассматривала меня недоверчиво. Оказалось, что она по совместительству была то ли старшей по дому, то ли старшей по подъезду и, даже не подумав поначалу, что я пришёл вступать в партию, решила, что я новый сосед, который специально пришёл знакомиться. Она, кстати, потом ушла из «Яблока». Куда бы вы думали — к коммунистам.

Когда я сообщил, что хочу вступить, мне показалось, что местные «яблочники» меня сейчас станут переубеждать. Они глядели на меня с подозрением и всё спрашивали: «Зачем вам это? У вас ведь есть работа? Вы настоящий юрист?» Меня это быстро начало бесить. Невооружённым глазом было видно, что кругом полнейшая дезорганизация, никто ничего не делает. А я как раз очень хотел что-нибудь делать, причём желательно немедленно. Мне говорят: сначала надо отбор пройти. Стать сторонником, потом кандидатом в члены партии, потом собрать рекомендации, год подождать — и вот тогда мы вас примем. Ну что

поделать. Я стал ждать.

Большинство людей вступало в «Яблоко» из личной симпатии к Григорию Явлинскому. Я всей глубины этого чувства не разделял, но если во время моего прежнего увлечения Ельциным я Явлинского терпеть не мог и считал «спойлером», который отбирает у него голоса, то теперь моё отношение выровнялось и я начал испытывать к нему уважение. Я считал Явлинского порядочным и честным политиком. Бывшая номенклатура, незаметно перекочевавшая из советских кабинетов в российские, всё разворовала, а у него была система ценностей, была идеология, которую он отстаивал, и в целом «Яблоко» действовало последовательно. Да, они явно побаивались делать какие-то решительные шаги и больше хотели заседать и вести умные разговоры, но они действительно верили в то, что говорили.

Постепенно я стал замечать, что единодушная симпатия к Явлинскому была так сильна, что порой перерастала в «вождизм». Мнение руководства партии и лично Григория Алексеевича было непререкаемо, и партийная иерархия строго соблюдалась. По этой причине к новеньким и относились с опаской: вдруг придёт кто-то дерзкий и попытается захватить нашу партию! На меня же смотрели особенно косо ещё и потому, что на политического активиста в их представлении я не был похож. По утрам я принимал душ, у меня была работа. Это и дальше меня всё время сопровождало в «Яблоке»: я сто раз слышал, что денег совсем нет или почти нет — почему я остаюсь с ними, почему не займусь чем-нибудь нормальным? Меня до сих пор это преследует: люди вечно ищут какой-то подвох. Ведь

у тебя есть хорошее образование и хорошая работа — зачем ты борешься с Путиным? Зачем делаешь расследования? А может, их тебе сливают конкурирующие башни Кремля? Или ты сам — кремлёвский проект? Или ты проект Запада? Всю мою жизнь про меня выдумывают конспирологические теории, чтобы как-то объяснить мой интерес к политике.

Но если сейчас это меня скорее забавляет, то в «Яблоке» очень раздражало. Это их недоумение на мой счёт означало, что сами они в свои силы не верят.

Я же шёл в политику для того, чтобы бороться с людьми, которые, как я считал и считаю, вредят моей стране, неспособны улучшить нашу жизнь и действуют только в своих личных интересах, и я хотел победить.

Меня интересовали избирательные кампании. Начав ими заниматься и поработав наблюдателем на выборах, я сразу понял две вещи: во-первых, мой юридический опыт тут очень пригодится, а во-вторых, я разбираюсь в них гораздо лучше среднего партийного юриста. А главное — это и была настоящая юридическая работа, как в кино. Когда я только шёл учиться, я так себе и представлял: зал суда, строгий судья призывает всех к порядку, ты отстаиваешь свою позицию, размахиваешь бумажками, споришь, доказываешь и в этот момент особенно остро осознаёшь, что по-настоящему борешься с плохими парнями. Звучит банально, но это правда: я хотел своей работой делать мир лучше. Ничем подобным в фирме, занимавшейся строительством офисов в Москве, и не пахло. В то время как в партии мне советовали заняться чем-нибудь «нормальным», я содрогался от мысли, что вся моя жизнь пройдёт, пока я буду ходить в офис и помогать каким-то

людям заработать лишнюю пару миллионов долларов. И так постепенно, шаг за шагом я стал отходить от корпоративной работы. Я не мог бросить её сразу: даже когда меня приняли в «Яблоко», я долго оставался волонтёром и никакой зарплаты не получал, а потом хоть и получал, но триста долларов, да и то с перебоями. Нам в офис даже факса не выдали, и я принёс собственный из дома. А мне ещё надо было содержать семью, поэтому я продолжал работать юристом (правда, теперь уже в частном порядке).

Семья у меня к этому моменту как раз образовалась. В Новый 2000-й год, который мы с Юлей отмечали вдвоём, я сделал ей предложение. Когда решил, что пора, встал на одно колено, произнёс целую речь и протянул ей кольцо. Судя по выражению лица моей предполагаемой будущей невесты, она ничего такого не ожидала, но сразу сказала «да». Потом, правда, она, смеясь, признавалась мне, что, конечно, прокручивала в голове эту сцену много раз и думала, как отреагировать. Заранее решила: когда я сделаю предложение, она не скажет ничего сразу, а помучает меня парочку недель, но я так ошарашил её своими словами, что она немедленно передумала меня мучить.

Мы решили не торопиться и пожениться в августе. Подать документы в ЗАГС надо было за два месяца до свадьбы. Лето — горячая пора, все хотят расписаться летом. Если вы решили пожениться, например, 26 августа, то надо прийти к ЗАГСу 26 июня, причём заранее, ночью, и занять очередь. Накануне Юля отравилась. Ей было так плохо, что она никуда не могла идти, тем более стоять в какой-то

очереди в четыре часа утра. Я осторожно предложил подать документы в другой день. Бледная Юля сказала твёрдое «нет»: раз уж решили — поехали, и мы отправились к ЗАГСу в ночи, как и запланировали. К счастью, ей к тому моменту магическим образом полегчало. Видимо, мечты о будущей свадьбе обладают целительными свойствами.

В 2001 году родилась наша дочка Даша. Рождение ребёнка стало менять мою жизнь неожиданным образом. Мы с Юлей хотели детей, и я очень обрадовался, когда стал отцом, но произошло кое-что ещё. Как и многие люди, выросшие в Советском Союзе, я никогда не верил в Бога, но теперь, глядя на Дашу, на то, как она развивается, просто не мог принять мысль, что дело только в биологии. Это не отменяло того, что я был и остаюсь большим фанатом науки, но тогда я твёрдо решил, что одной эволюции недостаточно. Должно быть что-то ещё. Так из закоренелого атеиста я постепенно стал религиозным человеком.

Но вернёмся к моей политической карьере в «Яблоке».

Первые крупные выборы, на которых я работал, были думские, в 2003 году. На них я возглавил московский штаб и начал организовывать разные мероприятия совместно с молодёжным крылом «Яблока», которым руководил Илья Яшин (с тех пор прошло почти двадцать лет, и мы по-прежнему остаёмся товарищами). Раньше считалось, что политические акции нужно проводить только под конкретные события, но мы решили, что акции сами по себе могут быть полноценными событиями, на которые обратит внимание пресса. В рамках предвыборной кампании мы стали устраивать митинги и одиночные

пикеты. На них меня задерживали несколько десятков раз — правда, тогда ещё быстро отпускали.

Явлинский не верил в уличную политику. Он считал: чтобы тебя допустили до выборов, нужно действовать по старинке — пойти в кремлёвский кабинет, встретиться с кем-то из большого начальства и договориться. Больше этого он надеялся только на свою харизму. Что, в общем-то, было справедливо: люди голосовали за «Яблоко» не столько из-за действий партии, сколько из-за конкретного Явлинского, который отлично выступал по телевидению.

Несмотря на разговоры, пропускной барьер в Думу пока не изменился — пять процентов. И, хотя я скептически относился ко многому в «Яблоке», я не сомневался, что мы его пройдём. Мы просто не могли получить меньше.

И вот наступил день выборов. Вечером, когда избирательные участки закрылись и начался подсчёт голосов, мы сидели в офисе и следили за результатами. Количество голосов дошло до 4,3%, но больше не увеличивалось. Оставалось совсем немного, а впереди были ещё Питер и Москва, где «Яблоко» традиционно пользовалось популярностью. Я ложился спать с твёрдой уверенностью, что пятипроцентный барьер будет пройден, но утром ничего не изменилось — у нас по-прежнему было 4,3%.

Меня это ужасно разозлило. Я-то знал, что наш штаб работал хорошо. Москва тогда оказалась единственным регионом, где результат «Яблока» увеличился по сравнению с предыдущими выборами. Пока я боялся провести плохую кампанию и соревновался с другими, со мной никто не соревновался. Везде просто палец о палец не ударили.

А проигрыш поспешили объяснить чем угодно, но не истинной причиной: позорно проваленной избирательной кампанией.

В 2016 году, когда «Яблоко» в очередной раз избиралось в Думу, вышла реклама с Явлинским. В ней он сидел на стуле в тёмной комнате с белыми плакатами в руках. На них были написаны фразы, и в течение минуты он под заунывную музыку менял эти плакаты, как бы складывая длинную фразу по кусочкам. В какой-то момент у Явлинского в руках оказалась табличка с надписью: «Можно ВООБЩЕ ничего не делать». Этот кадр стал мемом. Именно это правило партия «Яблоко» и он сам свято блюли долгие годы. Результат был предсказуем: тогда, в 2016 году, на выборах в Думу партия «Яблоко» набрала 1,99%.

Можно себе представить, что где-то в параллельной вселенной все худшие опасения «яблочного» руководства сбылись и в начале нулевых я стал лидером их партии. «Яблоко» тогда бы превратилось совсем в другую организацию. Она по-прежнему состояла бы из милых ботаников, только ещё и из очень храбрых, потому что я глубоко убеждён, что все лучшие вещи на земле были созданы храбрыми ботаниками. (У меня в кабинете висит фотография Сольвеевского конгресса физиков. Если меня спросят: «Кто твои настоящие герои?» — я скажу: вот эти храбрые ботаники, которые совершили революцию и обеспечили прогресс всего человечества. Они так меня вдохновляют, что я каждому из своих детей повесил в комнату их фотографию.)

Но ботаники из партии «Яблоко» были немного трусоваты. Они боялись экспериментировать. Мир менялся,

а они стояли на месте. Когда-то у «Яблока» была фракция в Государственной думе, и в партии не представляли, что может быть по-другому. Потом они перестали проходить пятипроцентный барьер и начали жаловаться на произвол и фальсификации. Результаты выборов и правда уже тогда вовсю фабриковались, но всё-таки и само «Яблоко» не делало ничего, чтобы бороться за голоса избирателей. Они возмущались, что у них украли победу и на самом деле они набрали намного больше, но это было не так. Постепенно они окончательно смирились с мыслью, что им никогда не победить. Они поверили, что они маленькие, а перед ними — огромная враждебная Россия, где ботаников недолюбливают. Они стали побаиваться собственных избирателей, а страх этот маскировали подчёркнутой элитарностью, в первую очередь интеллектуальной. Конечно, это никому не нравилось, и они теряли последнюю поддержку.

Это абсолютно не сочеталось с моими представлениями о том, как нужно вести политическую деятельность. Я считал, что общий язык нужно находить со всеми. Я чувствую себя комфортно и со своими бывшими одноклассниками (почти все — военные или полицейские), и с хулиганами и наркоманами всех мастей в спецприёмнике. Что далеко ходить: сейчас я в тюрьме, а один такой бедолага сидит на соседних нарах. Рассказывает, как сломал себе жизнь и что его ВИЧ-препараты очень дорогие и не работают. И мы с ним обсуждаем вопросы метадоновой терапии.

Я уверен, что люди в России хорошие, а руководство в России ужасное. Поэтому, когда я понял, что «Яблоко»

намеренно отталкивает от себя сторонников, мне разонравилось быть политическим меньшинством. Я не сомневался, что как минимум тридцать процентов населения страны разделяет демократические взгляды, а значит, у нас есть все шансы со временем стать политическим большинством.

Из партии «Яблоко» меня в итоге исключили. Предлогом стал мой «национализм».

Слово «национализм» вообще звучит устрашающе. Для всех иностранных журналистов это любимая тема, потому что стоит только его произнести, как воображение большинства западных зрителей рисует каких-то агрессивных скинхедов. Но никакими скинхедами эти люди в большинстве своём не были. Сами они называли себя «европейскими националистами»; их, точно так же как и либералов, выдавили из политической системы страны, лишили всякого представительства в парламенте, да и шанса его получить, не допуская к выборам. А я был уверен, что для борьбы с Путиным нужна широкая коалиция.

В то время они раз в год проводили в Москве митинги, которые назывались «Русскими маршами». Эти акции, как правило, разрешали проводить только на окраине города, и даже там на них собиралось несколько тысяч человек. Их нещадно разгоняла полиция, и вообще, первые массовые задержания происходили именно там, а не на акциях либералов или демократов, как можно было бы предположить. И я решил, что раз я со своими демократическими ценностями поддерживаю принцип свободы собраний, то надо проявить последовательность.

Я начал им помогать организовывать эти митинги и из солидарности несколько раз сходил на них сам, поэтому теперь в интернете можно найти фотографии меня на фоне чёрно-бело-жёлтого флага, которыми часто украшают мои интервью с вопросом: «Националист ли вы?»

Само собой, на «Русских маршах» присутствовали и малоприятные, и вовсе отталкивающие личности, но восемьдесят процентов участников были обычными людьми с консервативными, иногда немного экзотическими и порой узкими взглядами. Тем не менее они были совершенно нормальными. Однако человеческая психика устроена так, что, видя группу обычных людей, ты концентрируешься на самых радикальных из них, потому что они самые интересные. И медиа отлично улавливают эту человеческую особенность, поэтому после каждого «Русского марша» обязательно появлялась пара фотографий с фашистами или просто хулиганами, которые мне очень любят показывать журналисты, спрашивая с хитренькой улыбкой, не против ли я был участвовать с ними в одних акциях.

Я объяснял это так много раз, что, мне кажется, можно разбудить меня посреди ночи, и я с ходу выдам ответ, но раз люди продолжают спрашивать — значит, я должен продолжать разъяснять.

Суть моей политической стратегии в том, что я не боюсь людей и открыт к диалогу с каждым. Я могу разговаривать с правыми, и они готовы меня выслушать. Могу разговаривать с левыми, и они тоже готовы меня выслушать. Я могу разговаривать с демократами, потому что я сам один из них. Настоящий политический лидер не

может просто взять и отказаться от огромной части своих сограждан, потому что лично ему не симпатичны их взгляды. Поэтому нужно сначала добиться, чтобы любой человек — и правый, и левый — мог на равных условиях участвовать в выборах и чтобы эти выборы были честными, а потом уже конкурировать между собой.

В нормальной развитой политической системе я бы вряд ли оказался в одной партии с националистами. Но при этом попытки дискредитировать националистическое движение я считаю глупыми и бесперспективными. Без сомнения, людей, которые устраивают погромы, нужно привлекать к ответственности, но остальным нужно дать возможность действовать легально и высказывать свое мнение, даже если оно вам не нравится. Эти люди уже существуют, как и их сторонники, и никуда не денутся, даже если вы будете их игнорировать. Их ослабление в конечном счёте приведёт только к усилению Путина. Что в итоге и произошло. Пока мы были заняты мелкими разборками и решали, кого к какому лагерю приписать и с кем нам корректно находиться на одной фотографии, мы оказались в стране, где людей сажают в тюрьмы ни за что или даже убивают.

В авторитарной стране политика устроена очень примитивно: либо ты за власть, либо против. Это единственный критерий системы «свой — чужой», который доступен российскому обществу, — все прочие политические координаты начисто сбиты. Я постоянно сталкиваюсь с непониманием западной аудитории в ответ на мои рассуждения о российских партиях. Они привыкли иметь дело с очень чётким политическим спектром: правые, левые, социал-демократы, либералы. Но к России

это всё не относится. Наши коммунисты — это не «левые» в классическом понимании, они не поддерживают меньшинства и не особо агитируют за повышение минимальной зарплаты. Российские коммунисты гораздо консервативнее даже американских правых. В нашей стране совершенно другой политический ландшафт. Легализация оружия, запрет абортов (темы, которые в западном мире вызывают ожесточённые споры) российских избирателей трогают гораздо меньше. Нам бы для начала сделать так, чтобы у нас была свобода слова, честные выборы и соблюдались права человека.

Но если мне даже спустя столько лет приходится объяснять, почему я решил вести диалог с националистами (впрочем, справедливости ради, сейчас — гораздо реже), то в середине нулевых это и вовсе был скандал. В «Яблоке» этим быстро воспользовались и в 2006-м решили исключить меня из партии под предлогом участия в «Русском марше», хотя всем уже тогда было очевидно: настоящая причина в том, что я слишком уж злостно критиковал Явлинского и ответственность за неудачи «Яблока» публично возлагал именно на него. Если бы я его хвалил, всё бы наверняка сложилось иначе. В Красноярске у нас был председатель отделения партии по фамилии Абросимов (я хорошо её запомнил, потому что девичья фамилии Юли такая же), который на своё здание повесил большую растяжку с надписью: «Россия для русских!» В «Яблоке» все схватились за сердце, но изгонять его тогда не стали, потому что он-то как раз Явлинского очень хвалил.

Иронично, что моё исключение длилось целый год — столько же, сколько я ждал, чтобы вступить в «Яблоко». Мне

говорили: «Уходи сам», а я говорил: «Не уйду, вам надо — вы и исключайте». Но они, видимо, не хотели привлекать внимания, и наше противостояние тянулось месяцами, постепенно приобретая всё более фантастические формы. Его апогеем стал «Оруэлл в „Яблоке“», как окрестил ситуацию Яшин.

С последним выпуском партийной газеты, выходившей, между прочим, тиражом в миллион сто одиннадцать тысяч экземпляров, произошла удивительная вещь. На первой странице была фотография: «яблочная» первомайская демонстрация, люди под белыми флагами. Если приглядеться, можно было обнаружить, что один флаг плывёт по воздуху вопреки всем законам физики. Древко у него есть, а руки, которая бы его держала, — нет. Секрет был в том, что рука, как и все остальные части тела, была моей — это я шёл и нёс тот флаг. Как рассказали Яшину, Явлинский лично позвонил дизайнеру и велел меня заретушировать.

После этого я уже принципиально наотрез отказался уходить из партии сам. Наоборот, я написал пост, в котором обратился к Явлинскому и потребовал от него уйти в отставку. Потом этот пост, как и другие с критикой «яблочного» руководства, распечатали на нескольких листах и раздали на заседании политбюро партии, чтобы обосновать моё исключение. Про национализм там не было ни слова.

На это заседание меня пригласили телеграммой (напомню, что мы все сидели в одном офисе). Когда я пришёл на заседание, внутрь меня не пустила охрана. Мне сказали, что я могу присутствовать только на обсуждении

«своего вопроса». Из всех, кто был тогда в зале, против моего исключения проголосовал один Яшин. Явлинский предусмотрительно вообще не пришёл.

Напоследок я произнёс пылкую речь, и на этом с моей работой в «Яблоке» было покончено.

Как оказалось, это была судьбоносная перемена в моей жизни. До этого я был просто политическим активистом, работал на кого-то и вообще-то был этому даже рад: мне хотелось работать именно с кем-то и добиваться всего вместе с дружной командой единомышленников. В «Яблоке», несмотря на все минусы, была партийная структура, были люди, с которыми можно было делить ответственность. Теперь же я остался один, и впереди была неопределённость. Я понимал, что отныне всё придётся делать самому и отвечать за всё самому. Любая неудача будет не общей, а моей.

Однако о годах, проведённых в партии «Яблоко», я не жалею. Я познакомился там с разными хорошими людьми — например, с Петром Офицеровым, с которым нам придётся многое пройти вместе, но тогда мы об этом не подозревали. Я многому там научился. Я и Григорию Явлинскому благодарен за какие-то жизненные уроки. Но я не мог смириться с тем, что «Яблоко» добровольно загоняет себя в гетто общественной жизни. Я грезил «политическим большинством». Я хотел, чтобы появился такой политик, который будет делать всякие правильные и интересные проекты, будет работать с людьми напрямую. Если бы такой человек пришёл, я бы тут же начал всё делать вместе с ним. Но он всё не шёл и не шёл, и я вдруг понял, что сам могу быть этим человеком.

Речь на заседании бюро партии «Яблоко», 14 декабря 2007 года

Добрый день!

Я рад, что имею возможность выступить при рассмотрении вопроса о моём исключении из партии «Яблоко».

Я также благодарю руководство РДП «Яблоко», поставившее вопрос о моём исключении на первом же заседании после весьма драматического провала на думских выборах, начала операции «Преемник», первых реальных сигналов к тому, что Путин останется руководить страной в должности премьер-министра. Это говорит о том, что вопрос моего исключения рассматривается как ключевой политический вопрос и важнейший этап выхода «Яблока» из кризиса. Я немного смущён таким вниманием, но всё равно — спасибо.

В ходе подготовки к этому заседанию и сейчас прозвучало немало оценок моей политической позиции и результатов работы в «Яблоке». Кульминацией обсуждения, несомненно, стало сегодняшнее заявление одного из заместителей председателя партии о том, что я агент Кремля, проводящий линию Суркова и Чурова.

Поэтому я не могу не сказать пару слов о моей работе и о том, как она повлияла на «Яблоко».

Несмотря на то, что многое мне не удалось сделать, я могу заявить, что я горжусь той работой, которую проделал вместе с моими товарищами. Я утверждаю, что с 2002 года, с момента, когда я фактически начал работать в партии на профессиональной основе, в «Яблоке» не было ни одного успешного проекта, над которым не работали я и мои коллеги — члены моей команды.

Именно благодаря нашей команде в демократической политике возник жанр уличных акций. Благодаря нам — и в формате коротких акций, проводимых «Молодёжным Яблоком», и в формате массовых шествий — «Яблоко» в течение нескольких лет фактически монополизировало уличную политику. И всё, что происходило потом и происходит сейчас, во многом — развитие темы, которую начали мы.

Я и мои коллеги были основателями фактически главной и самой успешной правозащитной организации Москвы — «Комитета защиты москвичей».

При моём непосредственном участии московское «Яблоко» и «Молодёжное Яблоко» стали единственными значимыми политическими

составляющими, на которых держалась наша партия в сложный период с 2003 по 2005 год.

Мы в московском «Яблоке» первыми организовали систему сбора пожертвований, которую переняло потом федеральное «Яблоко».

Во время выборов в Московскую городскую думу я один самостоятельно привлёк достаточно большое финансирование в свой округ, причём не в одномандатную кампанию, а в списочную. И несмотря на то, что штаб полностью игнорировал этот округ, он дал максимальный прирост голосов по сравнению с предыдущими выборами.

Пресс-служба московского «Яблока» стала вообще самой эффективной частью всего партийного аппарата. Именно она выводила нас из пресловутой информационной блокады, работая на всю партию, когда федеральная пресс-служба демонстрировала только свою беспомощность.

И многое другое. Вне всякого сомнения, вся эта работа была возможна благодаря потрясающей энергии Сергея Митрохина. Но факт остаётся фактом: энергия по-прежнему есть, но каких-то новых прорывов мы не видим. Хотя определённая работа ведётся.

Поэтому я знаю цену своей работе, и мои товарищи знают ей цену.

Но, достаточно успешно работая в «Яблоке», я всегда сталкивался с проблемой. Лучше всего, точно и кратко обозначил её один из представителей таинственной команды председателя партии, которую он всегда привлекает на выборы и которая потом так же таинственно исчезает.

«Алексей, — сказал он, — твоя проблема в том, что ты не любишь Григория Алексеевича искренне».

Да. Есть такое дело. Уважаю его за некоторые его прежние заслуги, но совсем, ни капельки не люблю.

Предлагаемая причина моего исключения: публичная пропаганда националистических идей.

Да, действительно, я утверждаю, что только отказ от тупиковой, узколобой леволиберальной идеологии и переход к созданию национально-демократического движения может стать путём возрождения демократического движения. Это доказывает опыт многих сопредельных стран.

И только это может быть эффективно противопоставлено пещерному и действительно опасному разжиганию межнациональной розни. Пример — недавний опыт Югославии, где дикий, безумный, тоталитарный национализм Милошевича был сокрушён не жалкой либеральной

оппозицией, а национально-демократическим движением Коштуницы, получившим массовую поддержку избирателей.

Утверждаю, что бесконечные знаки равенства между национализмом и фашизмом ставятся просто от примитивности мышления и политической безграмотности.

По-прежнему утверждаю, что и в Манифесте движения «Народ», и в последнем докладе, опубликованном нами, нет ни одной фразы, которая противоречила бы Уставу и Программе партии «Яблоко».

Я предлагал устроить широкую внутрипартийную дискуссию на эту тему, но, видимо, наша демократическая партия не готова к этому.

Так или иначе, я никогда не приму ни одного упрёка относительно создания мною движения «Народ» от этих вот товарищей из президиума. И вот почему.

Вчера в городе Серпухове был похоронен нацбол Червочкин, убитый сотрудниками УБОПа, которые выполняли приказ о «прессовании нацболов». Этот приказ был отдан той самой администрацией, возможностью вести переговоры с которой так кичится руководство партии. На последнем съезде было просто с обструкцией отвергнуто предложение о запрете любых контактов с администрацией президента. «Ведь в этом же и состоит политика», — было заявлено нашими лидерами.

Так вот: люди, которые сидят в этих приёмных, согласовывают графики финансирования и вообще ведут переговоры с теми, кто отдаёт приказы о политических убийствах, избиениях, провокациях, с теми, кто фальсифицирует выборы, узурпирует власть, — эти люди не имеют вообще ни малейшего права высказывать какие-то политические претензии кому-либо.

Потому что они сидят за одним столом с людьми, по сравнению с которыми любое ДПНИ[9] — просто гёрл-скауты.

Реальная причина моего исключения в том, что я открыто заявляю: «Яблоко» полностью провалилось на этих выборах.

И меня не устраивает сладкий сиропчик о том, что «у нас украли победу». Мы, мол, набрали семь процентов. Некоторые даже говорят — пятнадцать. В доказательство этого придумываются какие-то экзитполы.

Никаких экзитполов наша партия не проводила. Все, кто наблюдал за кампанией, это отлично знали.

И распространение этой, мягко говоря, неправды унизительно для партии и для всех нас.

Мы уже проходили это в 2003 году. Когда было заявлено, что наш параллельный пересчёт показал, что мы преодолели пять процентов. И все здесь присутствующие знали, что пересчёт этот, которые вели сотрудники аппарата, ничего такого не показал. Это была ложь.

То же самое было на выборах в Московскую городскую думу. Когда мы получили честные одиннадцать процентов, но было зачем-то заявлено, что у нас двадцать. Хотя у нас были протоколы почти со всех избирательных участков, и наш пересчёт официально не выявил расхождений с официальными данными.

Да, конечно. Дело не в подсчёте. Выборы нечестны и несправедливы. Но в условиях честных выборов мы получили бы ещё меньше. Потому что честные выборы — это не только прямой эфир для Григория Алексеевича.

Это и допуск к участию всех, кто этого желает. Это означает, что в этом же прямом эфире были бы и более популярные Каспаров и Рыжков. Это означает, что в выборах принял бы участие Касьянов с финансовыми ресурсами. Это означает, что вопросы объединения демократов решались бы не в администрации президента, а в открытом диалоге. Не уверен, что руководство партии готово к такому диалогу.

Я утверждаю, что главная причина нынешнего краха в том, что «Яблоко» превратилось в засушенную замкнутую секту. Мы требуем от всех быть демократами, но сами ими быть не хотим. Мы требуем от власти ответственности и отставок — но не видим, что власть-то уже сменилась трижды, зато в «Яблоке» всё как в 96-м году. И чем хуже результаты, тем крепче позиции руководства. Тем теснее мы должны сомкнуть свои ряды вокруг него.

Поскольку это, возможно, моё последнее выступление как члена «Яблока», я обращаюсь с призывом прекратить самообман на тему наших высоких результатов, на тему возможной кражи голосов. Прекратить врать на эту тему. Делать выводы и принимать решения. И первое решение, которого я требую как член Федерального Совета партии, избранный Московской организацией, — немедленная отставка председателя партии и всех его заместителей. Это требование я выдвигаю от себя и от имени всех своих товарищей.

Я также призываю съезд партии отправить в отставку и переизбрать не менее семидесяти процентов Бюро, которое своей молчаливой покорностью покрывает некомпетентное руководство.

В заключение я хочу сказать, что не питаю иллюзий относительно

сегодняшнего решения. Партийный способ существования оппозиции себя исчерпал, и любые включения и исключения просто смешны.

Поэтому я благодарю всех членов партии «Яблоко» и сотрудников аппарата, с которыми сталкивался в своей работе, которые помогали мне, и даже тех, с кем я подчас конфликтовал. Работа в «Яблоке» была для меня бесценным опытом, который я постараюсь использовать в деле создания новой, реальной оппозиции.

А членам Бюро, которым предстоит сейчас голосование, я хочу сказать, что сила в правде. И правда всё равно победит. Слава России!

Глава 10

Ещё до своего изгнания из «Яблока» я начал параллельно заниматься несколькими общественными проектами, которые не были связаны напрямую с партийной деятельностью. Году в 2004-м я познакомился с Марией Гайдар, дочерью ельцинского реформатора Егора Гайдара, — она была членом СПС. Вместе с ней, а ещё с Натальей Морарь, Олегом Козыревым и другими молодыми, активными ребятами, которые интересовались политикой, мы организовали движение «ДА!» («Демократическая Альтернатива»). Мы часто встречались, много обсуждали политику, организовывали пикеты и митинги. Время от времени мы собирались у известной журналистки Евгении Альбац, где часто бывали и другие молодые политики, в том числе Илья Яшин.

Одним из проектов движения «ДА!» (неожиданно самым успешным) стали политические дебаты.

Главным отличием девяностых от советской России стала свобода слова и прессы, невиданная в стране, десятилетиями существовавшей под давлением тотальной цензуры. Политические телевизионные дебаты тогда были всеми любимым жанром. Всем нравилось смотреть, как

политики спорят и ругаются, доходило чуть ли не до мордобоя. Один из символов девяностых — Владимир Жириновский, выплёскивающий на Бориса Немцова стакан сока во время телевизионных дебатов, и Немцов, плещущий соком в ответ.

Эта знаменитая сцена разыгралась в 1995 году, а уже десять лет спустя от публичных дискуссий не осталось и следа. День за днём Кремль методично отнимал у людей только что обретённую ими свободу. Возвращалась цензура. На каждом политическом ток-шоу появились стоп-листы людей, которых приглашать было запрещено, а сами передачи превращались в постановку, причём довольно бездарную: одни люди делали вид, что они оппозиция, а вторые делали вид, что нападают на первых. Смотреть это было совершенно невозможно, а что-нибудь смотреть хотелось.

Денег на организацию больших мероприятий у нас не было, зато был огромный энтузиазм. Площадкой для дебатов стал один из московских баров. Набиралось человек четыреста-пятьсот: просто приходишь в бар, пьёшь пиво, смотришь дебаты и, если хочется, задаёшь вопрос. Первой парой дебатирующих стали блогер Максим Кононенко и Никита Белых, тогда — один из лидеров СПС и заместитель губернатора Пермского края. Ведущим был я. Мы, естественно, в первый раз не рассчитали и в зале было не то что тесно, а просто битком, но всем настолько понравилось, что такие дебаты мы решили проводить регулярно.

Участниками могли быть совершенно разные люди. Обычно мы старались звать одного молодого политика,

а второго более матёрого. Приходил, например, Дмитрий Рогозин (тогда оппозиционер, а теперь уже бывший глава Роскосмоса и преданный соратник Путина) или Борис Немцов — один из самых популярных демократических политиков, годы спустя застреленный у стен Кремля. Специальное жюри, состоявшее из известных ЖЖ-блогеров, сидевших в зале, выбирало победителя. Помимо этого, я обращался к зрителям и просил их проголосовать. Было очень классно наблюдать, как первоначально явный аутсайдер благодаря своему красноречию и дару убеждения на глазах менял мнение этих нескольких сотен человек, сидевших в зале. Это и была настоящая политика.

Неожиданно дебаты стали очень, очень популярными среди политиков, активистов и журналистов. Конечно, когда я говорю «очень, очень», я имею в виду относительно небольшую группу, сидевшую в интернете и погружённую в политику, но всё-таки это были тысячи людей, до которых ещё вчера нельзя было дотянуться. Внезапно мы обнаружили, что вырвались из тесного информационного пузыря к новой аудитории.

Чем больше проект набирал популярность, тем больше это тревожило Кремль. Сначала они просто игнорировали нас, но со временем начали активно с нами бороться. Прокремлёвские журналисты писали, что мы «масштабируем неправильных личностей» и «создаём неправильные тренды». Затем они перешли к более активным действиям, начали открыто мешать нашей деятельности и всячески её дискредитировать.

Дебаты шли офлайн, и это делало нас очень уязвимыми. На владельцев заведений, где мы проводили свои

мероприятия, начали давить: проверки, полиция, угрозы отключить свет — всё, чтобы они отказались сдавать нам помещение. К нам регулярно начали засылать провокаторов: придут десять человек, начнут кричать, чем-то кидаться, устроят драку, и тогда площадка нам в следующий раз откажет. Главной задачей было маргинализировать нас, мол, это никакие не политические дебаты, а просто алкаши собрались и устроили драку в центре Москвы. Посмотрите, какие они омерзительные — вон у этого кровь по лицу течёт. Разве это политика? Это балаган!

Про кровь я написал не просто так. Она была на моём лице.

На очередные дебаты пришла группа молодых людей. Пьяные, они выкрикивали оскорбления, скандировали: «Зиг хайль!», вырывали микрофон у тех, кто задавал вопросы. Со сцены я пытался их унять, но всё же это вылилось в драку, которая закончилась тем, что один из них напал на меня на улице. У меня с собой был травматический пистолет. Я выстрелил сначала в воздух, а потом в его сторону. На парня это не произвело особого впечатления, и он всё-таки бросился на меня. В итоге нас обоих забрала полиция, но дело возбуждать не стали. Нападавший оказался сыном высокопоставленного ФСБшника, и его папа не хотел раздувать скандал.

Надо признать, что Кремль тут сработал эффективно. Во-первых, перед нами вставала чисто организационная проблема: никакой клуб не хотел больше нас принимать. Во-вторых, мы понимали, что не можем обеспечить безопасность зрителей. В-третьих, провокации стали

настолько ожидаемыми, что вытеснили содержательную часть дебатов. Стало ясно, что проект придётся закрыть.

Однако для меня это был хороший урок и важный момент моей политической карьеры. Я понял, что можно всё делать без денег и без протекции Кремля. Даже наоборот — вопреки Кремлю. Мне нужна была только группа сторонников, которая работала бы вместе со мной. И эту группу я нашёл в интернете.

Не раз слышал, будто это едва ли не проявление моего уникального политического чутья — что я сразу начал использовать интернет. Как визионер, предрёк наступление новой эры. Мне это, конечно, очень льстит, только к реальности не имеет никакого отношения. Я оказался в интернете, потому что у меня не было другого выбора: на телевидении и в газетах была цензура, митинги были запрещены, а мне хотелось действовать.

Раньше первое правило подготовки к политической акции гласило: разошли пресс-релиз. Если не было пресс-релиза, причём непременно отправленного по факсу, мероприятие не засчитывалось. Факсы я возненавидел и питал вполне обоснованное подозрение, что ими пользуются только в партии «Яблоко». Со временем я познакомился со многими журналистами — все они были молодые ребята, как я, и сложно было представить, что они целыми днями сидят у факса, ожидая, когда из него выползет заветная бумажка. И в какой-то момент я подумал: почему бы мне просто не использовать «Живой Журнал»? В то время это была самая популярная платформа для блогов, все журналисты сидели как раз там. Я могу просто написать: «Устраиваю акцию, приходите». А после

акции написать: «Вот пара фотографий, если кому интересно». Сейчас в этом нет ничего удивительного, а тогда казалось почти революцией.

Мне нравилось вести блог. Правда, тогда я совсем не был готов к тому, что вскоре он станет моим основным занятием на много лет.

Российский интернет в те времена был восхитительным местом. Он и сейчас восхитительное место. Одна из причин этого феномена, наверное, в том, что он не развивался постепенно, как в Америке, а просто появился в один момент. В России он сразу был относительно быстрый, доступный, и количество пользователей стремительно росло — все молодые, образованные, инициативные люди мгновенно начали его осваивать. И особенно он был восхитителен тем, что в администрации президента не воспринимали его всерьёз. Они делали ставку на телевидение, а интернет был им безразличен, и это его тогда спасло. Например, в Китае одновременно с появлением интернета стали создавать файервол, чтобы его контролировать, а российское правительство думало, что это какой-то непонятный маленький загончик, в котором тусуются одни фрики. Они не видели смысла его специально ограничивать. Никто в Кремле не осознавал, что интернет был отражением реальной жизни: ты мог написать пост с призывом раздавать листовки, и реальные люди шли на реальную улицу и реально их раздавали. Это был не загончик, а инфраструктура.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы разобраться, как там всё устроено. Что людям интересно, а что нет? Как вовлекать их в работу? Первое правило я вывел быстро:

регулярность. Я писал каждый день, иногда — по нескольку раз в день. То же самое я позже делал со своим ютуб-каналом. Выпускать по видео в день не получалось, но я старался делать по два-три ролика в неделю. Всем начинающим блогерам советую: если вы хотите, чтобы ваш блог набирал популярность, пишите (или снимайте) часто.

Второе правило вытекало из первого: проси, чтобы твоими постами делились. Я заканчивал этим призывом каждый важный для меня текст. Сколько бы раз ты ни попросил распространить информацию, ни один не будет лишним.

Третье правило: взаимодействуй. Оставляй комментарии под постами друзей. Вступай в дискуссии. Показывай, что ты внимательно следишь за реакцией и всегда готов к диалогу.

Я твёрдо решил превратить свой ЖЖ в крупнейшее свободное СМИ в стране (забегая вперёд, скажу: это мне удалось. К 2012 году мой ЖЖ был одним из самых читаемых в России). Мне помогало то, что я всегда писал о том, что мне интересно и в чём я уверен больше всего. А уверен я был в том, что основа режима Путина — коррупция.

Возможно, это связано с тем, что я юрист. Коррупция раздражала меня всегда, но я понимал, что именно из-за Путина и его системы управления она стала настолько естественной в последние годы. Я знал, что я такой не один — вся страна это понимала. И мне хотелось не просто писать об этом — мне хотелось что-то сделать. Для этого мне нужно было стать полноценной стороной в борьбе с коррупцией. В одном углу поля коррумпированные путинские олигархи и чиновники, а в другом — я.

Проблема была, однако, в том, что никаких оснований становиться противоположной стороной у меня не было. Я же не прокурор, как я могу их легально преследовать?

Помимо юридического, я к тому моменту уже получил второе образование — закончил Финансовую академию по специальности «Финансы и кредит» и неплохо разбирался в фондовых рынках и биржах. И тогда меня осенило: существуют государственные компании. Коррупция в них особенно очевидна. Их акции можно купить на бирже. Инвестировав даже небольшую сумму, я получу возможность как акционер запрашивать у компании документы, подавать жалобы, обращаться в суд и участвовать в ежегодных собраниях.

Тысяч на пять долларов я купил акции нескольких компаний. Среди них были «Роснефть» — крупнейшая нефтяная компания, «Газпром» — крупнейшая газовая компания, «Транснефть», которая занимается транспортировкой нефти. В представлении большинства людей это были гигантские богатые корпорации, контролируемые государством, с которыми страшно связываться — придут крепкие ребята и изобьют тебя просто за то, что задаёшь неудобные вопросы. Никто (включая эти самые компании) не верил, что какой-то блогер без связей рискнёт вступить с ними в схватку. Если рискнул — значит, наверняка за его спиной стоят таинственные могущественные силы. А за мной никто не стоял, просто я разбирался в финансах и знал свои права.

В газетах тогда регулярно появлялись статьи о хищениях в госкомпаниях. Но благодаря моим акциям я был теперь не просто парнем с улицы, а человеком, которого эти истории

касались напрямую. Я писал письмо: «Дорогой „Газпром“, я читаю статью в такой-то газете и задаюсь вопросом, что у вас там происходит. Не могли бы вы мне как акционеру объяснить?» Несмотря на то что мой пакет акций был мизерным, они были обязаны передо мной отчитываться. И мне приходил ответ. Я внимательно его читал и, если видел, что действия компании наносят ущерб интересам акционеров, подавал на неё в суд. Как только я оказывался стороной в судебном процессе, я мог требовать документы и протоколы заседаний. Я получал их и вешал в публичный доступ в своём блоге в ЖЖ. Сначала за моей борьбой с госкомпаниями следили сотни человек, потом тысячи, а потом десятки тысяч.

Однако просто читателей мне было недостаточно. Я искал союзников. Поэтому я предложил своим подписчикам отправлять жалобы и подавать в суд на эти компании вместе со мной. Например, в газете «Ведомости» я читал, что правительство России купило здание в центре Москвы у олигарха Вексельберга в несколько раз дороже его реальной стоимости — очевидно, это был коррупционный сговор. Я подготавливал шаблоны жалоб, и тысячи людей вместе со мной подавали их в Следственный комитет и президенту Медведеву, который тогда делал вид, что усиленно борется с коррупцией. Этот трюк я повторил множество раз. Легко отмахнуться от одного человека, но гораздо сложнее проигнорировать тысячи, тем более зная, что все документы будут опубликованы.

Однако судами моё противостояние с госкомпаниями не ограничивалось: я ходил на собрания акционеров. Обычно они проходили в каких-нибудь театрах или вроде того — там

обязательно была сцена, на которой сидели представители компании и читали свои отчёты, и огромный зал, где сидели акционеры. Большинство из них было обычными людьми, на которых все эти церемонии производили сильное впечатление. Топ-менеджеры на сцене, кругом охрана, журналисты — всё это погружало публику в благоговейное молчание. И посреди этой тишины я вдруг вставал и говорил: «У меня есть вопрос».

Я помню одно из первых таких собраний, это был 2008 год. Компания называлась «Сургутнефтегаз» — это одна из крупнейших нефтегазодобывающих компаний в России. Находится она не в Москве, а почти в трёх тысячах километрах от неё, в сибирском городе Сургуте. И начальники «Сургетнефтегаза» чувствуют себя там как короли. Они могу позволить себе всё, вплоть, например, до запрета местному аэропорту принимать самолёт, если в нём летит человек, который им не нравится.

И вот я приехал в Сургут на собрание акционеров. Здание было похоже на советский Дом культуры. Зал, как обычно, помпезный, на сцене сидят седые строгие мужчины. Обстановка ужасно напоминает заседание КПСС. Встаёт один из руководителей, миллиардер, и говорит: «Вручаем награду Владимиру Леонидовичу». Встаёт Владимир Богданов, гендиректор и тоже миллиардер, принимает награду и начинает зачитывать свой отчёт: «Мы добываем так много нефти, у нас такая огромная прибыль». Встаёт наконец ведущий этого мероприятия и спрашивает: «Есть ли вопросы?» Тишина. «Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать?» Тишина. В зале сидит триста пятьдесят акционеров, но все молчат.

И тут я поднимаю руку и говорю: «Я хочу сказать». У парня-ведущего было такое выражение лица, как будто в зале приземлилась летающая тарелка и из неё вышли зелёные человечки. За всё время работы он явно никогда не сталкивался с тем, что кто-то хочет что-то сказать. «Хорошо, — говорит он наконец, — пожалуйста, пройдите сюда».

Я выхожу на сцену и говорю: «Есть такая нефтетрейдинговая компания, называется „Гунвор“. Ей владеет ближайший друг Путина — Геннадий Тимченко, и вы продаёте свою нефть через неё. Почему вы её выбрали? Был ли конкурс? Если был, то скажите, какие ещё компании в нём участвовали. Какие объёмы нефти вы отгружаете „Гунвору“ и на каких условиях? Я требую объяснений, потому что сейчас всё выглядит так, что прибыль просто оседает на счетах „Гунвора“, а акционеры из-за этого недополучают дивиденды».

Судя по лицам сидящих на сцене, зелёные человечки не просто высадились, а принялись палить из бластеров, одновременно танцуя чечётку. В их глазах читалось: «Откуда он взялся? Его послал Кремль? ФСБ? Как он посмел приехать к нам в Сургут и в открытую обвинять нас в коррупции?!»

Я не грубил, говорил предельно вежливо, снабжая свою речь юридическими терминами. После вопроса про «Гунвор» я потребовал раскрыть имена владельцев самого «Сургутнефтегаза». Было широко известно, что начиная с 2003 года компания указывала в отчётах исключительно номинальных держателей акций, рисуя какую-то жутко запутанную схему корпоративной собственности, из

которой абсолютно никто в мире не смог бы понять, кому принадлежит это гигантское нефтедобывающее предприятие.

Во время моего выступления в зале стояла абсолютная тишина, но я видел, как по мере того, как я говорил, люди начинали оживляться. Во-первых, журналисты. Их работа была ходить на эти невероятно скучные собрания, а тут в кои-то веки что-то происходит и, кажется, становится весело. Во-вторых, акционеры. Сначала они уставились на меня в полнейшем недоумении, пытаясь сообразить, кто я такой, но потом поняли, что я, в общем-то, никто, обычный человек, как они. Просто не боюсь выйти на сцену.

И когда я закончил, зал зааплодировал. Для меня это был незабываемый момент: торжество и ошеломительное понимание, что я действительно борюсь с коррупцией. После этого я стал ездить на все собрания акционеров. Журналистов перед этими собраниями волновал в основном один вопрос: здесь ли Навальный. Всем нравилось наблюдать за битвой Давида и Голиафа. Я приходил, поднимал руку и начинал говорить, а руководство компании сидело с кислыми минами, потому что они ничего не могли со мной сделать. Конечно, они уходили от ответов — не могли же они сказать: «Ты прав, Алексей, мы воруем вместе с Путиным». Они отвечали: «Спасибо, что подняли такую важную проблему, мы разберёмся». Но никто в зале и не ждал, что они скажут что-нибудь дельное. Честные вопросы были намного важнее любых лживых ответов.

В 2009 году я опубликовал у себя в блоге расследование «Как пилят в ВТБ». «Как пилят в...» потом стало моим

фирменным заголовком, менял я лишь названия госкорпораций: «Как пилят в „Транснефти“», «Как пилят в РЖД». Потому что коррупция пронизывала их все. Читаешь газету: украли здесь миллиард, украли там миллиард — можно подумать, что это в порядке вещей, и привыкнуть. Но я привыкать не хотел и каждый раз, читая в новостях о том, что кто-то где-то что-то украл, приходил в ярость и пытался что-то с этим сделать.

У меня были акции нескольких крупнейших госбанков, в том числе ВТБ. Его возглавляет один из путинских банкиров, его личный кошелёк — Андрей Костин. В восьмидесятые Костин работал за рубежом по линии МИДа, но это, скорее всего, было лишь прикрытием его службы в КГБ. В девяностые он переквалифицировался в госбанкиры. В двухтысячных он колесил по международным экономическим форумам и рассказывал, что Путин страшно популярен и вообще он «отец нации». Сам Андрей Костин, как и положено людям из ближайшего окружения Путина, был невероятно богат и не скрывал этого, несмотря на то что банком он управлял из рук вон плохо.

В то время в экономическом блоке Путина было принято изображать из себя «эффективных менеджеров» — на практике это, впрочем, ограничивалось тем, что чиновники надевали на себя идеально скроенные костюмы «Бриони», скупали самые дорогие офисы в России и представляли себя этакими Леонардо Ди Каприо из фильма «Волк с Уолл-стрит», только распоряжались они не своими деньгами, а государственными. Под обёрткой «эффективных менеджеров» скрывались всё те же жулики, которым дай

хоть малейшую возможность что-то утащить — сразу утащат. А эффективность их заключалась разве что в том, что они могли за минуту придумать пятнадцать разных способов распилить бюджет на каком-нибудь госконтракте, оформить десяток липовых сделок, чтобы всё выглядело прилично, и оперативно припрятать украденное у себя на офшоре.

Несмотря на то что верхушка всех этих госкорпораций полностью коррумпирована, большинство обычных сотрудников на самом деле возмущено этим гораздо больше меня. Благодаря им я и узнал информацию, которая легла в основу моего первого известного антикоррупционного расследования.

В 2007 году в ВТБ занялись лизингом нефтяных буровых установок: закупили их в Китае, чтобы потом сдавать в аренду российским нефтедобытчикам. Стоимость одной китайской буровой установки — десять миллионов долларов. Но «ВТБ Лизинг» покупал их в полтора раза дороже, не напрямую, а через посредника, кипрский офшор. Абсолютно бессмысленная схема на первый взгляд (при чём здесь вообще Кипр и зачем этот посредник?), но выяснилось, что этот офшор контролируется топ-менеджерами ВТБ. То есть разница в цене просто шла им в карман. И таких буровых установок было куплено не пять, не десять, а тридцать штук. Эксперты, с которыми я говорил в то время, делали круглые глаза, услышав о количестве закупленных установок: их просто невозможно было реализовать, никому в российской нефтедобыче не нужно тридцать дорогущих буровых установок в лизинг.

Эта коррупционная сделка должна была остаться в тайне, как и десятки других, но в тот раз всё сложилось иначе. Я не только написал об этой истории, но даже специально съездил на Ямал, где посреди чистого поля нашёл эти бесхозные установки в гигантских контейнерах, заваленные снегом. Летом они там же тонули и ржавели в болоте.

Это расследование было очень простым и понятным. Чтобы разобраться, что здесь не так, не нужно было иметь степень по экономике или быть экспертом по нефтедобыче. Я написал сотни жалоб, я судился (и даже выигрывал суды — в те годы такое ещё было возможно), я призывал всех миноритарных акционеров ВТБ вместе со мной подавать жалобы и требовать документы, и они это делали. Это длилось несколько лет — заявления в полицию, отказы, обжалования, суды в России и суды на Кипре. Особым удовольствием было задавать вопросы про буровые установки лично Костину на собраниях акционеров. Он пытался оправдываться, но получалось у него плохо.

На тех собраниях рядом со мной сидела молодая корреспондентка газеты «Ведомости» Наиля Аскер-заде. Тогда «Ведомости» были главной деловой газетой и подробно освещали мою борьбу с ВТБ. Мы с Наилей много смеялись над Костиным.

Тем удивительнее, что героиней моего следующего расследования о ВТБ, опубликованного десять лет спустя, стала именно она. Примерно в то время, когда развивалась история с буровыми установками, Наиле удалось взять большое интервью у Костина. Как выяснилось позже, вскоре у них завязался роман, который они, впрочем, все эти годы старательно держали в секрете — настолько, что через

Роскомнадзор (федеральную службу по «надзору» за СМИ, по сути — цензурное ведомство) блокировали и удаляли все публикации о своих отношениях. Мы с коллегами по ФБК выяснили, что за эти годы Андрей Костин подарил Аскерзаде яхту за шестьдесят миллионов долларов, частный самолёт и кучу дорогой московской недвижимости, часть из которой была куплена на деньги государственного банка ВТБ. А Наиля ему в ответ — лавочку в Центральном парке Нью-Йорка с романтической надписью.

Вот такая любовь.

Глава 11

В нулевые в России были две известные демократические партии: «Яблоко», членом которой я был, и «Союз правых сил». Эти партии постоянно друг с другом ссорились, ругались, но многие люди считали, что вообще-то они должны объединиться, чтобы у нас была одна большая либеральная партия. Я был одним из тех людей, которые выступали за объединение, и в том числе поэтому я общался с членами СПС.

И внезапно они выбрали нового лидера — молодого парня по имени Никита Белых. Он приехал из Перми, где, став депутатом, доказал, что может показывать неплохой результат для своей партии. Мы были почти ровесниками (Никита на год старше меня), оба понимали интернет и оба находились в ситуации, когда политика контролируется людьми, которые по типу, возрасту и подходам — совсем другие. Ну и мы как-то подружились.

В 2007 году состоялись выборы в Государственную думу, и Белых, в том числе, наверное, под моим влиянием и под влиянием либеральной общественности в целом, решил на этих выборах выступить с достаточно радикальных позиций. Антипутинских позиций. Партия была

разгромлена немедленно, потому что она всё же была частью системной оппозиции. Будучи системной оппозицией, ты не можешь выступать против Путина, ты должен действовать аккуратно. СПС получил меньше одного процента. Однако на карьере Белых это не отразилось — даже наоборот. Наступил 2008 год, президентом стал Медведев, и Белых сказали: «Мы твою партию разгоним, но тебя мы сделаем, если хочешь, губернатором. Будет у нас либеральный губернатор». В то время Медведеву нравились такие странные эксперименты.

Белых, конечно, согласился. Его идея была очень простой: он сотворит маленькое демократическое чудо в отдельно взятой области России. Свезёт туда молодую прогрессивную команду и покажет, что можно добиться больших успехов даже в депрессивном регионе. Белых отдали Кировскую область, одну из самых бедных. Этот лесной регион, где почти нет никакой промышленности, всегда считался совершенно гиблым местом.

Отправляясь туда губернатором, Белых позвал меня с собой. Я чиновником быть не хотел, но согласился стать помощником на общественных началах. Я был уже довольно известен своей антикоррупционной деятельностью, подумал и сказал: «Я помогу тебе бороться с коррупцией». И мы поехали. Белых — управлять областью, а я — бороться с коррупцией.

Моя семья осталась в Москве. Юлю и детей я видел только по выходным. При этом, помогая Белых, я продолжал заниматься юридической практикой и расследованиями. Бывало, прилетишь в Киров вечером, на следующий день надо домой, но прямых рейсов нет —

тогда едешь на машине до Казани, а оттуда уже в Москву. А потом всё по новой. Это было очень утомительно. Промучившись так до лета, мы приняли решение переехать в Киров всей семьёй. Даша пошла там во второй класс. Захару к тому моменту было чуть больше года. Когда он родился, я был самым счастливым человеком в мире. Раньше мне был очень важен пол будущего ребёнка — я хотел сына, но после того как появилась Даша, я понял, что это абсолютная ерунда. Тем не менее, когда родился Захар, я был очень доволен: ура, у меня теперь есть и дочь, и сын! К армии Барби добавится армия машинок!

В общем, мы собирались осесть в Кирове и стать там настоящими местными жителями. Но в результате я прожил там только год. Это был очень странный период, но я рад, что прошёл через него. Такой опыт абсолютно точно необходим каждому, кто хочет заниматься политикой в России.

Регион был страшно коррумпирован, и, как это часто бывает, во главе его раньше стоял бывший прокурор. Почти всегда там, где во главе стоит бывший прокурор или ФСБшник, коррупции в два раза больше. В области было большое количество государственной собственности, всё очень запутанно и непонятно, и передо мной стояла задача разобраться во всех этих схемах и предложить способ всё наладить. Я начал это делать и довольно быстро понял печальную вещь: оказывается, у губернатора нет никакой особой власти. Россия устроена таким образом, что представители Кремля — абсолютно везде. Помимо губернатора, в области есть главный федеральный инспектор, представители различных федеральных

министерств. Любое твоё решение запросто отменяет чиновник, который подчиняется Москве. Так я воочию убедился, что в стране, которая целиком управляется из центра, сделать нельзя ничего. Доходило до абсурда. Например, в здании правительства Кировской области не было вай-фая, я предложил его провести. Эта история заслуживает отдельной комедийной главы: чтобы только обсудить мою идею, потребовалось пять больших совещаний с губернатором, и даже после этого вай-фай не провели.

Работа в Кирове была в целом хоть и интересным, но очень разочаровывающим опытом. Я хорошо понял, как всё работает: во-первых, невозможна никакая модернизация в авторитарной стране, а во-вторых, невозможна никакая модернизация в отдельном регионе такой страны. Приезжают такие молодые, активные, амбициозные, хотят всё поправить и наладить, но их затягивает болото этой системы. Стало очевидно, что в коррумпированной среде ты должен сам стать коррумпированным, если хочешь просто помочь людям.

Например, помню, мы просили деньги у министра природных ресурсов. Их никто не собирался украсть — это были деньги не для нас, это были деньги для области. А министр природных ресурсов говорит Белых: «Знаешь, там у вас моего человека обидели с лесом, помогите ему, пожалуйста». И Белых говорит мне: «Помоги ему, пожалуйста». Это означает, что я должен придумать какую-то странную схему, по которой человеку министра нужно дать больше леса, а взамен министр тогда даст государственных денег на Кировскую область. Я сказал, что

не буду этим заниматься.

Потом я увидел, что так решается любой вопрос. Каждый раз, когда ты хочешь сделать что-то хорошее, ты должен (может, и не для себя, а для кого-то ещё) сделать что-то нечестное. И довольно быстро оказывается, что ты с утра до вечера занимаешься коррупцией, плохими вещами, вроде как во благо всех людей. Но раз ты всё равно занимаешься коррупцией для кого-то другого — наверное, можно немножко и для себя. Система очень быстро тебя поглощает.

Во время одного из первых совещаний я получил огромную кипу папок — в каждой были документы об отдельном регионообразующем предприятии. Мне надо было все их изучить и оценить эффективность.

На одной из папок было написано: «Кировлес». Через несколько лет это название будет известно всей стране — эту компанию используют, чтобы возбудить против меня уголовное дело и показательно меня осудить.

«Кировлес» был госпредприятием, которое занималось лесозаготовкой. Там работало четыре тысячи человек, и его положение было катастрофическим: чудовищные долги, постоянные задержки зарплат. Поначалу я поверил, что это связано с низкими продажами, и предлагал или централизовать сбыт, или и вовсе открыть в Кировской области лесную биржу. Но чем больше я погружался в отчётность, тем яснее видел, что настоящая проблема — в ужасающем управлении. Директор «Кировлеса» Вячеслав Опалев был обыкновенным жуликом, который стремился просто нажиться на предприятии. В какой бы район ни приехал Белых, бизнесмены начинали ему жаловаться на

«Кировлес». В итоге я добился, чтобы Опалева уволили и провели полный аудит предприятия силами одной из компаний «большой четвёрки», а чтобы ни у кого не было сомнений в достоверности аудита, компанию выбрали по конкурсу.

Я уже и думать об этом забыл, когда спустя несколько месяцев вдруг узнал, что Опалева незаметно в должности восстановили, а аудит отменили, проигнорировав решения, принятые на всех уровнях кировской власти.

Это произвело на меня большое впечатление, и я окончательно понял, что оттуда нужно уезжать. Я подал заявку в Йельский университет на программу Yale World Fellows.

Никита Белых остался в Кирове. Он окончательно освоился в должности, стал типичным российским губернатором и говорил, что очень полезен на своём месте. Если ты российский чиновник, ты вынужден подчиняться любым приказам, даже незаконным, и с каждым годом тебе это кажется всё более естественным. Когда против меня возбудили «дело „Кировлеса“», Белых, прекрасно знавший, что оно сфабриковано, просто промолчал. В том числе и поэтому дело дошло до суда.

Однако суть путинской власти в том, что правила могут поменяться и в любой момент обернуться против тебя. Семь лет спустя я был с семьёй в отпуске в Карелии. Включил телевизор и обомлел: в новостях показывали, как Никиту Белых задерживают в московском ресторане при получении взятки. Ему дали восемь лет строгого режима, и сейчас, когда я это пишу, он по-прежнему находится в тюрьме.

Поступить на программу в Йель было непросто. На пятнадцать мест претендовала примерно тысяча человек. Однако мне повезло: после нескольких этапов отбора меня взяли.

Для меня это было важно. Во-первых, к тому моменту я начал понимать, что мне не хватает знаний. Российские жулики воровали в России, а тратили наворованное на Западе. Чтобы преследовать их за границей, мне нужно было понять, как использовать законодательство США и Европы в борьбе с отмыванием денег. Во-вторых, мне было интересно посмотреть мир. Как всё работает в Америке? Как устроена система образования? После года в далёкой Кировской области хотелось новых впечатлений.

Идея программы Yale World Fellows в том, что каждый год Йельский университет отбирает пятнадцать человек со всего земного шара и предоставляет им все возможности для обучения. Например, я интересовался корпоративным управлением и правом и мог выбрать любой курс на юридическом факультете. Если этого мне было мало, то и курс на любом другом факультете. Кроме того, я мог написать любому профессору и встретиться с ним — все были готовы мне помочь. Отдельным бонусом было и то, что не существовало никаких экзаменов и тестов. А ещё в Йель можно было поехать всей семьёй: университет платил участникам программы приличную стипендию и предоставлял жильё.

Я провёл в Америке полгода, и это было прекрасное время. Единственное, что меня немного беспокоило, —

повышенное дружелюбие американцев. Отвечая по сто раз в день на вопросы вроде «Как ваши дела?», «Как провели выходные?», мне, угрюмому русскому, приходилось так много улыбаться, что по вечерам у меня болели щёки. Но если говорить серьёзно (как и полагается угрюмому русскому), то всё время моей учёбы в Йеле меня окружали необыкновенно умные люди, и я гордился тем, что нахожусь рядом с ними. Такие мысли сопровождали меня там постоянно: что все вокруг умнее меня и как мне повезло. Это было очень круто.

В России я занимался борьбой с коррупцией в госкорпорациях. И вдруг я сижу рядом с женщиной из Южной Африки, которая борется со СПИДом и ВИЧ. Её зовут Тембби Ксулу. Она так интересно рассказывает о своей работе, что ты понимаешь: это, может быть, важнее того, что делаешь ты.

А ещё был парень, руководитель молодёжной мусульманской организации из Индонезии. Однажды я спросил у него: «Сколько членов у вас в организации?» Я ожидал ответа типа: «Двести человек». А он ответил: «Ну, у нас не самая большая молодёжная организация — около двенадцати миллионов».

Участник программы из Туниса всё время жаловался мне, что быть оппозицией в Тунисе ужасно сложно. У вас в России, — говорил он, — есть и ютуб, и фейсбук, и твиттер, а у нас в Тунисе всё заблокировано. Работать из Франции было для него единственной возможностью продолжать свою политическую деятельность.

Мы говорили об этом в последние дни 2010 года, а в течение месяца наступила «арабская весна»,

и диктаторский режим в Тунисе пал. Да, это был опыт тунисского народа, но мне было очень важно и полезно узнать о нём.

Однако я не только слушал чужие истории — я продолжал заниматься своей антикоррупционной работой. В те месяцы я опубликовал своё следующее большое расследование — «Как пилят в „Транснефти“».

«Транснефть» — это крупнейшая в мире трубопроводная компания, занимающаяся транспортировкой нефти по всей России. Конечно, государственная. В середине двухтысячных у них был грандиозный проект — строительство нефтепровода из Восточной Сибири до Тихого Океана. Любая стройка такого масштаба в путинской России означает в первую очередь, что украдут на ней очень много. Даже если построят, то не в срок, плохо, с нарушениями и растащат при этом большую часть бюджета. Так было и с этим мегапроектом. Это было очевидно всем, включая правительство, и в 2008 году «Транснефть» даже проверяла Счётная палата — специальное ведомство государственных аудиторов. Проверять-то проверяла, но вот результаты этой проверки самым возмутительным образом засекретила по запросу самой «Транснефти». Я, конечно же, пытался этот секретный отчёт найти, искал и расспрашивал, и в итоге мне его прислали. Я всё прочитал, проверил и ужаснулся: украли буквально всё. На ста пятидесяти страницах доклада сухим языком, с цифрами и выкладками, было объяснено, что воровали где могли: цены на стройку были завышены в разы, подрядчиками выбирали фирмы-однодневки, зарегистрированные на офшорах, конкурсы

и торги проходили с немыслимыми нарушениями, а документы о них уничтожались почти мгновенно, чтобы замести следы. По любым меркам — абсолютно вопиющий случай. И это не какие-то теоретические рассуждения экспертов или посты блогера, это официальный отчёт Счётной палаты с печатями и подписями. Украдено на этом трубопроводе было около четырёх миллиардов долларов — по тысяче сто рублей у каждого совершеннолетнего жителя России, как я написал тогда в ЖЖ.

Скандал был огромный. Главой госкорпорации был тогда и по сегодняшний день остаётся Николай Токарев — бывший сотрудник КГБ, ближайший друг Путина, с которым они сидели в одном кабинете в советской резидентуре в Дрездене. Токарев, будучи человеком крайне непубличным, в результате всё-таки высказался и обвинил меня в том, что я проходимец и что меня «облизывает Национальный демократический институт Мадлен Олбрайт». Которая, по его словам, неистово ненавидит Россию. Я тогда очень смеялся над их представлениями о мире, не изменившимися ни чуточки со времён их молодости и холодной войны.

Почти сразу после публикации моего расследования в Кировской области началась проверка по «делу „Кировлеса”» (на самом деле уже вторая. Первая состоялась, когда я ещё работал помощником Белых, но ничего противозаконного полиция не нашла, и тот эпизод быстро забылся). Видимо, так меня пытались заставить не возвращаться в Россию. Я, однако, никогда для себя такого варианта не рассматривал. За несколько месяцев я так соскучился по дому, что мне уже снилось, как я ем

щавелевый борщ. Мы собрались (на четырёх человек у нас вышло восемь чемоданов) и полетели в Москву. С того момента начался новый этап моей жизни, когда каждый раз, возвращаясь в Россию, я думал: арестуют меня на границе или нет? Наступал 2011 год — год, когда всё опять изменилось.

Глава 12

Главное, чему я научился благодаря дебатам, моему блогу в ЖЖ, а потом битвам с госкорпорациями, — нужно привлекать к работе большое количество людей. Вот я нашёл коррупционную историю, пишу в ЖЖ: «Ребята, поучаствуйте, давайте вместе подавать на этих жуликов жалобы». И тысячи, буквально тысячи людей откликаются и вместе со мной эти жалобы пишут — подписываются при этом реальными именами, оставляют свои домашние адреса и телефоны. Или я пишу: «Ищу эксперта по трубопроводам, помогите найти», — и сразу же, через несколько часов, мне приходит письмо: «Привет, я эксперт по трубопроводам, какие у вас вопросы?»

Все думают, что нанять высококлассного специалиста стоит огромных денег. А я со своим блогом сделал важнейшее открытие: люди готовы помогать бесплатно, если они сами вовлекаются в процесс, понимают, что происходит и в чём польза от их помощи. Я объяснял каждый свой шаг. Я публиковал все свои запросы и все ответы на них. Люди мне доверяли и откликались, и я быстро убедился, что многие из этих волонтёров в сто раз более квалифицированны, чем люди в офисах, где мне

приходилось раньше работать.

В 2010 году один из пользователей ЖЖ прислал мне новость: «Министерство здравоохранения решило создать социальную сеть для „общения медицинских работников и пациентов“». На создание этой сети объявили конкурс, начальная стоимость — пятьдесят пять миллионов рублей, а срок выполнения — шестнадцать дней. Я не IT-эксперт, но и то понял, что этого просто не может быть: невозможно сделать никакой сайт, а тем более соцсеть, за две недели. Значит, конкурс липовый — исполнитель давно известен, да и сайт наверняка готов, а львиную долю пятидесяти пяти миллионов просто договорились украсть и поделить. Я написал жалобу, и буквально в считаные дни Минздрав конкурс отменил.

После этого меня в ЖЖ просто завалили ссылками на такие же фальшивые конкурсы. Я, как обычно, бросил в блоге клич, призывая на помощь экспертов: они должны были писать профессиональные заключения, а я на основе этих заключений — жалобы. Дело пошло, но конкурсов было так много, что я уже не справлялся. Мне помогли волонтёры: сделали отдельный сайт, куда люди могли загружать информацию о коррупционных госзакупках, а эксперты через него могли эти госзакупки оценивать. А потом я понял, что волонтёров уже недостаточно, и опубликовал в блоге пост: «Ищу юриста, чтобы он писал жалобы вместе со мной». И меня завалили резюме.

Так начался проект «РосПил», и я нанял туда первую сотрудницу. Это была Любовь Соболь — тогда ещё студентка МГУ. Люба оказалась очень целеустремлённой и дотошной юристкой. Все эти годы мы так и работаем вместе, за это

время она стала моей близкой соратницей. А потом я нанял ещё несколько сотрудников. А потом к проекту «РосПил», который разоблачал воровство на госзакупках, добавились проекты «РосЯма» (сайт, через который любой желающий мог отправить жалобу на плохую дорогу) и «РосВыборы» (сайт, через который можно было зарегистрироваться наблюдателем — через считаные месяцы в России должны были пройти выборы в Госдуму и выборы президента). И постепенно всё это превратилось в полноценную организацию.

Для любого проекта нужны две вещи: люди и деньги. В людях я не сомневался — весь мой опыт говорил, что я точно не останусь юристом-одиночкой в подвальном офисе. Настоящая проблема была только с деньгами, потому что невозможно управлять независимой организацией в авторитарном государстве без бюджета.

Как раньше все политики делали? Просили деньги у богатых людей, у олигархов. Но в 2011 году олигархи бы ко мне и на пушечный выстрел не подошли. Да и сам я от них зависеть не хотел.

И вот я публикую пост у себя в блоге: мол, я знаю, как работать, я знаю, что делать, я найду и найму нужное количество сотрудников, но финансировать это должны вы. Дайте мне денег. Вы будете жертвовать по чуть-чуть на хороший и полезный проект, и мне это позволит не бегать за олигархами и бизнесменами, клянча финансирование. Такие микропожертвования — это фундамент, который позволяет мне быть абсолютно независимым. Ну и Кремль ничего с этим поделать не может. Арестовать и запугать одного или двух крупных доноров проще простого, но что

ты сделаешь с десятком тысяч людей?

Сейчас кажется, что в этом подходе ничего особенного нет, обычная фандрайзинговая кампания. Но тогда, в 2011-м, надо мной, подозреваю, все смеялись и считали, что я сошёл с ума. Какие микропожертвования? Как можно собирать деньги на расследования и юридическую работу в интернете? Особенно в России: в России никто и никогда такого не делал. Не существовало примеров, не было привычки жертвовать регулярно, не было никакой финансовой инфраструктуры.

Но люди стали переводить мне деньги. Обычные читатели моего ЖЖ. Поначалу я собирал пожертвования на личную карточку, а потом у себя в блоге публиковал банковскую выписку и отчёт. Средний размер пожертвования на «РосПил» был четыреста рублей (на тот момент — около пятнадцати долларов), но буквально за месяц я собрал почти четыре миллиона — больше, чем годовой бюджет, который я изначально закладывал.

До этого в общественном сознании прочно сидел стереотип: деньги с физических лиц можно собирать только на благотворительность. Больше никто ни на что не даст, а на политику и подавно. Мне удалось сломать этот стереотип. Все были потрясены, а я — совершенно счастлив.

Но я решил пойти дальше. Существовало и другое, не менее устойчивое и вредное клише: будто бы публичные люди не будут давать деньги на общественно-политическую деятельность в открытую. Испугаются репрессий. Поэтому даже просить не стоит — лучше тайком пойти к какому-нибудь бизнесмену, который так же тайком отстегнёт тебе наличные, или и вовсе прямиком в администрацию

президента. Я был уверен, что это не так, и решил это доказать.

В сентябре 2011 года я зарегистрировал некоммерческую организацию «Фонд борьбы с коррупцией». Теперь все мои отдельные проекты существовали под одним брендом. Я объявил, что деньги на работу ФБК буду тоже собирать через краудфандинг, но на этот раз специально призвал известных людей становиться донорами. Спустя несколько месяцев меня публично поддерживало шестнадцать человек — каждый из них пожертвовал больше десяти тысяч долларов. Среди них были предприниматель Борис Зимин, экономист Сергей Гуриев, журналист Леонид Парфёнов и писатель Борис Акунин, а финансист Владимир Ашурков не только пожертвовал деньги, но и сильно помог мне с организацией всего процесса. Эти шестнадцать смелых людей разрушили очень важное общественное табу — что нельзя без разрешения финансировать дело, в которое ты веришь.

В первый год работы ФБК я планировал собрать около девяти миллионов рублей — это мне удалось с лёгкостью. В 2019 году, предшествовавшем моему отравлению, мы собирали уже больше восьмидесяти миллионов рублей. Нам поступали десятки тысяч маленьких переводов — по сто-пятьсот рублей — со всей России.

Главный принцип нашей организации — прозрачность. С первых дней она была важна для меня по двум причинам. Во-первых, люди будут охотнее давать деньги, если они понимают, на что их тратят. А во-вторых, потому что я очень, очень, очень хотел отличаться от государства. Правительство расходует наши налоги без всяких

объяснений. Мы не влияем на распределение бюджета и даже не понимаем толком, как именно его распределяют. В России никогда не существовало по-настоящему открытых политиков. Даже в краткий период в девяностых, когда у власти были демократы, нормой считалось прятать собственные средства и скрывать их происхождение.

Я хотел быть совсем другим. Я показывал мои личные доходы. Я показывал, откуда берутся деньги моей организации. Все знали, как выглядят моя жена и дети. И люди, переводя мне пожертвования, посылали власти чёткий сигнал: «Навальному мы жертвовать хотим, потому что мы понимаем, чем он занимается и как тратит деньги, а вы всё скрываете, а часто ещё и воруете».

И, несмотря на запугивание доноров, которое началось почти сразу («Жертвуете Навальному? Все переводы сохраняются, ждите проблем!»), тысячи людей продолжали переводить нам деньги. Для меня это всегда звучало так: «Мы готовы бороться, но нам нужен лидер — человек, который не испугается государства и который не будет брать взятки. Мы верим, что ты такой, поэтому помогаем».

В Фонде борьбы с коррупцией, который я сам и основал, зарплату я никогда не получал и ни под какими предлогами не использовал пожертвования в личных целях. Я не сомневался, что, если я попрошу, люди легко переведут и мне персонально, но я твёрдо решил, что между моим заработком и бюджетом организации будет несокрушимая китайская стена. В конце концов, у меня есть профессия — я юрист. Поэтому, даже возглавляя ФБК, я продолжал оказывать юридические услуги. Возможно, правда, некоторые мои клиенты пользовались ими не только

потому, что нуждались в них, но и просто чтобы таким образом меня поддержать.

Вторым важным принципом стала нормальность. В Кремле годами пытались наше движение маргинализировать и загнать в подполье. Превратить нас в новую версию советских диссидентов. Я испытываю огромное уважение к советским диссидентам — они герои, но обычные современные люди диссидентами быть не очень хотят. Во-первых, это опасно, а во-вторых, у диссидентов не бывает весёлых офисных будней. А мы, хоть и были, по сути, офисом революции, где каждый человек нёс большие риски, чисто внешне казались московскими хипстерами. У нас просторный опенспейс, кофемашина и игра в «Тайного Санту» на Новый год. У нас твиттеры и инстаграмы. У нас молодые сотрудники, все дружат между собой, мы вместе ходим в походы и устраиваем вечеринки (правда, в последние годы я стал замечать странную тенденцию: всё самое весёлое на вечеринках начинается после того, как я ухожу домой). Единственное, что отличало нас от модного стартапа, — это то, что мы боролись с Путиным. Ну и сопутствующие издержки — например, прослушка в офисе, которую мы находили в дверных косяках.

Это было хоть и неприятно, но не особо страшно. Однако со временем таких издержек становилось больше. Давление росло с каждым годом, и к 2019-му аресты и обыски стали частью нашей повседневной жизни. Наш хипстерский офис оставался таким же хипстерским, только теперь ОМОН пилил нам дверь бензопилой, врывался внутрь с автоматами и клал всех на пол. Один такой рейд —

и у пятидесяти сотрудников отнимают компьютеры и телефоны, выносят из офиса всю аппаратуру, документы, личные вещи. Успел спрятать телефон за плинтусом, а компьютер в потолочной плитке — молодец. Но чаще всё же изымали всё подчистую. Тактика понятная: на восстановление техники нужны деньги, а деньги мы просим у людей. В Кремле надеялись, что это постепенно замедлит сбор, но выходило наоборот — после каждой атаки на нас мы видели всплеск платежей.

Чем занимается Фонд борьбы с коррупцией, ясно из названия. Мы что-то среднее между журналистами, юристами и политическими активистами. Находим коррупционную историю, разбираемся с документами, собираем доказательства и публикуем её. В первые годы — текстом в моем блоге, со временем — роликом на ютубе. Ну и самое главное: потом эту историю распространяем так, чтобы про неё узнали миллионы человек.

И эта часть с распространением — самая важная. Количество независимых СМИ уменьшалось стремительно, везде цензура, ни в какой крупной газете и тем более по телевизору о нашей работе не расскажут. Как в такой ситуации поступать? Рассказывать самому, а остальных просить помочь: запостить ссылку у себя в блоге, написать что-то в соцсетях, переслать видео знакомым. Да листовку, в конце концов, распечатать и повесить у себя в лифте: вот, мол, наш мэр, его официальная зарплата — пятьдесят тысяч рублей, а вот его квартира в Майами, она стоит пять миллионов долларов.

И я буквально так в каждом расследовании и говорю: «Ребята, мы нашу часть сделали, вот классная и важная

история, но без вас никто о ней не узнает. Шлите ссылки друзьям. Зайдите в районную группу во „Вконтакте“, оставьте и там комментарий. Бабушке пошлите, родителям». В результате люди не только давали нам деньги, но, по сути, ещё потом сами на нас работали, становясь важной частью нашей организации.

«К партии „Единая Россия“ я отношусь очень плохо. Партия „Единая Россия“ — это партия коррупции, это партия жуликов и воров».

Эту фразу в феврале 2011 года я произнёс в прямом эфире радио «Финам FM», и она моментально стала мемом. Сразу после этого оскорблённый депутат-единоросс Евгений Фёдоров вызвал меня на дебаты — небывалый случай для представителя путинской партии. Учитывая мою любовь к дебатам, я, конечно, согласился. Дебаты прошли всё на той же радиостанции, и в конце ведущий устроил голосование. Девяносто девять процентов слушателей решили, что прав я. На меня тут же подал в суд другой единоросс — он считал, что мои слова о «Единой России» нанесли ему моральный вред. Суд отказал, и тогда ещё смелая газета «Ведомости» вышла с заголовком: «Суд разрешил называть „Единую Россию“ „партией жуликов и воров“». Было весело.

В своём блоге я попросил тиражировать эту фразу как можно шире, и вскоре, если ты начинал набирать слова «Единая Россия» в поисковой строке, то первой подсказкой

выпадало «партия жуликов и воров». В декабре 2011 года должны были пройти выборы в Госдуму, и я хотел во что бы то ни стало добиться, чтобы партия Кремля получила на них как можно меньше голосов. Главным лозунгом кампании стало: «Голосуй за любую партию, кроме партии жуликов и воров». Кампанию я вёл, как обычно, используя интернет и сеть своих сторонников.

В результате «Единая Россия» набрала гораздо меньше процентов, чем рассчитывала, и Кремлю ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к чудовищным подтасовкам. Фальсификации были по тем временам беспрецедентные — карусели, вбросы, переписывание протоколов. Хотя «Единая Россия» и обеспечила себе большинство в Думе, этим она спровоцировала самую крупную волну протестов в новейшей истории страны.

Вообще-то митинг против фальсификации выборов был запланирован заранее: ни у кого не было иллюзий, что они будут честными. Он должен был пройти 5 декабря, на следующий день после голосования. Его организовывало движение «Солидарность», которое создали Гарри Каспаров, Борис Немцов, Илья Яшин и Владимир Буковский. Яшин, мой товарищ еще со времён «Молодёжного Яблока», позвал меня на митинг за пару дней. Я идти отказался. Их позиция по выборам меня немного раздражала: одна их часть (Каспаров) была за бойкот на выборах, другая часть (Немцов) — за порчу бюллетеней, а вместе они немного мешали моей стратегии «Голосуй за любую партию, кроме „Единой России“», мне же был важен каждый человек. Но когда я увидел результаты выборов (по Москве «Единая Россия» набрала 46%, притом где-то были участки с 20%,

а где-то с 70%), а затем — видео фальсификаций, я понял, что надо идти. Я написал пост в блоге, что призываю всех приходить на Чистые пруды в 19:00. Это был понедельник, и я не питал надежд, что митинг будет многочисленным.

Часом раньше на Пушкинской собирались митинговать коммунисты — тоже, кстати, упомянутые в моём посте. Объединять две акции времени уже не было, но я предлагал тем, кто может, пойти на обе. «К коммунистам пришло человек сто», — написал мне Яшин, пока я ехал на Чистые пруды. Я мрачно подумал, что и на наш митинг придёт немногим больше. Митинги вообще были непопулярной формой протеста в последние годы — я это очень хорошо ощутил на себе, пока с тем же Яшиным пытался организовывать их в «Яблоке». Сейчас было видно, что люди взбешены от такой несправедливости на выборах, но в то, что они выйдут на улицу, верилось не очень.

Я вышел из метро и обалдел: людей было несколько тысяч. Весь бульвар был забит под завязку, я не помнил, когда в последний раз видел подобное. К сцене подойти было невозможно. А главное — это были какие-то новые люди, не традиционная горстка активистов, с которыми мы знали друг друга в лицо. Уже потом, когда меня задержала полиция и мы вместе с сотней протестующих оказались в ОВД, я узнал, что большинство из них было наблюдателями на выборах. Они видели всё, что накануне творилось на участках, и, возмущённые, вышли на улицу.

Когда митинг закончился, расходиться никто не захотел, и мы, вся наша огромная толпа, двинулись шествием к избиркому. Согласованный митинг омоновцы, стоявшие вокруг, ещё могли стерпеть, но вынести такое проявление

свободолюбия было им уже не под силу. Я, Илья Яшин и ещё несколько сотен человек оказались в автозаках. Ночь нас продержали в отделениях полиции, а утром суд отправил меня в спецприёмник. Мой первый арест — пятнадцать суток (тогда это был максимальный срок) за «неповиновение распоряжению сотрудника полиции».

Теперь рассказами про спецприёмник никого не удивишь, но тогда это был не самый распространённый опыт. Представьте картину: за твоей спиной захлопывается металлическая дверь, и прямо на тебя сквозь сигаретный дым смотрят восемнадцать угрюмых лиц. Поначалу было некомфортно: ты целыми днями сидишь в камере, в ней все, кроме тебя, беспрерывно курят, прогулка в небольшом бетонном дворе, накрытом решёткой, телефонные звонки — пятнадцать минут в день. Однако постепенно я привык (пишу это и не могу сдержать иронической улыбки: уж больно московский спецприёмник образца 2011 года отличается от тюрьмы-2021). К тому же в камере у меня была отличная компания — многих, как и меня, задержали на митинге. В соседних камерах сидели в основном водители, попавшиеся пьяными за рулём, наркоманы и мелкие хулиганы, но довольно быстро выяснилось, что подавляющее большинство из них меня поддерживает.

Одна из самых неприятных вещей при аресте — ты всё пропускаешь. Где-то кипит жизнь, а ты сидишь в четырёх стенах и даже новости узнаёшь с большим опозданием. За те пятнадцать дней я пропустил много интересного. 10 декабря на Болотной площади в Москве состоялся очередной митинг против фальсификации выборов. Когда мне сказали, что там было сто тысяч человек, я сначала не

поверил. Для этого митинга я написал в спецприёмнике письмо — его зачитали со сцены. Однако в следующем митинге, на проспекте Сахарова 24 декабря, я уже принимал участие лично. Это было поразительно: столько людей на протестной акции я не видел никогда в жизни. Вместе со мной на сцене стояла весьма неожиданная компания: там был Борис Немцов, был Алексей Кудрин, бывший министр финансов, и даже «российская Пэрис Хилтон», светская львица Ксения Собчак — дочь бывшего начальника Путина.

Письмо из спецприёмника, зачитанное на митинге на Болотной площади 10 декабря 2011 года

Бороться за свои права — это легко и приятно. И это совсем не страшно. Не верьте глупостям о неизбежных беспорядках, драках с милицией и горящих автомобилях.

Единственное, но самое мощное оружие, нужное нам, есть у каждого — это чувство собственного достоинства.

Просто надо понять, что это чувство нельзя надевать и снимать, как бархатный пиджачок. Оно не включается кнопкой на кухне с друзьями и не выключается стыдливо при разговоре с чиновником, милиционером или членом избирательной комиссии.

Люди с чувством собственного достоинства есть. Их много. Десятки из них лежат сейчас на драных матрасах совсем рядом со мной. И я знаю, что тысячи их стоят сейчас на площади Революции и на Болотной. В Москве и в других городах страны.

Нет никаких репрессий и дубинок. Нет задержаний и арестов на пятнадцать суток. Всё это чушь. Нельзя избить и арестовать сотни тысяч и миллионы. Нас даже не запугали, а просто на какое-то время убедили, что жизнь жаб и крыс, жизнь безмолвных скотов — это единственный способ получить в награду стабильность и экономический рост.

Морок развеивается, и мы видим, что скотское безмолвие стало подарком только кучке жуликов и воров, ставших миллиардерами. Эта кучка

и их медийная обслуга продолжают нас убеждать, что фальсификация голосов в пользу их партии жуликов и воров есть необходимое условие наличия в кране горячей воды и дешёвых ипотечных кредитов. Нас кормили этим двенадцать лет. Мы сыты по горло. Настало время сбросить оцепенение.

Мы не скоты и не рабы. У нас есть голос, и у нас есть силы отстаивать его.

Все люди с чувством собственного достоинства должны чувствовать свою солидарность друг с другом. Неважно, где они сейчас: на площадях, на кухнях или в спецприёмниках. Мы чувствуем свою солидарность с вами, и мы знаем, что мы победим. Иначе быть просто не может.

Мы говорим вам:

Один за всех и все за одного!

Глава 13

2012 год задал стандарт моей жизни на много лет вперёд: митинг — арест, митинг — арест, нескончаемый замкнутый круг. Безусловно, это было неприятно, но остановить меня не могло. В Кремле это тоже быстро поняли, поэтому в декабре возбудили против меня сразу четыре новых уголовных дела. Дела были такие: я «украл» лес Кировской области, я «украл» деньги французской компании «Ив Роше», я «украл» сто миллионов рублей у партии СПС и (моё любимое!) я «украл» спиртзавод в Кирове. Теперь мне грозило провести под арестом не несколько дней, а несколько лет. Последние два дела даже до суда не дошли, да и волновали они меня мало — в отличие от первых двух, где, кроме меня, привлекали других невиновных людей. Дело «Ив Роше» вообще было для меня особенным: его фигурантом вместе со мной стал мой младший брат Олег.

Я был готов к тому, что Кремль будет преследовать меня. Юля была к этому готова. Но когда власть из мести пошла по широкому кругу родственников — это действительно было болезненно. Помню, на семейном ужине я попытался сказать что-то ободряющее, а мне ответили: «Не надо, мы всё понимаем». Но невозможно было не говорить.

В 2012 году до судов было ещё далеко, но существовали и другие способы испортить мне жизнь — например, двенадцатичасовые обыски, во время которых забирают всю технику.

Мои уголовные дела — хороший пример того, как устроена судебная система в России. Их просто выдумывают. Обычно это затруднительно объяснить людям, живущим в государствах с правовым режимом: невозможно же просто нафантазировать тридцать томов материалов! Но российским следователям всё по плечу.

Возбуждая против меня дела, Кремль преследовал две цели. Первая — помешать мне заниматься политической деятельностью. Из тюрьмы это вообще непросто, но даже если тебя приговаривают к условному сроку, это тоже сильно усложняет жизнь: если ты осуждён, ты не можешь никуда избираться. Вторая — дискредитировать меня. Важно было придумывать против меня дела, связанные не с политикой, а с банальным мошенничеством: «Ах, он борется с нашей коррупцией? Тогда мы скажем, что он сам коррупционер!»

Я с самого начала решил, что, если против меня возбудят уголовное дело, я буду выкладывать в интернет все документы и материалы об этом. Лучшая защита от вранья — публичность: мне нечего скрывать, и я хочу, чтобы все видели, что дело против меня сфабриковано.

Первый раз мне довелось опробовать этот принцип на деле «Кировлеса».

Это дело — идеальный индикатор степени беспокойства Кремля по поводу моей работы в разные периоды времени. Всё началось с полицейской проверки — это произошло, ещё

когда я работал помощником Белых в Кирове. Проверка тогда закончилась ничем, но её возобновили, когда я был в Йеле, через неделю после публикации расследования про «Транснефть». Впрочем, дело и тогда возбуждать не стали: видимо, думали, что я не вернусь. В следующий раз проверку возобновили в феврале 2011 года — через несколько дней после того, как я в эфире на радио назвал «Единую Россию» «партией жуликов и воров». В мае 2011-го проверка переросла в уголовное дело, которое, однако, закрыли за отсутствием состава преступления. В июле 2012 года уже глава Следственного комитета Александр Бастрыкин на выступлении в Петербурге угрожал увольнением следователям, закрывшим дело, и потребовал открыть его снова. Ход делу дали через две недели.

На тот момент мне казалось, что ничего абсурднее этого обвинения не придумаешь. Как вы помните, в Кирове было убыточное госпредприятие — «Кировлес». Оно занималось продажей леса либо само, либо через посредников, либо вообще вчёрную. Там царил полный бардак. Ни точной цены, ни себестоимости продукции никто не знал.

Одним из лесотрейдеров была «Вятская лесная компания». Ничего примечательного в ней не было, торговала она лесом в мизерных объёмах по сравнению с остальными, но её директор, на свою беду, был знаком со мной. Это был мой приятель по «Яблоку» Пётр Офицеров. Его, как и многих других, в Кировскую область привлекло назначение Белых, при котором, как предполагалось, вести бизнес будет легко и приятно. Когда местные продажные менты стали искать, к чему же у меня прицепиться, они вспомнили про «Кировлес». Идея была следующая: якобы

я подговорил директора «Кировлеса» продать древесину Офицерову за четырнадцать с половиной миллионов рублей, а Офицеров перепродал её дальше за шестнадцать. То есть совершил мошенничество.

Думаю, вы сейчас потрясли головой и перечитали последнюю строчку. «Какое мошенничество? — скажете вы. — Это же обычная предпринимательская деятельность!» Но российское следствие посчитало иначе. Вооружившись показаниями директора «Кировлеса», чьего увольнения я добивался, пока работал помощником Белых, они заявили, что я заставил директора продать лес по заниженной, заведомо невыгодной цене.

«Ну ладно, — скажете вы. — То есть вас обвинили в присвоении полутора миллионов?»

Сразу видно, что нет в вас полёта фантазии, как в следователях СК! Они обвинили меня в хищении всех шестнадцати миллионов. И никого из них не смутило, что древесина была продана, а «Кировлес» получил за неё деньги, ведь по телевизору «шестнадцать миллионов» звучит гораздо круче, чем «полтора».

Следователи даже не делали вид, что проводят какие-то финансовые экспертизы. Вместо этого они допросили, например, человека, с которым я ещё в университете ходил вместе в качалку, провели обыски у моих родителей, изъяли мои адвокатские документы — в общем, не особо скрываясь, искали компромат. Я относился к этому довольно равнодушно, но очень жалел своего товарища по несчастью, Петра Офицерова. У него было к тому моменту пятеро детей. Его работа была связана с большим количеством командировок — теперь же он находился под подпиской

о невыезде. Идея у следователей была простая: возьмём обычного предпринимателя, лишим большой части заработка, припугнём его — и он побежит давать ложные показания. Шутка ли, пятеро детей! Я бы даже винить его не стал.

По законам литературы я должен был бы держать вас в напряжении до самого конца и не рассказывать, как повёл себя Офицеров. Но я этого делать не буду: Пётр Офицеров оказался очень твёрдым и честным человеком. Когда дело только возбудили, он сразу сказал мне, что сотрудничать со следствием не станет, и все попытки давить на него встречал даже с некоторым недоумением. Да, страшно, да, не хочется, но разве твоя совесть стоит этой подлости? Уже потом, когда мы сидели с ним в автозаке, который должен был отвезти нас в тюрьму, я спросил у него, не жалеет ли он, что так поступил. А Офицеров ответил: «Неужели ты думаешь, что один хочешь оставаться честным человеком?»

Суд проходил в Кирове, и мы постоянно ездили туда из Москвы — я с Юлей, Петя с женой Лидой и толпа журналистов. Со многими из журналистов я тогда сдружился и общаюсь до сих пор. Ездили мы всегда на поезде «Вятка», и скоро нас знали все проводники. Я не могу сказать, что уголовное дело и маячивший впереди приговор вызывали у меня восторг, но эти поездки были очень весёлыми. Судебный процесс воспринимался скорее как шоу, и этот эффект усиливался оттого, что одно из информационных агентств транслировало его в прямом эфире. До сих пор недоумеваю, кто и как это придумал, — наверное, его потом как минимум лишили премии. Процесс вёл судья в чёрной мантии, за столом сидел прокурор

в синем костюме, но больше ничто там суд не напоминало. Позиция обвинения была идиотской — это понимали все, кто посмотрел хотя бы одно заседание.

Четвёртого июня был мой день рождения. Мы отмечали его небольшой компанией в кафе «Лебединое озеро» в парке Горького. Обсуждали последние новости: мэр Москвы Сергей Собянин в тот день неожиданно заявил, что принял решение подать в отставку. На самом деле это было уловкой, которую в то время освоили путинские чиновники: они досрочно уходили со своих постов и сразу же объявляли, что собираются баллотироваться на новый срок. Это делалось для того, чтобы у оппонентов не было времени подготовиться к избирательной кампании. Да и на должности они оставались до дня голосования в качестве «исполняющих обязанности», что давало им огромное административное преимущество перед другими кандидатами.

На моём дне рождения кто-то, смеясь, сказал: «Алексей, а помнишь опрос в „Коммерсанте“?» Я помнил, конечно. В 2010 году, перед прошлыми выборами мэра Москвы, на сайте газеты «Коммерсантъ» провели интернет-выборы «виртуального мэра Москвы». Этот опрос оказался очень популярным — в нём приняло участие больше шестидесяти пяти тысяч человек. Я тогда победил с большим отрывом, получив 45% голосов, второе место занял Борис Немцов с 12%, а третье — банкир Александр Лебедев, набравший около 11%. Это было немного смешно, но в то же время воодушевляло: все кандидаты были серьёзными политиками, а я — обычным парнем из интернета, но я их победил. Кстати, Собянин в том голосовании получил

меньше 3%.

И в тот момент я окончательно принял решение: отставка Собянина — хороший момент для меня, чтобы поучаствовать в настоящих, важных для страны выборах. Я люблю Москву, хорошо её знаю, я неплохо разбираюсь в проблемах города.

Я посмотрел на Юлю. Она посмотрела на меня, и я понял, о чём она думает: это хорошая идея. С Юлей не надо ничего долго обсуждать. Она уже со мной.

Я поговорил со своим ближайшим соратником Владимиром Ашурковым. Спросил: сможем ли мы начать кампанию прямо сейчас, без денег? Получится ли у нас потом их найти?

Ашурков — как всегда, очень спокойный и уравновешенный — ответил, что это будет непросто. Денег надо очень много — гораздо больше, чем мы когда-либо собирали. Однако у нас много сторонников, а заниматься фандрайзингом мы умеем. Попробуем.

Потом мы вместе позвонили Леониду Волкову, депутату Екатеринбургской городской думы, и я предложил ему возглавить мой предвыборный штаб. Сразу сказал, что хочу провести настоящую избирательную кампанию — не такую, какие в последние годы проводила оппозиция, когда кандидат просто объявлял о выдвижении, потом несколько месяцев ничего не делал, а в конце жаловался на несправедливые результаты. Мне это неинтересно — я хочу победить. И Волков сказал: «Хорошо! Я приеду в Москву и буду вести твою кампанию».

Вот так всё и случилось, буквально за тридцать минут.

Это было отличное решение, но впереди нас ждала очень

тяжёлая работа. Со стороны кажется, что успех выборов зависит от одного человека, но это не так. Это похоже на пирамиду: я оказался тем человеком, который стоит на самом верху, но я участвовал в выборах не один, а представлял всех, кто стоял за мной и вместе со мной. Конечно, я много работал. Если ты не готов начать с себя и не подаёшь пример остальным, то ничего не получится. Однако не менее важно доверять людям. Мы быстро собрали команду, и она и стала движущей силой кампании — каждый отвечал за свой участок работы.

Вначале была неразбериха. В том числе потому, что это была первая настоящая большая избирательная кампания в современной России. Мы открыли штаб в центре Москвы, но в первые дни никто толком не понимал, кто за что отвечает и как организовать работу волонтёров, которых становилось всё больше — сотни людей приходили к нам в штаб и спрашивали: «Есть ли у вас какая-нибудь работа?» А мы не знали, как правильно их использовать.

В то время в штабе я встретил парня, знакомого по фейсбуку, — IT-специалиста высокого класса, миллионера. Я увидел, что он занят тем, что складывает листовки в пачки и аккуратно их упаковывает. «Господи, — говорю, — ты же отличный программист, почему ты возишься с этими листовками?!» А он отвечает: «Потому что, Алексей, у тебя пока нет специальной задачи для меня. Но я вижу, что вы все много работаете. И я хочу быть частью твоей кампании и внести свой вклад».

Поначалу, думаю, в Кремле шла дискуссия: пускать меня на выборы или нет. Конечно, я был известен в интернете, и это было опасно, но одно дело — интернет, а другое —

реальная жизнь. Они не относились ко мне всерьёз и в конце концов решили провести эксперимент: не мешать мне участвовать в выборах, чтобы эта реальная жизнь меня раздавила. Чтобы меня раздавила популярность Путина и его представителя — Собянина. Они сами себя убедили, что я получу два процента, ну от силы пять. Пусть у меня самый популярный блог в России — но бабушки, которые смотрят телевизор, всё равно за меня не проголосуют. Меня, разумеется, обойдут все остальные кандидаты. На любых выборах в России действует закономерность: первое место принадлежит выдвиженцу Кремля, второе место — за КПРФ, третье место всегда за партией Жириновского, ЛДПР. Я буду в аутсайдерах, и на этом моя политическая карьера и закончится. Ладно, может, и не закончится, но сложится как у обычного российского оппозиционного демократического политика, который барахтается в своём маргинальном болоте, в выборах не участвует, а если участвует, то не ведёт кампанию и получает не больше пары процентов. Окончательно рассудив, что опасности я не представляю, 17 июля меня официально зарегистрировали кандидатом и допустили к предвыборной гонке.

У Кремля была ещё одна причина не слишком волноваться на мой счёт: на следующий день, 18 июля, был назначен приговор по делу «Кировлеса». Мне грозило пять лет колонии, Офицерову — четыре.

Конечно, в тюрьму мне не хотелось, да и за семью я переживал, но видел, что Юля спокойна, и это придавало мне сил. Мы пришли в суд, нас встретила толпа сторонников и журналистов. Мы заняли свои места в зале.

Вышел судья и стал монотонно зачитывать приговор. Это длилось несколько часов, и у меня было много времени настроиться, но всё-таки, когда судья произнёс: «Пять лет колонии общего режима», это застигло меня врасплох. Офицерову дали четыре года, и я видел, как его жена, услышав это, начинает оседать.

Вот и всё. Я поцеловал Юлю, на мне застегнули наручники (это тоже транслировали в прямом эфире для пущего устрашения) и повели в автозак.

Автозак — это специальная машина для перевозки заключённых. Снаружи она похожа на грузовик, а внутри разбита на много маленьких отделений — на жаргоне они называются «стаканами». Это, по сути, высокий узкий ящик, в котором даже сесть нормально нельзя: колени упираются в противоположную стену. В одном «стакане» ехал я, а в другом — Петя.

В тюрьме мне выдали матрас и велели нести в свою камеру. Камера находилась неблизко, а в руках у меня были ещё вещи, но всё обязательно нужно было унести одновременно. Я взвалил этот матрас на плечи и пошёл. В камере было холодно и очень много комаров. Я заранее решил, что, если меня посадят в тюрьму, буду вести дневник, и сразу сделал первую запись — про комаров.

Хочу вам сказать: никогда я так хорошо не спал, как в ту ночь. Кажется, что в таких обстоятельствах ты должен метаться в четырёх стенах и места себе не находить, но нет — засыпаешь как младенец. Тревожно только перед приговором, а когда он позади — чего нервничать? Я не сомневался, что проведу следующие пять лет в тюрьме. Моя жизнь была предопределена и понятна. Никаких

сюрпризов.

Утром в мою камеру пришли охранники с обходом, спросили, есть ли у меня пожелания. Я попросил принести пару книг из тюремной библиотеки — Льва Толстого. Прошло два часа, но охранники не возвращались, а потом дверь открылась и мне велели с вещами идти на выход.

— Куда, — говорю, — вы меня ведёте?

— На апелляцию.

— Какую ещё апелляцию? Я её даже подать не успел.

— Прокуратура подала.

«Что-то тут нечисто», — начал лихорадочно думать я. Я же юрист, мне прекрасно известно, что так быстро апелляции не бывают.

Меня и Офицерова снова привезли в суд, посадили в «аквариумы» — стеклянные боксы для преступников, — и уже там я узнал, что накануне в Москве прошёл огромный стихийный митинг. Прямой эфир, с помощью которого власти хотели показать, что я виновен, сработал прямо противоположным образом: люди видели, что дело сфабриковано, и пришли в бешенство, когда нам с Петей дали реальные сроки. Потом, когда я добрался до компьютера, я посмотрел фотографии с того митинга и был очень впечатлён: огромная толпа людей собралась в будний день, буквально через пару часов после приговора, на главной улице Москвы — Тверской. Вышли десятки тысяч людей, и все, кто был там в тот день, позже рассказывали мне, каким незабываемым был этот митинг. Я даже начал им немного завидовать.

Прямо во время митинга, пока я, ни о чём не подозревая, писал в камере про комаров, прокуратура выступила

с официальным заявлением: они попросили пересмотреть нашу с Офицеровым меру пресечения и заменить на более мягкую. В российской практике — событие немыслимое.

У меня потом почти в каждом интервью спрашивали: «Как вы считаете, почему это произошло?» Такое ощущение, что все думают, будто я знаю какой-то секрет и в один прекрасный день расколюсь. Но я никаких секретов не знаю и по-прежнему убеждён, что первый приходящий в голову ответ — правильный: Кремль испугался людей. Скорость, с которой люди самоорганизовались и вышли, и их количество вынудили Путина пойти на уступки.

Нам с Офицеровым заменили меру пресечения, выпустив из-под ареста, и мы вернулись в Москву. На вокзале нас встречали сотни человек. Я тут же погрузился в предвыборную кампанию.

Это было как в кино, но при этом парадоксальным образом всё, что тогда происходило, было самой что ни на есть реальной жизнью. Мы окончательно наладили работу штаба и придумали занятия для волонтёров. Нашим изобретением стали кубы — лёгкие конструкции, составленные из баннеров два метра в высоту. Мы использовали их как мобильные точки агитации, ставя в разных районах Москвы. Они привлекали внимание, к кубам подходили люди, читали, что написано на баннерах, разговаривали с волонтёрами, обязательно стоявшими рядом. Куб мог поставить любой желающий — достаточно было связаться со штабом.

Вторым направлением нашей работы стали мои встречи с избирателями. На телевидение и в газеты меня не пускали, так что я решил общаться с людьми лично. Я не

зря написал, что наша кампания была как в кино. Я большой фанат сериала «Прослушка». В одном из сезонов там есть история о том, как герой баллотировался на пост мэра Балтимора. Я объяснил сотрудникам штаба, которые отвечали за организацию этих встреч, что я хочу такую же картину: сцена, стулья для пожилых людей, публика, стоящая вокруг. Наверное, это очень типично для американской избирательной кампании, но в России никто ничего подобного никогда не делал.

Это была самая утомительная работа в моей жизни. Каждое утро я просыпался и думал: «Господи, сегодня опять несколько встреч». Их было от трёх до четырёх каждый день, часто — на разных концах Москвы. Чтобы облегчить мою участь, штаб достал микроавтобус с кроватью и кухней. Предполагалось, что так я смогу отдыхать между встречами, пока меня везут из одного района в другой. Мысль была отличная, но осуществить её не удалось: в «доме на колёсах» ужасно укачивало, лежать я не мог, работать за компьютером — тоже, и через пару дней, не выдержав, я пересел в обычную машину.

Кремль и действующий мэр Собянин, разумеется, пытались мне помешать. На каждую встречу они присылали местных чиновников: «Алексей! Что вы думаете о гей-парадах?»; «Алексей! Что вы думаете о мигрантах?» Власть в России считает, что это «трудные вопросы» и я на них посыплюсь. Однако мне очень помогал мой предыдущий опыт ведения дебатов. Я вообще обожаю дебаты. И это становилось самым ярким моментом моего выступления, элементом шоу, если можно так сказать: в Кремле думали, что мне это мешает, а мне, наоборот, был

очень удобен такой формат. Каждый раз, когда, помимо обычных вопросов от жителей района, я получал «трудный вопрос», я просто вызывал этого человека на сцену и начинал с ним дебатировать. Всем вокруг было ужасно интересно за этим наблюдать, и моя поддержка только росла. Те самые бабушки, которые, по оценке Кремля, не должны были за меня проголосовать, удивительным образом тоже становились моими сторонницами. Они меня видели. Я приходил к ним во двор, меня можно было пощупать, посмотреть на меня, спросить о чём угодно.

Мы почти победили. Я понимаю, что на выборах нет слова «почти», но это, безусловно, стало большой победой оппозиции. Я занял второе место, набрал почти 27,3% голосов — все уже забыли, что такие проценты может получать сила, неподконтрольная Кремлю. В день голосования мы видели по независимым экзитполам, что Собянин набирает 48% — меньше половины, и это означало, что будет второй тур. Я не сомневаюсь, что во втором туре я бы его обошёл, но Кремль не мог этого допустить — Собянин получил 51% и выиграл в первом.

Власть годами создавала иллюзию, будто есть только «Единая Россия» и системная оппозиция, а несистемная оппозиция прозябает на задворках политического поля и никого не представляет. Несмотря на то что я не стал мэром, наша кампания показала: это обман. В России есть большое количество людей, которые не поддерживают Путина и его кандидатов. Они соскучились по настоящей политике, по настоящим выборам. Если правильно их мобилизовать, эти люди готовы активно включаться в избирательную кампанию, работать в штабе, становиться

волонтёрами. Было очевидно, что, если бы нас допускали до выборов, мы бы стали большой и сильной партией, конкурирующей с «Единой Россией» за лидерство в парламенте. Я стал тому живым доказательством: я обычный человек, без денег, без поддержки СМИ и олигархов, который ещё и в тюрьме успел посидеть во время предвыборной кампании, и по телевидению во время судебного процесса меня обвиняли в мошенничестве. А им никто не поверил. Даже несмотря на фальсификации, я уверенно занял второе место в самом большом городе страны. Но, честно говоря, я понимал, что нас больше. Гораздо больше.

Кремль это тоже понимал: на выборы меня больше не пустили ни разу.

Глава 14

2014 год был политически тяжёлым: Путин, терявший популярность последние три года, внезапно захватил Крым и теперь купался в лучах народной любви. Все, кто не разделял восторга, приравнивались к национальным предателям.

Ещё тяжелее он был лично: на моих глазах моего младшего брата Олега, отца двоих детей, заковали в наручники в зале суда и посадили на три с половиной долгих года. Обвинение было ещё более смехотворным, чем в первом уголовном деле против меня, но судебная машина к 2014 году была выдрессирована Путиным идеально и выполняла любые команды. Следователи утверждали, что мы с Олегом похитили двадцать шесть миллионов рублей у французской косметической компании «Ив Роше», якобы завысив стоимость услуг по логистике. Сходство с моим предыдущим делом «Кировлеса» было очевидно: обычная предпринимательская деятельность всё так же приравнивалась к мошенничеству, но если в прошлый раз полицейские нашли хотя бы формального потерпевшего — директора «Кировлеса» Опалева, который с радостью согласился оговорить меня в суде, то в этом деле

потерпевших не было вовсе. Как я уже писал, сложно объяснить людям, живущим в правовом государстве, как подобное вообще возможно, но в путинской России на такие мелочи никто не обратил внимания. Приглашённый в суд представитель «Ив Роше» (между прочим, свидетелем пригласили его не мы, сторона защиты, а обвинение!) заявил, что не имеет к нам претензий, но не произвёл на судью и прокуроров никакого впечатления. Был дан приказ осудить, и путинская машина нас осудила.

По этому делу ещё в феврале 2014 года меня отправили под домашний арест, под которым я провёл почти год. По условиям домашнего ареста мне было запрещено выходить из квартиры — никаких прогулок, ко мне никто не мог прийти, кроме членов семьи, нельзя было пользоваться телефоном и интернетом. На ноге у меня был электронный браслет, передающий во ФСИН (Федеральную службу исполнения наказаний) данные о том, где я нахожусь. Этот браслет постоянно ломался, и ФСИНовцы бесконечно привозили мне новые.

Но я решил не отчаиваться, а наоборот, проводить время с пользой. Буду больше общаться с детьми и займусь спортом. Я даже купил себе велотренажёр: гулять нельзя, так буду хоть на месте педали крутить. Это было моей второй ошибкой: уже через неделю этот тренажёр окончательно превратился в вешалку для одежды. За все десять месяцев я пользовался им всего несколько раз.

А первой ошибкой было ожидание семейной идиллии. Я моментально озверел от постоянного сидения в квартире. Дети и жена моментально озверели от меня. Всех раздражало, что я постоянно дома, включая меня самого.

Спустя месяцев девять я развлекался, разглядывая карту Москвы и думая о том, куда пойду, когда всё закончится. Глядя на это, Юля иронически спрашивала: «Снова гуляешь?» Мне казалось, что поездка в подмосковное Лианозово с детьми — это шикарное развлечение. А вообще, пределом моих мечтаний был остров. Недалеко от нашего дома был парк «Коломенское», где мы раньше часто гуляли всей семьёй. Он располагался на берегу Москвы-реки. Пока я сидел под домашним арестом, я случайно обнаружил на карте неподалёку от парка остров. Я представлял, как круто было бы его исследовать, и завидовал всем остальным людям: они-то в любой момент могли это сделать. Уже потом, когда судебный процесс и мой домашний арест закончились, я специально отправился туда с Захаром осуществлять мечту — оказалось, остров как остров, ничего особенного.

19 декабря состоялось заключительное заседание суда, я и Олег произнесли последние слова. Судья объявила, что вынесет приговор 15 января. Мы разъехались по домам (меня на ведомственной машине туда и обратно возил под конвоем ФСИН). Почти сразу в фейсбуке создали группу митинга 15 января — люди заранее договаривались выйти на улицу в знак протеста против приговора. В том, что он будет обвинительным, не было никаких сомнений. Количество участников росло так быстро, что это, видимо, стало поворотной точкой: Путин не мог допустить такого же митинга, как после приговора по «Кировлесу». Мне и Олегу неожиданно позвонили из суда и объявили, что приговор переносится на другой день — 30 декабря. Под самый Новый год, главный российский праздник. В это

время все или заняты приготовлениями, или вовсе разъезжаются отдыхать — первая неделя января всегда нерабочая.

Помню, как судья зачитывает приговор: «Алексей Навальный — три с половиной года условно. Олег Навальный — три с половиной года...» — я жду, что она добавит: «...условно», ведь не могут Олегу дать более строгий приговор, чем мне, но судья этого не говорит. На наших глазах к нему подходит судебный пристав и заковывает его в наручники, а потом заводит в клетку, весь процесс пустовавшую за нашими спинами. В зале стоит жена Олега, Вика. Одному их ребёнку три года, второму ещё года не исполнилось. Потом приставы выводят Олега из зала, выгоняют журналистов, и Юля с Викой начинают перекладывать вещи из моей тюремной сумки в сумку брата. Тюремная сумка — это огромный баул со всем необходимым на первое время, который ты собираешь заранее. У меня (честнее будет сказать — у моей жены) чёрный пояс по сборам этих сумок, я объездил с ними все спецприёмники Москвы, не говоря уже о кировском СИЗО. У Олега такая тоже, конечно, есть — он советовался со мной, что туда положить, но теперь, когда она в самом деле оказалась нужна, стало понятно, что в ней многого не хватает.

Несмотря на то что судья дала мне условный срок, она отдельно проговорила, что мой домашний арест остаётся в силе. Однако подчиняться этому решению я был не намерен — после ареста Олега мне было всё равно. Из суда меня в квартиру опять повезли ФСИНовцы, но вечером, когда люди, как и за полтора года до того, вышли на

Тверскую, я нарушил свой домашний арест и вышел с ними. Просто вышел из квартиры и прямо с браслетом на ноге поехал в центр. Я не мог отсиживаться дома, когда моего брата отправили в тюрьму.

Людей было много, но всё-таки недостаточно: сказался и перенос приговора, и предпраздничный день, и сильный мороз. Меня очень быстро задержали, но не стали сажать (обычно нарушение домашнего ареста карается отправкой в СИЗО). Полицейские просто отвезли меня домой, обратно под арест, и даже установили охрану — сели на стульчиках под моей дверью и провели так несколько дней. Путин понимал, что для меня это будет гораздо болезненнее: мне полагалось наслаждаться условной «свободой», пока моего брата мучают в тюрьме.

Под домашним арестом я сидеть не стал. Пятого января я разрезал браслет ножницами и выложил его фотографию в твиттер, написав, что соблюдать эти ограничения после приговора не намерен. Следующие пару недель моя жизнь была весьма комичной — каждый раз, когда я выходил из дома, за мной бежали караулившие у подъезда офицеры ФСИН и, снимая меня на камеру, повторяли: «Вы обязаны немедленно вернуться!» Но арестовывать меня они не решались, а потом перестали и бегать.

Однако то, что Олег оказался в тюрьме, стало для моей семьи большим ударом. Я много раз повторял, что нельзя заниматься тем, чем я занимаюсь, без поддержки близких, и все они всегда были рядом — и родители, и жена, и дети. И сам Олег. И теперь все говорили мне, что я ни в чём не виноват, но не винить себя было невозможно: это из-за меня жена Олега плакала. Из-за меня он не увидит детей три

с половиной года. Он оказался в тюрьме за то, что он мой брат. Его взяли в заложники. И если я к аресту был готов — по крайней мере, ясно осознавал для себя такую возможность, имел опыт суток в спецприёмниках, то Олег — нет. Пафосную вещь скажу, но это правда: я думал о нём каждую секунду, которую он провёл в тюрьме.

Олег сидел очень тяжело. В одиночном заключении он провёл два с половиной года, хотя по закону человека нельзя держать так дольше шести месяцев. В его камере было холодно, а у него к тому же специально изымали куртку, чтобы он сильнее мёрз. Олега регулярно отправляли в ШИЗО. На него давили с помощью других заключённых — например, лишали их чего-то, а потом говорили: «Вы страдаете из-за Навального, это он виноват». Его условия содержания постоянно ужесточались — меньше свиданий, меньше передач. И всё это происходило из-за моей деятельности. Каждый раз, когда я нажимал на кнопку, публикуя очередное расследование, я понимал, что своей рукой наношу удар по Олегу.

За все три с половиной года Олег ни разу не пожаловался. Каждый раз, когда его жизнь в тюрьме становилась хуже, он писал мне в письмах: «Не останавливайся. Если ты остановишься, получится, что я сижу зря». Он знал, что я переживаю за него, но всё время просил не беспокоиться.

Он отсидел три с половиной года от звонка до звонка. Нашим надеждам на Европейский суд не суждено было сбыться. Вернее, суд состоялся, и он вынес единственно возможное решение: сказал, что никакого преступления не было. После этого Верховный суд России должен был отменить приговор, а Олега — немедленно выпустить.

Разумеется, этого не произошло. Он так и досиживал свой срок в одиночной камере с решением ЕСПЧ о том, что он невиновен.

Когда он освободился, мы поехали его встречать и в тот же день устроили большой праздник. Однако тюрьма может портить жизнь даже после освобождения: никто не хотел брать Олега на работу, никакой банк, включая иностранные, не открывал ему счёт. В России он осуждённый (да ещё с такой фамилией!), в Европе — politically exposed person, то есть человек, связанный с политической деятельностью. И то, и другое накладывает ограничения. Вести бизнес невозможно.

Но, несмотря на все трудности, Олег продолжает поддерживать меня, и мы по-прежнему очень близки.

Последнее слово по делу «Ив Роше», 19 декабря 2014 года

Сколько раз в своей жизни человек, который не занимается ничем криминальным и противозаконным, может произнести последнее слово? Нисколько, ноль раз. Ну, если ему не повезёт, — один раз. Я же за последние полтора года, два года с учётом апелляций… Это, наверное, моё шестое-седьмое, может быть, десятое последнее слово. Вот эту фразу — «Подсудимый Навальный, вам предоставляется последнее слово» — я уже слышал много раз. Такое впечатление, что с последним словом — для меня, для кого-то, для всех — наступают последние дни. Постоянно от тебя требуют сказать последнее слово. Я говорю это, но, в общем-то, вижу, что последние дни — они не наступают.

И самое главное, что меня в этом убеждает. Если бы я вас здесь сфотографировал втроём, а лучше всех вместе, с представителями так называемых потерпевших… Это те люди, с которыми я общаюсь в последнее время: люди, глядящие в стол. Понимаете, вы все постоянно смотрите в стол. Я с вами всеми разговариваю — вы смотрите в стол, постоянно, все. Вам нечего сказать… [Судья] Елена Сергеевна [Коробченко], какая самая

популярная ваша фраза — вы её точно знаете, — обращённая ко мне? Следователи, прокуроры, сотрудники ФСИН, судьи по гражданским делам, по уголовным… Вы все говорите мне одну и ту же фразу: «Алексей Анатольевич, ну вы же понимаете…» Я всё понимаю, но не понимаю одного: почему вы без конца смотрите в стол?

У меня нет никаких иллюзий. Я понимаю отлично, что никто из вас не вскочит, не перевернёт этот стол, не скажет: «Да надоело всё!» Не встанут представители «Ив Роше» и не скажут: «Убедил нас Навальный своими красноречивыми словами». Человек устроен по-другому. Человеческое сознание компенсирует чувство вины, иначе люди постоянно выбрасывались бы [на сушу], как дельфины. Невозможно просто прийти домой и сказать своим детям, мужу: «Вы знаете, сегодня я участвовала в том, что сажали заведомо невиновного. Я теперь страдаю и буду страдать постоянно». Люди так не делают, они устроены по-другому. Они либо скажут: «Алексей Анатольевич, вы же всё понимаете…», либо они скажут: «Нет дыма без огня». Либо они скажут: «А не надо было на Путина лезть» — так недавно процитировали слова представителя Следственного комитета. «Если бы он не привлекал к себе внимания, не размахивал руками, не мешал бы проходу граждан, наверное, всё бы обошлось».

Но тем не менее для меня очень важно обращаться в эту часть зала, а не только к тем, кто посмотрит или прочитает моё последнее слово. Хотя это может показаться достаточно бесполезным. Люди, смотрящие в стол, — это же, по большому счёту, такое поле битвы между теми жуликами, которые захватили власть, и теми людьми, которые хотят что-то изменить. Мы же бьёмся за людей, которые смотрят в стол, пожимают плечами — и в условиях, когда можно просто не делать какую-то подлость, они её делают.

Есть известная цитата (сегодня все любят кого-то цитировать) из пьесы Евгения Шварца «Дракон»:

— Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чём не виноват. Меня так учили.

— Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Это не обращено конкретно к суду. Огромное количество людей либо вынуждены делать какую-то подлость, либо (и даже чаще всего) [делают эту подлость], когда их никто не заставляет и даже не просит, — они просто смотрят в стол, они пытаются игнорировать всё происходящее. И наша битва за людей, смотрящих в стол, [состоит в том,] чтобы объяснить вам ещё раз, чтобы вы не смотрели, а сами себе признались, что, к сожалению, в нашей

прекрасной стране вся власть, всё, что происходит, основано на бесконечном вранье.

Я здесь стою и готов постоять сколько угодно раз для того, чтобы вам всем доказать, что я не хочу терпеть это враньё, я не буду его терпеть. В буквальном смысле враньё обо всём, от первого до последнего слова, понимаете? Мне говорят, что интересов русских в Туркмении — их не существует, зато за интересы русских в Украине нужно начать войну. Мне говорят, что русских в Чечне никто не обижает. Мне говорят, что в «Газпроме» не воруют. Я приношу документы, [которые показывают,] что у этих конкретных чиновников есть незарегистрированное имущество, есть компании. Они говорят: «Ничего этого нет». Я говорю, что мы готовы прийти на выборы и победить вас на выборах: мы зарегистрировали партию, мы делаем многие вещи. Мне говорят: «Это всё ерунда. Мы на выборах побеждаем, а вы в них не участвуете не потому, что мы вас не пускаем, а потому, что вы неправильно оформили документы».

Всё построено на вранье, на ежечасном вранье, понимаете? И чем более убедительные доказательства чего-либо приносит любой из нас, с тем большим враньём мы сталкиваемся. Это враньё стало не механизмом, который использует государство, — оно стало сутью государства. Мы смотрим выступления первых лиц — там же враньё от первого до последнего слова, в крупных вещах и в мелочах. Вчера выступает Путин и говорит: «У нас нет дворцов». Да мы фотографируем эти дворцы в месяц по три штуки! Выкладываем, показываем. «Нет у нас дворцов...» Нет у нас олигархов, которые кормятся за счёт государства. Да вот же, пожалуйста, документы посмотрите, как руководитель РЖД на кипрские и панамские офшоры уже половину госкорпораций оформил.

Зачем терпеть это враньё? Зачем смотреть в стол? Извините, что я вас в философию уже утягиваю, но жизнь слишком коротка, чтобы в стол смотреть. Я не успел оглянуться — мне уже почти сорок. Не успею оглянуться — внуки. А потом мы все не успеем оглянуться, и мы уже все лежим в постели, а вокруг стоят родственники, которые только и думают: «Скорее бы он уже отдал концы и освободил жилплощадь». И в какой-то момент мы будем понимать, что не имело смысла вообще ничего из того, что мы делали, для чего мы смотрели в стол и молчали. Смысл имеют в нашей жизни только те моменты, когда мы делаем что-то правильное. Когда нам не нужно смотреть в стол, а мы можем честно посмотреть друг другу в глаза, просто поднять эти глаза. А всё остальное смысла не имеет.

Именно поэтому для меня это достаточно болезненная ситуация... И хитрый болезненный формат, который выбрал Кремль в борьбе со мной. Когда не просто меня пытаются посадить, а ещё притянуть каких-то невиновных людей. Офицеров с пятью детьми — я должен смотреть в глаза его жене. Я уверен, что многих людей по «болотному делу» посадили ни за что, просто для того, чтобы устрашить меня и таких, как я, лидеров оппозиции. Сейчас — брата моего. У него тоже жена, двое детей. Сейчас — с родителями. И я должен как-то... Все всё понимают, они меня поддерживают. Я очень благодарен своей семье, но вот эта вещь...

Я признаю, передайте там всем: да, они меня этим, конечно, цепляют — тем, что они вместе со мной ещё невиновных людей паровозом тащат. Может быть, плохую вещь сейчас скажу, но даже взятие заложников меня не остановит. Потому что всё в жизни не имеет смысла, если терпеть бесконечное враньё, если быть согласным со всем, причём без причины. Просто быть согласным, потому что «мы согласны».

Я никогда не соглашусь с той системой, которая выстроена сейчас в стране, потому что эта система направлена на то, чтобы грабить всех, кто находится в этом зале. Ведь у нас всё выстроено таким образом, что существует на самом деле хунта: двадцать человек, которые стали миллиардерами, захватив всё — от госзакупок до продажи нефти. Есть тысяча человек, которые находятся на кормёжке у этой хунты. Не больше тысячи человек, на самом деле: депутаты, жулики. Есть несколько процентов активного населения, которым это не нравится. И есть миллионы глядящих в стол. Я не остановлю свою борьбу вот с этой хунтой. Я буду продолжать, агитировать, баламутить как угодно тех самых людей, которые глядят в стол. Вас в том числе. Я не остановлю этого никогда.

Я не жалею, что тогда позвал людей на несанкционированную акцию. Вот та акция на Лубянке, из-за которой, в принципе, всё началось, — она, прямо скажем, не удалась. Но я не жалею ни секунды, что я её сделал. Я не жалею ни секунды о своих действиях, которые я направил на борьбу с коррупцией, расследования и так далее. Адвокат Кобзев несколько лет назад сказал вещь, которая мне запомнилась. Он сказал: «Алексей, а ведь тебя точно посадят. Ты к ним лезешь таким образом, что они этого не стерпят. Рано или поздно тебя посадят».

Опять же, человеческое сознание компенсирует всё это. Невозможно жить всё время с мыслью: «Меня посадят». Она вытесняется из головы, но тем не менее я отдаю себе отчёт во всём. Я могу сказать, что я не жалею ни

об одном своём действии. Я буду продолжать призывать людей участвовать в коллективных действиях, в том числе реализовывать своё право на свободу собраний.

У людей есть законное право на восстание против этой несправедливой, коррумпированной власти. Этой хунты, которая украла всё, всё захапала. Которая триллионы долларов выкачала из нашей страны в виде нефти и газа — и что мы получили с этого?

Я в этой части повторяю своё последнее слово по «Кировлесу» — пока ничего не изменилось. Мы позволили им, глядя в стол, нас ограбить. Мы позволили эти деньги ворованные инвестировать куда-то в Европу. Мы позволили им превратить нас в скотов. Что мы приобрели, чем они с нами расплатились, чем они расплатились с вами — глядящими в стол? Да ничем. Здравоохранение у вас есть? Нет у вас здравоохранения. Образование у вас есть? Нет у вас образования. Дороги вам дали хорошие? Не дали вам хороших дорог. [Что дали] судебным приставам? Давайте спросим, какая зарплата у секретаря суда. Восемь тысяч. Со всеми наценками — может быть, пятнадцать тысяч. Я сильно удивлюсь, если судебные приставы получают больше, чем тридцать пять — сорок тысяч.

Парадоксальная ситуация, когда десяток жуликов всех нас, вас грабит каждый день, а мы всё это терпим. Я этого терпеть не буду. Повторюсь: сколько нужно будет стоять — в метре от этой клетки, в метре внутри этой клетки — я постою. Есть вещи более важные.

Хотел бы ещё раз сказать: трюк удался. С моей семьёй, с моими близкими. Тем не менее нужно помнить, что они меня поддерживают во всём. Но никто из них не собирался становиться политическими активистами. Поэтому нет никакой нужды сажать моего брата на восемь лет или вообще сажать. Он не собирался заниматься политической деятельностью. Уже принесено нашей семье достаточное количество боли и страданий в связи с этим. Нет никакой нужды усугублять это всё. Как я уже сказал, взятие заложников меня не остановит. Но тем не менее я не вижу, зачем власти этих заложников нужно убивать сейчас.

Я призываю всех абсолютно (может быть, это наивно звучит и над этими словами принято смеяться и иронически ухмыляться) жить не по лжи. Ничего другого не остаётся. В нашей стране сейчас другого рецепта не существует.

Я хочу поблагодарить всех за поддержку. Я хочу призвать всех жить не по лжи. Я хочу сказать, что я уверен абсолютно, что изолируют меня, посадят —

на моё место придёт другой. Ничего уникального или сложного я не делал. Всё, что я делаю, может делать любой человек. Я уверен, что и в Фонде борьбы с коррупцией, и где-то ещё найдутся люди, которые будут продолжать делать то же самое вне зависимости от решений этих судов, единственная цель которых — это придание вида законности. Спасибо.

Пока я сидел под домашним арестом, в моей жизни произошло важное и очень неприятное событие. В марте 2014-го мой блог в «Живом Журнале» заблокировали по требованию Роскомнадзора и прокуратуры. Я просто в один прекрасный день из новостей узнал: «Блог Навального заблокирован». Удалили и сам блог, и даже его перепечатки на других сайтах. Мои подписчики, зайдя на мою страницу, вместо текста видели огромную картинку удивлённого козла и надпись: «Ошибка 451, на территории вашей страны просмотр этой страницы запрещён органами власти».

Для меня это было большой проблемой. За последний год в мой ЖЖ зашло около двадцати миллионов уникальных пользователей. Многие из них делали это ежедневно. Это было особенно важно в тот момент, за три дня до путинского референдума в Крыму и грядущей аннексии. Собственно, Путин тогда решил воспользоваться моментом и устранить многие свои проблемы, в том числе и с независимыми СМИ. За несколько месяцев было уничтожено ещё много ресурсов, блогов и сайтов, включая главное новостное СМИ страны — «Ленту.ру».

С существующими платформами для блогов я решил больше не связываться: всё равно по запросу прокуратуры

они моментально ограничат доступ к моему аккаунту. Мы создали отдельный независимый сайт, и мой блог переехал туда.

Тем не менее в результате блокировки и переезда я потерял больше половины своих читателей. Ведь даже отдельный сайт не решал моей проблемы полностью. Со временем и его могли заблокировать, и сколько бы я ни призывал пользоваться VPN, сколько бы зеркал и обходов блокировок ни придумывал, люди будут лениться. Одно дело — читать мои посты в ленте, другое — прорываться к заблокированному сайту с помощью сложных и неудобных технологий. Надо было как-то исправлять ситуацию: мне важно было снова стать доступным для миллионов россиян. После домашнего ареста я решил попробовать это сделать с помощью видео. Однако тут была проблема: необходимость сниматься в них меня ужасала.

Я люблю писать. Сколько я себя помню, я был человеком текста. А тут всё совсем другое! Ладно ещё набросать сценарий, но ведь его потом надо прочитать на камеру. Плюс видео гораздо сложнее в производстве, чем текст. Нужна целая инфраструктура, специальные люди — операторы, звукорежиссёры, монтажёры, куча техники, света. Студия, в конце концов.

А потом же надо всё отснятое смонтировать — это самая душераздирающая часть. Поначалу для меня не было большей пытки, чем смотреть на самого себя в записи. Особенно на те отрывки, где я пытаюсь что-то изобразить, сыграть, пошутить, — мне это причиняло прямо физическую боль. Если честно, это до сих пор полностью не прошло.

Тем не менее я понимал: видео стало моей единственной возможностью выйти на широкую аудиторию. Если я хочу привлекать новых людей (а я хочу), я должен делать свои ролики, пускай они и заставляют меня страдать. Потому что правда в том, что россияне пришли в интернет, чтобы найти там другое телевидение. А ещё выяснилось, что подавляющее большинство людей (умных людей) вообще не хотят читать. Когда я это понял, я испытал большое разочарование, но такова реальность: люди не любят читать, они любят смотреть.

Вы можете сделать отличное расследование. Написать о нём прекрасный, даже великолепный пост. Он будет очень смешным и остроумным, в нём будет много фактов, фотографий, схем, банковских выписок и прочих доказательств, но прочитает его в лучшем случае миллион человек. А вот если вы снимете видео — обычное видео, где вы сидите за столом на фоне чёрной стены, а рядом с вами появляются те же самые фотографии, схемы и выписки, — вас посмотрит два миллиона человек. Ну а уж если пролететь на дроне над дачей чиновника, написать классный сценарий, сделать прикольную графику — шесть миллионов.

Наше полноценное освоение ютуба началось с расследования про генерального прокурора России Юрия Чайку. Это была история не просто о коррупции, а о союзе прокуратуры и организованного криминала — настоящих бандитов и убийц.

Сначала мы, как обычно, обнаружили, что старший сын генерального прокурора живёт, мягко говоря, не по средствам. Мы нашли у него огромную шикарную

гостиницу в Греции, несколько вилл там же, дом в Швейцарии и иностранные счета. А дальше мы поняли, что существует целая прокурорская мафия. Артём Чайка владел гостиницей вместе с женой заместителя своего отца, а та, в свою очередь, вела бизнес с жёнами двух самых главных бандитов Краснодарского края из так называемой банды Цапков. Эти Цапки несколько десятилетий держали в ужасе целый город: грабежи, рэкет, изнасилования, убийства. Последнее, массовое, обсуждала вся страна. В новостях рассказывали, как банда Цапков ворвалась в дом к местному предпринимателю, убила четырнадцать человек, которые там были, включая младенцев, а потом сожгла трупы. Прокуратура годами прикрывала банду Цапков и отказывалась возбуждать против них уголовные дела.

Когда мы это поняли, мы были совершенно шокированы, но дальше оказалось, что сын генпрокурора сам мог быть замешан в убийстве. Он хотел захватить и присвоить себе речное пароходство в Сибири. Директор пароходства рассказал в интервью, что Артём Чайка шантажирует его и запугивает, а через два дня директора нашли повешенным в собственном гараже. Уголовное дело возбуждать не стали — списали на самоубийство, но протоколы осмотра тела свидетельствовали, что руки у него были связаны, а такие следы на шее могли остаться только при насильственной смерти.

Видео по этому расследованию в первые дни посмотрело больше пяти миллионов человек — небывалые цифры для русскоязычного политического ютуба в 2015 году.

После успеха «Чайки» мы начали иногда выпускать видео

о политических событиях, нашей работе, новостях, но системы в этом не было. Я ленился и, хотя чувствовал, что за ютубом большое будущее, не мог себя заставить записывать ролики регулярно.

Так было до тех пор, пока мы не выпустили очередное расследование про вице-премьера России Игоря Шувалова.

Его образ жизни не вписывался ни в какие рамки разумного. Мы находили у него дворец в Москве, больше похожий на владения какого-нибудь графа, десять квартир в помпезной сталинской высотке с видом на Кремль, гигантскую квартиру в Лондоне за одиннадцать миллионов фунтов прямо на набережной Темзы, виллы в Австрии и «роллс-ройсы».

Но новое расследование потрясло даже нас. Оказалось, что Шувалов увлекается разведением корги, которые тоже живут шикарной жизнью. Они путешествуют по миру с особым комфортом — на частном самолёте. Мы обнаружили бизнес-джет, изучили его маршруты и поняли, что на нём летает не только сам вице-премьер, но и отдельно — его питомцы, которых отвозят на международные выставки.

Это была такая показательная история, что для неё обязательно требовалось видео. Для съёмок мы наняли специального корги-актёра, очень милого пса, который послушно лежал у меня на столе, пока я рассказывал про Шувалова. Потом мы ещё несколько месяцев находили по углам офиса собачью шерсть.

Начиная с этого ролика мы стали делать видео постоянно — пару раз в неделю. Конечно, с телевидением всё равно сложно конкурировать (оно вещает

круглосуточно), но мой канал становился всё более популярным. Еду в метро, а рядом какой-то человек смотрит моё видео на телефоне.

Я жаловался, как трудно начитывать сценарий на камеру, но ужас был ещё и в том, что наши видео становились всё более навороченными. Росли потребности зрителей, росла конкуренция — вслед за нами многие оппозиционные политики и журналисты стали записывать ролики, — и нужно было постоянно придумывать что-то новое.

Теперь мы всё чаще не снимаем видео в студии, а делаем что-то похожее на документальные фильмы. Однажды мы снимали расследование о прокуроре Москвы Денисе Попове. Он годами отвечает за преследование активистов, за задержания на митингах, штрафы, сажает людей за то, что они выходят на мирные протесты. Как и у любого российского коррупционера, семья у него живёт на Западе и ведёт там бизнес. Мы нашли у них в собственности фирму, которая владеет квартирами в Черногории и сдаёт их в аренду. Забронировали одну, поехали в Черногорию и сняли видео прямо в гостях у героя нашего расследования. Когда мы с балкона снимали потрясающий вид на море, на соседнем балконе сидела прокурорская подруга, которая управляет его владениями на месте. Мне пришлось записывать разоблачительное видео почти шёпотом, чтобы прокурор Попов не узнал о нашем расследовании раньше времени.

Это весело, но обычно требует огромной работы. Вот ты приезжаешь на место, ищешь точку для съёмки, красиво выставляешь кадр, читаешь на память абзац текста, а потом начинается дождь, приходится пережидать и начинать

заново. Потом едешь дальше — и всё сначала: ищешь точку, выставляешь кадр, читаешь текст, надеешься, что не ошибся в цифрах. А если в сценарии есть ещё и шутки, это просто катастрофа. Шутку же надо сыграть, надо сделать специально усилие, рассказать её смешно. А она смешная, только когда ты её придумал и произнёс в первый раз. После того как ты произнёс её сто раз, хочется не смеяться, а рыдать. Несчастные мои монтажёры, вынужденные часами отсматривать десятки дублей!

Как я уже писал, стало понятно, что люди очень любят смотреть, а не читать. И тут меня ждало ещё одно мучение — инстаграм. Раньше я его терпеть не мог и считал, что его придумали исключительно для того, чтобы выкладывать туда селфи и фотографии отпуска на море. Это абсолютно не моё (хотя море я очень люблю), и с инстаграмом у меня долго не складывалось. Но я шаг за шагом начал осознавать его потенциал. И решающим фактором стали… женщины. Долгое время аудитория всех наших расследований и проектов на семьдесят процентов состояла из мужчин. Женщины меня не читали, не смотрели, и казалось, что они вообще не интересуются политикой. Но когда я начал вести инстаграм, сразу же выяснилось, что всем в равной степени интересна политика и все одинаково готовы делать что-то вместе — и женщины, и мужчины. Вообще, часто женщины оказываются гораздо круче: их сложнее напугать, они настойчивее, нередко радикальнее.

Сейчас у меня схватка с тиктоком. История как будто повторяется. Я всегда любил читать, но надо было начать писать. Я начал писать и, надо признаться, очень это

полюбил, но всем понадобилось видео. Я стал их снимать. Только привык к видео — теперь нужен инстаграм. Постоянно кого-то просишь: сфотографируй меня так; нет, надо так; нет, с другого угла; нет, тут я странно выгляжу. И тут в моей жизни появился тикток. Когда я его листаю, мне иногда становится стыдно вообще за всё человечество. Но работает же! Куча народа узнаёт политические новости из тиктока. Поэтому теперь я ещё и танцую и иногда открываю рот под музыку. Часто, правда, ворчу, как старый дед, о старых добрых временах, когда люди читали книги, но тиктоки всё равно снимаю.

Моя отдушина — это твиттер. Это моя любимая соцсеть, я очень много туда пишу и всё там рассказываю: вот срочная новость, вот что я о ней думаю, а вот я поел пельменей. Со сметаной.

Глава 15

«Привет, это Навальный. Раз вы на меня подписаны, то вам сообщаю первому: я выдвигаю свою кандидатуру на выборы президента России». Такое письмо 13 декабря 2016 года получили около миллиона человек — те, кто был подписан на какую-то из рассылок Фонда борьбы с коррупцией.

Для меня не стоял вопрос, баллотироваться или нет. Я борюсь за то, чтобы быть лидером страны, поэтому мой долг и обязанность — участвовать в президентских выборах. Я знал, что люди ждут от меня этого решения, и не хотел их подвести.

Я решил, что объявление о выдвижении будет нетрадиционным. Никаких пресс-конференций — первыми о нём узнают мои сторонники.

К тому моменту я уже регулярно записывал ролики, правда, у нас даже студии пока не было — мы снимали в моём кабинете на фоне стены. В этот раз мы хотели, чтобы видео было «президентским». Мы сняли офис в одной из высоток «Москва-Сити» — на чужое имя, потому что запись шла в строжайшем секрете. Утром туда приехала съёмочная группа и привезла тонну аппаратуры. Сотрудники ФСБ, следившие за мной в режиме двадцать

четыре на семь, наверное, с ума сошли от любопытства — зачем это, однако утечки нам всё же удалось избежать.

У меня за спиной было огромное окно с видом на заснеженную Москву, на столике сбоку — фотографии жены и детей. Я взял с собой несколько галстуков на выбор, разного цвета и ширины, и мы сошлись на синем широком. Когда видео вышло, я понял, что сильно недооценил важность этого выбора: «Полностью поддерживаю ваше решение баллотироваться, Алексей, но галстук очень немодный», — негодовали люди в комментариях.

Это короткое видео я записывал несколько часов. Я пробовал и с суфлёром, и без, чтобы добиться большей естественности. Но добился я разве что одного: зубовного скрежета, который издавала вся команда, когда я сбивался и в пятидесятый раз переговаривал фразу. Это было важное видео, и я волновался. Да и время на съёмку у нас было ограничено: тем вечером я должен был лететь в Киров.

Мой приговор по делу «Кировлеса» был признан незаконным Европейским судом по правам человека. Верховный суд России отменил его и сразу отправил дело на пересмотр. В начале декабря должно было состояться новое первое судебное заседание. Суд напоминал плохой ремейк и без того очень плохого фильма. Всё было прежним: тот же зал, те же обвиняемые, те же свидетели, дававшие те же показания, те же журналисты, только судья был другой и мы теперь не ездили на поезде, а летали на самолёте. Я опять стал мотаться между Кировом и Москвой.

Двенадцатого декабря, поздно вечером, прилетев обратно в Москву, я не поехал домой, а отправился в гостиницу. Мы держали ролик в секрете, поэтому

монтировали его очень маленькой командой, в которой не было профессиональных монтажёров. Номер в гостинице был снова взят на подставное имя, и мы даже задёрнули шторы, чтобы с улицы нас не мог снять дрон. Мои коллеги заранее привезли туда огромный компьютер, и мы сидели вокруг него в полутьме, пытаясь на ходу освоить программу для видеомонтажа.

На следующий день видео было разослано нашим сторонникам, а через час я публично объявил, что выдвигаю свою кандидатуру на пост президента. За первый день мы собрали больше шести миллионов рублей: по тем временам — абсолютный рекорд. Тысячи людей по всей стране захотели присоединиться к кампании.

В Кремле видео тоже посмотрели — сразу после моего выдвижения за мной начала ездить группа сотрудников ФСБ. Они будут следовать за мной по стране три года, наблюдая и ожидая приказа убить.

Процесс по делу «Кировлеса», и так стремительный, двинулся ещё быстрее. По закону осуждённым по тяжким статьям баллотироваться запрещено. Моя прошлая судимость по делу «Кировлеса» была снята, а дело «Ив Роше» не мешало мне участвовать в выборах. Власти не хотели повторять ошибку 2013 года, когда на мэрских выборах я даже в условиях фальсификаций получил большое количество голосов. Им нужны были формальные основания не допустить меня, на которые они могли бы при необходимости сослаться.

Восьмого февраля нас с Офицеровым осудили по тому же делу во второй раз. Весь процесс затевался якобы для «пересмотра» приговора, но в итоге мы получили те же

самые сроки — пять лет и четыре года условно, а текст нового приговора совпадал со старым вплоть до опечаток.

Меня это не остановило. Все последние годы специально под меня принимали много репрессивных законов — на одном суде кто-то даже пошутил: «Навального судят по специальному УПК». Я прекрасно понимал, что решение о допуске меня на выборы будет приниматься не в зале Центральной избирательной комиссии, а в Кремле. Важно было создать такой уровень давления общества на власть, чтобы они были вынуждены меня допустить. На это у нас был год: выборы должны были состояться в марте 2018-го, официальное выдвижение кандидатов — в декабре 2017-го.

Как и в 2013 году, я шёл на выборы без особых денег и находясь в «чёрных списках» СМИ. Зато у меня была отличная команда и сотни тысяч активных сторонников по всей стране. Значит, решил я, мы и деньги можем собрать, и стену цензуры пробить. Кампанию снова возглавил Леонид Волков. Мы решили провести региональный тур невиданных до этого масштабов — объехать со встречами все крупные города страны. Запустить еженедельное онлайн-шоу. Передача «Навальный в 20:18», выходившая в 20 часов 18 минут каждый четверг, быстро стала самым популярным онлайн-стримом страны.

Я поехал по российским регионам. До меня никто подобного не делал. Это сложно: расстояния между городами огромные, а транспортной доступности нет. Чтобы из сибирского города Томска добраться в сибирский город Омск, надо лететь через Москву (мне, впрочем, удалось однажды совершить перелёт между этими городами напрямую, но там были особые обстоятельства).

Мы много ездили на поездах и электричках, а чаще всего — на арендованных микроавтобусах. Это немного напоминало тур музыкальной группы: сегодня выступление в одном городе, завтра — в другом, и вот мы едем в темноте по разбитой дороге, часть команды спит, часть готовится к следующему выходу.

На самом деле я приуменьшил: выступлений у нас было больше. Иногда и по два в день.

Каждый четверг вечером я выходил в прямой эфир на ютуб-канале «Навальный LIVE», а в пятницу рано утром мы выезжали. Возвращались обычно в понедельник.

На самом деле «региональных турне» (так мы их называли) было два — сначала весной, потом осенью. Весной мы открывали штабы. В восьмидесяти двух городах России мы открыли центры нашей кампании: сняли офисы, наняли координаторов и по паре сотрудников, которые должны были организовывать работу волонтёров в этом городе. Это было похоже на партийные ячейки, хотя зарегистрировать партию нам не давали.

Штабы Навального — самая разветвлённая и быстрорастущая оппозиционная сеть в стране — наглядно показывали, что в Кремле нас опасаются не зря. Даже после завершения кампании штабы в сорока крупнейших городах продолжали работать на протяжении нескольких лет, пока меня и моих сторонников не объявили экстремистами. Многие сотрудники штабов стали популярными политиками в своих регионах. Лилия Чанышева в Уфе и Ксения Фадеева в Томске — одни из самых ярких региональных координаторов и пример того, какими вообще должны быть настоящие политики: необыкновенно

работоспособные, искренне преданные делу, толковые организаторы, а главное, честные люди. В Кремле их тоже заметили. Сейчас, когда я пишу эти строки, против Лилии и Ксении сфабрикованы уголовные дела.

Но я отвлёкся. Весной я ездил по регионам и открывал штабы — встречался с местными волонтёрами, выступал перед ними, отвечал на вопросы. Как иначе люди захотят присоединиться к моей кампании? Московские политики любят рассуждать про бедный российский народ, только мало кто из них бывал в Бийске. Да что там, большинство из них и в Ижевске не бывало. Мне же казалось, что нельзя претендовать на лидерство в стране, которую не знаешь досконально.

Я объявил, что доеду до всех крупных городов. И поехал. Где я только не выступал — в компьютерном клубе, в ангаре, в чистом поле. Перед началом встречи я здоровался с каждым пришедшим за руку, в конце — фотографировался. В крупных городах волонтёров было очень много: в Перми, например, пришла тысяча человек — настоящий митинг, хотя и под крышей. Одно только фотографирование растянулось на три часа. Под конец кампании можно было уже запускать курс «Молниеносное селфи».

Осенью я поехал во второе турне — теперь я не открывал штабы, а встречался с избирателями. Это были митинги: часть моих коллег приезжала заранее, ставила сцену и звук, и я выступал — произносил речь, а потом отвечал на вопросы.

Люди думают, что выступать мне легко. Наверное, я и правда произвожу такое впечатление: громко кричу,

размахиваю руками. На самом деле это заблуждение. И даже тот факт, что на региональных митингах я часто повторял одни и те же слова, не делал ситуацию проще.

А вот ответы на вопросы — это совсем другое дело! Пока ты произносишь речь, тебе очень сложно понять реакцию людей, но стоит начаться вопросам, как всё встаёт на свои места. Завязывается диалог, ты сразу понимаешь, какие темы беспокоят жителей региона больше всего. Конечно, я готовился к каждому выступлению, коллеги составляли мне справки о местных проблемах, но только когда у меня с людьми начиналось живое обсуждение, я чувствовал себя по-настоящему свободно.

Люди были разные. Кто-то приходил просто поглазеть — приехал политик из Москвы! Пусть не из телевизора, а из интернета и даже как бы запрещённый, но так даже интереснее. Кто-то приходил задать мне хитрый вопрос. Кто-то приходил, потому что был моим давним сторонником. Иногда приходили местные депутаты «Единой России» — они пытались со мной спорить, выкрикивая что-то из толпы. Как вы помните, этих людей я люблю особенно: я сразу же приглашал их на сцену и начинал дебатировать с ними при всех. Обычно под конец нашего разговора даже самые суровые и недоверчивые местные жители ко мне теплели.

Несмотря на то что митинги проходили по-разному (где-то я сразу чувствовал, что все настроены дружелюбно, где-то приходилось постараться, чтобы расположить публику к себе), я быстро выяснил, что есть несколько тем, которые способны растопить самый толстый лёд. Одна из них — долги, которые Путин прощает другим странам. Обещание,

что, став президентом, я прекращу прощать долги, неизменно во всех городах вызывало бурное одобрение. Другая тема (самый главный хит!) начиналась с моего вопроса: «Какая средняя зарплата у вас в регионе?» «Двенадцать тысяч», «пятнадцать тысяч» — отвечали мне чаще всего. «А знаете, — говорил я, — какую среднюю зарплату у вас насчитал Росстат? Сорок пять тысяч. Похоже это на правду?» За этим всегда следовал взрыв хохота, переходивший в разъярённые крики. Не было ни одного города, где официальная зарплата совпала бы с реальной — да что там, хотя бы превысила её меньше чем в два раза.

Несмотря на очень напряжённый график, эти поездки давали огромную отдачу. Люди ценили, что к ним приехал кандидат в президенты, часто выкладывали фотографии со встреч в инстаграм и тем самым расширяли мою аудиторию. Кроме того, мне были нужны голоса старшего поколения. Как до них достучаться без телевизора? Только встретиться лично.

Я ездил — а за мной ездила группа отравителей. Но если они скрывались, то были у нас и гораздо более заметные преследователи.

В Кремле быстро поняли, что даже без денег и доступа в СМИ мы ведём успешную кампанию, и перешли к наступлению. В каждом городе разворачивался стандартный сценарий: нанятые администрацией президента люди закидывали меня яйцами прямо в аэропорту. Потом часто и на митинге. Соскребать скорлупу с куртки было не очень приятно; через пару поездок я начал брать с собой дополнительный комплект одежды. Но это были мелочи. В Волгограде на штаб во

время моей встречи с волонтёрами напали человек тридцать казаков и местных бандитов. Они попытались вытащить меня из помещения штаба — в буквальном смысле. Мои сторонники тащили меня за руки внутрь, казаки за ноги — наружу, а я думал: ведь так в древности людей казнили — привязывали к двум лошадям и пускали их в разные стороны. Эти ощущения трудно забыть.

Местная полиция тоже старалась: наши микроавтобусы регулярно останавливали на дорогах гаишники под предлогом «антитеррористической операции», и мы, уставшие, голодные и злые, были вынуждены сидеть часами, пока они проверяли наши паспорта. Другой распространённой тактикой борьбы с моими встречами было объявление, что здание заминировано. Мы тратили много усилий, чтобы найти подходящее помещение, а в последний момент к нам приходила полиция и требовала от всех разойтись — якобы они ищут бомбу. Ещё угрожали собственникам, и те отказывались сдавать нам помещения. Так моими трибунами для выступлений оказались такие экзотические места, как детская горка, лавочка и огромный сугроб.

Например, в Барнауле нас не пустили в заранее снятое помещение — арендодатель испугался большого скопления людей. Мы стояли на улице: я, моя растерянная команда и сотня волонтёров. Отменять встречу я не собирался. Было 20 марта, в Барнауле ещё лежал снег — проезжую часть расчистили, а на обочинах остались огромные сугробы. На один такой сугроб я и залез и оттуда провёл встречу с волонтёрами.

Впрочем, стоит упомянуть, что выступал я там не просто

так, а с ярко-зелёным лицом. Перед встречей ко мне подбежал какой-то человек — как будто сторонник — и, когда я радостно протянул ему руку, плеснул мне чем-то в лицо. Глаза так жгло, что в первую секунду я подумал: «Кислота». Но это оказалась просто зелёнка. За исключением того, что лицом я напоминал что-то среднее между Фантомасом и Шреком, ничего страшного не произошло, и я очень развлёк всех, выступая в таком виде. После Барнаула я сразу поехал в Бийск — соседний город, где у меня была запланирована вторая встреча за день. Селфи со мной в этих двух городах были самыми модными.

Зелёнка смылась только через три дня.

В ход шли и другие методы. Например, в один прекрасный день к нам в московский штаб завалилась группа странных девиц. Мне, впрочем, повезло — меня там не было. Представьте: сидят люди, работают, всё спокойно, и вдруг с улицы врывается несколько женщин, одетых в латексные трусы, эротические костюмы полицейских, с дубинками, плётками и наручниками. Они нагло себя ведут, пристают к обалдевшим сотрудникам и снимают всё на камеру. И вот что с ними делать? Звонить в настоящую полицию странно, да и не поможет. Мои коллеги их как-то вежливо вывели. Конечно, потом видео, которое девушки снимали, появилось во всех прокремлёвских СМИ.

Мне очень любопытно было узнать, кто конкретно их подослал. Я попросил главу нашего отдела расследований, Марию Певчих, разобраться, что это за девушки и откуда они взялись. Найти их соцсети оказалось проще простого. Главарём их эротической банды была девушка из Беларуси по прозвищу Настя Рыбка. В Москве она занималась

эскортом, а параллельно имела дело с кремлёвскими политтехнологами. В своём инстаграме, помимо обнажённых снимков, Настя выкладывала рассказы о том, как она соблазнила олигарха. И совместные фотографии с абсолютно реальным олигархом тоже выкладывала, причём в таком количестве, что было ясно: о подделке речи нет. Олигархом был Олег Дерипаска. Его личная жизнь нас мало беспокоила, и можно было бы забыть об этой находке, если бы не одно «но»: на одном из видео с яхты, где Настя Рыбка отдыхала с Дерипаской, Мария заметила действующего зампреда правительства Сергея Приходько. Он появлялся буквально на пару секунд, потом ещё несколько секунд было слышно его голос, но работа нашего отдела расследований как раз и заключается в том, чтобы с ходу опознавать таких людей. Приходько был очень влиятельным чиновником в сфере международных отношений, побывал советником Ельцина, потом Путина, потом возглавлял аппарат Медведева. И вот он катается на яхте олигарха Дерипаски в компании десятка проституток — пример коррупции как из учебника. Мы сняли расследование, и его посмотрело больше десяти миллионов человек.

На том коротком аудиофрагменте беседы Дерипаски и Приходько, который попал в инстаграм Насти Рыбки, слышно, что они обсуждают отношения России и США. В частности, Викторию Нуланд, тогда — помощника Государственного секретаря по делам Европы и Евразии. Незадолго до того, как мы опубликовали это расследование, в США как раз прогремела история о том, что глава предвыборного штаба Дональда Трампа, Пол Манафорт,

получал миллионы долларов от Дерипаски, а сам рассказывал ему, что происходит в штабе. Этот эпизод стал одним из доказательств вмешательства России в выборы в США. Я тогда скептически к этому относился: ну какие рассказы? Вряд ли Дерипаска вообще общается с Путиным. А тут понял, что так это, видимо, и работало: вот же, прямо на яхте сидит чиновник путинского правительства и внимательно слушает. Так, благодаря глупой провокации этих девиц в нашем офисе, случился наш российский почти-Уотергейт. Стоит ли уточнять, что, в отличие от настоящего Уотергейта, последствий для участников никаких не наступило.

В общем, несмотря на все усилия Кремля, их план не работал. А такие атаки на нас только привлекали внимание, и наша поддержка росла.

27 апреля 2017 года, Москва. Выхожу из офиса — бум — ничего не видно, глаза жжёт нестерпимая боль. Первая мысль: «Теперь точно кислота». Останусь монстром до конца своих дней. Но, когда я отнял руку от лица, я увидел, что она зелёного цвета: фух, нет, снова зелёнка.

Один глаз ничего не видел. Сначала я попытался умыться, тем более что после барнаульского случая я стал большим специалистом по оттиранию зелёнки и у нас в офисе хранились на всякий случай и мицеллярная вода, и муравьиный спирт (лучшее средство), но получалось у меня неважно. Правый глаз был ярко-зелёным, выглядел ужасающе и болел всё сильнее. Мы вызвали врача, мне наложили повязку и сказали, что нужно срочно ехать в больницу. Но это был четверг — у меня передача, и если они хотят таким образом мне помешать, то у них ничего не

получится: я выйду в эфир хоть зелёный, хоть одноглазый.

Вся моя одежда была залита зелёнкой. Я переоделся в толстовку из нашего магазина мерча и с зелёным лицом, с опухшим, неоткрывающимся глазом сел перед камерой.

В тот вечер мою передачу смотрело в прямом эфире несколько десятков тысяч зрителей, а в общей сложности — два миллиона человек. Однако глаз, который, как я про себя надеялся, должен был постепенно пройти, не проходил. На следующий день врачи сказали мне, что, вероятнее всего, спасти зрение не удастся. В зелёнку была специально подмешана какая-то ядовитая жидкость — у меня был ожог роговицы.

Несколько дней я сидел в комнате с зашторенными окнами — свет сильно резал глаза. Следующий четверговый эфир я провёл с чёрной повязкой, как у пирата: мне сказали, что от ярких эфирных ламп моему глазу точно придёт конец. Операцию можно было сделать в Испании — там есть оборудование, которого нет в Москве, но я не мог выехать из России: к тому времени мне уже шесть лет отказывались выдавать загранпаспорт.

Нападение с зелёнкой попало на камеры, и лица нападавших были отлично видны. Уже через день было известно, что это группа провокаторов, контролируемая Кремлём. Я сразу подал заявление о преступлении, но дело, конечно, не возбудили. Несмотря на то что имена и даже адреса нападавших мгновенно разлетелись по интернету, полиция говорила, что установить их личности «не представляется возможным».

Однако в тот раз Кремль всё-таки понял, что переборщил. Думаю, сказалось всё сразу: бездействие полиции,

негодование моих сторонников. Стало ясно, что нападение меня всё равно не остановит, а поддержка только возрастёт. И тогда, как по мановению волшебной палочки, мне за один день вдруг выдали многострадальный загранпаспорт. В Барселоне мне сделали операцию, зрение удалось сохранить.

Существовали и другие способы препятствовать мне вести кампанию: согласитесь, непросто её вести, когда кандидат сидит, а я не вылезал из спецприёмников. За тот год я провёл под арестом два месяца (эта практика так понравилась Кремлю, что в следующем году я провёл там уже три). Во время президентской кампании первый раз меня посадили за митинг «Он вам не Димон».

---

26 марта 2017 года. Москва просыпается и читает удивительные новости, приходящие с востока страны: тысячи людей вышли на улицы Владивостока, потом Хабаровска, потом Новосибирска и Екатеринбурга. Они держат в руках цветные кроссовки и жёлтых надувных уточек. В Москве и Петербурге на улицах десятки тысяч человек, включая меня. Правда, митинговал я недолго — минут пять, может быть, и меньше. Поздравив сына Захара с днём рождения, я вышел из дому, успел доехать до Пушкинской площади, а там меня почти сразу скрутили и запихнули в автозак. Впрочем, уехать ему оказалось непросто: протестующие стеной окружили полицейский автобус и заблокировали дорогу.

Это были первые в истории России массовые митинги, спровоцированные расследованием о коррупции. Видео вышло 2 марта 2017 года. Оно называлось «Он вам не Димон», и в нём я рассказывал о коррупции Дмитрия Медведева, тогда — премьер-министра, до того — президента. До 2008 года Медведев был главой правительства, но потом они с Путиным поменялись местами. Путин тогда не стал нарушать Конституцию и идти на третий срок подряд, но и власть при этом отдавать не собирался. Была придумана незамысловатая комбинация, где президентом становится Медведев, ближайший друг и соратник Путина ещё со времени его работы в мэрии Санкт-Петербурга, а Путин становится премьером. По прошествии четырёх лет президентского срока они совершили рокировку и поменялись обратно.

Во время президентства Медведева было очевидно, что его власть — фальшивка: Путин как управлял страной, так и управляет. А над Медведевым все посмеивались. Он притворялся очень либеральным, обожал всякие новые технологии, гаджеты, интернет, сам вёл твиттер и инстаграм, что по меркам российских чиновников сродни полёту на Луну. Путин, к слову, не то что не ведёт соцсети — он вообще не знает, как пользоваться компьютером, а интернет называет проектом ЦРУ. Единственным сохранившимся «достижением» Медведева после четырёх лет у власти стало переименование милиции в полицию.

В общем, Медведева никто не воспринимал всерьёз. Он казался безобидным и нелепым. К нему намертво прилипли эпитет «жалкий» и прозвище «Димон». Его пресс-секретарь совершенно серьёзно требовала в интервью, чтобы

в интернете Медведева Димоном не называли, настаивая, что её начальник — серьёзный и крутой.

Поэтому наше расследование мы из принципа назвали «Он вам не Димон». Медведев оказался вовсе не смешным чудаком, а настоящим коррупционером, и очень впечатляющего масштаба: он использовал сеть благотворительных фондов, чтобы получать через них деньги от олигархов и записывать на них свои роскошные дома. Мы тайком съездили к каждому из них, запустили из укрытия дрон, а потом в видео во всех подробностях показали, как на самом деле живёт Медведев. У него нашлось гигантское поместье на Волге, в старинном городе Плёсе. Посреди большого пруда около его особняка был построен небольшой домик для уточки. Не знаю, почему эта деталь так впечатлила наших зрителей, но уточка навсегда стала одним из символов будущих антикоррупционных протестов вообще.

Другим символом стали кроссовки: всю коррупционную схему Медведева мы вычислили благодаря им. В 2014 году группа хакеров взломала почтовый ящик премьер-министра и опубликовала письма. Мы подробно изучили их и выяснили, что Медведев просто обожает кроссовки. Он заказывал их десятками, а доставляли их на адрес управляющего директора одного из «благотворительных» фондов. Так мы смогли доказать его связь с Медведевым, а за этим открытием потянулись все остальные — шале в Красной Поляне, поместье в Курской области, виноградники в Тоскане и в Анапе.

На один из «благотворительных» фондов Медведев записал огромный дом на Рублёвке, в самом дорогом

районе Подмосковья, где живут чиновники и олигархи. Дом этот медведевскому фонду подарил олигарх Алишер Усманов. После нашего расследования к обсуждению неожиданно подключился и сам Усманов: он записал чуть ли не самое странное видео, какое мне приходилось видеть в жизни. Оно называлось «Тьфу на тебя, Алексей Навальный». Один из самых богатых людей на планете, сидя на своей знаменитой яхте «Дильбар» за шестьсот миллионов долларов, говорил, что он, в отличие от меня, «живёт в счастье», обзывал меня лузером и неучем.

Сам Медведев на расследование о себе отреагировал не менее странно. Во время посещения мясокомбината «Тамбовский бекон» он дал спонтанную пресс-конференцию, где назвал наше расследование чушью, мутью и компотом, но не объяснил, откуда у него все эти дачи, виноградники и фонды. Зато обвинил меня в том, что я не просто коррупцию расследую, а бессовестно пытаюсь заставить людей избрать меня президентом. Учитывая, что к тому времени я уже почти четыре месяца вёл активную избирательную кампанию, это было не очень шокирующее открытие.

Хоть я и пишу, что реакции на наше видео не последовало, мы получили очень красноречивый ответ — просто немного в другой форме. 26 марта, когда по всей России шли митинги, мои коллеги вели онлайн-трансляцию из нашего офиса. Люди прямо с протестных акций присылали нам фотографии, видео, а мы всё это показывали в прямом эфире.

В разгар трансляции, которую одновременно смотрели сто пятьдесят тысяч человек, в нашем офисе отключили

электричество. Потом туда ворвались полицейские с собаками, задержали находившихся там сотрудников, забрали и вынесли всю технику — компьютеры, камеры, свет, микрофоны. Ничего из этого нам, конечно, никогда не вернули: как я уже писал, это была осознанная тактика Кремля, чтобы нас разорить. Тринадцать сотрудников, которые обеспечивали трансляцию, отправились прямиком в спецприёмник.

Наше расследование навсегда уничтожило политическую карьеру бывшего президента Медведева. Но это было не главное наше достижение: расследование про Медведева стало поворотным моментом вообще для всего оппозиционного движения в России. Когда через десять дней после его публикации я записал обращение с призывом выходить на улицы и требовать ответов, многие отнеслись к этому скептически. Считалось, что массовые митинги по всей России невозможны — они бывают только в Москве и Санкт-Петербурге. Но 26 марта акции протеста прошли более чем в ста городах. Это доказывало, что антикоррупционная повестка — главный объединяющий фактор, способный консолидировать в России людей даже с очень разными политическими взглядами. Часть этих митингов была организована нашими штабами, часть — просто волонтёрами на местах. Восемьдесят процентов участников — молодёжь, которая раньше не то что на митингах не бывала, а вообще политикой не интересовалась.

Я очень горжусь этим достижением: мы увлекли политикой целое новое поколение — инициативных, смелых, способных к самоорганизации молодых людей,

которые искренне недовольны тем, что происходит в стране, и готовы за свои взгляды выходить на улицы.

Президентская кампания превзошла всё, что мы делали раньше. Сотни людей работали над ней каждый день, а сотни тысяч — поддерживали, помогали, переводили деньги, распространяли расследования и выходили на митинги.

24 декабря 2017 года состоялось моё официальное выдвижение в кандидаты на пост президента. По закону, если ты самовыдвиженец, тебя должна выдвинуть группа избирателей численностью не менее пятисот человек. Путина в Москве выдвигала группа, состоявшая из чиновников, спортсменов и актёров. Моё же выдвижение мы решили провести сразу в двадцати крупнейших городах. Мы прекрасно понимали, что одну встречу нам запросто сорвут, поэтому подстраховались. На выдвижение в каждом городе могли прийти все желающие, но в Москве мы лично приглашали волонтёров, которые уже участвовали в нашей кампании: если бы мы пригласили всех, то просто не успели бы провести процедуру выдвижения за один день.

До последнего было непонятно, где пройдёт выдвижение в Москве — с помещениями, как обычно, были сложности. Сначала владельцы радостно соглашались и говорили, что они меня очень поддерживают, а на следующий день перезванивали: «Ой, извините, что-то у нас не получится». В конце концов мы решили проблему радикально: раз все отказывают нам в помещении, мы возведём его сами. Мы арендовали огромный шатёр, установили его на пляже в парке «Серебряный Бор» и в последний момент разослали

волонтёрам приглашения.

Утром, к тому моменту, как я приехал в Серебряный Бор, первые встречи уже прошли на Дальнем Востоке. Забегая вперёд, скажу: нам удалось провести их все — ни одна не сорвалась, несмотря на полицию, которая считала их несогласованными митингами. По всей стране в них приняло участие больше пятнадцати тысяч человек.

Год кампании — поездок, встреч, агитации, — и вот перед тобой полный зал людей, семьсот человек. Юрист ФБК Иван Жданов произносит: «На голосование выносится вопрос о выдвижении Алексея Навального кандидатом на пост президента России. Кто за?» — и все одновременно поднимают руки. Дух захватывает, и тебя переполняет благодарность и чувство ответственности — перед теми, кто работал с тобой всё это время, кто голосует сейчас за тебя в этом зале, кто поддерживает тебя по всей стране. Я гордился тем, что я кандидат всех этих смелых и честных людей.

Стоя на сцене с женой, детьми и моими соратниками, я произнёс речь, в которой сказал, что мы идём на выборы побеждать, потому что мы — самая многочисленная оппозиционная сила в стране. Но если так случится, что нам откажут в регистрации, то я призову к бойкоту выборов.

В тот же день в девять вечера мы подали документы о моём выдвижении, а на следующий нас пригласили на встречу: это означало, что ЦИК уже вынес решение. Глава Центральной избирательной комиссии Элла Памфилова восседала в президиуме в окружении своих подчинённых. Она надменно сказала, что мне отказано в допуске

к выборам на основании приговора по делу «Кировлеса». К этому моменту дело было уже во второй раз передано в ЕСПЧ, а значит, вот-вот должно было последовать решение об очередном его пересмотре. «Я двенадцать лет в советское время на производстве отпахала, а вы зарабатываете тем, что собираете деньги незаконным образом и оболваниваете молодёжь», — заявила мне Памфилова. Эти слова, которые тогда не могли вызывать ничего, кроме недоумения (какое это отношение имеет к процедуре моего выдвижения?), предвосхитили сразу два моих уголовных дела — о «вовлечении несовершеннолетних в противоправные действия» (так власти назвали участие молодых людей в митингах) и о «сборе средств на финансирование экстремизма» (экстремизмом они назвали мою президентскую кампанию). По второму обвинению мне прямо сейчас, когда я уже сижу в тюрьме, грозит тридцать лет.

После того заседания я, как и обещал, призвал избирателей бастовать — не просто бойкотировать выборы, а ещё и активно агитировать за этот бойкот и записываться в наблюдатели. Мы смогли выставить на выборах тридцать три тысячи наблюдателей. И явку, и результат Кремлю пришлось подделывать у них на глазах — видео с фальсификациями был потом завален весь интернет.

Но даже несмотря на то, что меня не допустили до участия в выборах, эта кампания позволила нам перешагнуть на новую ступень. Организованная нами сеть штабов стала постоянно действующей инфраструктурой оппозиции. И это была оппозиция нового типа — способная вывести людей на улицы в любом городе, участвовать

в выборах и побеждать на них.

Глава 16

«Власть в России сменится не в результате выборов», — эту фразу я произнёс в интервью ещё в 2011 году. Однако нельзя отрицать, что, во-первых, в преддверии выборов всеобщее внимание приковано к политике и этим нужно пользоваться, а во-вторых, власть в этот момент всегда очень уязвима. Мы видели это всё в том же 2011 году — «Единая Россия» выиграла с помощью фальсификаций, но это сразу привело к большим протестам.

Тогда, в 2011-м, я призывал голосовать за любую партию, кроме «Единой России». В 2018-м, после того как меня не допустили к президентским выборам, я призывал к бойкоту. Меня за это много критикуют, считая мою позицию непоследовательной, но на самом деле она совершенно логична: всегда следует использовать выборы, чтобы нанести Кремлю максимальный урон.

В конце 2018 года мы придумали новую стратегию — «Умное голосование». С её помощью мы собирались разрушить монополию «Единой России». Раньше это никогда не получалось: кандидат от путинской партии на выборах набирал минимум 25–30% голосов, а оставшиеся голоса дробились между представителями системной

оппозиции. Кремль ревностно следил за тем, чтобы «системные» не договаривались между собой, — перед каждыми выборами начинались ссоры, делёж округов: все хотели выдвигаться в «хороших» округах, и это приводило к тому, что в центральных районах баллотировалось сразу по несколько оппозиционных кандидатов, которые перетягивали друг у друга голоса и таким образом помогали избраться единороссу. Если политики не могут договориться между собой, пусть договорятся избиратели.

Идея была в том, что наш штаб выбирал «второго по силе» кандидата и призывал всех голосовать за него, отбросив идеологические разногласия. В своём анализе мы использовали результаты прошлых выборов и мнения экспертов, которые разбираются в местной политике. Почти всегда вторым по силе кандидатом оказывался коммунист. В этой книге я исписал немало страниц, рассказывая о своей нелюбви к коммунистам, но тут ситуация была другая: я не желал победы коммунистам, я желал поражения «Единой России».

Летом 2019 года мы тестировали «Умное голосование» на выборах в Московскую городскую думу. Я не мог избираться, но многие из моих коллег и соратников — могли. Наш план мы объявили за несколько месяцев до выборов и получили большое одобрение. Конечно, находились и недовольные: «Я двадцать лет голосовал за партию „Яблоко“ и продолжу голосовать за партию „Яблоко“, несмотря ни на что!»; «Коммунисты?! Эти людоеды?! Никогда». Я терпеливо разъяснял, что в нашем положении можно проголосовать и за табуретку — она и то будет лучше, чем единоросс. Второй мой аргумент состоял

в том, что чем больше неединороссов окажется в Думе, тем смелее они станут. Когда их меньшинство, они не решаются пойти наперекор «Единой России», но всё может измениться, если они почувствуют свою силу.

Кремль быстро понял, что наша тактика пользуется популярностью и осенью их ждёт разгром. Поэтому они использовали уже отработанный метод: просто отстранили от участия всех самых популярных кандидатов, причём не просто отстранили, а и арестовали большинство из них на месяц (некоторых — на дольше).

Независимые кандидаты бились до последнего. Любовь Соболь была одной из них. Когда чиновники отказались регистрировать её кандидатуру на выборах, она в ответ объявила голодовку и отказалась покидать помещение избирательной комиссии. Видео, на котором Соболь выносят из здания вместе с диваном, стало символом той кампании.

Выборы в Мосгордуму, которые ещё за пару месяцев до того вызывали у всех только зевоту, приковали к себе внимание всей страны. Массовый недопуск независимых кандидатов привёл к огромным уличным протестам в Москве. Против нескольких протестующих были возбуждены уголовные дела, чаще всего — по статье «Применение насилия в отношении сотрудника полиции». «Насилием» объявляли, например, брошенный в омоновца пустой бумажный стаканчик. Это была важная веха в истории российского протеста — не только потому, что к нему присоединились совершенно новые люди, но и из-за ужесточения репрессий. В 2017 году за участие в митинге ты получал пятнадцать суток спецприёмника. В 2018-м —

уже тридцать суток. Начиная с 2019-го ты рисковал провести в тюрьме годы.

Выборы состоялись в сентябре. Даже несмотря на то, что настоящих кандидатов отстранили, «Умное голосование» сработало. Количество депутатов от путинской партии уменьшилось — было сорок, стало двадцать пять. Нам даже удалось лишить мандата главу «Единой России» в Москве. Мы смогли избрать несколько по-настоящему оппозиционных депутатов, которые теперь открыто критиковали и мэра Москвы, и президента Путина прямо с трибуны столичной Думы. Вместе с ними (так уж работает «Умное голосование») избрались и несколько вообще ничего не подозревающих людей, которые были выставлены техническими кандидатами и собственной победой были шокированы больше, чем мы. Так или иначе, как я и надеялся, Московская городская дума обрела совершенно другой состав: от монополии «Единой России» не осталось ни следа, а системная оппозиция заговорила гораздо громче.

Обо всём этом я узнавал по радио. Тюремному радио. Я снова сидел под арестом, куда меня теперь отправляли после каждого митинга, но ликовал: раз «Умное голосование» сработало в Москве, значит, мы повторим его по всей России. Тем более что следующим летом — выборы в региональные парламенты в Сибири, а ещё через год — выборы в Государственную думу.

Почти год мы готовились к сибирской кампании, а летом я полетел, чтобы нанести завершающий удар: снять расследования в Новосибирске и Томске. Всё шло очень хорошо, видео мы сняли. 19 августа вечером я зашёл

в ресторан гостиницы, где жила наша команда. Ресторан закрывался рано, но мои коллеги, уже успевшие поужинать, уговорили кухню немного подождать и принять мой заказ. «Пожалуй, не буду есть, завтра самолёт очень рано, — сказал я. — Только выпью что-нибудь с вами быстро и пойду». Из-за барной стойки на меня очень внимательно смотрел новый и какой-то странный бармен — вчера работал другой. Наверное, новая смена. «Дайте мне, пожалуйста, „Негрони“», — попросил я официанта и перестал обращать внимание на бармена. Когда мне принесли коктейль, он оказался настолько гадким на вкус, что я не смог сделать больше одного глотка. В голове опять мелькнула мысль про странного бармена, который и на бармена-то не был похож. Не допив, я попрощался со всеми и пошёл в номер.

20 августа 2020 года. Будильник звонит в 5:30. Я просыпаюсь без малейшего усилия и иду в ванную. Принимаю душ. Чищу зубы. Шариковый дезодорант закончился — потерев подмышки голым пластиком, я выкидываю пустой флакон в мусорную корзину. Там его позже и найдут мои коллеги, когда придут обыскивать номер.

Я боюсь опоздать на самолёт.

Если я попытаюсь вспомнить момент, когда я понял, что моя жизнь отныне в опасности, — я не смогу. Не было такого момента. Наоборот, до отравления я был уверен, что я с каждым годом всё надёжнее защищён. Чем известнее

я становлюсь, тем проблематичнее им меня убить — так мне казалось.

Даже сейчас я думаю, что самой опасной моя работа была в 2004 году, когда я ещё состоял в партии «Яблоко». Тогда я организовывал «Комитет защиты москвичей» — мы боролись с незаконной застройкой в городе. Местные жители были очень ею недовольны, а я, как юрист, пытался им помочь.

Застройщики в России — это такие люди, которые запросто могут нанять кого-то, чтобы тебя избили битой у дверей квартиры. Для них это традиционный метод решения проблем — «заказать» тебя. Поэтому мне всегда казалось, что бороться с коррупцией на местном уровне — самая опасная работа. Я восхищаюсь активистами, которые занимаются этим в регионах, особенно на Кавказе.

А я теперь публичная фигура. Слишком публичная, чтобы они рискнули меня убить.

Я явно ошибался.

Однажды у меня с Борисом Немцовым произошёл диалог, который я никогда не забуду. Это было буквально за десять дней до его убийства. Мы сидели втроём — я, Немцов и его коллега, — и Немцов объяснял мне, что я в опасности и Кремль легко может меня убить, потому что я вне системы. А вот он, Немцов, наоборот, неуязвим, потому что он *из* системы — бывший заместитель председателя правительства и к тому же лично знает Путина, работал с ним. Через три дня меня арестовали. Ещё через неделю Немцова застрелили в двухстах метрах от Кремля. Так я понял, что все эти разговоры о том, кто в опасности, а кто в безопасности, даже вести бессмысленно. Мы понятия не

имеем, что будет дальше, — есть один конкретный сумасшедший по имени Владимир Путин, иногда у него в мозгу просто что-то срабатывает, он пишет имя на бумажке и говорит: «Убейте его».

Когда убили Немцова, это для всех стало огромным ударом, и очень многие были напуганы. Даже моя жена Юля, человек невероятной храбрости, позже сказала мне, что ей было очень неуютно той ночью одной дома с детьми и она думала: «Началось? Они теперь убивают оппозиционеров? Сейчас и сюда ворвутся с автоматами?» Как человек, знавший Бориса, я тоже был в ужасе, однако даже тогда я не чувствовал, что угроза моей собственной жизни как-то возросла.

Я всегда старался игнорировать тот факт, что на меня могут напасть, меня могут арестовать или даже убить. Я всё равно не могу это контролировать. Зацикливаться на этом было бы саморазрушительно. Какие шансы у меня выжить сегодня утром? Не знаю: шесть из десяти или восемь из десяти. А может, и все десять. Дело не в том, что я стараюсь об этом не думать, зажмуриваюсь и делаю вид, что опасности не существует, — просто однажды я принял решение не бояться. Я всё взвесил, понял и отпустил. Я занимаюсь оппозиционной политикой и хорошо осознаю, кто мои враги и на что они способны, но, если я всё время буду беспокоиться, не убьют ли меня, мне не стоит жить в России. Лучше эмигрировать. Или просто сменить работу.

Но я люблю свою работу и считаю, что должен продолжать её делать. Я не чокнутый, не безответственный, да и не бесстрашный. Это вообще не про бесстрашие — просто я внутри себя знаю, что должен заниматься этим,

потому что таков мой жизненный выбор. Есть люди, которые верят в меня. Есть моя организация, Фонд борьбы с коррупцией. И есть моя страна, и я очень хочу, чтобы она была свободной. Возможные угрозы тоже часть моей работы, но я принимаю её целиком.

Я очень волнуюсь за детей и за жену. И одна мысль о том, что мне могут намазать «Новичком» дверную ручку, а потом за эту ручку возьмутся Захар или Даша, приводит меня в ужас. Чудовищная история была в Калининграде за пару месяцев до моего отравления: мы с Юлей сидели в кафе, и ей неожиданно стало плохо — она в прямом смысле умирала на стуле напротив меня, а я этого не осознавал и беспечно предложил: «Ну пойди полежи в номере». Сейчас мы понимаем, что её, вероятнее всего, тоже отравили «Новичком». Ощущения, которые она описывала, были идентичны моим в самолёте, только слабее. Позже мы узнали, что те же люди из ФСБ, которые отравили меня в Томске, следили за мной и во время этой поездки в Калининград. И меня ужасает мысль, что, когда Юля всё же ушла, её две минуты спустя могли найти мёртвой на скамейке в парке. Осознавать это невыносимо, но это тоже не вопрос храбрости.

Я сделал свой выбор. Конечно, я стараюсь держать свою семью как можно дальше от его последствий и минимизировать их риски, но есть вещи, которые мне неподвластны. Мои дети знают, что меня могут посадить, моя жена это знает, мы всё много раз обсудили. Что могут ещё и убить — это оказалось неожиданностью, но это ничего не меняет.

Я гражданин России, у меня есть права в своей стране,

и я не намерен жить в страхе. Если мне предстоит сражаться, я буду сражаться, потому что я знаю, что я прав, а они — нет. Потому что в этой ситуации я на стороне добра, а они на стороне зла. Потому что множество людей поддерживает меня.

Я понимаю, что это какие-то базовые вещи и, возможно, популистские. Но я верю в это и поэтому не боюсь — я знаю, что прав.

Мне не нравится сидеть в тюрьме. Я совсем от этого не в восторге. Это неприятно, это бездарная трата времени, но, раз уж так сложилось, я готов. Я понимаю, как всё устроено. Я выступаю и говорю, что, когда я приду к власти, я буду требовать суда для этих людей в Кремле, потому что они грабят российский народ. Конечно, им такие перспективы не нравятся, поэтому они пытаются остановить меня любыми способами.

Я не знаю, как сложится моё будущее, и рассуждения об этом — чистая спекуляция. Есть две противоположные точки зрения. Половина людей считает, что раз меня однажды уже пытались убить, то дело доведут до конца: Путин отдал личный приказ, и его злит, что он до сих пор не выполнен. Вторая половина, включая меня, считает, что после неудачного покушения и нашего расследования они предпочтут держаться от всей этой ситуации подальше. Они же повторяют, что никто меня не травил! Если меня опять отравят и я умру от «Новичка» или просто от внезапного сердечного приступа, как они это объяснят? Возможно, так я себя успокаиваю, но, в любом случае, никто не знает будущего, и бесполезно пытаться его предсказать.

Зато я знаю точно: мне повезло войти в один процент

счастливчиков на нашей планете, которые обожают свою работу. Я наслаждаюсь каждой её секундой. У меня есть огромная поддержка людей. Я встретил женщину, с которой мы не только любим друг друга, но и разделяем одинаковые убеждения. Она так же, как и я, не согласна с тем, что происходит в России. Наша страна заслуживает лучшего. Россияне могут жить в двадцать раз богаче, чем сейчас. И для меня, и для Юли это не просто рассуждения: это то, что мы должны сделать или хотя бы попытаться, потому что это явно того стоит. Может быть, у нас не получится, может быть, всё изменится уже после нас, но попробовать мы обязаны. Я хочу, чтобы наши дети и внуки знали, что их родители — хорошие люди и что они потратили свою жизнь на что-то стоящее.

Когда мой сын Захар учился в начальной школе, класс попросили рассказать, чем занимаются их родители. Дети отвечали что-то вроде: «Мой папа — врач», «Моя мама — учительница». А Захар сказал: «Мой папа борется с нехорошими людьми за будущее нашей страны». Когда мне об этом рассказали, это был лучший момент в моей жизни — мне как будто медаль повесили на грудь.

Я не думаю как-то особенно о любви к своей стране. Я просто люблю её. Для меня Россия — одна из частей, из которых состоит Алексей Навальный. Это как правая рука или левая нога: вы же не можете описать, насколько они вам нравятся. Тут то же самое.

Каждый раз, возвращаясь из-за границы, ещё до того, как я выхожу из самолёта, я уже иррационально понимаю, что я дома. Есть страны, где кухня лучше, порядок, очень красивая архитектура. Я люблю путешествовать, но

возвращаться в Россию я люблю больше, потому что, когда я иду по улице, я чувствую, что здесь мои самые близкие люди. Почти как родственники.

Люди в России прекрасные. Они не слишком дружелюбны при первой встрече, но я должен признаться, что мне это даже нравится. Они сложные и любят удариться в философию. Я тоже люблю. Любую ерунду они превращают в экзистенциальный вопрос и начинают обсуждать будущее страны. Я делаю то же самое. Однажды я описал Прекрасную Россию Будущего как метафизическую Канаду: богатую северную страну с низкой плотностью населения, где все живут хорошо и одержимы философскими рассуждениями.

Я люблю русский язык. Я люблю меланхолические русские пейзажи: когда смотришь из окна и хочется плакать — это прямо отлично. Мне здесь очень хорошо, потому что мне всё это близко. Я люблю наши грустные песни. Я люблю русскую литературу и кино. Это всегда про надрыв, размышления, страдания, тоску и саморефлексию.

По моему описанию Россия, наверное, представляется очень печальным местом, но на самом деле мы весёлые. Мне нравится русский чёрный юмор. Люди обожают шутить политически некорректно, наши шутки часто бывают на грани допустимого, но именно поэтому для меня современный российский интернет гораздо смешнее, чем западный.

Главная ошибка, которую совершают на Западе, заключается в том, что они ставят знак равенства между российским государством и россиянами. На самом деле между ними нет ничего общего, и это большое несчастье

нашей страны — что из всех миллионов людей, живущих в ней, власть раз за разом оказывается в руках самых циничных и самых лживых. Существует расхожая фраза, что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает, и многие считают, что в отношении России это правда, ведь иначе россияне давно бы взбунтовались и свергли режим. Однако я в эту фразу не верю: огромное количество моих соотечественников не согласно с тем, что происходит, и не выбирало этого. Но если допустить, что персональная ответственность всё-таки лежит на каждом из нас, то она лежит и на мне. Значит, я ещё сильнее должен бороться за то, чтобы это изменить.

Если бы у меня спросили, ненавижу ли я Владимира Путина, я бы сказал: да, я его ненавижу, но не потому, что он пытался убить меня или посадил моего брата. Я ненавижу Путина, потому что последние двадцать лет он у России украл. Это могли быть невероятные годы, каких ещё не случалось в нашей истории: у нас не было никаких врагов, вдоль наших границ царил мир, цены на нефть, газ и другие природные богатства взлетели до небес, мы заработали огромные деньги на экспорте. Путин мог использовать эти годы, чтобы сделать Россию процветающей страной. Мы все могли жить лучше.

Вместо этого у нас двадцать миллионов человек живут за чертой бедности. Часть денег Путин и его друзья просто украли, часть растранжирили по глупости. Они не сделали ничего хорошего для нашей страны, и в этом их главное преступление — преступление против наших детей, против нашего будущего. Я боюсь, что такого сытого, мирного и счастливого периода у нас не будет больше никогда, и не

могу не испытывать сожалений из-за этого и ненависти к тем, кто лишил нас возможности им воспользоваться.

Символ моих убеждений — уже упомянутая Прекрасная Россия Будущего. Я верю, что Россия может быть нормальной страной, богатой страной, страной с верховенством закона. Но главное, Прекрасная Россия — это нормальная Россия.

Давайте для начала перестанем убивать людей. Займёмся борьбой с коррупцией: коррупция есть и в США, и в Европе, но если мы хотя бы снизим её нынешний дикий уровень в нашей стране, то неожиданно обнаружим, что у нас есть деньги и на образование, и на здравоохранение. Мы поймём, что у нас могут быть независимый суд и честные выборы. В истории России у нас были сначала цари, потом императоры, потом генсеки, потом президенты, но все они были авторитарными правителями. Так не может продолжаться.

И наша задача заключается в том, чтобы разорвать этот бесконечный порочный круг, при котором снова и снова, кто бы ни оказался у власти, возрождается авторитаризм. Полномочия президента нужно сокращать, сейчас их слишком много. Власть должна быть распределена между парламентом, губернаторами, мэрами, а не сосредоточена в одних руках. Налоги, собранные в регионах, должны там и оставаться, а не отправляться в Москву. Но у нас всё вертится исключительно вокруг Москвы: Кремль и тот конкретный кабинет, в котором сидит президент, — единственный источник власти. Такой огромной страной, как Россия, просто нельзя так управлять.

В общем, давайте просто наконец-то станем

нормальными — это будет так прекрасно!

Это не что-то недосягаемое. Описывая Прекрасную Россию Будущего, я хочу, чтобы вы поняли: это вполне реальная страна, и за неё стоит бороться прямо сейчас.

История продолжится, но, что бы ни случилось со мной, моими друзьями и союзниками в оппозиции, Россия имеет все шансы стать процветающей, демократической страной. Зловещий режим, основанный на лжи и коррупции, обречён на провал. Мечты могут стать реальностью.

Будущее за нами.

Здесь заканчиваются главы, которые Алексей Навальный успел завершить. Вторую часть книги составляют дневники — их Алексей начал вести 21 января 2021 года и вёл с перерывами до 2 сентября 2022-го.

17 января Навальный вернулся из Германии в Москву, был задержан прямо на паспортном контроле и арестован на 30 суток. Формальным основанием стало дело «Ив Роше», по которому Алексей семью годами ранее получил условный срок. В феврале 2021-го суд приговорил его к трём с половиной годам заключения. В то же время проходил другой его процесс, а в последующие три года — ещё несколько, все — по разным надуманным делам. В марте 2022 года Алексей был приговорён к девяти годам строгого режима, в августе 2023-го — к 19 годам особого режима. После каждого приговора Навального переводили в новую колонию. Условия его содержания стремительно ухудшались: если поначалу он сидел с другими заключёнными, то уже год спустя всё время находился в одиночной камере. В штрафном изоляторе Алексей в общей сложности провёл 295 дней. Его полностью лишили телефонных звонков и свиданий, а ручку и бумагу выдавали на полчаса в день, поэтому работать над книгой он больше не мог.

Навальному почти не оказывали медицинской помощи. Это привело к тому, что в апреле 2021 года он 24 дня держал голодовку, требуя допустить к себе гражданских врачей. В тот раз, благодаря общественному резонансу, это сработало, однако по мере ужесточения условий ему всё чаще отказывали в лечении. В декабре 2023 года Навального увезли в неизвестном направлении: почти месяц ни родственники, ни адвокаты не знали, где он находится. 25 декабря его обнаружили в исправительной колонии особого режима на Крайнем Севере.

Спустя два месяца, 16 февраля 2024 года, Алексей Навальный был убит в тюрьме.

Тюремные дневники

21 января 2021

Решил всё-таки вести дневник. Во-первых, Олег передал тетради, во-вторых, жаль, что зря пропадает такая красивая и магическая дата: 21.01.21.

В-третьих, [иначе] какие-то смешные штуки забудутся. А сегодня была смешная. Меня выводили к психологу. Вернее, я и сейчас здесь сижу. Комната 4 × 8. Стол, три стула. Всё к полу привинчено. И здоровенное зеркало в нише на стене, как в кино, — за ним сидят люди и наблюдают. Мне самому ужасно хочется сделать как в кино — обойти это зеркало сбоку и потом резко выпрыгнуть со зверским выражением лица, испугав тех, кто там сидит. В какой-то комедии такое видел. Пишу сейчас и смеюсь, представляя это. Если за зеркалом действительно есть чуваки, они думают: «Больной какой-то, пишет и ржёт».

Психолог уже ушёл, а меня оставили тут ждать. И я совсем не удивлюсь, если это ещё один дебильный психологический тест. Типа, как поведёт себя пациент, если его без причины запереть в странном кабинете: будет проявлять нетерпение, нервно ходить или смирно, терпеливо сидеть?

Я сначала нетерпеливо ходил, а потом сел писать этот дневник. Для этого пришлось использовать тетрадь, предназначенную для встреч с адвокатами.

Так вот: психолог. Приводят меня в эту комнату. Классно, — думаю, — наконец-то нормальное место для встречи с адвокатами. Через 5 минут приходит майор в камуфляже. Ставит на стол видеорегистратор. Хотя на

потолке уже 2 камеры.

— Здравствуйте, — говорит, — присаживайтесь.

— Спасибо, я пока похожу по кабинету, — отвечаю я, думая, что это он просто будет смотреть за моей встречей с адвокатами.

— Присаживайтесь, я психолог, мы должны провести беседу, — и протянул мне сложенную бумажку с таблицами. Их надо будет заполнить.

Я поинтересовался у психолога его именем, пожаловавшись, что здесь никто мне не представляется. Все — товарищи майоры и подполковники. Но не называть же мне его «товарищ майор» в ходе психологической беседы?

Психологу было неудобно, но, поколебавшись немного, он всё же не выдал военной тайны: «Называйте меня „товарищ психолог“». Я почти рассмеялся, но успел понять, что он это на полном серьёзе.

Дальше было 90 утверждений в стиле: «Мне тяжело знакомиться с новыми людьми» и «Я спокойный, уравновешенный человек». Плюс или минус в таблице символизировал моё согласие [или несогласие] с утверждением. Ставил эти плюсики, а сам думал о том, что психология — это лженаука. Потом ещё 20 вопросов для выявления потенциальных суицидников («Мне кажется, что жизнь моя беспросветна») и, наконец, венец исследования — 9 карточек разного цвета: «Выберите те цвета, которые вам сейчас нравятся».

Я выбрал самые яркие, но, видимо, не сдержался и закатил глаза. Товарищ психолог, как бы извиняясь, пояснил, что тест этот, конечно, работает только

в контексте остальных.

Дальше была беседа с понятным паттерном («А почему вы считаете себя невиновным?») и милыми, очаровательными деталями в стиле ФСИН:

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — отвечаю, — только спина очень болит. И вижу, как он записывает в анкете: «Хорошо».

Закончилась беседа классически. Заговорили о коррупции. Он выдал мне: «Старые уже наворовали, а новые придут — заново воровать начнут». Я в ответ — такую же привычную трёхминутную лекцию с конкретными примерами Путина и его друзей. Это моментально напомнило товарищу психологу, что у него есть другие дела, и он сказал: «Наверное, нам надо заканчивать».

Это всегда так работает, когда они со своими видеорегистраторами. Запись, где ругают Путина (неважно, что это делаю я), создаёт у них ощущение, что это улика, указывающая на их причастность к преступлению.

Психолог в описании получился ужасным, хотя в целом он был нормальный чувак, вежливый и довольно приятный.

Потом взяли отпечатки пальцев, шестой раз за четыре дня.

Вечером пришла Михайлова и с ходу начала на меня наезжать: оказывается, я вчера написал бумажку, чтобы ко мне пускали правозащитников, а все подумали, что меня тут прирезали.

ФСИН даже опубликовал эту бумажку (надо учесть на будущее, что они такой фигнёй занимаются), но всё равно никто не поверил. А всё потому, что — ура-ура — у нашего

расследования про Путина уже 44 млн просмотров. Вчера вечером я мечтал, чтобы хотя бы до 20 дотянули.

Неожиданный и вдохновляющий момент. Вывели на первую прогулку в тюремный двор, и там кто-то за стеной орал: «Алексей, вся Россия с тобой!»

Моя камера — 302. Соответственно, третий этаж. Как в гостиницах.

На прогулку ведут на седьмой этаж. Там несколько камер без крыши. Это и есть «прогулочный дворик»: такая же камера, но неправильной формы. По периметру можно сделать 27 шагов. Маленьких неторопливых шагов.

Четырёхметровые стены покрашены в зелёный цвет с грязными разводами. Вместо потолка — стальная решётка, лежащая на металлических балках. На решётке ещё сетка-рабица с мелкой ячейкой. Это чтоб нельзя было ничего перекинуть из одного дворика в другой.

Чуть выше сделана дорожка в виде помостов — по ней ходит охранник и смотрит, чтобы арестанты правильно копошились и ничего не нарушали. Это напоминает мне муравьиную ферму, которую хотел купить Захар. Только наблюдает за муравьями не человек, а спецмуравей в камуфлированной форме, шапке и валенках.

Ещё выше — железная покатая крыша. Получается, что между наружной стеной прогулочного дворика и крышей есть щель — примерно полтора метра. То есть ходишь ты под крышей, но с одной стороны видна полоска неба. Ну как неба. Кольца колючей проволоки, потом «паутинка», потом решётка, потом небо.

То есть в буквальном смысле видишь «небо в клеточку»: такой был в советском детстве эвфемизм тюрьмы. Небо в клеточку, костюм в полосочку. Костюма в полосочку у меня пока нет.

Зато есть чёрный зэковский бушлат. Его мне выдали, потому что на улице холодно, а у меня нет «одежды по сезону».

Так вот, выводят меня на первую прогулку. Хожу, нарезая круги своими 27 шагами. Можно быстрее идти, но тогда начинает голова кружиться.

Радио орёт — не играет, а именно орёт. Я на своём третьем этаже обычно через закрытую форточку слышу музыку с прогулочного 7-го.

Вдруг мне кажется, что сквозь музыку прорывается голос, орущий ещё более истошно, чем итальянский певец Челентано. Прислушиваюсь — точно: «Алексееей!» Мне, что ль? Да никто не знает, что я гуляю, и увидеть невозможно. Тем не менее ору в ответ: «Чтооо?» В ответ снова орут, но итальянский певец в этот раз победил. Я ничего не расслышал. Плюс спецмуравей, я вижу, недоволен и пошёл к одной из камер. Остановился, смотрит вниз и что-то говорит по рации. Ору: «Чегооо? Я не слышу!!»

Чувак, видимо, набрав побольше воздуха и не обращая внимания на спецмуравья, всё-таки перекрикивает радио: «Алексееей, держись! Вся Россия с тобой!»

Ору в ответ: «Спасибо!» — и хожу дальше очень растроганный. И ещё пытаюсь понять: как же он узнал, что я вообще рядом? Значит, есть способ узнавать, кто гуляет.

Вечером пришёл замначальника по режиму:

— Алексей Анатольевич, информирую вас, что

перекрикиваться, перестукиваться и иным образом общаться между камерами запрещено.

— Я не перестукиваюсь.

— Вы перекрикивались.

— Хорошо, — говорю, – не буду больше. Но меня сводит с ума один вопрос. Весь день об этом думаю: как кто-то может узнать, когда я гуляю?

Зам скорчил недовольное лицо, но ответил:

— Я вам так скажу: голь на выдумки хитра.

Голь-то, может, и голь, но точно сообразительнее меня. Я так и не понял, как они это делают.

22 января 2021

Каждое утро меряют давление, и оно у меня всё время как у космонавта: 120/70. Причём дома оно у меня всегда немного выше. То ли пребывание здесь лечебно, то ли всем всегда записывают 120/70. Первое, скорее всего.

На утренней поверке все желают хорошего дня, на вечерней — спокойной ночи. Когда здоровые мужики в камуфляже так вежливы — это выглядит немного комично. Впрочем, вежливость их кажется искренней.

Снова привели в тот кабинет, где был психолог. Сижу, жду. Тут всегда непонятно, куда ведут.

«Собирайтесь с вещами по сезону» — это значит, куда-то ведут вне СИЗО.

«Собирайтесь с документами» — ведут внутри СИЗО, и это может быть что угодно: адвокат, ОНК[10], психолог.

Выяснилось, что меня привели звонить: удовлетворили ходатайство о звонке Юле и матери. Громкая связь, два

человека рядом, всё записывается на видео. Матери дозвонился, и мы поговорили. Юле, как назло, нет.

После звонка повели не «ко мне», на 3-й этаж, а на первый. Вот, сижу в каморке, где телефон, стекло и такой же телефон с другой стороны, и пишу. В моей каморке рядом со стеклом надпись шариковой ручкой: «Гореть им всем в аду».

Вадим[11] приходил. Нёс сводку новостей обо мне, но у него всё забрали. Сказал, что Киру[12] арестовали на 9 суток, Лося[13] депортировали, а Юля написала какой-то пост, над которым он чуть не заплакал в метро. Моя девочка.

У расследования 55 млн просмотров.

23 января 2021

Сегодня по всей стране должны быть акции протеста. Пытался понять, что происходит, щёлкая по всем каналам. Только по одному из них беспрестанно идут новости о том, что штабы Навального вовлекают в акции протеста несовершеннолетних. В основном показывают двух бабищ с генеральскими погонами: одна из МВД, другая из СК.

— Вовлекают детей, получили инструкции из-за границы, акцент на распространении ложной информации в оппозиционных и иностранных СМИ, уголовные дела.

Ни слова о том, что за информация такая и против чего протестуют.

Выяснил опытным путём, что длина прогулки составляет 20 песен на радио «Ретро FM».

Приходили ОНКшники — два смешных бородача (напишу

о них подробно), сказали, что у расследования 67 млн просмотров.

В новостях — бегущая строка: «Задержана жена Навального». Испытал неприятный тревожный момент, но дальше в строке было: «По сообщению МВД, её отпустили без составления протокола».

24 января 2021

Наконец-то слышал, как кто-то ругается и орёт матом в коридоре. А то прямо как не в тюрьме было.

Три дня назад подписали на 4 газеты: «Новую», «Коммерсантъ», «Ведомости» и РБК. На последние три очень не хотелось тратить деньги. Не в том смысле, что денег жалко, а [в том, что] не хочется давать хоть копейку этим продажным гадам. Но решил, что какие-то крупицы информации смогу выловить и там. Сегодня после прогулки спрашиваю: «А когда газеты будут приходить?»

— Подписали вас на март.

Вот тебе и почитал новости! Неужели в 2021 году все ещё действует дебильное правило подписки, что газеты можно получать только со следующего квартала? Неудивительно, что бумажная пресса погибает.

В целом — не жалко, туда ей и дорога. Только что же делать мне?

На готовой еде из тюремного магазина стоят значки «халяль», что отлично демонстрирует этнический состав

СИЗО. И напомнило мне об эссе «Наименее толерантные побеждают»[14].

В библиотеке СИЗО есть полное собрание сочинений Мопассана. Я ничего, кроме «Пышки» и «Папы Симона», раньше не читал. Там как раз «Пышка»: она не произвела на меня ни малейшего впечатления, когда читал в первый раз, а сейчас я просто подавлен её крутизной. Представляю, как это на французском. Надо подумать, как затянуть сюда оригинал, и проверить, хватит ли моего французского, чтобы что-то понять.

Дочитываю последнюю библиотечную книжку — Шекспира — и переживаю, что нечего будет читать. И тут вечерняя поверка, и дежурный приносит ОГРОМНУЮ стопку листов «ФСИН-письмо». На вид — не меньше 500–600. Гут.

Не понимаю, кстати, почему феминистки не требуют закэнселить и выкинуть из библиотек «Укрощение строптивой». Там прямо по аду даже для тех времён.

25 января 2021

Долго отвечал на письма. Огромная пачка сначала, если честно, вызвала раздражение. Всем же надо ответить. Ну или почти всем. «ФСИН-письмо» (я им пользовался много раз, когда писал Олегу) устроено так: указываешь фамилию, учреждение, набираешь текст, можешь приложить фото и ставишь галочку [в графе] «Требуется ответ», если хочешь.

Это делает письмо на 45 рублей дороже, но зато твой адресат получает на письмо пометку: «Ответ заказан». И это вроде как обязывает ответить. Если просто получил письмо и не ответил — ну и ладно. Может, не понял, что надо ответить. Вежливая неопределённость. А тут ответ заказан. Если не ответил — уже жест.

И вот я сел отвечать и понял, что: 1. Это потрясающее чтение. 2. Всем надо обязательно ответить и хочется ответить. 3. Тут, собственно, и все ответы на вопросы вроде «Зачем я это делаю?».

От каждого второго письма слёзы наворачиваются. Прям реально, читаешь, и слёзы в глазах стоят. Такие люди хорошие.

Школьник написал, что пропустил два обеда, чтобы написать платное письмо.

Девушка с медицинского из ЕКБ[15] так здорово описывала свои терзания — идти на митинг или нет. Страшно, но надо. Даже отложил её письмо.

Кто-то коротко желает сил.

Кто-то [шлёт] огромные простыни.

И реально — не просто воодушевляющее чтение, но и полезное. Всякие мысли толковые. Как на фокус-группе сидишь.

Ответил на всё. День потратил, хотя 85 ответов было в духе: «Алина, спасибо!»

Ужин приносят. Потом в кормушку суют увесистую пачку бумаг.

— Ого, — говорю, — ещё письма.

— Ага, — отвечает охранник.

И двумя руками суёт ещё пачку бумаги. Страниц на 700.

А потом ещё.

А потом ещё.

Надо что-то с этим делать.

26 января 2021

Этот дневник становится очень однообразным. 7:30 утра, я снова сижу и отвечаю на письма.

Обратил внимание, что мне пишет какое-то аномальное количество Алин. Надо будет посмотреть потом: наверняка это было самое популярное имя лет 25 назад.

Очень впечатлила Алина из Молдавии, которая следит за мной со времён «Чайки». Она даже процитировала мою любимую заповедь блаженств, «Блаженны алчущие и жаждущие правды», которую [я] считаю просто прямой инструкцией к деятельности. Так ей и ответил.

Всё ещё отвечаю на письма. Некоторые — совершенно чумовые. На одном из них стоит адрес:

«Алексей Навальный.

Город Москва.

Камера смерти „Матросской тишины“».

Заканчивается оно словами: «Не мешайте своей правдой нам сдохнуть».

27 января 2021

Приходила Михайлова.

Сказала, что Олег заехал к нам в квартиру в Марьино, а там сломана дверь и куча народу — обыск.

Сейчас включил «Евроньюс», а там бегущая строка: «Обыски в офисе ФБК, дома у Навальных в Марьино и на съёмной квартире на „Автозаводской“». Бедная Юля, как там она одна.

Лампа дневного освещения сгорела и теперь хаотически ярко мигает.

Моя вполне приличная камера моментально превратилась в пыточную. Ни почитать, ни просто посидеть, глядя в стену. И даже через закрытые веки бьют яркие вспышки. Никуда от них не деться. Надо же, такая ерунда, а реально людей можно с ума сводить.

Видимо, кто-то там (Бортников?) написал: «Обыск во всех помещениях Навальных!» — а система работает тупо и буквально. У меня [в камере] тоже был обыск.

В какой-то момент понимаешь, что тюрьма есть тюрьма, даже если она чистенькая.

— Выносите из камеры все вещи, включая матрас.

— Как — все?

— Все без исключения.

— Да потом же снова всё расставлять и развешивать.

— Выносите все вещи и проследуйте в комнату обыска.

Короче, надо всё барахло (а я кое-чем разжился, вчера привезли даже заказанную в ларьке разделочную доску), любовно расставленное по полочкам железного шкафчика, скинуть в огромный куль. Все вещи — в сумку. Матрас

и бельё рядом. И тащить в «комнату обыска». Там это всё бессмысленно, но тщательно перетряхивают и проверяют металлодетектором. Потом раздеваешься догола, и все вещи на тебе тоже проверяют.

Потом идёшь в камеру, и там 4 человека проводят супершмон, заглядывая в каждую щель.

Потом тащишь всё обратно и, проклиная всех, расставляешь и развешиваешь.

Зато, пока был в «комнате обыска», лампочку починили.

По телику репортаж о том, что вышедшие 23-го числа на митинг люди — биологические террористы. Намеренно распространяют ковид.

Потрясающе, что это заявляют те же люди, что устроили парад и всероссийское голосование в разгар пандемии.

Письмо от девушки из Мурманска. Поддерживает, благодарит.

У неё ДЦП, она всю жизнь копит с пенсии по инвалидности, чтобы раз в несколько лет выехать на неделю в Европу. Скучает по солнцу. В Мурманске солнечных дней меньше месяца в году.

Читаешь такое, и пропадает даже малейшее желание себя жалеть.

Свет выключили.

Пойду спать. Надеюсь, у Юли всё ок. Думаю о ней.

28 января 2021

Вчера вечером я не выключил радио сам, и оно отрубилось централизованно, после отбоя. Соответственно, сегодня утром в 5:50 певица Сандра так громко заорала на всю камеру, что я аж подпрыгнул.

Здесь везде и всегда играет «Ретро FM». Норм выбор, кстати. Новости и ведущие ужасны, но их мало. Ведущим положено шутить примерно один раз в четыре песни, и эти несколько секунд острого стыда можно пережить.

Помню, в спецприёмнике однажды на весь день включили «Камеди Радио». Реально хотелось повеситься. К счастью, это был мой далеко не первый визит туда и я знал, как заткнуть камерное радио с помощью газет и мыльной воды.

Юля пишет ужасно смешные письма. Спросил у неё, как дети, и вчера она ответила: «Дети хорошо, только Захар нервничает, потому что все хотят его поддержать и поговорить с ним, а он этого не любит».

В меня пошёл.

Суд начался, апелляционная жалоба на мой арест.
Вчера Михайлова была очень оптимистична — ей казалось, что процедура, инициированная ЕСПЧ по 39-й статье, сильно пугает наши власти. Удивила меня даже. Рассуждала в том ключе, что дело в шляпе — завтра выпустят. Вопрос только в том, из зала суда или из СИЗО.

Из суда, мол, лучше, потому как бумага об освобождении часто идёт из суда до СИЗО несколько дней.

Очень непохоже на Михайлову, которая обычно,

наоборот, считает, что всех немедленно посадят пожизненно.

Так что хотел её сегодня подколоть, но по видеоконференции неинтересно.

Привели меня на 6-й этаж в комнату с большим телевизором и камерой, прикреплённой сверху экрана. Справа и слева от телика встали два охранника, каждый снимает на камеру, как будто той, основной, недостаточно. Да ещё ведь и на стене камера.

Судья — старый мерзавец и холуй по имени Муса Мусаев. По-русски говорит с сильным акцентом и ошибками. Его, видимо, и держат для того, чтоб участвовал в таком посмешище.

Но формально всё вежливо. Вежливое беззаконие. Даже дал 5 минут для разговоров с защитой.

Кобзев рассказал, что дома выпилили дверь и устроили самый злостный обыск из всех, что были.

Адвоката не пустили. Юле хамили. Понятное дело, всё вынесли.

Всё это продолжалось до глубокой ночи. Бедная Юля, как там она с распиленной дверью.

Она передавала через Михайлову, что все хорошо.

Суд прошёл молниеносно. 70% времени заняли мои обличительные выступления. Я сверлил камеру злобным взглядом и обещал ей, что мы не отдадим Россию во власть злодеев. Всё-таки выступления по видео всегда выглядят очень глупо.

29 января 2021

Первый раз разругался с администрацией СИЗО, зато по полной программе.

Два дня назад в камере был обыск, а это значит, все вещи, включая матрас, [пришлось] тащить в другую комнату — «комнату обыска». А у меня дико болит спина. Фраза «Моё пребывание в СИЗО отравляют боли в спине» звучит смешно, но это так. Болит так, что с утра еле с кровати встаю. Неловкое движение — хочется орать от боли. Нерв защемило. Соответственно, все эти перетаскивания вещей для меня довольно мучительны. Нагнуться не могу.

И сегодня вечером дверь снова открывается. Я мою посуду и делаю шаг назад, чтоб увидеть, что там. Стоит капитан: «В вашей камере плановый обыск, выносим все свои вещи».

«Вот гады, — думаю, — видят же в свою камеру, что я еле хожу, и специально это устраивают».

— Я не буду ничего носить.

И иду дальше мыть посуду. Они стоят. Я мою. Они стоят. Бешенство во мне закипает. В итоге я домыл, подхожу, показываю на регистратор — записывает? Майор-дежурный: «Записывает».

Ну, я прямо в эту камеру сказал всё, что думаю. Орал так, что во всей «Матросской тишине» было слышно.

Потом говорю:

— Ничего не понесу, сейчас напишу заявление с протестом. Можете меня в карцер сажать.

Они стоят, не знают, что делать.

Потом забегали. Минут через 10 приходит молодой полковник:

— Я от администрации.

Я всё объясняю про спину и «плановые обыски» раз в два дня.

Полковнику надо отдать должное. У него явно таланты — и психотерапевтический, и переговорщика:

— Давайте успокоимся. Обыски у вас два раза в месяц. Это так совпало. Будем носить по одному предмету, если болит спина.

А в коридоре уже человек восемь стоит. Типа, подмога. Ну и классическая ситуация: кто кого переупрямит и как не потерять лицо.

Долго препирались из-за каждого предмета. Сумку он мне помог поднять. Типа, символически. Матрас я не понёс. И еду не понёс. С ней больше всего возни.

Всё обыскали, я отдал заявление. Через час я, конечно, пожалел, что наорал на майора-дежурного. Он такой уже чувак в годах. На вечерней поверке говорю:

— Извините, что я орал. Считаю, что по сути я прав, конечно, но орал на вас зря.

30 января 2021

Суббота. Адвокаты не приходят, никто не приходит. Смотрю в окно. От скуки решил разучивать shuffle dance[16], который безуспешно пытался сделать после госпиталя, чтобы развивать координацию движений, которая у меня просто отсутствовала.

Здесь пошло гораздо лучше.

31 января 2021

Сегодня ещё один день протестов из-за меня. По телику

передают, что весь центр перекрыт и даже семь станций метро закрыли.

По «Евроньюс» передают, что задержано 1600 человек. Это бегущая строка, и больше никакой информации нет.

2000 задержанных.

Хожу по камере, волнуюсь за всех, кто вышел протестовать, и снова бегущая строка: «Задержана Юлия Навальная». Ужасно сидеть тут и не знать, что происходит.

Ещё строка: «В центре Москвы мужчина предпринял попытку самосожжения». Какой кошмар.

4000 человек задержано.

1 февраля 2021

Утром: «Собирайтесь с документами».

На местном это означает, что будет что угодно, но внутри здания. Важнейшая штука про тюрьму: ты тут ничего не контролируешь, ничего не знаешь и не имеешь ни малейшего представления о том, что случится через минуту. «Собирайтесь с документами» может означать адвоката, ОНК, следователя, суд (по видеосвязи), психолога, звонок. Наверняка ещё что-то.

Однажды я спросил: «С какими документами?» — я не знаю, куда иду, а значит, не знаю, какие документы.

— Ваши документы.

— Какие именно?

— По вашему уголовному делу.

— У меня нет уголовного дела.

— Берите ваши документы.

Так и не добился, куда мы идём. Очевидно, это приказ и принцип. Арестант должен трепетать перед будущим.

В этот раз выяснилось, что суд. Я и забыл. Технический процесс по продлению срока ознакомления с материалами, дело о «клевете на ветерана». Ничего не говорил, во всём соглашался с Вадимом, лишь бы быстрее закончилось. Зато поболтали с ним в перерыве. Выяснилось, что прямо сейчас у Юли тоже суд за участие в митинге. В Щербинке.

Закончился суд, приходит капитан: «Вам предоставляется право на звонок».

Ну как назло.

— Она, — говорю, — в суде. Трубку не возьмёт. Давайте позже.

— Нет, только сейчас.

Начали звонить — не отвечает, конечно.

К счастью, умница Юля всё поняла, просто встала и вышла из зала, сказав: «Мне нужен перерыв 5 минут». И сама перезвонила.

А я успел расстроиться, что звонок пропал.

Поговорили 7 минут, потом, видимо, её загнали в зал. У нас с ней классическая ситуация:

— Ты за меня не волнуйся, пожалуйста, всё хорошо. Как у тебя?

— У меня всё отлично, всё есть, не волнуйся за меня. Лучше расскажи, как ты и как дети.

Такая она милая.

Про детей не успели поговорить. Звонок прервался, и больше она не ответила.

Позже из бегущей строки на «Евроньюс» — моего единственного источника новостей — узнал, что её оштрафовали на 20 тысяч.

Меня привезли сюда в понедельник и предоставили священную возможность сходить в душ. Соответственно, у меня по понедельникам «положняковый» банный день. Очень ждал его: на этой неделе мне не разрешили пойти в платный душ. Есть тут такая услуга. В прайс-листе значится как «Внеочередное пользование душем — 0,5 часа на одного человека — 80 рублей».

«Положняковый» душ — 15 минут, но на практике никто не торопит. А я имел глупость сдать три футболки из имеющихся пяти в стирку. Думал, что через три дня отдадут, но вот уже дней 10 прошло, и ничего нет. Приходится каждый вечер стирать одну из двух оставшихся футболок.

Интерком сказал: «Собирайтесь в душ», — а у меня ни одной чистой. Пришлось взять майку. Две майки, серую и чёрную, Юля мне заказала через интернет в тюремном ларьке в первый же день. На всякий случай.

Такая самая простая хэбэшная майка российского производства. Их, наверное, зэки и шьют. Люди на всяких тюремных фотках именно в таких сидят. И, натянув после

душа эту майку — какую-то кособокую, под мышками жмёт, — я первый раз почувствовал себя зэком.

Сегодня прямо прекрасный день. И с Юлей поговорил, и в душ сходил, и первая доставка еды из ларька по моему заказу. Больше недели ждал. До этого из заказанного мной мне приносили только хозтовары, а из еды — аджику. Уж не знаю, почему среди мыла и салфеток была аджика. А тут омлет (завтра съем на завтрак), редиска, нормальный хлеб, варёные яйца и так далее. Получал всё это богатство через «кормушку» и поймал себя на мысли: «Блин, если завтра освободят, то всё пропадёт».

Завтра суд по замене условного срока на реальный.

Юлю показывают по телику! Звезда.

2 февраля 2021

5:50 — включается радио. 6:00 — свет. Встаю, и сразу интерком в стене: «Одевайтесь по сезону и собирайтесь с документами». Ого, значит, повезут в суд, а не по телерадиоконференции. Только почему так рано? Суд же в 10.

Просил бритву (сразу дали), побрился, вскипятил чайник, сделал кофе. Дверь открывается: «Выходите».

— Куда такая спешка? 5 минут не дали.

Пришлось выйти.

Впрочем, далеко сразу не ушёл — моя «любимая» комната обыска. Снова надо раздеться догола, каждую вещь смотрят и переписывают. После этого запирают в бетонный «пенал» — узкую камеру полтора на два с половиной метра. Жду здесь сейчас.

Довольно быстро (15 минут) забрали и отвели в автозак. Там прямо какие-то спецназовцы в касках и с автоматами. Приехали в Мосгорсуд. Почему-то. Должны, по идее, в Симоновский. Снова надо раздеться. Но в этот раз — не догола. Штаны надо оставить. Но до пояса, и носки с ботинками снять. Сижу теперь в ещё одном «пенале» — квадратном на этот раз, 1,8 на 1,8 метра. Жду.

Посидел в одной камере, отвели в другую. Посидел там. Потом повели в зал суда. Суд нудный.
Большой красивый зал. Процесс перенесли в Мосгорсуд из Симоновского, потому что было много заявок от прессы. Но всё равно в зал народу пустили немного. Юля в первом ряду, перемигивался с ней.

Сейчас перерыв два часа.

Принесли сухой паёк — типа, мой обед. Просил кипятку, а пластиковый стаканчик треснутый.

Я в камере рядом с залом суда.

— Сходите, — говорю, — к адвокатам, пусть купят мне в буфете стаканчик.

— Не положено.

Но кипятку мне не дать тоже вроде неудобно. В итоге менты взяли пластиковую бутылку, разрезали, получился стакан. Норм.

Вторая часть заседания бодрее. Я выступил, и всё. Судья ушла на решение. Всё довольно очевидно.

Ну всё — теперь официально.

Я заключённый. Три с половиной года колонии общего режима.

3 февраля 2021

Видимо, приговоры действуют на меня успокаивающе. Спал как младенец. Я, в общем, и так хорошо здесь сплю, только кровать неудобная и спина болит, когда поворачиваешься. Но сегодня была лучшая ночь из всех. Прекрасно спал и в 5:55 — за 5 минут до подъёма — проснулся полностью выспавшимся.

Ровно то же самое было в 2013 [году] в Кирове. Приговор 5 лет, СИЗО, моментально заснул и прекрасно спал. Скорее всего, дело в наступившей определённости.

Сто раз провёл сам с собой честную беседу: не жалею ли я, не переживаю?

Вообще нет. Чувство убеждённости в собственной правоте и причастности к большому делу перевешивает все тревоги на миллион процентов. Ну и потом, понятно же было. Я много раз это анализировал и понимал, что повышение эффективности работы нашей команды

приведёт к тому, что Путин отдаст приказ меня посадить, ведь другого варианта решить проблему у него не будет. Вернее, был ещё один способ, но он не сработал. Ха-ха.

Вывели из камеры на встречу с Михайловой, а у двери стоят заветные ящики. А в них — помидоры и огурцы.

Я богат!

После встречи это всё выдали мне в камеру. По какой-то необъяснимой и непонятной логике часть того, что я заказал, сегодня утром уже пришла! А обычно приходится ждать больше недели (ну как «обычно», я всего тут две с небольшим недели).

Короче, сложилась уникальная ситуация. В обычном мире такие совпадения приводят к зарождению жизни, ну или как минимум к извержениям вулканов и цунами.

У меня в камере одновременно огурцы, помидоры, лук и, на выбор, подсолнечное и оливковое масло. Конечно, хотелось бы сметаны, но такая роскошь непозволительна, и даже мысль о салате со сметаной мешает осуждённому встать на путь исправления.

Нож выдали. Сегодня начнётся кулинарная магия.

Провал. Всё сделал восхитительно, а потом вспомнил, что соли-то нет! Ну какой овощной салат без соли.

«ФСИН-письмо» работает ОК. Сейчас принесли письма. Их люди отправляли вчера, после приговора. То есть сутки. Почти как имейл для тех, кто проверяет имейл раз в сутки.

Бегущая строка: «Евроньюс» говорит, что Серёгу Смирнова[17] арестовали на 25 суток за митинг. А Кобзев мне говорит, что ему вменяют буквально твит с текстом: «31-го обещают хорошую погоду». Путин просто на 100% копирует то, что делает Лукашенко.

4 февраля 2021

После обеда лёг спать. И так хорошо заснул, что было очень обломно просыпаться от воплей интеркома. Но интерком спрашивал: «Вы в спортзал пойдёте?» Хотя мне и очень хотелось сказать «нет» и спать дальше, я помнил, что спортзала я добивался три недели. Поэтому сказал: «Конечно».

Спортзал оказался камерой прямо на моём этаже, только большой. Там есть шведская стенка с турником, две лавки для жима штанги со стойками, гантели и лавка, на которой можно делать обратные подъёмы корпуса, ну, для моей спины. Такая обязательно есть в любых спортзалах, даже в невзрачных.

К моему большому разочарованию, в спортзале никого не было. То есть это всё ни разу не было похоже на тюремный спортзал в кино, заполненный угрюмыми качками в татуировках.

Одному заниматься неудобно, но, пока спина болит, я всё равно делал простейшие упражнения с минимальным весом. С грифами штанг в основном.

Заниматься дают час. В общем, норм спортзал, разнообразит жизнь.

После душа «кормушка» открылась, и мне дали на подпись бумагу о получении торта. Некая девушка по имени Кристина заказала мне в тюремной лавке торт тирамису. Здоровый.

Тут есть какое-то дурацкое правило, что передачи не отдают, открыв дверь, а только через кормушку. В итоге торт в коробке пропихивали в кормушку. Конечно, коробку порвали, а торт помяли.

В принципе, от тортов стоит держаться подальше. Двигаешься тут мало. Но отказаться или отдать в другую камеру нельзя.

Придётся съесть.

5 февраля 2021

Интерком в стене проснулся вместе с лампой — значит, сейчас 6 утра — и что-то прохрипел. Вроде «собирайтесь с вещами». Хм. Меня что, уже этапируют? Встаю, ковыляю к нему в трусах. Нажимаю кнопку и жду, пока они ответят: «Слушаю».

— Я не расслышал: что вы сказали?

— Одевайтесь по сезону с документами, 10–15 минут.

— Да у меня нет же суда сегодня, куда собираться?

— Собирайтесь.

Блин, это бесит. Суд завтра, куда едем? Неужели меня теперь начнут таскать и на скучнейшие гражданские дела по искам «повара Путина» Пригожина? Он их подал столько, что я уже перестал следить. Или какое-то следствие? Скорее всего, оно. Бриться уже нет времени, да и много чести —

бриться для поездки к следователям, которые сами преступники. Ставлю чайник и иду умываться. Так как у меня теперь есть молоко, то можно выпить божественный напиток — растворимый кофе с молоком. Просто порошок с водой (довольно отвратительный) пью, конечно, но просто от скуки. А добавишь в эту бурду 50 мл молока — выходит восхитительно. Впрочем, я помню, что настоящие ценители кофе считают омерзительной бурдой то, что обычно пью я, — чёрный кофе из кофемашины с добавлением обычного (не вскипячённого) молока из пакета.

Это я всё обдумываю, пока стою, пью и жду, когда откроется дверь. В прошлый раз допить не дали, поэтому я стараюсь соблюдать баланс между большими глотками и удовольствием.

Начальник смены открывает дверь и тоже ничего не знает. Говорит, что конвой всё объяснит.

Та же процедура: комната обыска, раздеваешься догола, все вещи через рентген. Начальник конвоя тот же самый, что был на прошлом суде. Киваем друг другу, как старые знакомые. Он тоже ничего не знает, ну или, скорее всего, просто не говорит. Выводят на улицу: вся бригада конвоя — те же чуваки. Видимо, закрепили их за мной. Заводят в железную коробочку внутри автозака.

— Куда едем-то? — спрашиваю. — У меня же суда сегодня нет.

— Куда едем — не знаю, но ваши же адвокаты вам говорили, что «увидимся на суде».

— Так суд в пятницу, сегодня же четверг.

— Сегодня пятница.

Блин, я всё перепутал. Надо календарик завести. Ещё

и не побрился.

Процесс по делу о «клевете на ветерана». Придуман кремлёвскими пиарщиками. Им кажется это отличной идеей. Всё — ради заголовков: «Навальный оклеветал ветерана войны». Значит, сегодня будут много снимать, а я небритый и как бомж. Оклеветал ветерана и вторично оскорбил его, придя на процесс небритым. Растоптал память о войне. Виновен!

Привезли в Бабушкинский суд. Снова обыск. Потом заводят в камеру. «О, норм», — думаю, когда открылась дверь. Большая и светлая. Не «пенал» крошечный.

«Не норм, совсем не норм», — понимаю я, когда дверь захлопывается. Видимо, камеру мыли к моему приезду. А что означает «чисто» в райсуде или в отделении полиции? Правильно: больше хлорки.

Это натурально газовая камера. Тут всё очень хорошо вымыли с хлоркой, но вентиляции нет, поэтому хожу туда-сюда по этой большой камере и чувствую себя солдатом на поле боя Первой мировой войны. Утешаю себя тем, что хлор оказался самым неэффективным видом химоружия. От него быстро отказались в пользу иприта. Хорошо, что ипритом камеры не моют.

Думал, что через час привыкну, но вот сел это записать часа через полтора после того, как привезли, — запаха хлора уже не чувствую, но в носу щекочет и глаза режет.

Во сколько суд, непонятно. Меня сюда привезли в 7:15, сейчас, наверное, около 9.

---

14 часов, меня привели обратно в камеру — перерыв до 15.

Ух, какой отвратительный процесс! Весь сценарий его явно писал какой-то пиарщик. Не удивлюсь, если Симоньян сама. Всё абсолютно в её духе, плюс само дело это — явно ответ на наше расследование «Паразиты» об RT, Симоньян и её муже.

Короче, несчастного 95-летнего деда, который явно ничего не соображает, посадили перед камерой в орденах. Типа, он по видеосвязи. Дед не понимает вопросов, хорошо слышно, как ему громко подсказывают. Когда дошло дело до его допроса, он прочитал с бумажки три строчки, а потом сказал, что хочет прекратить допрос в связи с плохим самочувствием.

Прокурорша сразу радостно вскочила: «Давайте зачитывать его письменные показания!» Конечно, там 20 страниц мемуаров о войне, которые писал явно не этот дед.

Судья такая, радостная: «Давайте!»

Зачитывают. Дед смотрит в камеру, через 10 минут в эту камеру влезает судья, которая в доме у деда (так надо по закону), и говорит: «Ему плохо, приехала скорая».

Ну то есть спектакль.

И это ещё при том, что дед в сентябре подал нотариальную доверенность о том, что болен и присутствовать не хочет, но сценарист процесса сказал: «Надо». Значит, надо.

Вот объявлен перерыв. Сижу в камере, ем галеты из «суточного рациона». Менты дали кипятку.

Ха-ха. Мне, конечно, и раньше грозили удалением из зала

суда, но никогда столько раз подряд не давали мне «трёх последних предупреждений» и не кричали, что «переместят в конвойное помещение». Судья — мерзкая жаба, беспредельная даже по меркам путинского суда. Даже не беспредельная, а просто тупая. Ей доверили сфабрикованное дело, а она не знает, как себя вести. В итоге она просто снимает наши вопросы, когда мы ловим свидетелей на противоречии, прекращает допрос или объявляет перерыв. Не понимает процедуру оглашения документа из материалов дела.

«Внук ветерана» — клоун, который помог следователям состряпать дело, — громко заявил, что заявления ни он, ни дед не подавали. Но я-то знаю, что в материалах заявление есть. Подвожу его к этому классически:

— Точно нет заявления?

— Нет.

— Вы уверены?

— Уверен.

Потом торжествующе требую предоставить лист дела с документом, а судья: «НЕ БУДУ». И остановила процесс. Объявила перерыв на неделю.

Внук вообще надеялся использовать допрос как трибуну и начал с какого-то лепета про то, что я должен вести себя «как мужчина». Тоже явно часть сценария. Пришлось тупо наорать на него, назвав проститутом, торгующим дедом. Он начал просить у приставов водичку. И правда, омерзительный проститут.

Ну, в общем, вернулся голодный и злой. На обыске думаю о том, что ужин пропустил и в камере только торт и морковка по-корейски. Подводят к камере, а тут передача

от моей любимой крошки. Бутылка масла, салат и 4 банки тушёнки говяжьей. Очень вкусной, кстати. Съел две банки с ликованием и любовью в душе.

Ещё хорошая новость: я написал заявление начальнику, что для реализации права на самообразование мне нужно два словаря и книги на английском и французском. Книги передать мне он не разрешил, но [вышло] даже лучше. Они каким-то образом составили каталог книг на иностранных языках, которые можно купить. Небольшой, но тем не менее. Молодцы, не поленились. Чувствую прямо признательность.

6 февраля 2021

Суббота. Это вторая суббота, когда ловлю себя на мысли, что мне нравятся выходные здесь. Да, нет передач, но зато никто не ходит, никуда тебя не везут, не просят «собраться с документами». Тишина, и даже железные двери лязгают гораздо реже обычного.

Полдня отвечал на письма, больше всего понравилось письмо в одну строку: «Алексей, хочу вам сообщить, что я вами очень доволен».

Ещё много писем от девушек, сообщающих, что в тиктоке меня называют «крашем». И некоторые объясняют мне, что такое «краш». Ну, я кокетливо отвечаю, что не такой я и отсталый и знаю, что такое «краш». Это натолкнуло меня на мысль о том, какая у меня будет концепция

ведения инстаграма. На прогулке придумал.

–15 градусов, кстати. Нос замёрз.

7 февраля 2021

Смешно. Охране в буквальном смысле запретили разговаривать со мной. Только обязательные фразы вроде «Заходите», «Выходите», и, поскольку они постоянно снимают меня на видео, они этот запрет соблюдают. Видимо, прямо какие-то ужасные кары им обещали за нарушение.

Сейчас заходит майор. Он дежурит через день. Молодой чувак, нормальный вроде.

— Доброе утро.

— Привет, — говорю, — как дела?

Майор молчит и смотрит на меня. Я смотрю на него вопросительно и повторяю: «Как дела?»

Майор продолжает смотреть на меня то ли с ужасом, то ли с мукой. Абсурдность ситуации понятна ему, но совершить преступление против основ конституционного строя и ответить: «Нормально» — он не может.

Сегодня воскресенье, и на завтрак я взял буханку хлеба. Вообще я не завтракаю, перестал делать это несколько лет назад, когда два месяца сидел под арестом. Просто понял, что не голоден по утрам. Зачем есть тогда? Потому что в детстве говорили: «Завтрак съешь сам, обедом поделись с другом, а ужин отдай врагу»? Или потому что всякие жулики, продающие хлопья (адски вредные, состоящие из сахара) в телевизоре, уверяют, что «завтрак — главный

приём пищи»? Выйдя тогда после ареста, я полез в интернет, почитал и убедился, что никаких научно обоснованных данных о пользе завтрака нет. Никакой «энергией на день» он не заряжает, это всё чушь. Поэтому я считаю: хочешь есть — ешь, не голоден — не ешь.

Ну так вот. Я не завтракаю, а хлеб тут дают только утром. Я осознанно не беру. И от картошки, которую здесь дают постоянно, тоже отказался. Ну не тратишь тут столько энергии, чтобы жрать хлеб и картошку. Мне кажется, из 24 часов я 20 провожу в лежачем состоянии. Добавьте сюда хлебушка, и скоро получите человека весом 120 килограммов.

Но тысячи лет эволюции приучили мозг к железному правилу: есть еда — жри. Ведь завтра мамонты уйдут на север, и ты месяц будешь голодать. Есть сахар? Супер, жри ещё больше, запасаем жир на трудные времена.

Поэтому совсем отказаться от простых углеводов я не в силах (да чего говорить: два дня назад сожрал полторта и доел бы на следующий день, если бы не заставил себя выкинуть его в мусор), поэтому решил брать хлеб по воскресеньям.

И вот уже третье воскресенье торжественно ломаю батон белого безвкусного хлеба и ем. Ломаю, потому что резать нечем. А в этот раз у меня и сливочное масло есть. Поэтому я сделал себе кофе, отрезал себе ложкой масла от пачки, примерно два пальца, и устроил себе шикарный завтрак, как в отеле. Отламываю куски хлеба, намазываю куски масла алюминиевой ложкой и запиваю это всё кофе с молоком.

Самое классное, что это простое ухищрение реально

превратило воскресенье в настоящий, особый праздничный день.

Я православный!

Господи, я уже совсем как зэк. Сделал салат из огурцов, помидоров и лука, заправил маслом, а соли у меня так и нет. И вот я, совершенно на автомате, достал сухой порошок из пакетика с надписью «Куриный бульон» и посыпал им.

Сработало! Думаю: откуда я это знаю? А потом вспомнил, что меня много раз это раздражало в старых зэках, которых я встречал в спецприёмнике. У многих были такие кубики с куриным бульоном, типа «Кнорр». И они их постоянно использовали как приправу ко всему. Выглядело отвратно, когда они крошили пальцами этот кубик и высыпали в кашу. Но, по сути, там и есть смесь соли, перца, приправ и запах курицы.

Вот и я наконец-то нормально посолил салат.

Что дальше? Научусь кипятить воду в пластиковом пакете?

На «Евроньюс» бегущая строка: «Григорий Явлинский написал статью о том, что демократическая Россия и Навальный несовместимы». Вот ведь издеваются в Кремле над этим старым трусом. Заставляют писать такое именно сейчас. Публичное унижение как плата за регистрацию партии и деньги на неё. Ужасно превратиться в такого.

Дочитал «Госпожу Бовари». Очень разочарован. Хотел написать, что это «Анна Каренина» на минималках, но это даже сравнивать нельзя.

Дочитав дурацкого Флобера, продолжаю второй том собрания сочинений Мопассана. Он — «типа» ученик Флобера, но превосходит его в бразиллион раз. Настоящий писатель. Рассказы по большей части дрянные, но большие произведения хороши. И у него постоянно встречаю очень меткие фразы. Вот сейчас я встал со шконки, чтобы записать фразу: «У него была счастливая внешность, о которой грезят женщины, но которая противна любому мужчине». Ну не круто ли?

Постоянно думаю о том, что надо в оригинале прочитать. В библиотеке есть пара книг на французском. Есть и «Милый друг» вроде бы. Но, боюсь, не потяну.

8 февраля 2021

Холодно. −16. Но прогулял весь час, не сдался. Хорошо, Юля шерстяные носки передала.

Решил убраться в камере, хотя и так, конечно, чисто. Подмёл, начал мыть пол — тряпка новая, козырная, заказанная из ларька. Говорю: «Дайте швабру».

— Швабру не положено.

— И чем же, руками мыть? Неудобно же.

— Только руками.

Какая тупость.

— Собирайтесь без документов к врачу.

— На улицу собираться?

— Нет, в здании.

Наверное, неделю назад написал, что мне нужно обследоваться у офтальмолога, чтобы мне могли заказать очки.

Отвели на четвёртый этаж, там я пока не был — это больничное крыло. Такие же камеры и железные двери, только надписи вроде «Процедурная» и всё выкрашено в голубой цвет.

В кабинете сидят двое: медсестру я знаю, она меня принимала, и молодой, приятного вида интеллигентный кавказец — врач. Медсестра мрачная, кавказец явно чувствует себя не в своей тарелке. Из этого сразу ясно, кто работает здесь, а кого привезли с воли.

— Я офтальмолог.

— Здорово. Как вас зовут?

— Ильмар Халилович.

Ну, раз представился, а не попросил называть себя «товарищ офтальмолог», значит, точно не местный.

Внутри кабинета есть клетка. Настоящая такая клетка. Тебя туда заводят и закрывают. Врач снаружи сидит за столом и записывает. Потом через ячейки клетки просовывает тебе, свернув в трубочку, ламинированный лист с образцами текстов разным шрифтом. Потом таким же образом — очки со сменными линзами и меняет мне эти линзы уже сам, засунув руки ко мне в клетку. Врачу явно неудобно, и он бормочет: «Первый раз принимаю в таких условиях».

— А вы с воли или здесь работаете?

— С воли.

Так смешно — «с воли», как будто мы не в Сокольниках, почти в середине десятимиллионного города, а в дальнем сибирском лагере.

У меня будут очки!

Понедельник, банный день. Сегодня меня в душ конвоировал нормальный чувак. Он сказал: «У вас 15 минут, за 5 минут я вас предупрежу».

Блин, ну так гораздо лучше. Без часов невозможно понять, сколько прошло времени, и сначала торопишься — не хочется, чтобы потом гнали и пришлось надевать чистую одежду на мокрое тело, а потом стоишь одетый, ждёшь и думаешь: «На хрена я торопился, мог бы мыться до сих пор».

А так я спокойненько вымылся. Мочалкой! Последний раз тёр себя мочалкой типа «губка», наверное, в школе. Потом несколько минут просто стоял под восхитительным горячим душем. Потом спокойно вытерся и оделся.

Жизнь обрастает ритуалами. У меня есть лимон и маленькая баночка мёда — её Юля положила в самую первую передачу. И я берегу и то, и другое, чтобы после душа попить чай с мёдом и лимоном. И церемония приготовления напитка у меня такая долгая и тщательная, что японцы застрелились бы от зависти. Причём делать этот чай не менее приятно, чем его пить.

Тут, в тюрьме, конечно, раздолье для психолога. Можно сто диссертаций защитить по удивительной способности

человека адаптироваться и извлекать удовольствие из любой фигни.

Михайлова приходила, рассказывала всякие новости. Прочитала, зная, что мне будет любопытно, ту самую статью Явлинского, где он говорит, что «демократическая Россия и Навальный несовместимы». Я думал, что там, как обычно у него, куча демагогии, пустых слов, пара критических фраз, ради которых всё и писалось. А там прямо огромная программная статья, посвящённая мне. Какой я ужасный популист, участник «Русских маршей», агент Кремля. Все мои расследования и видео бесполезны и т. д. Прямо почти с переходом на личности, что для Григория Алексеевича нехарактерно.

Бедолага. Представляю, как он страдал, когда это писал. Мало того, что в Кремле его заставили писать про МЕНЯ, так ещё он понимал, что его разорвут. И разорвали, понятное дело. Не из-за меня конкретно, а просто — ну на хрена писать такие статьи о том, кого только что посадили. Как говорится, упустил прекрасную возможность промолчать.

Уж не знаю, за что его ухватила кремлёвская рука, но держит крепко. Про него и не скажешь: «Похоронил свои перспективы». Их и не было. Скорее, потерял последних сторонников и уничтожил шансы на избрание многих своих однопартийцев. Вот уж кто больше всего в шоке, так это товарищи по партии. Вот же она, долгожданная политическая волна, прямо накануне выборов — садись да едь.

Но нет. Прыгнули против неё, наглотались песка и воды,

плавки унесло волной. Теперь выходят на берег, прикрывшись руками, а все смеются.

Снова повели. Оказалось, к начальнику. Я давно записывался и даже список вопросов составил, но они в основном разрешились сами по себе.

Начальника видел второй раз, он приходил в первый день вместе с ОНКшниками. Был угрюмый и молчал, как все здесь. Может, дело в маске? В масках все кажутся более мрачными.

В этот раз он был вполне жизнерадостный и даже шутил. Я даже удивился. Правда, всё равно всё под видеорегистратор, который он установил на столе. Нормально поговорили, он весьма подробно ответил на все вопросы. Даже на дурацкие — типа, как хранить мороженое, которое есть в ассортименте ларька. Оказывается, верхняя полка моего холодильника — это морозильник. Просто не закрывается на дверцу, как в нормальных холодильниках. Кто бы мог подумать.

Книжки обсудили. ОНК обсудили. Обучение обсудили. Даже более длинную кровать обсудили. Я даже отвык, что кто-то отвечает на вопросы, а не молчит, глядя на тебя с ужасом или повторяя, как робот: «Заявление пишите».

К сожалению, он мне так и не раскрыл главный секрет, который мучает меня месяц: как люди в соседних прогулочных дворах понимают, что я гуляю? Вернее, это было один раз, но они точно знали, а не кричали наугад. Не думаю, что им мог сказать чувак, который ходит сверху и глядит на всех. Должен быть какой-то простой ответ.

Только что было смешно. Открывается с лязгом «кормушка» в двери. Ну, думаю, надо снова что-то подписать. Беру ручку и подхожу. А в «кормушке» появляется голова кота с открытой радостно пастью. С большим трудом в окошко пропихивают ОГРОМНУЮ пачку писем, на вид — не меньше двух тысяч страниц, а сверху пачки лежат фотки из чьего-то письма — распечатанный на всю страницу кот, который открывает пасть и тянет к тебе лапы, и подпись: «Иди обниму».

Ну вот, понятно, чем я буду заниматься следующие два дня. Или, скорее, три.

«Однажды к ним подошёл дядя Лястик, не выпуская изо рта трубки, отсутствие которой изумило бы всех, может быть, даже больше, чем исчезновение его носа...» Ну разве Мопассан не гениален? Читаю «Жизнь» и наслаждаюсь слогом.

9 февраля 2021

Холодно. Но гулял полтора часа. Под конец ужасно замёрз.

Изобрёл салат. Режешь огурцы, помидоры, лук, как для овощного салата, потом добавляешь подсолнечного масла, потом нарезаешь филе селёдки (Юля прислала). Селёдка солёная и как раз компенсирует отсутствие соли, которую до сих пор так и не раздобыл.

10 февраля 2021

Я очень редко пью сладкую воду — сок, колу, морс всякий. А тут думаю: «Хочу морс».

В ларьке его три вида. Я долго думал и заказал черничный. Потом зачеркнул и написал: «Клюквенный».

Вечером ведут в камеру, вижу — рядом с дверью ящик. В нём бутылка клюквенного морса. «Ни хрена себе скорость», — восхищаюсь я.

Через час мне эту передачку отдают в «кормушку». И бумажку, чтобы расписаться. Написано: «Передано от Юлии Навальной».

Ну вот как она это делает?

Два дня отвечал на письма. Ничего больше не делал. Аж шея болит. Штук 200 ещё осталось. Только что принесли ещё одну такую же пачку — не меньше 2 тысяч листов. Еле пропихнули в «кормушку». Измяли всё.

Становится очевидно, что на все письма я ответить не смогу, хоть и 99% моих ответов — это: «Спасибо большое, Мария Ивановна».

11 февраля 2021

Сегодня снег идёт, так что первый раз гулял под снегопадом. Ну то есть снежинки залетали в ту часть прогулочного двора, которая ближе к полутораметровой щели, через которую видно. Но всё равно очень красиво и апокалиптично. Крупные, здоровые новогодние снежинки летят через ряды колючей проволоки.

В советское время был анекдот о том, почему долго ждёшь автобуса, его нет и нет, а потом приходят сразу три: это водители в автопарке в карты играют. Сыграют партию — поехали.

Вот так и с едой моей. Я заказывал — не приносили. Я думал, что заказ потеряли, и заказывал снова. Сегодня принесли всё, и я с большим трудом запихнул это в холодильник. Полка тоже полная. Теперь у меня есть и соль, и сметана (две пачки), и голубцы, и рыба, и курица. Крылышки — их, наверное, Юля заказывала. Принесли даже блюдо «Цыплята табака с картофельным пюре», которое я заказывал 20 дней назад, и я был совершенно уверен, что этот заказ потерян или блюдо такое перестали готовить.

«Цыплята табака» оказались просто холодной половинкой жареной курицы.

Помидоров у меня столько, что могу ими торговать. Из лука могу построить пирамиду в человеческий рост. Я полностью готов к смелым кулинарным экспериментам.

Обед приехал. Я еду брать отказался, сказал, что у меня самого слишком много еды, надо есть её. Девушка, которая раздаёт еду:

— Точно? Сегодня рассольник, — и посмотрела на меня взглядом, в котором читалось: «Дурак ты, Навальный, месяц брал всякую фигню, а сегодня отказываешься от рассольника».

Я покорно согласился взять рассольник и не прогадал. Он оказался отличным.

В спортзал сходил. Гуд. Только спина всё ещё болит, к сожалению.

Бегущая строка «Евроньюс» — главный источник информации — делится на две части. В левой, занимающей примерно $^{1}/_{5}$, пишут жирным название страны, о которой новость. Справа, мелким шрифтом, сама новость. Так и мелькает всё время: Германия, Литва, Испания, США.

Во всех новостях обо мне вместо страны пишут «НАВАЛЬНЫЙ» капсом. Забавно выглядит.

Снова принесли такую же пачку писем. Выглядит так, как будто я всё это придумываю, пытаясь произвести впечатление, но нет. У меня теперь в камере несколько тысяч неотвеченных писем. На глаз — 4–5 тысяч.

12 февраля 2021

Сегодня суд. Вчера вечером мне говорят: «Завтра на суд вам ехать, встаньте пораньше».

Они почему-то очень торопят меня по утрам, хотя подъём в 6, готов я, побрившись и умывшись, в 6:25, а еду в 10, то есть времени море. Я говорю:

— Ну так вы меня разбудите в 5:45.

— Э-э-э (типа, здесь не отель). Вы сами как-нибудь просыпайтесь.

— Да как же я сам проснусь? Времени я не знаю, часов нет, радио ещё не работает. Даже если я проснусь в 5:45, как

я узнаю, что сейчас 5:45?

Ничего не говорят.

Сегодня утром включают свет до радио ещё. Спрашиваю в интеркоме: «Доброе утро, а какое точное время?» — «Доброе утро. 5:46».

Ну, то есть всё-таки почти как в отеле. Ресепшн разбудил вовремя.

Причём каждый раз эта спешка не имеет ни малейшего смысла. Вот я оделся полностью, меня вывели буквально в соседнюю камеру — ту самую комнату обыска. Здесь снова раздеваться догола. Всю одежду прощупывают и проверяют металлодетектором. Потом одеваешься, потом тебя запирают в бокс крохотный. Вот сейчас в нём сижу и жду непонятно чего.

В автозаке играет нормальная музыка. Класс. Отлично проехались. А то я немного устал от «Ретро FM».

Такую адскую, злобную и, главное, совершенно глупую судью, как на процессе о «клевете», просто представить невозможно.

Ей явно в прошлый раз дали по шее за то, что в глазах публики мы сделали этот процесс выигрышным для себя, и теперь у неё задача просто не дать нам говорить. Для этого она постоянно выносит «замечания». Михайлова получила два за первую минуту процесса за то, что просто начала говорить. Мне за день сделали штук 300 замечаний. Обычно самые незаконные процессы поручают довольно изощрённым судьям, которые всё делают вежливо и хорошо

знают процесс.

А эта просто глупая и злобная и, как делать «красиво», не понимает, чем сильно нам помогает, хотя и приходится постоянно орать.

Прокурорша облизывает пальцы, листая материалы дела. Отвратительно.

Ещё отвратительнее было, когда она устроила представление: читала воспоминания деда о войне, выданные за его показания. Изображала слёзы и делала долгие паузы.

Надо же, сволочи: подделывают его протокол допроса, а потом плачут над ним. Под конец прокурорша задавала вопросы вроде: «Вы ходили на Русские марши?», «Зачем ваши сторонники глумились над смертью актёра Ланового?», «Зачем вы хотите уничтожить историческую память?»

Это, типа, были её «острые вопросы». Иногда она даже добавляла: «Можете не отвечать». Офигевала даже судья, но вопросы не снимала (все мои вопросы всем свидетелям она сняла) и просто в ужасе таращила на меня глаза.

Ну, я немного дал себе волю, отвечая на эти вопросы.

Михайлова и Кобзев ликуют: эксперт СК, которую допрашивали, сказала, что в моем твите «оценочные суждения». А значит, дело надо прекращать. Эта юридическая фигня явно не интересует ни судью, ни прокурора, но [адвокаты] радуются.

Водитель автозака был какой-то адский на обратной

дороге. Меня даже укачало. Приехал в 21:45, голодный.

— Дайте пожрать.

— Уже нельзя.

А я весь день мечтал о том, как сделаю салат из помидоров и огурцов со сметаной. С маслом делал, но всегда хотел со сметаной. Думаю, ладно: завтра в обед [сделаю], ведь у меня есть кусок холодной курицы. Но глянул я на эту курицу, и она была такая противная и так похожа на сегодняшний суд, что я решил идти к мечте. То есть сделать салат даже с учётом того, что скоро могут выключить свет и придётся доделывать в темноте.

У меня есть пластиковые приборы, наконец. И нож тоже, но он, понятно, не режет совсем. В итоге скорее накромсал и разломал всё, чем порезал. Огурцы, помидоры, лук, сметана.

Посолил. Ведь соль теперь тоже есть. И даже хлеб был — Юля передала, хоть я и запретил.

Кайф.

13 февраля 2021

На улице снег, уже даже на решётке окна снег лежит. Жду прогулки. Во дворе должен быть сугроб!

Так классно. Отвечаю на письма. Их много. Отвечаю, отвечаю. И тут письмо от бармена из винного бара напротив нашего офиса. Пишет, что ждёт, когда я приду с Юлей снова и закажу бокал вина, как обычно. Так приятно, и улыбаюсь уже 5 минут.

Сугроба, к сожалению, не было.

Меня довольно поздно вывели гулять — в 12:45, а обязаны в 9:45–10:30, — и, видимо, к этому моменту какого-то арестанта заставили раскидать сугроб по дворику ровным слоем.

Но зато получилась прямо засыпанная снегом площадка, а не асфальт, как обычно. И такой кружок неровный протоптан теми, кто гулял. Идёшь по снегу и чувствуешь, как он скрипит. Именно чувствуешь, а не слышишь: услышать ничего нельзя, радио орёт.

Но всё равно очень новогодне.

14 февраля 2021

Утром рано начал делать табаты свои (я молодец!), и по радио напомнили, что сегодня день Св. Валентина.

А я провернул спецоперацию и мимо Юли передал текст поста в инстаграм.

Должны повесить сегодня в 12. Интересно, какую фотку подберут.

Видимо, я изобрёл способ лечения ожогов. Недели три назад обварил кисть левой руки. Прямо сильно и крутым кипятком. Ясно, что придётся врача вызывать. Мазать чем-то надо, противоожоговую мазь просить. А это здесь — ужасная головная боль, особенно вечером. А у меня всё часов в 9 вечера произошло. Каждое обращение к врачу рассматривается как симуляция, особенно когда ты САМ поранил себя. Реально надо выпрашивать лечение, а этого делать очень не хотелось.

Плюс представил, что придётся на суды ходить с повязкой и все будут спрашивать, что это, а публика будет

думать, что следы пыток.

Да ещё по правилам обыска все повязки разматывают. Ужас, в общем.

А буквально за день [до того] мне привезли из ларька крем для рук и тела Dove. Обычный, очень дешёвый и очень жирный крем. Хрен знает, зачем я его купил. Счастливое совпадение. Ну, думаю, хуже не будет, наверное. Всё равно принцип действия ожоговых мазей — это, наверное, увлажнение.

Намазал, короче, ожог жирным слоем. Мазь впитывается, как ненормальная. Ну, короче, мазал остаток дня, а потом три раза в день. Кожа слезла, конечно, но это было не так кошмарно, как я ожидал. А сейчас вообще следа нет. Лучше, чем было.

Воскресная традиция. Взял на завтраке полбуханки хлеба. Сегодня он ещё и не белый, а тёмный. Видимо, со ржаной мукой. Достал масло, у меня ещё и сыр есть.

Налил кофе. Элитно.

15 февраля 2021

Гуляю сегодня, и снова холодно. Охранник — тот, который ходит наверху и смотрит за всеми дворами, — очевидно, мёрзнет гораздо сильнее. Арестанты-то в четырёх стенах без крыши. А он ходит на уровне нашего потолка, как раз там, где полутораметровый зазор между стеной и кровлей. Думаю, там всё время зверски дует. И поэтому охранник в валенках и поверх тёплого военного бушлата у него тулуп. Такой настоящий овчинный тулуп коричневого цвета.

Проходит мимо меня, смотрю ему вслед, а у тулупа сбоку на спине вырван здоровый треугольный клок. Как будто собака оторвала или в драке.

Выглядит офигенно. Мало того, что архаичный тулуп, как в кино или «Капитанской дочке», так ещё и ДРАНЫЙ ТУЛУП. Как в книгах.

«Навальный, собирайтесь на санитарную обработку!» Очень смешно.

Вывели в душ. Иду по этажу — рядом с камерами стоят пластиковые ящики, в них лежат продукты на передачу. Приносят в обед, выдают в камеру вечером.

И в одном ящике лежат торт и АНАНАС! Прямо настоящий здоровый ананас с листьями. Ботвой — или как ещё назвать эту колючую штуку сверху?

Я заказывал гранат и апельсины. Чего удивляться, что в ларьке есть ананас. Чем он отличается от яблок? Но всё равно выглядит он дико и экзотично в пластиковом ящике рядом с железной дверью в тюрьме.

Грандиозный облом. Я очень расстроен. Всё нахваливал этот каталог иностранных книг, заказал оттуда словари, пару книг на английском и французском дней 10 назад. Больше даже. Очень ждал.

Когда заказывал, дежурный говорит: «Пишите: ФГУП „Калужский“».

Тут, когда покупаешь что-то, надо указывать фирму,

которая указана в прайс-листе. ФГУП «Калужский» или «Сигма».

Ну я и написал заявку на «Калужский».

А сегодня мне приносят мою заявку, там красной ручкой огромный вопрос. И снова передают свой каталог книг. Типа, иностранные книги — это другой поставщик.

И хрен его знает, какой.

Их прайс-лист — распечатанная таблица из экселя. Теперь всё заново и ещё «на деревню дедушке».

Ха! Ананас. Сейчас какая-то незнакомая женщина оплатила мне в ларьке гамбургер и голубику свежую. И ещё кучу всего. Надо придумать, как запретить посторонним людям заказывать мне еду. А то прознают и начнут заваливать меня всем, думая, что очень меня развлекают и спасают от голодной смерти.

И, конечно, пришла соль. Теперь от Юли. И огурцы.

То есть у меня 2 кг соли и куча огурцов. Реально думаю о том, что надо взять рецепт и засолить огурцы. Только банки нет.

Ура! Ответил на все письма. Ужасно на меня давили эти стопки бумаги, стоящие по всей камере, напоминание о недоделанном деле. Пришлось 90% ответов сократить до «Спасибо!» и «Спасибо :)», и всё равно это заняло много-много часов.

Но вот и всё. Ужасно рад.

16 февраля 2021

Ещё только 7:30 утра, а я уже:

— встал
— побрился
— оделся
— выпил кофе
— разделся
— оделся
— проехал в автозаке
— разделся
— оделся

Сижу сейчас и пью чай в конвойке. Жду суда.

Всю вторую половину дня, после суда, посвятили тупому, бессмысленному, тягомотному выяснению: нарушаю ли я правила, если сплю на одном месте, а читаю на другом. Читать там, где я сплю, просто темно.

Причём месяц всем было всё равно, а теперь вот — нарушение. В карцер, что ли, им приказали посадить меня, вот и ищут повод?

Вечером, конечно, был обыск. Не сомневался.

Но если сразу аккуратно складывать обыскиваемые вещи, то после обыска уже нет такого бардака, а значит, он уже не вызывает такого бешенства у меня.

Это называется — «приноровился».

17 февраля 2021

На прогулку вывели рано.

Ещё 10 нет. Вышел, думаю: а чего же хорошо так? Прямо кайф. Потом просто остолбенел: МУЗЫКИ НЕТ!

Это какое-то восхитительное чувство: идти и слышать звук своих шагов. Да ещё и по снегу.

С улицы какие-то звуки доносятся. Машины едут. Гуляешь как нормальный человек.

Минут через 7 громкоговоритель врубили, и я снова стал гулять как арестант.

18 февраля 2021

Оборжаться. Сижу я сейчас, обедаю. Смотрю репортаж на «Евроньюс» о том, что ЕСПЧ требует меня освободить, а Минюст называет это вопиющим вмешательством во внутренние дела.

И тут истерика: «Собирайтесь с документами!» Как не вовремя адвокаты пришли. Я только кофе хотел сделать и уже порошок в кружку насыпал и молоко достал.

Но ведут меня не к адвокатам, а наверх. Там обычно ОНК или какие-то тюремные дела.

И точно. Заводят в комнату. Там капитан, зам по режиму, подполковник и незнакомый полковник.

— У нас, — говорят, — заседание профилактической комиссии. Зачитывай! (капитану).

— Бу-бу-бу, состоялось, бу-бу-бу, заключённый Навальный, бу-бу-бу, поставить на профилактический учёт как склонного к побегу.

Ну, я стал смеяться, понятное дело.

А они мне сразу бумажку о том, что я на профучёте как

склонный к побегу.

— Распишитесь.

С учётом того, как работает ФСИН и что я второй день пишу объяснительные о том, что читаю в неположенном месте, им явно дали указание наложить на меня какие-то взыскания. Вот они и выдумывают всякую фигню. Как самим не смешно!

Этот профучёт — реальная проблема в колонии: надо чаще отмечаться, и конвоируют тебя как-то особо.

В книжках это называется «влепить полосу». У з/к на груди карточка с фамилией и фото. И вот по диагонали ставят одну из полос двух видов:

— склонен к суициду;

— склонен к побегу.

Полоса с «побегом» хуже.

Что на практике это означает здесь — непонятно. Мне кажется, ничего.

И так всё равно ведь всё время в камере сидишь.

19 февраля 2021

Не стал сегодня отвечать на письма, взял выходной. Завтра сразу два суда и два последних слова, надо подумать, что сказать.

А также я ужасно-ужасно задолбался писать от руки.

Ларёк всё же загадочен и непостижим. То месяц жду, то вот сейчас принесли то, что заказывал вчера.

Очки принесли со склада. Ура — но они в пакетике из целлофана.

— А чехол где?

— Чехол нельзя.

— Я вроде предупредил, чтобы был не металлический.

— Он кожаный. По ПВР[18] пластмассовый разрешён.

Короче, у меня теперь очки в пакете!

Сделал себе на завтра, после всех судов, мороженое по более продвинутому рецепту: добавил чернослива и грецких орехов. Изменил пропорцию масла и сметаны. Долго варил и мешал ложкой.

Приеду завтра, переоденусь, возьму своё мороженое и лягу смотреть, как меня по телику обзывают фашистом и предателем.

20 февраля 2021

В автозаке ехать прикольно. Там включают музыку, причём довольно громко. Уж не знаю, кто включает, но любит он музло современное. После больших доз радио «Ретро» это просто восхитительно.

Который раз подряд включают, и я полюбил (ха-ха) езду в автозаке, которая сама по себе ужасна и одна из самых неудобных вещей в мире.

Выглядит это, наверное, комично. Сижу я в железном ящике, упираясь коленками в дверь-решётку этого ящика. Вцепившись двумя руками в эту решётку, чтобы не удариться головой от тряски. Подлетаю от каждой выбоины

и бьюсь о деревянную скамейку. И мотаю головой в такт орущей электронной музыке или рэпу. Снаружи на меня смотрят сидящие в своём закутке конвоир и два спецназовца в касках с автоматами.

Первый суд прошёл. Из Мосгорсуда приехал очень смышлёный дяденька. Он сделал выездное заседание МГС здесь, в Бабушкинском суде, типа, в моих интересах. Чтоб меня не возили, чтоб адвокаты в пробках не стояли. На самом деле, конечно, для того, чтобы ограничить количество журналистов и публики на процессе.

Дяденька приятный, знает, как решать вопросы.

Сразу специально несколько раз сказал, что даст мне три возможности выступить без ограничений. И просит соблюдать порядок. Типа, давай договоримся: говори сколько хочешь, но не перебивай. И я перебивать не буду.

Ну вот, на этой ноте взаимной вежливости всё и прошло.

Завершилось, понятное дело, так же безрезультатно, зато с улыбками и без ора.

Скинул мне полтора месяца, которые не учёл предыдущий суд. Я задвинул свою речь, которую давно проговорил в голове: Россия Будет Счастливой.

Но, как мне показалось, в отличие от процесса первой инстанции, где я что-то наговорил экспромтом и все очень хвалили, тут вышло не очень удачно. Во-первых, долго, во-вторых, все эти философско-религиозные темы не очень широкой публике. Они им кажутся странноватыми.

Но мне прямо дико хотелось всё это сказать. Бывает такое, мысль рвётся наружу.

Рад, что наконец произнёс это.
Сейчас перерыв два часа. До следующего суда.

Последнее слово по делу «Ив Роше», 20 февраля 2021 года

Так часто я выступаю с последним словом! Вот и сейчас наш суд закончится, а потом у меня следующий суд, и там тоже последнее слово. Наверное, если кто-то захочет издать мои последние слова, получится довольно толстая книжка. Мне кажется, в этом есть какой-то такой своеобразный сигнал, который посылает мне вся эта власть в целом и владелец замечательного дворца Владимир Путин. Всё это выглядит странно, но мы так можем, смотри — можем так сделать. Знаете, как жонглёр или фокусник, в суде вот он мячик крутит на этом пальце, потом раз — на этом пальце, потом на ноге, потом на голове. И они говорят: «Смотри, мы вот эту судебную систему можем крутить на любой части своего тела. Куда ты против нас лезешь? Мы можем всё что угодно сделать, вот смотри, вот прямо так».

Но, если честно, мне кажется, что такая вот их бравада… Ну то есть, сделать-то они, конечно, со мной могут, да, и делают. Но в общем-то, вижу-то это не я один. А обычные люди, которые смотрят на это, они, конечно… На них это тяжёлое впечатление производит. Потому что каждый же думает: «Ага, а если я столкнусь с судебной системой? А какие у меня шансы здесь вот чего-то добиться?»

Тем не менее, последнее слово — значит, нужно говорить последнее слово. Я уже не знаю: о чём поговорить-то, Ваша честь? Хотите, с вами поговорим о Боге? И о спасении. Выкручу, так сказать, ручку пафоса на максимум. Дело в том, что я верующий человек. Что, в общем-то, служит предметом для постоянных насмешек в Фонде борьбы с коррупцией и вокруг меня. Потому что в основном люди там атеисты, я сам когда-то таким был, довольно воинствующим. Но вот сейчас я человек верующий, и мне это сильно помогает, на самом деле, в моей деятельности. Потому что всё становится гораздо, гораздо проще. У меня, знаете ли… Я меньше раздумываю, и меньше дилемм в моей жизни, потому что есть какая-то там, знаете ли, книжка, в которой, ну, в общем-то, более или менее чётко написано, что нужно делать в каждой ситуации. Ну, не всегда, конечно, легко следовать этой книжке, но, в общем-то, я стараюсь. И поэтому, как я уже

сказал, мне легче, наверное, чем многим другим, заниматься политикой в России. И тут мне недавно пишет человек: «Навальный, а чего тебе все пишут „держись“, „не сдавайся“, „терпи“ там, „сожми зубы“? Чего тебе терпеть-то? Ведь ты же вроде в интервью говорил, что в Бога веришь, а сказано ведь: „Блаженны жаждущие и алчущие правды, ибо они насытятся“. Ну так вот и отлично тебе, значит». И я подумал: надо же, как человек хорошо меня понимает. Потому что — ну не то чтобы мне отлично, но вот эту конкретную заповедь я всегда воспринимал как такую более или менее инструкцию к деятельности.

И поэтому, ну, безусловно, не очень наслаждаясь тем местом, где я нахожусь, тем не менее я не испытываю никаких сожалений о том, что я вернулся, о том, что я делаю. Ну, потому что я сделал всё правильно. Наоборот, я испытываю, ну, такое — удовлетворение, что ли? Потому что в какой-то сложный момент я делал как положено по инструкции и заповедь не предал. И важная вещь об этом: безусловно, для современного человека вся эта заповедь — «Блаженны жаждущие и алчущие правды, ибо они насытятся» — звучит, конечно, очень напыщенно. Звучит странновато, честно говоря. Ну и люди, которые говорят такие вещи, предполагается... Ну, говоря откровенно, выглядят сумасшедшими. Сумасшедшие странные люди: сидят там с всклокоченными волосами в своей камере и пытаются себя подбодрить чем-то, хотя они одиноки, они одиночки, потому что они никому не нужны. И это вот важнейшая вещь, которую и власть наша, и вся система пытается сказать таким людям: ты одинок. Ты одиночка. Сначала важно запугать, а потом доказать, что ты один. Ну потому что какие нормальные люди (мы же нормальные люди, адекватные люди!) придерживаются какой-то там заповеди, господи боже мой? И вот эта вот вещь про одиночество — она очень важна, она очень важна как цель власти. Кстати говоря, по этому поводу сказала одна из замечательных философов — Полумна Лавгуд, помните, была такая в «Гарри Поттере»? Разговаривая с Гарри Поттером в сложные времена, она ему сказала: «Важно не чувствовать себя одиноким, потому что на месте Волан-де-Морта я бы очень хотела, чтобы ты чувствовал себя одиноким». Безусловно, наш Волан-де-Морт во дворце тоже этого хочет.

Знаете, конвой — замечательные ребята в моей тюрьме, они же нормальные, но они со мной не разговаривают. Им запретили со мной говорить, видимо. Они говорят только дежурные фразы. Это тоже такая важная вещь, чтобы ты постоянно чувствовал себя одиноким. Но я совершенно не чувствую, и я объясню почему: потому что эта

конструкция — «Блаженны жаждущие и алчущие правды, ибо они насытятся» — кажется экзотической, странноватой, но на самом деле это главная политическая идея, которая сейчас есть в России. Ваша честь, какая существует в России самая популярная политическая фраза, формулировка? Какой самый популярный лозунг в России? Помогите мне кто-нибудь. «В чём сила?» — правильно. «Сила в правде». Вот эта фраза, которую повторяют все, это же оно и есть. Это и есть та самая заповедь блаженства, только без всякого «ибо алчущие». Она просто сжата до размеров твиттера. И вся страна на все лады повторяет, что сила в правде. За кем правда, тот и победит. И это очень важно. И несмотря на то, что страна наша сейчас построена на несправедливости (мы постоянно сталкиваемся с несправедливостью, худший вид несправедливости — несправедливость вооружённая), но тем не менее мы видим, что одновременно с этим миллионы людей, десятки миллионов людей хотят правды, они хотят добиться правды, и рано или поздно они её добьются, они насытятся.

Всем же очевидно: ну вот есть дворец. Ты можешь говорить, что он не твой или его нет, но он есть. Есть нищие люди. Ты можешь говорить сколько угодно, что у нас высокий уровень жизни, но страна бедна, и это видно всем. Они должны быть богаты. Вот нефтепровод построили, деньги зарабатывают, а денег нет. И это правда, и против неё не попрёшь. И рано или поздно люди, которые хотят правды, — они добьются своего, они насытятся.

И важная вещь, которую я вам хочу сказать. И в вашем лице — вашем, прокурора — вообще всей власти, всем людям: важно не бояться этих людей, не бояться тех, кто добивается правды. Потому что многие опасаются: «О боже мой, что будет! Будет революция, будут кошмары и потрясения». Но подумайте сами, как хороша была бы жизнь без постоянного вранья, без этой лжи. Возможность не врать — это же просто восхитительная ситуация. Подумайте сами, как было бы классно работать судьёй, и чтобы вообще не было никакого «телефонного права», никто тебе не звонит, и ты просто такой классный судья с большой зарплатой, даже больше, чем у вас сейчас, ты уважаемый столп общества, и никто не может тебе никуда позвонить, никто не может дать тебе указания, как решать дела. И ты приходишь к своим детям и внукам, рассказываешь, что, да, ты реально независимый судья. И все остальные судьи абсолютно независимые. Классно же было бы, просто было бы отлично быть прокурором, который на самом деле выступает в состязательной системе, ведёт интересную юридическую игру, защищает

кого-то или осуждает каких-то реальных злодеев. И вряд ли, я думаю, люди поступали на юридический факультет и становились прокурорами, чтобы потом участвовать в фабрикации уголовных дел и подделывать за кого-то подписи. Я не верю, что для этого люди хотят стать прокурорами. И я не верю, что люди хотят стать полицейскими, чтобы потом рассказывать: «А классно мы там на митинге кому-то раскроили голову! Или вот мы конвоировали чувака, а он невиновный. Мы слушаем его бесконечное последнее слово». Никто не хочет этого! Никто не хочет быть таким, все хотят быть нормальным полицейским. Потому что от этого вранья одни минусы, плюсов-то никаких нет. Даже зарплату больше не платят. Минусы есть, а плюсов нет. И для всех, от бизнеса... Вот бизнесмены. Любой бизнес в стране стоит в два раза дешевле, чем должен, потому что нет судебной системы, потому что несправедливость, потому что какой-то бардак, нищета. И конечно, всем было бы гораздо лучше, если бы этого вранья и несправедливости не было. Было бы гораздо лучше, если бы те люди, которые хотят правды, добились этой правды. ФСБшники — то же самое. Никто, ни один человек на свете не был школьником с горящими глазами, который говорил: «Пойду в ФСБ, и меня там будут отправлять, чтобы я стирал трусы оппозиционеру, потому что кто-то их намазал ядом». Нет таких людей! Никто не хочет этого делать! Все хотят быть нормальными уважаемыми людьми, ловить террористов, бандитов, шпионов, бороться с этим со всем.

И это очень важно — просто не бояться людей, которые добиваются правды, а может быть, даже как-то их поддержать. Прямо, косвенно, или просто, может быть, даже не поддержать, а хотя бы не способствовать этой лжи, не способствовать этому вранью, не делать мир хуже вокруг себя. В этом есть, конечно, небольшой риск, но, во-первых, он небольшой, а во-вторых, как сказал другой выдающийся философ современности по имени Рик Санчез[19]: «Жизнь — это риск. А если ты не рискуешь, значит, ты просто вялая кучка молекул, собранных беспорядочно и плывущих по течению Вселенной».

Последнее, что я хочу сказать. Мне приходит сейчас куча писем. И каждое второе письмо заканчивается фразой «Россия будет свободной». Это классный лозунг, я его тоже постоянно говорю, повторяю, пишу в ответ, скандирую на митингах, но я постоянно думаю: чего-то мне не хватает. То есть я хочу, конечно, чтобы Россия была свободной, это необходимо, но недостаточно. Это не может являться целью само по себе.

Я хочу, чтобы Россия была богатой, что соответствует её национальным

богатствам. Я хочу, чтобы эти национальные богатства справедливее распределялись, чтобы все получали свою долю нефтяного и газового пирога. Я хочу, чтобы мы были не только свободными, но и, знаете ли, с нормальным здравоохранением. Чтобы мужчины доживали до пенсионного возраста, потому что сейчас у половины мужчин в России этого не получается сделать, да и у женщин — ненамного лучше. Я хочу, чтобы образование было нормальное и люди могли нормально учиться. Я, конечно, хотел бы, чтобы за одну и ту же работу в России получали такую же зарплату, как в средней европейской стране, потому что сейчас — гораздо меньше. Любой: полицейский, программист, журналист, кто угодно — все получают гораздо меньше.

Я хотел бы, чтобы много других вещей случилось в нашей стране. Нужно бороться не столько с тем, что Россия несвободная, а с тем, что в целом она по всем направлениям несчастная. У нас всё есть, но тем не менее мы какая-то несчастная страна. Русскую литературу откройте, великую русскую литературу — да боже мой, одни описания несчастий и страданий. Мы очень несчастная страна и из круга этого несчастья не можем вырваться. А, конечно, хочется. Поэтому лозунг я предлагаю изменить и говорить о том, что Россия должна быть не только свободной, но и Россия должна быть счастливой. Россия будет счастливой.

Кобзев с Михайловой, которые скептически переглядывались и улыбались, когда я спросил у них: «Как речь?», после перерыва сказали, что «если аудитория верующая, то я попал в точку». Надо понимать: это утешительный приз. Зато неверующие теперь считают меня шизиком с мессианскими идеями.

Сказал второе последнее слово — просто снова из головы, только для начала использовал ту бумажку с перечислением социальной помощи, которую дед получил от государства. Переписал в первый день из

материалов дела и сразу решил, что с этого последнее слово и начну. Говорил минут 10, после чего судья ушла на приговор. Сказала, что огласит в 18, то есть с 14:10 до 18 [часов] мне сидеть здесь, в конвойке. Очень жарко и нечем дышать. Попробовал спать на лавке — очень неудобно. Лавка узкая, рука свисает на пол. Кладёшь руку под себя — затекает.

Ну, кстати, я написал: «Попробовал спать», но ведь спал час, хотя потом ещё час был нужен, чтобы всё перестало болеть. Приспособился. Человек привыкает ко всему.

Судья опоздала на час. А потом ещё полтора часа читала свой приговор.

Выяснилось, что по какому-то идиотскому правилу приговор надо слушать, стоя в наручниках.

Вот я и стоял.

Михайлова начала ругаться с конвоем — ментам явно неудобно, они понимают, что правило тупое. Я и так в этом аквариуме, да ещё и в наручниках. Но сделать они ничего не могут: меня снимают 20 камер, и они получат втык, если снимут. Вот Михайлова и ругалась, а они стояли молча, смотрели в одну точку и молчали.

Приговор — какой и думали. Им было важно, чтобы сначала меня судил МГС, а потом чтобы второй раз по клевете. И судья по клевете второй раз изменила мне условный [срок] на реальный. Теперь по телеку могут говорить: «Навального посадили за то, что он оскорбил ветерана войны».

Ну и направила в СК материалы о том, как я «оскорблял»

её и прокуроршу.

Обратно доехали отлично: музыку врубили ещё громче.

Я чего-то так устал, что еле хожу. Спина очень болит. Весь день стоял, за исключением того часа, что «спал» на лавке. Сидеть до сих пор не могу, только стою или лежу.

Съел сейчас своё мороженое. Нормально, кстати, вышло. Жду, пока будет 22:00 (сейчас 21:15), чтобы уже раздеться и лечь.

Завтра устрою выходной. Никакого спорта, никаких писем. Только читаю. Тем более что завтра воскресенье и у меня снова утренняя пирушка с хлебом, маслом и кофе.

21 февраля 2021

Второй раз за всё время здесь не встал в 5:55 и не начал ходить разминаться, а потом делать табаты, а встал, заправил кровать, оделся и снова лёг спать. Не заснул всё-таки, но полчаса просто полежал. Выходной — так выходной. Спать после 6:00 здесь можно. Хочешь, спи хоть весь день. Главное, чтобы кровать была заправлена с 6:00 до 22:00, это важный пункт ПВР.

До завтрака решил важнейшую дилемму. Неотвеченных писем накопилось тысяч 10. Минимум. Я их все прочитал, отбирая самые душераздирающие и письма от знакомых — на такие ответил. Но раньше-то я отвечал на все, хотя бы и одним словом.

Но вчера вечером пришла ещё пачка. Не очень большая, писем 500. Зато после трёх выходных принесут ещё 7–10 тысяч. То есть я должен либо три дня отвечать на эту

стопку, либо...

К своему стыду, я решил оставить последнюю, самую новую пачку, а все остальные — ну, ничего не поделаешь. Прочитал-то я их все. Решил, и сразу стало легче.

Наверное, то, что с сегодняшнего дня я сижу по приговору, вступившему в законную силу, даёт мне право начать новую жизнь. И ответить только на новые письма!

После прогулки спросил у дежурного, можно ли поменять радиостанцию хотя бы на один день, и его ответ меня потряс.

— Это коллективно принятое решение. По голосованию.

Офигенно.

Сомневаюсь, что в этом голосовании принимали участие зэки — скорее всего, только сотрудники, которым тоже приходится слушать, но всё равно.

Ну кстати, если выбирать радио, которое будешь слушать постоянно и вечно, я бы тоже выбрал «Ретро».

Начальник СИЗО сказал мне на встрече, что верхняя полка моего холодильника — морозильник.

Но она совсем такой не выглядит. Инея нет. Я всё думал, как проверить, морозит ли она. Мороженое заказал в ларьке. Сегодня на прогулке, гуляя по снегу, понял, какой я тупой. Вернулся в камеру, налил в тарелку воды, поставил на верхнюю полку.

22 февраля 2021

Зря спал вчера днём. Нацепил маску, проспал от обеда до ужина и ещё радовался: какая хорошая маска, можно днём спать!

Конечно, в итоге не мог заснуть ночью, с трудом потом проснулся, когда заиграло радио, сразу выключил его, оделся, заправил кровать, нацепил маску и лёг снова спать.

Толком не поспал. Спорт теперь делать не хочется. Вот так люди и деградируют.

Сегодня уборка и банный день. А также проблема: вчера постирал свои «длинные» брюки. В суды в них ходил все дни, а в субботу и спал на лавке. Решил, что надо постирать. Вот сейчас 7 утра, а они не высохли. А прогулка в 9:30 часто начинается. И там мороз.

Есть ещё, конечно, джинсы, но они совершенно чистые и глаженые. Я их приберегаю для особого случая, ха-ха. Непонятно, какой тут может быть особый случай, но явно не прогулка.

Обман насчёт морозилки. Не замёрзла вода. Вот так физика приходит на помощь арестантам и помогает разоблачить ложь ФСИН!

Стал отвечать на оставшиеся письма. Очень развеселил некий Александр, попросивший благословения на свадьбу с девушкой Анной.

Это реальная аномалия. Мне пишет какое-то немыслимое количество Алин. Это статистически невозможно.

Показал дежурному, что брюки не высохли, и попросил вывести на прогулку попозже. Где-то в 12:30 повели, что очень поздно по сравнению с обычным временем. И, видимо, я был один из последних на прогулке, потому что в конце выключили радио. Иду, орёт что-то испанское, корасон какой-то, и вдруг — бац! — такая ватная совершенно тишина и только «хресть-хресть» — это мои собственные шаги. Ещё минут 10 без музыки ходил, и это был совершенный кайф.

Вот уж точно: как мало надо человеку для счастья.

23 февраля 2021

Чё-то так тоскливо сегодня. И спина болит. Третий день не делаю табаты. Завтра в 6:30 утра должен записать: «Сделал две табаты».

Дочитал «Аэропорт» Хейли на английском. То же самое, что и его «Отель», который я читал в школе или институте. «Отель» мне больше понравился: всё же авиационная тематика оставляет меня совершенно равнодушным. Про работу аэропорта интереснее, чем именно про полёты и диспетчерские, но всё равно фигня какая-то.

Но [полезная] с точки зрения моей цели — значительно усовершенствовать свой английский. Тем более что — какая удача! — в конце этой книги был маленький словарь. Почти все незнакомые мне слова (я их выписываю в тетрадочку) были из Агаты Кристи, то есть это какие-то адские

архаизмы, которые никто давно не использует. Поэтому в словаре к американскому Хейли их нашлось всего штук 5. Но всё равно. Получилось, что за месяц я прочитал 6 книг на английском. Норм, только скоро они здесь закончатся.

Ну и холодрыга. По радио сказали, что −25 и на 15 градусов ниже нормы.

Продержался 6 песен и попросился обратно.

У меня есть классные и очень удобные носки. Они шерстяные, но на подошве — такая резиновая вставка. Очень удобно в такие дни, как сейчас. Босиком по бетонному полу ходить холодно. А в тапках неохота. Вот в этих носках — отлично. И у них в районе ахиллова сухожилия кожаные ремешки-бирки с лейблом фирмы. И вот только что один отвалился. Ужасно.

24 февраля 2021

Кто молодец? Я молодец. 7:30, а уже сделал табаты.

Так и не понимаю, когда у меня спина болит меньше: когда делаю табаты или когда не делаю.

Но буду делать.

Книги на английском и французском мне так и не везут. Непонятно: вообще не привезут или доставка занимает месяц. На случай второго сегодня снова закажу пару. И попрошу сегодня каталог периодических изданий,

посмотрю, на что интересное ещё можно подписаться.

Через какое-то время в любой тюрьме возникает «любимая» и «нелюбимая» смена. Здесь это у меня реально много времени заняло: чуваки почти не разговаривают и ведут себя одинаково ровно. Тем не менее особенности характера проступают. Любимой смены пока так и нет — у меня это всегда просто самый весёлый чувак, потому что на какие-то поблажки рассчитывать не приходится. И я ещё не разобрался, кто самый весёлый.

А на звание самой нелюбимой смены претендует пожилой майор. Самый вредный и постоянно придумывает какую-то бессмысленную фигню. Сегодня сказал, что я должен «выстраиваться» во время поверки. В ПВР действительно такое есть, но там написано: «Выстраиваться в указанном месте».

— Так место не указано, — говорю, — где же мне выстраиваться.

— А вот там! — и показывает на самый конец камеры, у окна. Камера вытянута, и если встать у окна, то просто неудобно говорить с вошедшим — расстояние метра четыре.

Смешно, что он решил сейчас ко мне прицепиться с этим, хотя я уже больше месяца здесь.

Впрочем, это такая ерунда, что даже не знаю, вручать ли этой смене звание нелюбимой из-за этого. Тем более все остальные — нормальные чуваки. Ну то есть просто молчат и ничего не говорят :)

Вообще, как ни странно, они мне все здесь скорее симпатичны. Вежливые все такие.

Вчера было −25, сегодня −11, а завтра будет +6! Вот, наверное, метеозависимые вешаются.

А я вот очень хотел бы, чтобы потеплело.

Хотя смотрю я на эти толстые стены, неоткрывающиеся окна и пункт «Аренда вентилятора» в прайсе платных услуг СИЗО и думаю, что летом здесь может быть запросто гораздо хуже, чем зимой.

Совершенно восхитительный сделал салат из банки тушёнки, двух помидоров и зелёного перца. Причём без ножа!

25 февраля 2021

Ну вот. Так долго ждал — и наконец.

Встал, сделал табаты, и голос из стены сообщил: «Собирайтесь с вещами».

И непонятно, что делать с едой, банками, пакетами, хозпринадлежностями и т. д.

Если просто переводят в другую камеру, то можно это всё просто запаковать в мусорные пакеты, а если увозят, то придётся выкинуть. Места нет. Уточнил у голоса из стены, он просто говорит: «Собирайтесь со всеми своими вещами полностью, включая еду».

Хорошо хоть сказал: «Без спешки».

Пишу уже во Владимирской области. СИЗО-3 Кольчугино. Утомительный был денёк.

С вещами я, конечно, всё в итоге сделал не так.

В книжках пишут, да и Олег сказал, что лучше ехать налегке. В итоге все вещи я засунул в сумку, изначально предполагая, что засуну её в круглую сумку, которая на складе. У той второй сумки есть лямки, и её можно как рюкзак носить. И вот, — думал я, — поеду на этап с удобной сумкой-рюкзаком. Все тащат свои огромные баулы в руках и зубах, а я иду беззаботно и насвистываю мимо рядов лающих овчарок. Руки в карманах, за спиной рюкзак.

Но в итоге только моя камерная сумка получилась огромной — одежда плюс всякий скарб, которым я обжился здесь. Посуда, разделочная доска и т. д. Всю еду упаковал в мусорные пакеты, подумал — может, в другую камеру можно отдать. Но нет.

Через 2 часа пришёл дежурный, он мозги не полоскал обычным здесь «Собирайтесь, а там узнаете», а нормально сказал: «Всё, убываете».

— Я вас принимал, я вас и отправляю.

Это действительно тот самый чувак, что был, когда меня привезли, это он мне ответил: «А вы уже здесь!» — на вопрос, когда меня поведут в спец.

Нормальный чел, он даже шутил иногда. Что полностью сенсационно для СИЗО-1.

Как неопытный дурачок я вообще всю еду и бытовую химию упаковал и выкинул.

Ну ладно там растительное масло открытое — с ним опасно, вдруг прольётся. Но и запечатанные консервы, каши и т. д. Соль, сухофрукты.

Подумал, что в одну сумку не влезет, а ещё одну я не хотел, потому что болтающийся пакет с едой только рушил

мою красивую концепцию, как я иду с рюкзачком и насвистываю.

Причём дежурный мне сказал, типа: «Ну не пешком же идёте», когда я ему объяснил, что все эти мешки — еда, которую я выкину.

В другую камеру, понятно, в нашем СИЗО [ничего передать] нельзя. Такое злостное нарушение ПВР даже и представить себе невозможно в «Кремлёвском централе».

Дальше матрас, казённые ложку и миску в рулон и — «на сборку».

На «сборке», то есть в камере, где тебя и твои вещи полностью обыскивают, когда ты приезжаешь в СИЗО и уезжаешь из него, выяснилось, что у меня есть большая проблема. Книги. Оказывается, мои вещи состоят не только из сумки в камере и сумки на складе, но и из большой коробки с книгами. Тяжёлой.

Книг штук 20, и я сам заказывал штуки 3 из них. Остальное — это какие-то «добрые» люди заходили на сайт СИЗО и в ларьке покупали мне книги, чтобы я «не скучал». Тут они не ошиблись, веселье у меня с ними было огромное. Какие-то гигантские, толстые книжки. Типа, 2 экземпляра «Москвы и москвичей» Гиляровского и большеформатные тома «Намедни» Парфёнова. Главная забота СИЗО — чтобы я их не обвинил в пропаже вещей, поэтому они маниакально требуют, чтобы я забрал книги.

— Отдайте в библиотеку.

— Нельзя.

— Отдайте в другие камеры.

— Нельзя.

— Заберите себе, хорошие новые книги.

— Нельзя.

— Тогда я от них отказываюсь.

— Нельзя.

— Тогда я их выкидываю.

— Выкинуть уже нельзя.

(Всю еду, упакованную в чёрные пакеты, я оставил в коридоре у стены на своём третьем этаже.)

— Ну, еду же я выкинул. Если бы у меня сейчас был килограмм раздавленных помидоров, вы же не заставили бы меня брать их.

— Выкинуть можно было раньше, сейчас туда, где выкидывают, мы уже не пойдём.

В итоге я и заявление на утилизацию пытался писать, и заявление на передачу книг адвокатам. Несколько раз звонили начальству, но то было решительно настроено вытурить меня со всем моим имуществом, находящимся в полной сохранности.

Завели в маленькую камеру: «Ждите». Минут через 10 за дверью топот и голоса. Открывают, и [вот] наконец-то сценка, похожая на тюремную жизнь из книг и фильмов.

Стоят три огромных — как я ростом, но широких, мордатых и в военных бушлатах — и орут:

— Фамилия!

— Навальный.

— Статья!

— Я не знаю, — говорю я и начинаю смеяться, — у меня сложная ситуация и много уголовных дел.

Подполковник (а начальник конвоя аж подполковник) таращит на меня глаза и не понимает, что делать.

Это самая стандартная и в каком-то смысле священная

процедура для зэка. Его бесконечно спрашивают имя, статью, начало и окончание срока. Именно поэтому та самая смешливая девица ещё в Химкинском суде сказала мне: «Эту дату вы должны запомнить очень хорошо. От неё отсчитывается срок, и повторять её придётся много раз».

Но у меня всё сложно и запутанно, я не знаю, какой из моих судов в бумагах у конвоя.

— Дата начала срока? — подполковник старается сделать максимально строгое лицо и орёт на всю сборку.

— Я не знаю.

— Дата окончания срока?

— Тоже не знаю.

Мои тюремщики из СИЗО (помимо смены, пришёл и замначальника) начинают улыбаться и переглядываться. Им смешно, что подполковник так готовился и так старается произвести на меня впечатление. (До того как открылась дверь, конвой громко шептался и выяснял, у всех ли включены камеры.) И всё впечатление испорчено: я правда не знаю своих дат, поэтому красивой сценки «зэк по стойке смирно рапортует начальнику конвоя» не выходит. В обычной ситуации зэк просто получил бы по башке и стал отвечать бодрее. Но тут ситуация нестандартная, снимает несколько камер, и огромному подполу явно не хватает привычного инструментария общения с зэками.

В итоге с установлением личности кое-как закончили.

— Берите вещи, пойдём.

Беру сумки, говорю чувакам из СИЗО, что мне очень у них понравилось, собираюсь выходить.

— Нет, подождите. А книги?

— Я не возьму.

— Забирайте.

— Это не мои.

— Это ваши вещи, они в списке ваших вещей.

— Но вы же видите, что я физически не могу их взять.

Это правда. Опять же, волшебный удар дубиной по спине увеличивает грузоподъёмность зэка на 150%, а количество его рук вдвое, но вроде как неудобно бить меня под запись.

Замначальника кивает одному из конвоиров, тот берет мою злосчастную коробку с книгами и несёт за мной.

Во дворе аж две машины. Один грузовик как бы заслоняет происходящее — не знаю, может, чтобы зэки из «народной Матроски» не увидели из окон и не сняли телефонами.

Залезаю в автозак (с сумками это нелегко) и — о чудо! В автозаке люди.

Арестанты. Ничего себе, от людей я уже отвык.

В клетке слева сидят трое молодых парней-кавказцев. Клетка справа открыта — там двое. Оба смотрят на меня дикими глазами. И эта сценка «знаменитость в тюрьме» всегда самая смешная и ироничная.

— Это правда вы? — говорит классическую фразу тот, что постарше.

— Вы высокий, — это молодой парень.

Сергей постарше, он получил 5 лет за мошенничество и явно грустит и переживает. Дима получил 2 года за кражу. Это всё выясняется, пока едем. Поняв, что я такой же обычный человек, как и они, новые соседи начинают активно болтать и рассказывать тюремные истории. Пока в основном о том, как в «Матросской тишине» начались

всякие дурацкие ужесточения в ожидании проверок из-за меня.

Сергей смешно рассказывает, как к ним в камеру пришёл «продольный»[20] и сообщил, что «заехал Навальный», поэтому начальство может прийти с проверками и к ним и поэтому надо быстро «навести серость».

На практике это выразилось в том, что из камеры изъяли тазики для стирки, оставив только один, книги и термокружки.

«Навели серость» — гениальное совершенно определение. Очень точное, как и многие другие тюремные метафоры. Видимо, суровый быт оттачивает мысли, отсекая пустословие.

— Арестанты, вам пять минут, наведите серость в камере.

И всем ясно, что делать.

Куда мы едем — непонятно. Важнейший принцип тюремной системы. Зэк должен пребывать в неведении и беспокойстве о своей судьбе. При этом тюремные байки из книг утверждают, что конвой иногда шепчет, куда едем.

В общем, это не совсем и байки. Олег мне рассказывал, что, когда его отправляли на этап, охранник, глядя в сторону, тихо сказал в пространство: «ИК-5, Орловская область». Так и вышло.

Я спрашиваю у трёх своих здоровяков, сидящих с другой стороны решётки и с трудом помещающихся на скамейке:

— А вы разве не должны по тюремным правилам тихо шепнуть мне, куда мы едем? Я о таком в книжках читал.

Подполковника нет — он в кабинете, — и здоровяки могут чувствовать себя немного свободнее. Они добродушно улыбаются, качают головами и косят глазами на

видеорегистраторы, прикреплённые на груди.

Довольно скоро выясняется, что мы не едем на ж/д станцию в «столыпинский вагон». Автозак явно выехал за город и едет по шоссе. Здоровяки на скамеечке сами часто с любопытством смотрят в окно и перешёптываются. Скорее всего, они и сами не знают, куда мы едем.

Соседи продолжают рассказывать байки. На следующий день после того, как меня привезли, отключили отопление и горячую воду. Такое действительно было, я помню. Я даже позвонил дежурному через интерком, потому что температура в камере ощутимо упала. А наутро мне вежливо объяснили, что это авария и отопление отключено у всех. А «Матроска», конечно, подумала, что это мне решили наглядно продемонстрировать, куда я попал, и вырубили отопление. Ну и всех остальных просто прикрепили паровозом. Кому там, типа, интересно, мёрзнут обычные зэки или нет.

Я слушаю байки, смеюсь, но думаю только о своей спине. Я могу стоять и могу лежать, а вот сидеть на металлической лавке в этой конуре — проблема. Особенно когда начинаются кочки (ага, значит, с большой трассы съехали), и мы в своей клетке похожи — странное такое сравнение приходит в голову — на овощи в холодильнике, который пустили вниз по склону горы, и он летит, кувыркаясь.

Впрочем, молодой парень, Дима, страдает куда сильнее меня. Он сидел в СИЗО и на общем режиме, и на «спеце», странно, что ему не объяснили зэковский закон, который даже мне хорошо известен: перед этапом не ешь и не пей. В туалет тут не водят. Диму забрали в машину в 6:00, и он был так мудр, что выпил треть полуторалитровой бутылки

воды. И сейчас на его лице реальная мука. Он переминается, пересаживается с одного бока на другой и сильно страдает. Охрана, конечно, посмотрела на него как на больного, когда он сказал, что хочет в туалет. Типа, как ты себе это представляешь? Остановим автозак, откроем двери и выведем тебя на обочину?

Я прикидываю. Едем не на поезде, а на машине, значит, в одну из ближайших областей: Калужскую, Тульскую, Владимирскую. С трассы свернули часа через 2, значит, похоже на Владимирскую область.

Прикидывал я вслух, и соседи мои от таких расчётов приуныли. Владимирская область пользуется у зэков плохой репутацией. Здесь убивают. И когда просто бьют, так это в порядке вещей. Область считается «красной». Даже «краснее красного». Это означает, что с воровскими и тюремными традициями здесь борются такими методами, что воровские на их фоне выглядят гуманно.

Тряска усилилась, такое впечатление, что по бездорожью едем. Значит, подъезжаем.

Остановились. Звуки открываемых ворот — первых, а потом вторых.

— Владимирская область? — спрашиваю у конвоя. Они кивают.

— Выходите.

Меня, понятное дело, ведут первого и отдельно от всех. Прощаюсь с попутчиками, взваливаю баул на спину и еле разгибаюсь (за 4 часа поездки спина снова превратилась в одно больное место), спускаюсь по лестнице-трапу. Не хотелось бы грохнуться и таким образом создать о себе первое впечатление.

На улице тот же самый диалог с конвоем: фамилия, статья, срок. Пока оглядываюсь. Ну наконец-то классическая картина «русская тюрьма», как из голливудского фильма. Огромные сугробы, люди в меховых шапках и бушлатах с погонами. Низенькое облезлое здание, обшарпанное крыльцо. Очень не хватает овчарок, лающих и рвущихся с цепей.

Первая мысль: «Хватит кормить Москву».

Вся эта картина «рашн призон» не от озверевших лиц, не от какой-то специально наведённой угрюмости. А просто от бедности. Совершенно обычные офицеры ФСИН стоят у обычного здания, просто последний раз деньги на ремонт давали 20 лет назад. Как и в любой сфере, в Москву стекаются все деньги, и все ведомства богатые, а здесь денег нет ни на что. Хоть и 3 часа езды от столицы.

Вторая мысль: «Как же хорошо». Я даже не сразу понял почему, а потом сообразил, что просто стою на более или менее открытой местности, и главное — под открытым небом. С момента ареста я ни разу не был без крыши над головой. Все разы, когда меня увозили в суд или привозили из него, было ещё темно или уже темно. А вот так, чтобы посреди дня стоять под белым небом, — первый раз. Потрясающее ощущение и, конечно, ещё один повод подумать о психологической адаптации человека и о том, как быстро меняется его пирамида потребностей. Старика Маслоу сюда бы на пару недель, и он бы убедился, как был прав.

В этот раз злосчастную коробку с книгами пришлось тащить самому. Правда, мне разрешили два раза сходить.

«Сборка» здесь такая же бедная, обшарпанная

и задрипанная — бедная и региональная, короче. Но в принципе — ничего ужасного. Только, во-первых, вновь видно, что денег нет, а во-вторых, ясно, что, в отличие от моего СИЗО-1, это уже фабрика по упаковке зэков. У меня арестантов было мало, и каждого из них можно обыскивать и конвоировать по всем правилам, а тут такой возможности просто нет. Со мной приехало ещё 5 человек, и, судя по звукам, за нами ещё автозаки; если всех обыскивать, оформлять и дактилоскопировать так же тщательно, как в «Кремлёвском централе», где через рентген пропускают каждую вещь, то это займёт несколько дней. Но в целом процедура такая же. Только догола раздеваешься и приседаешь за шторкой. Региональная целомудренность.

Прапорщик смотрит вещи, командует им старлей, он же обращается ко мне и явно за мной закреплён. Ещё в помещении подполковник и майор. Они молчат.

Вообще, все стараются молчать и не произносить ни звука без крайней необходимости.

Снимают на три видеорегистратора в углах камеры.

Сразу убедился в том, как правы «бывалые люди», утверждающие, что правила, написанные на бумаге, значат гораздо меньше, чем те, что устно устанавливает начальник каждого конкретного места. Здесь забрали всю пластиковую посуду, например, которую я купил в тюремном ларьке. Я говорю: «Ну вы чего? Пластиковая тарелка, ложка и вилка прямо в ПВР записаны». Они со мной не ругаются и про ПВР не спорят, и вообще всё подчёркнуто вежливо — но ужас перед такой скандальной и неприемлемой в этом СИЗО вещью, как пластиковая тарелка в камере, так силён, что ПВР всё же нарушают, пластиковую посуду забирают

и предлагают в письменном виде обратиться по её поводу.

Объект самого пристального изучения — книги. Это я давно заметил, и это явно наследие СССР. Книги — источник опасности и инакомыслия. В русской тюрьме скорее твою куртку недостаточно хорошо прощупают и проглядят мобильный телефон, но все книги заберут, перепишут, проверят, поставят штамп «Проверено на предмет экстремизма» и только тогда отдадут. Вот она — сила печатного слова.

Несмотря на все мои увещевания и объяснения, что книги, мол, приобретены «в торговой сети через администрацию» и внутри каждой куча торжественных синих печатей моего предыдущего СИЗО, у меня забрали все книги. И те, что я с удовольствием сам бы отдал, и те, что отобрал для себя.

Книги, мол, это так важно, что и наш отдел цензуры должен их посмотреть, и только после этого их вам выдадут в камеру.

Снова отпечатки пальцев, фотографирование, врач и т. д. Потом повели в камеру.

Она оказалась тоже 3-местной, но без двухъярусных кроватей. 4 × 5 метров. «Улитки», то есть, на тюремном жаргоне, скрученные в рулон матрас, постельные принадлежности и полотенца, лежат на кроватях. Сверху каждой — металлическая миска и кружка.

Старлей показал на шконку и предупредил, что другие вещи трогать не надо, потому что будут соседи.

Интересно. Не сомневаюсь, что те, с кем я ехал в клетке. Камера не сказать чтоб грязная, но грязноватая. Стены заляпаны отпечатками рук и пальцев — ну почему всегда

есть какие-то дегенераты, которые после того, как с них снимают отпечатки пальцев, не моют руки тщательно, а начинают лапать стены, оставляя на них эти жирные чёрные следы?

На полу неровные деревянные доски, тоже обшарпанные, а под раковиной и вовсе превратившиеся в прогнившую яму. Наглядная демонстрация преимущества крашеного бетона, который был в СИЗО-1. Он хоть и холодный и неприятно твёрдый, но его легко мыть, а когда помыл, видно, что пол очень чистый, и по нему не противно ходить и в носках, и босиком. А тут я смотрю и думаю: «Славу богу, есть тапки».

Ни холодильника, ни чайника. Ликую от своей предусмотрительности. В Москве в прайс-листе ларька был подозрительно дешёвый чайник. Я его заказал скорее от безделья и любопытства. «Чайник» оказался ужасным уродом и какой-то зэковской подделкой. Скорее это пластмассовая кружка с неровными и острыми краями, в дно которой вделан кипятильник с очень коротким шнуром. Когда его принесли, я решил его выкинуть, но просто забыл это сделать, засунув урода наверх полок.

А потом, когда объявили: «Собирайтесь с вещами», выкидывать было уже поздно, пришлось взять с собой. А сейчас стало ясно, что маленький уродец станет самым полезным и востребованным предметом в камере. Что здесь делать без чая-то? Только и делаешь, что пьёшь его. А готовить как без кипятка и разогревать?

Разобрал и сложил вещи. Переоделся, выпил чаю, съел тушёнку из сухого пайка, выданного ещё в Москве. Проверил телевизор (телик есть, конечно, куда без него) —

большое расстройство, здесь нет «Евроньюс», то есть даже обрывков информации я лишён.

Загремела дверь — ага, я был прав: заводят моих попутчиков. Встречаю их как старых друзей.

8 марта 2021

Сегодня 8 марта. То есть я больше недели не писал в мой дневничок. Ритм жизни в камере с людьми кардинально отличается от «одиночки». Есть плюсы, есть минусы, но всё иначе.

С соседями повезло — отличные ребята, но зато теперь постоянно дым (оба курят) и 16 часов в сутки включён этот телевизор. Ненавижу его. Но это чисто тюремная тема. Во-первых, его смотрят, во-вторых, под него спят. Здесь «красное» СИЗО, и все идиотские правила не только соблюдаются, но и придумываются новые. Например, днём нельзя спать. Зато можно «смотреть телевизор», то есть лежать на спине, как будто смотришь, а открыты у тебя глаза или нет — это уже твоё дело. Я не особо не сплю, а вот Димон — самый молодой — постоянно засыпает и во сне «сворачивается клубочком». За это ему уже чуть не сделали взыскание, но на первый раз ограничились предупреждением. Поэтому телевизор всегда включён, со звуком или без.

С «просмотром телевизора» у нас уже появился локальный мем. Димон не выдержал «просмотра» на спине, перевалился на бок и поджал ноги. Через 5 минут пищит интерком — тут такой, что надо подходить и нажимать на кнопку, — подходит Сергей, но мой старлей (я его уже давно

по голосу узнаю) зовёт Харчикова, то есть Диму.

— Алло, это Харчиков.

— Харчиков, ну ты что, заснул немножко?

— Не, я не спал, телевизор смотрел.

— Ага, я вижу, как ты смотрел, спать нельзя, это нарушение распорядка дня.

И теперь вот это: «Что, заснул немножко?» — звучит со смехом у нас в камере 20 раз в день.

Английских книжек здесь нет, других иностранных языков тоже. Читаю мало. В дневник не пишу. Деградирую, короче.

Вот сейчас утро, и хорошо бы прочитать страниц 200 «Ярмарки тщеславия» — совершенно отстойная и неинтересная книга, наполненная убогой сатирой, но такая известная, что для порядка стоит прочесть, — а по телику идёт новая часть «Крепкого орешка», и потом подряд все остальные части — типа, праздничный эфир. Буду смотреть и продолжать деградировать.

9 марта 2021

Стас Костюшко из группы «Чай вдвоём» не умеет делать блины. Мы с вечера оставляем на телике «Муз-ТВ». Телевизор вырубают в 22:00, а в 6:00 он включается на той же программе и громкости, что был вчера.

Вот мы и оставляем «Муз-ТВ», чтобы проснуться под музыку. Сегодня вместо музыки был Стас Костюшко в какой-то дебильной кулинарной мини-передаче. «Началась масленичная неделя, и сейчас мы с вами испечём блины». Ну я, понятное дело, заинтересовался. Я ж в ноябре

стал блинным экспертом.

Боже, на это без слёз взглянуть невозможно было. На одно яйцо ложка с горкой сахара, которую он назвал «половиной ложечки». Ни взбивать, ни печь не умеет. Прям взбесил меня.

Хотелось, как в меме про Бэтмена, влепить ему пощёчину со словами: «Да заткнись ты», когда он говорил о блинах.

Хорошо, что мысль моя быстро переключилась на Юлю — стал вспоминать, как кормил её блинами, когда учился их делать. Забавно, что я, как ревнивый повар, слежу за всеми, кто претендует на готовку блинов.

Однако есть и проблема. Раз масленичная неделя, значит, скоро пост. А что есть тут во время поста — не представляю. Единственная приличная пища — каша с тушёнкой, которую дают в обед. Хлеб с яйцами наверняка. С другой стороны, этот пост станет настоящим испытанием, буду реально голодным ходить и думать о вечном, как положено.

Здесь всё время что-то пьёшь. Ну то есть горячий напиток: делать нечего, вот и «давай чайку» и «давай кофейку». Поэтому я попросил передать разного кофе, чая и «чего ещё люди заваривают кипятком и пьют».

Передали два вида кофе, два вида чая, какао и какой-то жёлтый порошок. Пачки нет — на приёмке все упаковки вскрывают, а сыпучие вещества пересыпают в пакет.

Поэтому у нас просто полиэтиленовый пакет, в котором граммов 200 жёлтого порошка. Димон попробовал — думал, это какао: ему не понравилось, а что это такое, он не понял. Теперь называет напиток из этого порошка «Букет

Чувашии».

Ха-ха-ха.

Сейчас я себе сделал кружку «Букета Чувашии», тоже пью и не понимаю, что это.

Смеюсь над названием.

Прикольно, если это какое-нибудь чистящее средство, а мы его завариваем кипятком и пьём.

10 марта 2021

Так, сегодня блины готовит Хабиб. Не который боец, а который тиктокер.

Видимо, на этой неделе каждое утро разные хрены будут делать блины.

— Берём два яйца, добавляем ТРИ СТОЛОВЫЕ ЛОЖКИ сахара...

Они там больные? Кто рецепты эти пишет?

Так мало того, он ещё блин с таким космическим количеством сахара намазал сверху шоколадной пастой в палец толщиной. С таким блюдом могут посоревноваться только пирожные, которые позавчера делал Димон. Он взял очень сладкие печенья и превратил их в порошок, растирая дном железной кружки в своей миске. Всё это залил сгущёнкой и добавил какао. Потом охладил в тазу с водой, надеясь, что можно будет слепить круглые пирожные. Так у него на «Воднике» делали. С рецептом он напутал, состав вышел недостаточно густой, чтобы лепить из него. Но сама шоколадная паста — я попробовал, намазав на хлеб, — вышла довольно вкусной и на 100 граммов явно содержала калорий не меньше, чем ракетное топливо.

Правила СИЗО повсеместно абсурдны. Я бы даже сказал, подчёркнуто абсурдны.

С одной стороны, ты должен беречь имущество. С другой — у меня здесь забрали разделочную доску, купленную в СИЗО-1. Как резать хлеб и колбасу? На столе. Но ведь он будет в царапинах. Именно для того, чтобы их не было, в ларьках СИЗО продаются разделочные доски. Но здесь нельзя. Почему — загадка.

Камера у нас — если уж не придираться — нормальная. Просто деревянный пол из дурацких досок, они неровные и создают ощущение грязного пола. Но вообще, это одна из самых чистых и приличных камер, где я бывал.

Когда зашёл первый раз, подумал: боже, ну и грязь.

А на самом деле это пол и грязно-чёрные отвратительные отпечатки на стенах.

Краска, которую наносят на руки для снятия отпечатков пальцев, — одна из самых чёрных, грязных и пачкающих субстанций, которые я видел. Возьмите идиота, снимите с него отпечатки этим доисторическим способом — и получите камеру, стены которой заляпаны чёрными ладонями и пальцами.

Сергей Васильевич — дай бог ему здоровья — показал хороший пример. Взял губку и отмыл стену вокруг нашего стола (на тюремном языке почему-то называется «дубок»). Оказалось, что пятна эти легко смываются мыльной водой.

Он грозился отмыть всю камеру, но мне неудобно, чтобы он мыл и над моей кроватью. И сегодня я посвятил всё утро,

чтобы оттереть угол, где стоит моя кровать.

Вот сейчас стена высохла, и она прекрасна. На неё приятно посмотреть и потрогать рукой. Лежу на шконке, смотрю на стену и не могу нарадоваться.

Димон свою стену пока не мыл. Он слепой и просто не видит этих пятен, если только не смотрит с расстояния 30 см.

11 марта 2021

Сегодня блины делала группа RASA. Группы такой не знаю, тесто для блинов они хотя бы сделали, но испечь блины не смогли. Девица (в группе мужчина и женщина) пожарила блин с одной стороны, после чего объявила: «Блин готов» — и вытряхнула его на тарелку. Блин, понятное дело, упал комом.

Вчера у нас происшествие было. Часов в 8 вечера Димон решил съесть «Доширак».

Ест, нахваливает и внезапно объявляет: «Я, по ходу, кусок вилки проглотил».

И показывает вилку пластиковую без одного зубчика. Мы, понятное дело, высказали ему много сочувствия и много насмешек. Сошлись на том, что ничего ему не будет. Но через 15 минут Димон заявил, что кусок вилки колется «вот здесь», и показывает на центр груди чуть повыше солнечного сплетения.

Ну и явно переживает чувак. «Умру», — говорит. А мы только вчера обсуждали долго, что аппендицит здесь — верная смерть. Никто не поверит, что живот болит,

и в больницу не повезёт. Это чистая правда. Воспаление аппендикса в русском СИЗО — одна из самых опасных вещей, что могут случиться с человеком.

— Давай вызову врача, — говорю.

Димон не хочет связываться. Ему страшно, но сама ситуация комическая, и, боясь смерти, он так же боится, что ему по голове настучат.

Да и полдевятого уже, где они врача возьмут.

Я говорю: «Ну давай попросим дежурного просто загуглить, наверняка люди часто глотают куски пластиковых вилок. И есть куча советов на этот счёт».

Димон долго мается, потом страх смерти и ощущение «осколок колется здесь» пересиливает, и он звонит в интерком.

Понятное дело, никто не отвечает. Он начинает долбить в дверь («тормоза» по-тюремному, ещё одно необъяснимое слово). Долбит долго и одновременно звонит в интерком.

Минут через 20 отвечает женщина-дежурная.

Димон мнётся, не скажешь же: «Я проглотил кусок вилки», и бормочет что-то про больной живот и проглоченный посторонний предмет.

— Я доложу, — говорит дежурная и отрубает интерком.

Если бы это была стандартная ситуация, то с меньшей вероятностью Димона бы отвела в медсанчасть сама дежурная и с большей (99%) она бы ему сказала: «Харчиков, ещё раз ударишь в тормоза, поедешь на кичу (в карцер то есть). Утром будет врач, ему всё расскажешь».

Тут всё работает по принципу: «Вот умрёте, тогда и обращайтесь».

Но я в камере, это означает, что и проигнорировать

нельзя, и дверь открыть нельзя просто так.

Нам даже «кормушку» в двери не открывают без видеорегистратора («Внимание, запись включена» за дверью — это значит, что обед приехал) и Влада a.k.a. Владислава Владимировича — старлея, который принимал меня, везде водит и закреплён за мной. Я здесь две недели, и у бедолаги не было ни одного выходного дня. Он должен быть, когда раздают завтрак, обед и ужин, на всех проверках, на выводе на прогулку. Он явно единственный здесь младший офицер, которому начальство доверяет, что, типа, «не накосячит». Ничего лишнего не скажет, будет вежлив, ПВР знает, сделает так, что я лишнего не увижу.

Проходит полчаса. Говорю: «100% отправили за Владом и ждут, пока он приедет из дома».

Так и вышло. Ещё через полчаса открывается дверь, там стоит Влад, на котором лица нет.

— У кого болит живот?

Димон с несчастным видом выступает вперёд, показывает вилку с отломанным зубчиком: вот, я проглотил кусок вилки, и она теперь колет внутри. Мы с Сергеем просто не можем удержаться и сгибаемся от смеха.

Влад две секунды смотрит на Димона, потом натурально упирается головой в меховой шапке в стену, закатывает глаза и вздыхает. Большего при включённом видеорегистраторе он сделать не может. Но на лице его написано многое о том, что он хочет сказать о Димоне и его вилке.

— Выходите.

Через минут 40 Димона привели. В медсанчасти его обследовал пьяный капитан, который спал в кабинете,

когда они пришли.

— И чего он сказал?

— Он убедил меня, что всё нормально, — вздыхает Димон. — Пристально смотрел на меня и говорит: «Я же вижу, что ты очень мало спишь и почти не ешь. Не спорь со мной, я тебя разгадал. Тебе надо больше спать и есть».

Разгадка удачная: Димон спит целыми днями (это про него же наш мем «Ну что, заснул немножко?») и ест за троих.

Закрывая дверь, Влад говорит: «Если будет хуже — звоните». Выяснилось, что его действительно выдернули из дома и он чуть ли не 50 км ехал.

12 марта 2021

Сегодня пятница, 12 марта, и, судя по всему, мелочные менты украли мой дневничок, поэтому много дней пропало. Ну ладно, записываю в новую тетрадку.

Событий произошло много, но главное в том, что пишу я сейчас из ИК-2 «Покров», той самой колонии, про которую сам ФСИН ещё две недели назад слил, что я там.

Ну, должен сказать, что ФСИН меня всё-таки смог удивить. Они создали реально фашистский концлагерь в 200 км от Москвы. Привезли меня вчера ближе к вечеру, и вот сейчас 9 вечера пятницы, и у меня первый раз есть несколько свободных минут, чтобы что-то записать. Причём пишу я в комнате воспитательной работы, пока ещё пять зэков в черных арестантских робах смотрят фильм «Джентльмены удачи» и смеются шуткам про тюрьму, побеги и исправление преступников.

Не знаю, что ещё может быть более иронично.

13 марта 2021

Почти нет времени что-то написать, да ещё и ЗАПРЕЩЕНО. То есть взять ручку и тетрадь можно с 19 до 20, когда «свободное время». Реально концлагерь. Я так его и называю про себя: «приветливый концлагерь».

Все чуваки очень вежливые, можно даже сказать, дружелюбные. Ну то есть они всё и всегда снимают на регистратор, поэтому их дружелюбие очень нейтральное, но в целом они явно совершенно искренне не хотят, чтобы я поехал по дороге ШИЗО-СУС-ПКТ, и постоянно очень терпеливо увещевают меня, чтоб я не нарушал. Типа, потерпи, это только на карантине так. Но штука в том, что это хоть и приветливый, но концлагерь. Чтобы всё выполнять, надо быть роботом-рабом.

Поэтому у меня идёт бесконечный, довольно неприятный разговор. Менты пытаются мне помочь и сделать как лучше (с их точки зрения), а я всё время тупо отвергаю всё. Если бы они были злобными и грубыми, это было бы легче сделать.

Я, кстати, возвёл на них напраслину. Вчера начал с того, что обвинил их в краже тетрадочки. Сегодня выяснилось, что она на вещах. Стыдно даже немного. Хотя, конечно, опять же — стокгольмский синдром. Я невиновен, меня держат в концлагере, а я переживаю о чувствах охранников лагеря. Но, с другой стороны, это называется «эмоциональный интеллект».

Вчера писал под «Джентльменов удачи», сегодня под «Иван Васильевич меняет профессию». Комната воспитательной работы — в ней 18 стульев в три ряда, напротив — телевизор. На стульях в чёрных робах, медицинских масках, в одинаковых позах мрачно сидят 7 человек и смотрят старую советскую кинокомедию. Я на последнем ряду строчу свои записки. Ну и картина.

Я тут третий день и третий день мечтаю, чтоб уже 22 наступило и можно было лечь. Спина моя просто сводит меня с ума. Сегодня утром я еле встал. Мне реально надо несколько дней лежать. А лежание тут — главный дефицит. Сижу сейчас и думаю: смогу встать или нет?

Как так получилось, что она заболела в самый неудобный момент моей жизни.

В 9:30 «начинаем готовиться ко сну». Много хочется записать, но нет сил. Одно только, чтоб не забыть: местная музыкальная группа называется «Благодать».

14 марта 2021

Сегодня воскресенье, завтра начинается пост, и я снова устроил торжественный завтрак с хлебом и кофе. Без масла, правда, — масла тут нет, но всё равно вышло торжественно и круто, потому что кофе. Это первый раз с момента, когда меня привезли, я выпил что-то, кроме «положнякового» сладкого чая. Стереотип о том, что в тюрьме все всегда пьют чай/кофе, полностью разрушается. Тут тупо нет доступа

к чайнику, чаю и кружке, кроме как «по графику приёма пищи».

А когда «На завтрак у вас осталось 7 минут», особо не вскипятишь воду. Когда появилось время, выяснилось, что чайник сломан и включается особым способом, и его знает только ночной дневальный Евгений.

А главное, все осуждённые просто боятся просить чай, кипяток и т. д., а дневальный сам воспринимает как ЧП, если на кухне кто-то производит такой возмутительный акт, как чаепитие. Положено же поесть за 3 минуты и сразу же бежать убираться!

Но, как обычно, помогает Библия: просите и получите.

Просто говоришь: «Я хочу попить кофе за завтраком». Начальник отряда — совершенно нормальный лейтенант Василий — говорит: «В чём проблема, пейте».

Два дня, правда, заняли итерации переговоров и выяснение того, как работает чайник, но немного настойчивости — и ты пьёшь кофе на праздничный воскресный завтрак.

А также любопытно наблюдать за деградацией собственных желаний и мыслей. Нет бы что-то подумать философское о жизни и политике. Не, все мысли о кофе, больной спине и всяком быте. За четыре дня я не прочел ни страницы книги, не знаю ни одной новости о происходящем в стране. Наверное, со мной такого не было с 8 лет.

«ФСИН-письма» тут нет, так что каждый обречён на долгую писанину на тетрадных листочках. Интервал «письмо — ответ» получается недели три минимум.

Надо Юле написать большое письмо.

А сейчас я снова сижу в комнате воспитательной работы. Все смотрят «Планету Земля», я пишу.

Вообще-то нас всех сегодня должны были вести в баню — сегодня банный день, — и мы уже даже построились на улице, но потом начальник отряда с кем-то поговорил по телефону и сказал, что планы изменились. Будем мыться у нас в бараке. Тут есть душ, но он один, горячую воду греет бойлер, она быстро заканчивается — в общем, это очень неудобно. Так никогда не делают, но, видимо, начальство не хочет, чтобы я увидел баню или кто-то из других зэков увидел меня по дороге в баню. Ну и моемся здесь.

А вот — большой плюс. Вчера получил разрешение пользоваться турником. Он есть в нашем локальном участке (a.k.a. «локалке»), но пользоваться им нельзя. Ведь это «спортивные мероприятия», а их можно проводить только по распорядку дня. А в распорядке дня карантина такого пункта нет. Ха-ха. Здесь, кстати, и прогулки нет. На улицу выходим во время поверки, проветривания помещений и бесплатных работ. В последних я не участвую, что служит предметом постоянных досадных диалогов с чуваками. Они же мне должны взыскания делать. Но я-то ссылаюсь на состояние здоровья. Но они-то требуют справку. А я-то требую медобследования для справки. А у них медчасти-то нет. Ну и бесконечными кругами это.

Короче, в ходе одного из раундов обсуждения я сказал, что моей спине помогает турник, что чистая правда. И мне разрешили им пользоваться. Классика переговоров. Если стороны действительно нуждаются в компромиссе, то он

найдётся.

Ну и важно, конечно, что все изначально по стилю очень вежливы. Подчёркнуто. И сотрудники, и я. А то, как обычно, кто-то первый начнёт бычить, и пошло-поехало.

Так что подтягиваюсь пока.

Помыться, хоть в нашем крохотном душе карантина, — кайф. Двойной кайф — мыть голову, бритую наголо. Реально думаю о том, чтобы навсегда оставить такую причёску.

А ещё — мне только что пришло в голову, что это уникальный момент моей жизни, когда я могу сделать ирокез.

По ПВР волосы должны быть не более 2 см, но мне никто не мешает оставить бритую голову, а по центру оставить полосу волос в 2 см. Надо подумать.

15 марта 2021

Какая-то просто библейская ситуация была сегодня за завтраком. У меня начался пост, плюс я завтрак не ем. Сижу, пью чай. Вместе со мной ещё двое, которых завели в карантин вместе со мной. Армянин Валера, который очень плохо говорит по-русски, и Артём, местный владимирский парень, сгорбленный из-за отсутствия позвонка — последствие работы грузчиком-экспедитором. У Артёма на боку ладоней татуировки «За Спецназ» и «За ВДВ». А на пальцах правой руки — цифры 1488.

Ещё на кухне дневальный и начальник отряда, лейтенант Роман Владимирович. Начальников отряда два. И каждые два дня Романа Владимировича сменяет Василий

Анатольевич.

Ну так вот. Сидим. Перед каждым — тарелка каши, два куска хлеба (белого и чёрного) и кружка чая. Все едят кашу, я пью чай. Артём, зная, что я завтрак не ем, спрашивает: «Будешь белый хлеб?»

— Бери.

Он берёт и уже разламывает на два куска, как начальник охраны говорит: «Нельзя, верните хлеб на место. Заключённым запрещено отдавать своё имущество».

Ну, тут немая сцена. Действительно, все знают, что нельзя ни дарить, ни продавать, ни покупать имущество. Но это общий хлеб за казённым завтраком, я сам до сегодняшнего дня брал чёрный, который другие не съели. Я люблю чёрный хлеб, кто-то любит белый и т. д.

Артём молча возвращает этот несчастный кусок хлеба, кладёт его передо мной.

Я начинаю вежливо спорить. Ну абсурд же. Этот хлеб — не моё личное имущество, а продовольствие, выданное на всех.

Роман наш Владимирович в ответ задвигает целую телегу о том, что правила написаны не зря, их надо соблюдать и норма питания прописана точно. И вот «на карантине осуждённый должен привыкнуть к этой норме». Таким образом его «готовят».

Я говорю: «Ну вы же понимаете, что сейчас подвели целую теорию под простой факт — вы у человека только что отняли кусок хлеба. Буквально».

Все молчат и явно думают о том же самом. Роман Владимирович снова про правила, которые превыше всего.

Ну в итоге завтрак закончился, мы ушли, оставшийся

хлеб выкинули.

Сижу «на лекции». Приходят люди и просто зачитывают скороговоркой части ПВР.

После того как я просто отказывался на них сидеть и в результате нескольких кругов переговоров добился права быть «на лекции» с тетрадкой. Типа, конспектирую.

Оказывается, тут делают новые паспорта тем, кому подходит срок замены. Мне летом исполняется 45, и надо менять. Соответственно, сделают паспорт здесь.

Спрашиваю чувака, который в карантине, но уже был в отряде и сидит здесь несколько лет:

— И чего, я буду в фото на паспорте лысый и в робе?

— Будешь лысый, но вместо робы они прифотошопят тебе костюм.

Не хочу костюм, лучше уж в робе быть на паспорте.

Продолжаем «смотреть лекцию». Это реальное издевательство и унижение человеческого достоинства. Видеолекция — это фильм по какой-то местной сети, он прерывается и зависает каждые 4–5 секунд. То есть чувак на экране говорит предложение, потом зависает на 10 секунд, потом продолжает с 11-й секунды. И мы «смотрим» лекцию, две трети которой отсутствуют.

16 марта 2021

Оля и Вадим приходили вчера вечером. Как я и думал, они меня нашли ещё в пятницу, но им врали, что меня здесь нет.

Написал текст поста в инстаграм, где назвал колонию «дружелюбным концлагерем».

Конечно же, сегодня пришла ОНК. Владимирская ОНК известна тем, что прямо обслуживает интересы тюремщиков. Соответственно, одна из причин, почему здесь беспредел. ОНКшники везде ходят и говорят: «Всё хорошо, никого не бьют, никаких нарушений нет». Ну вот и сюда пришли за этим. Ответ ФСИН на то, что все возбудились вчера после моего поста.

Поэтому, когда начальник отряда сказал мне: «Вас хотят видеть два представителя ОНК», я вежливо отказался. Сказал, что прошу оставить их телефоны и имена, но выйти пока не могу.

А сам подумал: «Ща их сюда приведут».

Так и вышло. Через несколько минут дневальный сделал страшное лицо и замахал руками: вставайте, мол.

Все вскакивают по стойке смирно, я просто встаю. Начальник отряда заходит и просит меня выйти в коридор. Там двое в гражданском, начальник колонии и полковник незнакомый, явно из областного управления.

— Здравствуйте, мы из ОНК.

Я постарался с ними говорить, но при этом ничего не сказать. То есть явно подментованные липовые «правозащитники», но хамить им не за что вроде.

Максимально вежливо расспросил их об их работе, сказал, что пока комментировать работу колонии рано, я ведь здесь недолго.

— Ну а жалоб вы не имеете, верно?..

Я отдельно оговорил, что можно сказать СМИ.
Очень любезно распрощались.

Приезжал Алексей Липцер, один из моих новых адвокатов, он внук Льва Пономарёва. Иронично.

Пока говорил с адвокатом, так же сидя, спина разболелась просто невыносимо. В ногу правую начало отдавать. Реально тяжело идти. Ещё и Алексей меня запугал. У него тоже проблемы со спиной, и он говорит, что если отдаёт в ногу, то могут быть очень плохие осложнения.

Решил даже попросить опера, который меня водит к адвокатам, отвести меня в медчасть сделать укол кеторола.

Опер — старлей по имени Александр Леонидович — норм чувак. Мы в какой-то момент повздорили немного, но потом всё осталось в вежливых рамках. Он меня сразу повёл в санчасть, сделали укол.

Ни хера не помогает этот кеторол.

18 марта 2021

Пиздец, если честно. Мучился всю ночь, как в первые дни в «Матроске». Утром еле встал, хотел отказаться идти на зарядку, но в итоге оделся, как раскорячка. Кровать заправить не смог. Написал ещё одно заявление на врача.

Отвели в санчасть. Там только фельдшер. Она типа

осмотрела и сказала, что врач будет через неделю.

Я через неделю ходить не смогу.

Администрация явно считает, что я симулирую.

Как же это некстати всё. Почему она решила заболеть именно сейчас? Наихудшее место для этого.

Весь дневник превратился в нытьё из-за спины.

Снова смотрю «лекции». Теперь это видеофильм о городе Владимире. В качестве достопримечательности рекламируют «Владимирский централ» — знаменитую тюрьму и её знаменитых сидельцев.

Вот и всё у нас так. Гордимся теми, кого сажали.

Посмотрели все дебильные видеолекции. Посмотрели тупые документальные фильмы. Но распорядок дня — это святое, поэтому всё равно все должны сидеть в комнате перед теликом. Я включил «Муз-ТВ».

Сразу пришёл начальник отряда: «Нельзя, только Первый канал и „Россия 24“».

19 марта 2021

Сидим снова в моей любимой комнате воспитательной работы. Смотрим лекцию «Профилактика терроризма». Камера показывает какую-то бабу, сидящую в президиуме и выступающую в какой-то колонии. Баба сказала вступительное слово и начала показывать фильм на экране за своей спиной.

То есть мы смотрим фильм, как в какой-то колонии

показывают фильм. Типа, «экранная копия». Только у нас видно примерно половину их экрана.

С утра водили в санчасть. Фельдшер — довольно приятная женщина — начала почему-то страшно нервничать, когда брала у меня кровь. Три раза брала, не смогла найти вену. Начала ругаться, ходить по кабинету и причитать: «За что мне всё это?»

— Хотите, — говорю, — дольше кулаком поработаю?

— Чего я хочу? Я просто хочу быстрее уйти на пенсию.

— Я вас готов отпустить, причём на повышенную.

Смеяться она не стала, а наоборот, в гневе достала новый шприц. Из другой руки с четвёртого раза получилось. А ещё хорошая новость: она сказала, что приедет врач наконец-то.

Приходил начальник ПТУ — здесь, если хочешь УДО, надо пройти обучение, а потом пойти работать на промзону. Очень хороший дядька, доброжелательный, всё подробно рассказал. Явно из тех, кто, как говорят, «болеет за своё дело». Но Олег мне написал, что пойти учиться в ПТУ — это поступок так себе и вся моя затея с обучением на пекаря выглядит сомнительно. Жалко. Ну, разберусь подробнее.

Водили к врачу. Это было прекрасно. Собрали всех и построили во дворе.

— Сейчас мы вас отведём в медчасть на приём к врачам. Несколько специалистов приехали, они всех вас осмотрят.

Пришли, меня отвели к неврологу, которая осматривала

меня минут 15.

Потом выхожу — все стоят в верхней одежде по стойке смирно в коридоре.

— Выходим.

— А чего, — говорю, — ни у кого нет вопросов к врачам? Почему никто не пошёл?

— Да сказали, что после тебя, а ты вышел, и нам сразу велели выходить, — говорит несчастный Артём, у которого нет пятого позвонка.

Сводили, называется, к врачам. Дали 15 минут постоять по стойке смирно. В медсанчасти.

А моя врачиха оказалась типичным тюремным доктором, задача которого — утверждать, что зэк совершенно здоров, пока он может дышать. Ну вроде хоть щит на кровати рекомендует. Буду спать на плоском, а не на решётках этих.

После обхода приходили Вадим и Оля, обсудили с ними жалобы в ЕСПЧ, а когда пришёл: «Не раздевайтесь, сейчас пойдём на профилактическую комиссию».

ФСИН всегда всё делает по одному паттерну. Все свои махинации они начинают в четверг вечером или в пятницу вечером. Адвокаты уехали, значит, можно что-то мутить, и в ближайшие три дня об этом никто не узнает — выходные дни. Ни звонков, ни свидетелей. Никого никуда не пускают.

Повели в большое здание, видное из нашей локалки. Туда постоянно водят зэков строем, и я думал, что это просто столовая, но оказалось, что это, типа, главное административное здание. Там и столовая, там и клуб, там и учебные кабинеты, и начальство там сидит.

Перед походом начальник отряда проинструктировал, что я не должен разговаривать с другими заключёнными.

По закону дисциплинарные взыскания может накладывать начальник отряда и начальник лагеря.

Пока шли в кабинет, я осмотрелся. Большое, обшарпанное и задрипанное помещение. Типа как ПТУ. Лестница, комнатки. Люди ходят внутри в куртках и шапках. Удивлён. Наш карантин снаружи довольно задрипанный, но внутри всё довольно чисто и приятно. Я сейчас делаю гимнастику, лёжа на полу спального помещения, и вообще не противно. Чисто, роба чистая останется, даже пыли нет. А это — унылое, грязноватое, некомфортное место. Необжитое какое-то.

В кабинете начальника — целый иконостас. Путин, Мишустин (ха-ха), Калашников — глава ФСИН и ещё два каких-то хмыря. Видимо, местные начальники. И на деревянной стене надпись вырезана под старину. Цитата Петра Первого: «Тюремное дело есть ремесло окаянное, поэтому люди тут потребны жёсткие, добрые и весёлые».

Я эту фразу здесь уже дважды слышал. Любят её.

В кабинете начальник и ещё человек 7, похоже на педсовет. Я так и сказал, когда представился: «Рад присутствовать на большом педсовете».

Педсовет единогласно влепил мне выговор от лица начальника отряда (это, типа, малый выговор, а большой — от имени начальника колонии, хотя юридической разницы между ними нет). За отказ расписаться в графе обязательных работ.

20 марта 2021

Сегодняшняя ночь была худшей. Почти не спал. Боль из поясницы ушла в ногу, и её страшно как-то дёргало, трясло и ломило. Первый раз в жизни такое чувствовал — довольно ужасненько, и я прям страдал. Перед сном запасся берушами и маской для сна, чтобы не слышать и не видеть проверяющих чуваков. Не помогло. За ночь вставал 6 раз. Типа в туалет, но на самом деле чтобы просто спину размять.

В общем, всё плохо. Решил сегодня сделать гимнастику 12 раз за день. Посмотрим, поможет ли.

Внезапно позвали на ещё один педсовет и влепили уже большой, от начальника колонии, выговор за отказ выйти на зарядку. Причём за час до этого я давал объяснение по этому рапорту Александру Леонидовичу — тому оперу, что меня к адвокатам водит, он, оказывается, мой «шеф-наставник» по профилактическому учёту. Объяснил, что не вышел из-за спины. Типа, потом выходил. Есть уважительная причина. Будет предупреждение, сказал опер.

Когда через час на педсовете обсуждали и все сказали: «Выговор» — он сказал: «Ситуация двойственная», но в итоге тоже был за выговор. Вот уж точно — не верь, не бойся, не проси.

В конце педсовета спросил: «Когда медпомощь-то окажете?» Снова начали объяснять, что они не медики и направили кучу документов. Но, так или иначе, выходит, что все не против, чтобы меня лечили, но я здесь 10 дней, а не лечат. И моего врача не пускают, и моих лекарств не

берут.

21 марта 2021

Видимо, помогла немного эта гимнастика, я ее сделал раз 15 за день. Первый раз спал (в маске и берушах) до 2:30, не просыпаясь, а когда проснулся, то прямо кайфанул от ощущения, что организм отдохнул. А может, я настолько заебался, что просто вырубился, и гимнастика тут ни при чём. С 2:30 до 6:00 спал похуже — сильно мешал сегодняшний долбоёб-дежурный, который мало того что специально громко топал, так ещё включал-выключал регистратор у моей кровати («Система „Дозор“ включена. Заряд 50%. Запись идёт. Запись остановлена»), а потом ещё и на всю комнату объявил: «Заключённый Навальный на месте». То есть специально старался меня будить, урод. Надо как-то узнать его фамилию.

Смешно, что этот дневник превратился в старческие записи о том, как удалось поспать. Это у меня-то, который всю жизнь моментально засыпал и просыпался за 10 минут до нужного времени.

Сегодня банный день (воскресенье), я стоял первый в строю, поэтому мылся первый. Это важно, потому что горячей воды хватает на полпомывки. Следующий либо моется холодной водой, либо должен ждать, пока бойлер вскипятит новую порцию воды. Очень типично. Понавешали своих дебильных камер, а горячей воды нет. А также, одеваясь после душа, обнаружил охренительно пугающую вещь: правая икра от колена до ступни потеряла

чувствительность. По ощущениям так, как и бедро левой, когда я очнулся в больнице, но сильнее с точки зрения «замерзания». Это меня напрягает.

Наш карантин на первом этаже, а над нами отряд самых счастливчиков — тех, кто сидит с облегчённым режимом содержания. У них комнаты и душ. Кухня, много передач и безлимитная покупка еды в ларьке. Мы стояли на построении в локалке, а из открытых окон этого отряда играла музыка.

Впрочем, не факт, что этих людей действительно можно назвать «счастливчиками». Путь в этот отряд лежит через рабское беспрекословное подчинение и выполнение мельчайших, даже самых абсурдных приказов.

Офигеть. Попробовал на прогулке подпрыгнуть на правой ноге и упал! То есть нога реально отказывает, хотя не сказать, что я чувствую себя хуже. Не хуже, а просто странно немного. Всю ногу колет. Необычные ощущения. Страшновато, и очень жду, когда привезут мои уколы. Надеюсь, их привезут, пустят сюда завтра в обед и колоть начнут во вторник утром. А также надеюсь, что смогу ходить к этому времени.

22 марта 2021

Обожаю момент, когда в 6:05 нас выводят на зарядку и играет гимн. Мужики в чёрных робах стоят с руками за спиной на снегу в тюремном дворе, и через репродуктор на

всю зону играет: «Славься, Отечество наше свободное».

Прослушал профилактическую беседу на тему «Распорядок дня». Причина — поданный на меня рапорт с формулировкой: «Встал с кровати на 10 минут раньше команды „подъём“».

Сводили к врачу. Оказалось, что мне выписано лечение. 2 таблетки ибупрофена в день. Ну охренеть. Реально похоже на издёвку. Во всём остальном отказ. Даже по фанерному основанию кровати.

Снова позвали на педсовет и дали ещё один выговор от имени начальника колонии. За то, что ушёл с лекции. Сейчас у меня 3 выговора и 20 рапортов. Всё готово для того, чтобы признать меня злостным нарушителем.

23 марта 2021

Чайниковая драма!

У нас есть ночной дневальный Женя. Он работает с 8 вечера до 7 утра. А также есть чайник. Мне кажется, я писал уже о нём. Старый, плохо работающий, дешёвый электрический чайник. У него плохо подходят контакты. Включить можно, только если знаешь специальный способ. И дневальные, и один из начальников отряда очень не любят, когда осуждённые пытаются использовать этот чайник. А они и не пользуются — поняли, что не надо. Но

мне-то чего. С запретом во время «вне приёма пищи» я согласился, но на завтрак, обед и ужин я тупо беру чайник, кипячу воду и делаю себе чай. Совсем не потому, что хочу продемонстрировать что-то, а просто из столовой приносят сладкий чай, я его не люблю.

Утром беру у начальника отряда чайник, наливаю воды, ставлю кипятить, нажимаю рычажок и иду в спальню. Вода в чайнике закипает, и рычажок отщёлкивается. А он автоматически отщёлкивается, я проверял.

И тут за мной бежит дневальный Женя и возмущённо причитает, что чайник я бросил, не дожидаясь кипения, и ушёл. Его ж надо выключать, а то он сгорит!

Все зэки дневальных не то что боятся, но не хотят связываться. Те приближены к начальству, и ссориться с ними не стоит. Ну и я тоже не ссорюсь — решил, что вообще ни с кем здесь не буду ссориться. На этот Великий пост я снова поставил себе задачу ни на кого не разозлиться и не повысить голос и намерен первый раз в жизни выполнить это.

Ну, я и начинаю над Женей и его чайником шутить. Типа, какой ужас: не сторожил чайник. Женя кипит сам не хуже чайника, причём совершенно искренне. Говорит про какие-то сгорающие контакты, что чайник пропадёт и он останется без чайника.

И тут я понимаю, что я, конечно, на 100% неправ. Смеюсь над Женей и его чайником, а он сидит здесь несколько лет, и ему ещё два года осталось. Этот несчастный чайник за 1000 рублей сгорит, и чего ему делать? Кипятильники здесь запрещены. Плиты нет. Вот и сиди всю ночь без возможности выпить чай или кофе. Горячую воду дают

днём, когда Женя спит. Если чайник сгорит, Женя обречён месяцами вообще оставаться без горячей пищи. Потому что здесь любая фигня вроде починки сгоревшего чайника будет решаться именно месяцами, а уж о покупке нового чайника или о получении его с воли и мечтать нельзя. Так что я показал себя бесчувственным человеком с низким эмоциональным интеллектом. Надо будет вечером с Юджином (я так его называю) поговорить.

Обсудил чайник с чайниковладельцем, сказал, что был неправ. Чувствую, что сделал верно и хорошо. Но в то же время есть ощущение, что всё это какая-то лицемерная фигня. Изображаешь из себя христосика, извиняясь перед всеми, и говоришь добрым и доброжелательным тоном. Людей это пугает. Тот же Женя, кажется, подумал, что я издеваюсь над ним ещё более изощрённым способом, когда я снова начал говорить про дурацкий чайник, признавая свою неправоту.

24 марта 2021

Вроде сегодня должны были «поднять в отряд», но потом сказали, что сегодня комиссия по распределению, а в отряд переведут завтра. Погода отличная, и похоже, что наконец-то наступит весна. У Захара через два дня день рождения, надо написать ему письмо.

Всё, распределяющая шляпа ИК-2 сказала своё слово. Только что отвели нас на комиссию, распределяющую

заключённых по отрядам. Всех записали в Слизерин. Все 5 человек — в отряд номер 2. Очевидно, что сделали новый отряд под меня. Мы знаем, что недавно отряды реорганизовывали. Мало того, наш начальник отряда, Роман Владимирович, — тот самый, который один из начальников отряда здесь у нас в карантине (см. библейскую драму с куском хлеба). Он нормальный, на самом деле. Слишком дотошный в плане правил, но человек вроде неплохой, у меня нормальные с ним отношения.

Вместе с совсем новенькими в отряд 2 загремели и двое «возвратников» — зэков, которые здесь давно сидят, но уезжали на следствие и поэтому снова попали в карантин.

Оба уж никак не могли быть в отряде со мной. Сан Саныч был в ремонтной бригаде, то есть в отряде, который работал по всей зоне.

Костя вообще был в секторе умеренного контроля и на облегчённых условиях. А теперь попал в сектор с обычными условиями. Он явно расстроен. Он такой, суперотличник. Всё делает, ничего не нарушает. Метёт больше всех. Мас...

26 марта 2021

Не помню, о чём было это «Мас», отвлекли на что-то, а потом было много событий. Во-первых, нас «подняли на зону», то есть перевели в отряд. Это ужасно смешно. Если на карантине я был самый взрослый (a.k.a. старый), то здесь я явно прохожу по разряду «молодёжь». В отряде 17 человек, и 10 из них просто дедушки. Седые пенсионеры, которые со строгими лицами смотрят телевизор в комнате воспитательной работы и очень недовольны, если кто-то

ходит мимо или переключает программы. Вот если взять дядю Джуниора из «Клана Сопрано», да так, чтобы он ещё на улице пожил пару лет, — будет типичный представитель отряда номер 2. Но в каком-то смысле все смешные и милые.

Вот прямо сейчас 7:30 утра, у нас новый распорядок дня и свободное время до 12. Все проснулись, убрались, заправили кровати и пришли в КВР — врубить телевизор. «Муз-ТВ». А я сел здесь за стол и пишу. И прямо сейчас по телику Билли Айлиш. Деды начинают спорить, сколько ей лет. Я говорю: «Ей 17 вроде». И седой чувак без зубов отвечает, что 18, потому что начала она в 16 два года назад. А другой такой же рассказывает подробности её биографии. Они же смотрят телик постоянно, вот и знают. Жаль, Даша этого не видит, она бы умерла со смеху.

Администрация вчера, конечно, устроила сценку: выстроила всех на продоле и заставила демонстративно подписывать график работ, уборки и т. д. Все подписали, я, конечно, нет. Ну и началась бодяга на час. «Отказываетесь — не отказываетесь».

Потом повели на педсовет и снова дали выговор. За то, что на встрече с адвокатами был в футболке. Нарушил, мол, форму одежды.

Потом сразу повели к адвокатам, что спустя 40 минут стало причиной грандиозного скандала с моим «шефом по профилактике» Александром Леонидовичем.

У меня же ни ручки, ни тетрадей с записями — на педсовет шёл. Ну и заводят адвокатов, они за стеклом, надо

подписать кучу бумаг, а у меня ручки нет. Я вежливо прошу: «Дайте ручку». А он с улыбкой закрывает дверь и уходит.

Ну у меня планочка и упала. Кобзев нажал на кнопку, Александр Леонидович вернулся, я наорал на него, он весь разобиженный убежал спрашивать начальство. Начальство сказало: «Нет». Я дальше возмущаюсь. В итоге договорились, что Кобзев даст мне свою ручку. Но, так или иначе, свой план на этот пост я не выполнил: не смог продержаться 40 дней и не повысить голос ни на кого. Не то что повысил, а орал на него так, что во Владимире было слышно. Потом я извинился, конечно, но он бормотал смешно: «Теперь мы знаем ваше истинное отношение к сотрудникам».

По сути я прав на 100%: они занимаются мелкими гадостями, а уж привести к адвокату без ручки — это прямое нарушение права на защиту. Но орать не стоило.

Зато Михайлова довольна. Вот, говорит, снова нормальный: «А то ты ни на кого не наезжал, вёл себя смирно, меня это беспокоило». А у меня просто пост, и я должен всех любить.

Да, пока писал, вспомнил, на чём прервался позавчера. Это тоже целое кино. Ведут на встречу к адвокатам. Пришли в комнату обыска, но обыск не проводим. И чего-то хитрят, мудрят, улыбаются. Ну, обычная бестолковая и бессмысленная ментовская хитрость. Главное — соврать и наебать.

Внезапно приходит конвой. Я их сразу узнал: они меня сюда везли. «Куда?» — «В больницу». — «А адвокаты?» — Молчат. — «Ну, вы скажете, что меня увезли?» — Молчат.

Лень долго описывать, но 2,5 часа ехали и приехали

в какую-то дыру делать МРТ. Несколько раз спросил, где я, так и не сказали. Но больница гражданская. Вернее, не больница, а полуподвал какой-то. Сделали МРТ и 2,5 часа ехали обратно.

Михайловой и Кобзеву ничего не сказали, они перепугались, что меня не выводят, и опубличили всё про спину, ногу и болезнь. Так что теперь все знают.

Новую тетрадочку завёл. Начну со смешной истории.

По распорядку дня есть какая-то двухчасовая хрень каждый вечер. Называется — «Патриотическая лекция». На практике все смотрят фильм. В локальной сети лежит штук 20 фильмов, вот их по кругу и смотрят. Очень патриотично. Если год отсидишь, каждый фильм видел 10 раз. И это обязательно — уйти нельзя.

Смотрим сегодня «Тор. Рагнарёк». Там на планете с тираническим правлением восстание. Манерный правитель спрашивает:

— Что происходит?

Советник:

— Рабы восстали.

— А можно помягче? Без этого ужасного слова на «р».

— Извините, государь. Трудоустроенные заключённые.

Это про нас. Трудоустроенные заключённые.

Сводили нас наконец-то в ларёк. Шёл, чтобы в первую очередь купить тетради. В итоге купил кофе, капусту, морковь, молоко, тушёнку. Тетради не купил.

В следующий раз попаду туда через две недели только.

28 марта 2021

Снова перестал есть хлеб, кроме воскресенья, и сразу это даёт ощущение праздника по воскресеньям, как сегодня.

Со спиной и ногой всё херово.

Поясница очень болит. Голень на правой ноге одновременно и не чувствуется, и горит. Не знаю, как так может быть, но именно так.

Так ещё и два пальца на левой ноге тоже потеряли чувствительность — как отморожены.

В баню ходил. Баней тут называют просто душевую. Но это было восхитительно. Я не помню, когда последний раз так прекрасно мылся. Там промо идеальный душ. Расположен высоко, бешеная струя воды — хочешь холодной, хочешь горячей. Всё чисто. В карантине была мерзкая душевая кабина, в которой противно до всего дотрагиваться. В Кольчугино тоже, но там было ещё противнее, и вода еле текла, и ручку душа надо было держать.

В «Матроске» норм душ, но тут гораздо лучше. Если бы не обилие голых мужиков, то признал бы это мытьём года.

Сегодня был день смешных боевых действий. Роман Владимирович решил устроить мне классическую тюремную хрень, когда дневальные начали выпендриваться и подговаривать остальных на тему: «Ты не убираешься, почему мы убираемся за тебя, не будем мыть вокруг твоей кровати». Вечером даже мою тумбочку поставили на

другую демонстративно. Типа, Лёха, тут ты сам должен убрать.

Пришлось, конечно, приложить некоторые усилия, чтобы не разозлиться и говорить со всеми вежливо и шутливо, в итоге всё ОК.

Народ, конечно, очень запуган, и администрация помыкает всеми, как хочет, через дневальных.

Ещё очень смешно, как РВ поручил дневальным за мной следить. Их трое, и куда бы я ни зашёл, с кем бы ни говорил, что бы ни делал, один всегда подходит и стоит рядом. Типа, курит или чай пьёт. Из книг я знаю, как в «красных» зонах поощряется стукачество. Все бесконечно стучат друг на друга за еду и пачку сигарет. Но посмотреть на это вживую и оказаться в центре такой интриги очень интересно.

Тем не менее мне тут скорее всё нравится. И с зэками хорошие отношения, и говорить с ними интересно. Даже дневальные эти. Они, конечно, бесятся, что не могут выполнить задания по психологическому прессингу, но за исключением этого ничего ужасного в них нет. Просто любят пожрать и работают на администрацию за еду.

29 марта 2021

С утра пораньше позвали на педсовет и дали ещё один выговор. За «категорический отказ представляться по форме». Это первый за такое, но важно. Ведь представляюсь я как минимум 8 раз в день — когда меня днём снимают для профучёта каждые два часа. Фактически же примерно 12–14 представлений в день. Одного дня хватит, чтобы отправить меня в ШИЗО, признать злостным нарушителем

и перевести на строгие условия содержания.

30 марта 2021

Сегодня днём продолжилась весёлая тюремная клоунада, устроенная администрацией. Это удивительно, как можно управлять людьми с помощью банки сгущёнки и пачки сигарет. И удивительно, как они тут всех унижают и расчеловечивают с помощью еды.

31 марта 2021

Ух. Прямо сейчас лежу на кровати, Селезнёв стоит рядом, требует, чтобы я встал. А весь отряд в ужасе.

Всё достигло острой фазы.

И как обычно — нет в политике ничего, кроме хаоса и случайностей. Кто-нибудь найдёт потом в этом интригу, совпадение дат и т. д.

А на практике это просто дурак Селезнёв решил поиграть в политику и интриги, настраивая против меня «людскую массу». Больная спина + глупый начальник отряда = я лежу на кровати, что для ИК-2 просто неслыханная акция протеста. Заходят чуваки из рембригады, они не из нашего отряда, и аж отшатываются, увидев меня.

Ну и наши все стараются держаться от меня подальше. Не разговаривать и не быть замеченными в подозрительных связях.

В расположении начали срочно менять кровати. Уносят положенные, приносят новые. Явно скоро приедет

начальство с проверкой.

Сейчас был самый смешной момент за всё моё время здесь. Я лежу. Все слоняются, на меня стараются не смотреть. Зовут на обед, все выходят и, я слышу, одеваются. Потом их возвращают и строят на продоле, то есть прямо передо мной. Прибегает дурачок Селезнёв, который, видимо, понял, что [со] своими интригами и играми зашёл слишком далеко. Как бы чего не вышло. И, играя на меня, объявляет, что устраивает ШАШЕЧНЫЙ ТУРНИР. Призовые места получат поощрения, а победитель — поощрение в виде дополнительной передачи. Большое дело, между прочим.

И, типа, народ к себе расположить, и мне показать: ну и лежи себе, отрицальщик, ты оторвался от коллектива, а у нас весело и мы передачу разыгрываем.

Хотел голодовку объявить через адвоката, но пришлось здесь. Теперь хрен к адвокату выведут.

Не думал я, что к голодовке придётся прибегнуть в первый месяц в колонии, а что делать.

1 апреля 2021

Первый день голодовки — полёт нормальный.

Вчера сучья банда ещё и воду питьевую закрыла, то есть я весь день не ел и не пил. Сегодня утром попил, ощущение — как лёгкое опьянение.

Отвели в медсанчасть — тех, кто объявил голодовку, положено осматривать. И взвесили меня, конечно. 85 кг, а приехал я сюда 93. То есть без всякой голодовки −8 кг. Это, конечно, связано с тем, что спать не дают.

Везде наводят шмон, наверное, начальство какое-то приедет.

Ха-ха-ха. Надо же, так кругом старались, все вылизывали, я думал, что это прокурор из Москвы приезжает, а это всего лишь убогая пропагандистка Бутина с канала RT.

Всех выстроили, я остался лежать на кровати. Она делала вид, что смотрит что-то, но потом подошла. С камерой, оператором, все дела. План простой: сделать репортаж о том, что колония идеальная, медпомощь оказывают, а я симулирую.

Я встал с кровати (не надо было, наверное) и минут 20 отчитывал её как паразитку и политическую проститутку перед строем заключённых и администрацией. Ну понятно, что они нарежут что-то.

В отряде все просто охренели от происходящего и всех этих страстей.

Бутина свалила и пошла брать интервью у «активистов». Из нашего отряда позвали Костю Михалкина, хорошего парня, одного из немногих, кто выглядит прилично и прилично говорит (ну мошенник, чё), я с ним здесь больше всего общаюсь. Но он суперактивист и делает всё, что скажут.

Срок у него огромный — 8,5 года, — и он нашёл свою нишу и спасение в том, что дружит с администрацией и на 100% все выполняет. Сидит как робот и т. д. За это он уже на облегчённых условиях, работал библиотекарем и т. д. Любопытно, что он наговорил.

Притащили коробку писем. В одном — классная цитата Эрнста Юнгера: «Поражение начинается с утраты непринуждённости поведения».

Я, кстати, не знаю, кто такой Эрнст Юнгер. Надо попросить распечатать страницу «Википедии».

2 апреля 2021

Я пару раз пропустил поход в столовую, когда в отряде был этот мудила Селезнёв. Демонстративно его игнорировал. Но вчера и сегодня в отрядах другие сотрудники. Всё ровно и вежливо, поэтому, чтобы не выглядело как хамство [по отношению] к ним, я в столовку хожу, но еду, понятно, не беру. Сразу иду за стол. Один, правда, такой прапорщик с хитрецой пытался развести меня на то, что я должен встать в очередь, получить еду, сесть с ней за стол, а там уж не есть и отдать другим.

Нашёл дурака. Какая же правильная идея была вообще не заходить в кухню без сопровождения мента. Понятно, что их стратегия будет заключаться в дискредитации голодовки. Другого они и не умеют.

Я уже дважды нашёл конфету в кармане бушлата. Первый раз даже не я, а на обыске нашли. Сразу: «Ха-ха, Алексей Анатольевич, чё это — конфета у вас?»

После этого стал проверять карманы и вечером нашёл ещё одну.

Смешно, что главное в тюремной голодовке — проверять карманы.

Сразу два письма пришло от Юляшки. Со вложенными дополнительными листочками «Доброе утро» и «Добрый вечер». Милая она, думает, что у меня тут прикроватная тумбочка и я просыпаюсь, потягиваюсь, беру её листочек с тумбочки и читаю его. Впрочем, листочек можно положить и на кровать.

А, так я забыл, о чём хотел сказать, когда писал про столовую. Когда шёл первый раз, то думал, что это будет испытанием силы воли — сидеть и смотреть, как люди рядом с тобой уминают еду. Но вообще ничего. Совершенно равнодушно смотрел. Вот только пришёл с ужина, где чувак сидел напротив меня, рвал на куски жареную рыбу и толок её в картошке. Видимо, всё-таки баланда не так действует на мозг. Если бы он ел жареную курицу с тарелки, а не отврат из грязной железной миски, то терпеть было бы сложнее.

Хотя что тут говорить. Только третий день голодовки закончился. На десятый, наверное, и эта миска аппетитной покажется.

3 апреля 2021

Сходил на завтрак и снова не ощутил ни малейшего

беспокойства от вида жующих людей. Зато начал чувствовать холод постоянно. Температура откуда-то появилась. Вчера вечером — 37, сегодня уже 37,4.

Давление красивое: 99/77.

4 апреля 2021

Сегодня как-то резко хуже стало. Хожу — хромаю. Очень бедро болит. Вес уходит по 1 кг в день. Честно голодаю только на кипячёной воде. Каждый день суки кладут конфеты в карманы бушлата. Развлекается актив. Не зря в рассказе Сорокина «Лошадиный суп» мне так нравилась татуировка на руке главного героя: «ИРА»[21].

У матери ДР. Отправил ей записку и попросил Илью заказать букет цветов. Надеюсь, получится.

Да, репортаж, который сделала Бутина, показывают просто по всем программам. Я видел на НТВ, но было ещё по «Звезде», «Вести-24», «Рен-ТВ».

Лучшая колония, идеальные условия, Навальный — хам и симулянт. Ничего у него не болит.

По кодексу заключённых можно снимать только с их согласия, но здесь всем пофиг. Показали кадры, как я протестовал и ходил с чашкой кофе прям по продолу. Длинный, сутулый чувак в одежде на 3 размера больше.

Со стороны это выглядело куда менее круто.

Всё смешнее и смешнее. В пятницу обсуждали с адвокатом Липцером трюки ФСИН против голодовок. Говорит: «Моему клиенту, который был на голодовке, подсадили чувака и в огромном количестве загоняли ему жареную курицу, чтобы он ел её на глазах у голодающего». Посмеялся.

Сейчас захожу на кухню попить, а сюда притащили электроплиту (!!!) и стоит дневальный, с радостным видом жарит курицу. И потом начал угощать ею весь отряд.

Рад, что мой дух сильнее жареной курицы.

После курицы начали жарить хлеб, специально открыв дверь на кухню. С хлебом сложнее — это моё слабое место. Запах жареного чёрного хлеба — то, что меня реально привлекает. Впрочем, я просто обратил внимание, и всё. Неужели они считают, что из-за запаха еды я могу отказаться от голодовки? За кого они меня принимают?

На «России-24» просто огромный, минут на 15 репортаж о том, какая здесь прекрасная колония. А я «не похож на голодающего», «регулярно хожу в ларёк за едой» и «по словам других осуждённых, тайком ем печеньки».

Вот мрази. Правда, от последнего охуели уже даже сами сучьи активисты. Уж точно тут никто не упрекнёт меня в том, что моя голодовка нечестная.

5 апреля 2021

Всё-таки заболел. Очень некстати. Всю ночь морозило, кашлял. Утром меряю температуру — 37,8.

С утра выписали 4 рапорта. Я не вышел на зарядку, не пошёл на поверку, представился, сказав, что незаконно задержан, и т. д.

Снова в кармане бушлата конфета.

Сходил в медсанчасть. Несчастная фельдшер Наталья Сергеевна явно чувствует, что во всей этой ситуации её могут сделать крайней, и переживает. Видит, что голодовка реальная (вес падает чётко на 1 кг в день и давление 97/64), и очень уговаривает прекратить её. И ещё был отличный момент. Она говорит: «Ну, выпейте хоть какие-то лекарства. Давайте температуру собьём. Могу дать вам арбидол и кагоцел».

Потрясающе, конечно. Два фуфломицина без лечебных свойств, но жулики Голикова и Чубайс, с целью на них заработать, обязали каждую госконтору закупать эту дрянь.

На кухне продолжаются невиданные доселе вольности. Плита осталась, все варят какой-то пахучий суп. Где только продукты взяли! Из столовой, наверное, выделили.

Вот тебе и «лучшая колония». За 3 недели из моего крошечного отряда аж трёх человек госпитализировали с тубиком (a.k.a. туберкулёзом).

6 апреля 2021

Написал один пост в ИГ про курицу. Пока сидел и читал новости, передумал и написал про туберкулёз — и упомянул, что я кашляю и температура 38,4. Еле успел — в 16 часов пришёл сотрудник и сообщил, что «объявили тревогу». Адвоката выгнали (обычно мы до 17 сидеть можем).

Ну, думаю, к вечеру прибегут из-за поста.

Правда, к вечеру температура поднялась до 39, и уж не знаю, что там сработало, но меня позвали в медсанчасть и сказали, что я остаюсь здесь. Выделили двухместную палату. Круто — хоть отдохну, побыв один. Но дальше снова очень смешно.

Приходят мужики из моего отряда и прут мой матрас и сумки. И ещё какую-то сумку в палату тащат. Не мою. Тупицы, думаю, припёрли чью-то сумку. Потом смотрю — матрас ещё один. А это вместе со мной госпитализируют нашего дневального, который закреплён за мной, чтобы непрерывно смотреть и стучать. Это сложно было не заметить. Он всегда подходит, когда я с кем-то говорю, всегда на кухне, если я там. Выхожу из любого помещения, он через 30 секунд тоже выходит. Но здесь — прямо класс. У меня 39 и кашель, и они кладут со мной здорового чувака, чтобы он на всякий случай следил.

Надеялся, что высплюсь, как король, но не вышло. Всю ночь вставал и кашлял и смотрел безумные сны, как Даша вышла замуж за китайца и отправляет нам внуков, а мы пытаемся сделать так, чтобы они выучили русский и французский.

Медицинский стационар здесь отлично отвечает на вопрос об огромной смертности. Во-первых, и здесь режим с распорядком дня. В 6 — подъём. Встать, одеться, заправить кровать, измерить температуру. 38,8.

— Объясните мне, — говорю, — в чём смысл распорядка здесь? Меня сюда положили, потому что высокая температура и кашель. Чтобы их не было, я должен лежать под одеялом и пить больше жидкости. А вы делаете так, что все переносят температуру на ногах.

Ну а больше всего меня добил бак для питьевой воды. Тоже без крана. Берёшь свою кружку и зачёрпываешь. И это в больнице. Подходят больные со своими кружками и зачёрпывают.

Приезжало начальство из того самого МСЧ-33. Оно стало легендарным для меня — ведь все мои жалобы за последние 1,5 месяца пересылают туда, и они ещё ни разу не ответили.

МСЧ — это структура, в которую впихнули всю медицину из колоний. Вот, например, я сейчас лежу не в санчасти ИК-2, а в филиале № 2 МСЧ-33.

Приехавшая женщина и по званию выше, чем наш начальник. Она полковник. С ней лысый майор — начальник тюремной больницы, существующей при третьей тюрьме.

Говоря коротко, толку от их приезда не было вообще. Их ничего не интересует, кроме защиты своих диагнозов и медицинской ревности. Прямо так и говорят совершенно открыто (я даже удивился): «Ну как мы сюда пустим московского профессора? Если он что-то напишет, как спорить потом с ним? Кто мы, а кто профессор!»

Ну то есть максимально цинично.

Женщина-полковник довольно приятна по обращению. Зато майор — прямо тупая злобная сволочь, как будто взятая из книжки стереотипов, где была страница: «Лысый злобный тупой врач-вор из тюремной больницы, где все умирают».

Ужасный хам. Сразу со мной на «ты» начал. «Ты там свистел в интернете», «Хотеть у себя в ФБК будешь» и т. д. И видеозаписи не боится.

Постоянно перебивает, а главное, реально тупой. Приводит какие-то глупейшие примеры не в кассу.

Я даже пересказал ему «В каком году у швейцара умерла бабушка» из гашековского «Швейка». Поцапались с ним, короче. Нелегко ругаться с людьми на 7-й день голодовки.

Ну охуеть. Надо же было такое придумать. Теперь они будут мерить температуру и ночью. Для этого сотруднику выдали такой китайский пистолет, измеряющий температуру. Как и все подобные дешёвые приборы, пистолет, конечно, не работает. Ртутным градусником у меня сейчас 38,2, а этим то 35, то 37, то 34.

Но, в любом случае, это означает, что 4 раза за ночь ко мне будет подходить чувак, и светить, и пикать этим пистолетом. Понятно, я проснусь. Весь смысл пребывания здесь заключается в том, чтобы я мог лучше спать. Что ещё нужно человеку с температурой? А получается, теперь и здесь хрен поспишь.

7 апреля 2021

Похоже, они сами поняли эту тупость с замерением температуры и ночью меня не трогали.

Утром померили — вообще 36,6.

Кстати, «кубиков» на животе так и нет. Вчера я весил 80 кг, сегодня, судя по динамике, буду 79, это как классе в 8-м, наверное. Везде пишут, что пресс хорошо виден на проценте жировой массы меньше 10. Мне кажется, у меня сейчас процента 3, но всё равно не видно.

За месяц! За целый месяц я прочитал всего 2 книги. Кошмар какой-то. Обе сегодня дочитал. «Оливер Твист» Диккенса и «Тысячеликий герой» Кэмпбелла. Первую давно хотел прочитать, вторая модная и все рекомендуют. Первую читал с большим удовольствием, от второй страдал. Всё же я однозначно предпочитаю художественную литературу. А уж всё, где на обложке «мастера психологии», меня просто убивает. Дикая напыщенность и куча за уши притянутых баек. Костя, который дал эту книгу, сказал: «Это про тебя, в конце прямо совсем про тебя». Ну, конец действительно повеселее, там автор просто публицистику врубил. Но «Оливер» в миллион раз лучше, книгу только сильно портят довольно жалкие потуги Диккенса реконструировать разговоры «лондонского дна». У него это совсем не получается.

9 апреля 2021

У Олега ДР. Надо не забыть поздравить.

10 апреля 2021

По пятницам вечером у администрации всегда день выдумывания херни. Адвокат встречается со мной, уезжает в 17 [часов], и следующие 2,5 дня (минимум) связи со мной нет. Это они воспринимают даже не как возможность, а как прямое указание: надо что-то замутить. И каждую пятницу вечером что-то устраивают. Вчера привели после адвоката и начали как-то суетливо и странно «проводить медосмотр». Завели с другого входа, смотрела меня баба, приехавшая из Владимира, зайти в палату не дали, сапоги снять не разрешили. И торопятся, и перешёптываются. Ну, думаю, понятно.

— Вас переводят в отряд.

Внезапно обратно. Снова матрас, сумки, вещи. Целый переезд.

В отряде новая, усилившаяся политика шпионажа. Вернее, пародии на шпионаж. Назначили смотреть за мной двух соглядатаев. Один — перепуганный дед из Пскова (взятки брал), другой — парень из Владимира (тяжкие телесные по пьяни). И вот они должны неотступно следить за мной в прямоугольном помещении площадью 200 метров. Они стоят и говорят у моей кровати. Я иду к окну в противоположной стороне. Они тоже медленно туда «прогуливаются». Я разворачиваюсь и иду обратно. Они растерянно зависают, но потом идут за мной. Захожу в умывальник, через 20 секунд они тоже приходят умываться. Решил зайти туда три раза с интервалом в минуту. Каждый раз они за мной. На третий раз уже ржу: «Да, пацаны, шпионы из вас так себе».

Один из них: «Ну, это не просто так, нас вынуждают, нас заставляют».

Но не смеётся, нет. Наоборот, оба очень напряжены и напуганы. Он и фразу эту сказал, засунув голову в раковину, как в шпионском фильме. То есть их прямо кто-то застращал как следует.

11 апреля 2021

Вчера был супербодр и удивлялся весь день: ничего себе, сколько сил у меня, и чувствую себя отлично. Это ж сколько ж, типа, я без еды смогу.

А сегодня прибило. Ходили в баню, там под горячей струёй воды еле выстоял. Прямо с ног валился. А сейчас вечер, и сил нет вообще — мечтаю лечь, — и первый раз как-то эмоционально-морально тяжело.

19 апреля 2021

Вечер. Скоро отбой. Нет сил ничего записывать, но довольно много чего произошло. Я уже второй день во Владимире. Тут больница при ИК-3, колонии строгого режима. Вот в неё меня и положили — ФСИНовцев явно пугают результаты моих анализов.

Поездочка была та ещё. Сначала тащил вещи на сборку, потом невыносимо долгий двухчасовой обыск с перетряхиванием каждой вещи. Потом 2,5 часа тряски в автозаке. Потом здесь такой же двухчасовой обыск, плюс вся процедура приёмки. А я 19 дней не ел. Короче, был настолько чуть жив, что не стал сопротивляться капельнице с глюкозой. Что тоже стало испытанием, блин! Все руки искололи. Вроде вены на моём теле скелета так и торчат, но мне смогли поставить капельницу с 4-го раза. Но это ещё

что. Сегодня 3 медсестры ставили её шесть раз, но сделать этого так и не смогли.

Тюремная медицина.

Но зато меня уже нашли. В традициях этих сволочей адвокатам долго ничего не говорили, поэтому Липцера мурыжили несколько часов у входа и пустили ко мне без 5 минут 6, чтобы ровно в 6 сказать: «Всё, мы закрываемся, встреча закончена».

Меня раздевали и обыскивали перед встречей дольше, чем она была.

Зато узнал хоть немного новостей. Оказывается, там целый движ. Много народу меня поддерживает, среди них аж 5 нобелевских лауреатов.

Джоан Роулинг!

Такие хорошие все.

А ФБК собираются признать экстремистской организацией. Вот они нас боятся-то.

23 апреля 2021

14:30. Выхожу из голодовки. 24 дня продержался. Вообще жёстко и по хардкору. Ни крошки не съел, ни капли сладкого чая или типа того. Врачи сегодня выпустили заявление, что, во-первых, мои требования на 70% выполнены, а во-вторых, я просто скоро умру. «Лечить будет некого».

Продержавшись 24 дня, я, конечно, не верю ни в какие 100-дневные голодовки. Это невозможно. Я уже еле хожу. И сам чувствую, что ещё дней 20 — и смерть. Те, кто голодает 100 дней, голодают на бульоне.

Получил свои первые 90 калорий за 24 дня. Такое странное и приятное ощущение какого-то вкуса во рту.

24 апреля 2021

Вес продолжает падать. 73,4 кг сегодня, и давление самое низкое за всё время. Сегодня в плане 120 калорий. 4 30-граммовые чашечки смеси за день.

25 апреля 2021

Рекорд — 72,55 кг.

1 мая 2021

Какой же здесь чудовищный бардак. Даже не знаешь, что хуже: бардак ФСИНа, нищета его или тотальная некомпетентность сотрудников.

Ну хотя, чё уж там, ясно, что бардак и некомпетентность хуже всего.

У меня сегодня 9-й день выхода из голодовки. Вешу, кстати, всё так же 72,7 кг. Выход основан на том, что питаюсь маленькими порциями каши (5 раз в день), плюс они очень настаивали, чтобы я пил немецкую смесь «Нутрикомп». Типа, здоровое питание.

Плюс я должен по плану получать овощной суп самый простой и 60 г морковки в день. Мы неделю пытались (каждый день) передать мне передачу с нужными продуктами. Эти долбоёбы в сапогах, конечно, не взяли ни продукты, ни лекарства. Типа, у нас всё есть, не беспокойтесь. Конечно же, выяснилось, что у лживых тупых

ослов нет вообще ничего. Реально. Дольку яблока жду с четвёртого дня. Нет. Я на неё письменную бумагу писал, нет, блядь. Овощной суп? Нет овощей. То есть вообще никаких. Мне даже принесли записку из кухни, что есть. Крупа разная, говядина, свинина, квашеная капуста. Всё. То есть тут нет даже свежих капусты и моркови для элементарного подобия овощного супа.

Ну ладно, тупые дебилы, буду выходить чисто на каше, а белки и витамины брать из этого «Нутрикомпа», который вы мне суёте. Он, кстати, неплохой, очень калорийный. Белка много.

И «Нутрикомпа» тут явно навалом. Он хранится сутки, и первые дни я пил его 90 г в день, и бутылку 0,5 выкидывали, открывая новую.

И вот 9-й день, 530 ккал в день надо съесть. 6 ложек каши 5 раз в день для этого мало. И я радостно записал в график этот нутрикомп по нарастающей. А важно отметить, что, хоть и считается, что это они меня выводят из голодовки, они тут вообще ничего не знают, не умеют и не читали. Их представление о выходе из жёсткой 24-дневной голодовки: а вот вам тарелка крепкого свиного бульона. Они, блядь, тут даже, такое впечатление, медицинский не заканчивали, а дипломы получали у бабушки в деревне, которая все болезни лечит бульоном.

В итоге я сам расписал программу выхода детально. И поскольку эти тупицы, из которых самих можно делать свиной бульон, не в состоянии её ни запомнить, ни записать, ни передать по смене, я КАЖДЫЙ ВЕЧЕР пишу им почасовой, блядь, график питания на следующий день. Сколько миллилитров нутрикомпа я должен выпить

в 6:00 и в 21:00. Сколько ложек каши (и какой) в какой час съесть.

Ну, так и сегодня в 8:00 принесли кашу, остаток вчерашней, а должны нутрикомп. Я злюсь уже, но вежливо говорю: «Я вам каждый день делаю ГРАФИК. Не надо ничего выдумывать. Делайте то, что в нем записано». В 10:00 не несут и не несут. Забыли. Уже прошу мента (а под дверью моей камеры-палаты круглосуточно сидит мент): «Скажите им, что они забыли снова».

Через 30 минут несут снова кашу. Нутрикомп? А ОН КОНЧИЛСЯ. — Блядь, как? — Не знаю. — А у кого узнать? — У врача, но сейчас праздники, он будет через несколько дней, ничего узнать нельзя. Ну не идиоты?

Вернее сказать, им просто похер на всё. Они реально здесь не лечат. Без преувеличения. У меня в палате было двое, сейчас один со мной остался. Они серьёзно больны. У одного ВИЧ, он прямо страдает. Им, как и мне, просто меряют давление и температуру. И одну таблетку в день дают. В этом всё лечение и заключается. Они ничего не умеют больше. Неудивительно, что народ от тюремной медицины мрёт как мухи.

Тут всем до фонаря. Просто померили температуру с утра, выяснили, что 0 градусов, и дальше пошли.

2 мая 2021

Пасха. Прямо реально ждал её в этом году. Понято, что каждый год жду, потому что Великий пост держу, но в этом году и пост особенный (ха-ха), и я немного в религию приударился (ха-ха-2). В общем, очень рад. Прямо с утра

особое настроение, и погода отличная.

В столовке — меня туда не пускают, но ходил мой сосед Роман (стаж отсидки 10 лет) — дали нам на двоих маленький кулич и по яйцу. Кулич я не хотел, я ж завязал со сладким, но вроде надо чисто символически. Отщипнул кусочек, размешал в кипятке. Слааадко. Отвык от чего-то настолько сладкого. Зато яйцо отлично пошло. Я взял белок, покрошил его в пшённую кашу — восхитительно.

А также случилась пасхально-библейская история в духе ФСИН.

Мне же нужно яблоко.

Я его прошу дать мне уже неделю. Вернее, даже не яблоко, а его дольку.

И вышло так, что к Роману на свидание прорвалась жена. Реально прорвалась. Уж не знаю, как её пустили 1 мая, когда здесь уже выходные. Но, короче, она не только нашла его здесь, в больнице, хотя изначально приезжала к нему на свидание в колонию его, но и умудрилась передать небольшую передачу. И в ней два яблока! Ну, Роман мне сегодня утром отдаёт одно. Он следил за моей битвой за дольку яблока. Я положил его к себе на тумбочку.

Так эти злобные тупые бляди в сапогах увидали через камеру, что он мне дал это яблоко, вызвали его, обругали и заставили отнести все его продукты на кухню и есть только там. И моё яблоко тоже забрать, потому что передача продуктов запрещена. Вот так я остался без своего пасхального яблока (дурак, надо было на завтрак откусить, а я на обед отложил удовольствие) и узнал ещё немного о том, какая же отвратная, уродливая и извращённая система — ФСИН.

4 мая 2021

Начну новую тетрадку.

Сегодня 4 мая, и внезапно меня только что позвали к адвокату, хотя вроде раньше говорили, что до 10–11 мая никого не пустят. С одной стороны, круто, что пустили. С другой, адвокат — это минимум 3 часа в день с учётом обыска до и обыска после. В дни, когда адвокатов нет, у меня уйма времени и релакс.

Это звучит странно и смешно про тюрьму, но, действительно, здесь никогда ни на что не хватает времени. Ну, может, это у меня только так, я себе всегда планирую на день разные задания и к вечеру часто не успеваю их сделать.

Пока ходил на встречу, увезли моего соседа, Романа Частухина. Не успели попрощаться, к сожалению. Хороший парень. Наркоман и зэк с десятилетним стажем. С людьми, у которых такой большой опыт отсидки, всегда лучше сидеть, чем с первоходами. Плюс он рассказал мне кучу наркоманских историй. Люблю их. Жаль, что его увезли, вдвоём веселее.

Но есть и грандиозный плюс. Всё! Телевизор выключен. Это было невыносимо. Он всё время смотрел телевизор. Для меня это вообще тюремный бич. Какой бы ни был хороший сосед, он всё равно нон-стоп смотрит чёртов зомбоящик. Новости про Украину. Происшествия. Сериалы. Роман смотрел сериалы по «Рен-ТВ». Вот где дно. Там Михаил Пореченков играет. Дно дна.

О! Интересного человека привели. Дмитрий Иванович

Тураков. 54 года. Прикрепил табличку на кровать. Смотрю: 158, часть 3. Квалифицированная кража. Пока сказал только, что это его пятая ходка (он и приехал из ИК-7 Пакино, это колония строгого режима). И что сидит за одно и то же: антиквариат и вернисажи. Ужасно интересно. Настоящий вор антиквариата! Сердитый. На всё ругается. Я сразу сказал, что у меня 159-я[22]. «Да хули вы, москвичи, у вас либо 228[23], либо 159, другого у вас не бывает». Зато уже фотки мне показал: вот он с женой в парке Зарядье, вот в Муроме, вот в Казани.

Такой приличный дядя на фотографиях. Жена приятная и симпатичная. Увидишь — и в жизни не подумаешь, что у него 5 ходок.

Ха-ха. Он нацепил очки, прочитал фамилию на табличке и на груди робы и пять минут потом спрашивал: «Это правда ты? Да не может быть!»

Каждый раз этот очень весёлый момент.

13 мая 2021

Начал набирать вес, как зверь. Причём все уходит в живот. В прямом смысле. Ножки такие же тонкие, ручки как плети. Живот же растёт так, что его прямо видно ото дня ко дню.

Чем больше ем, тем больше хочется. Спорта делаю довольно много. День — 50 подтягиваний, день — 60 брусов, день — 100 приседаний. Потом заново. Плюс табата каждый день. Плюс бёрпи начал делать понемножку. А всё равно ни руки, ни ноги не растут. Но вроде последние два дня взял себя в руки и не прибавлял вес, а наоборот, скинул, чтобы ко

дню выхода [из голодовки] не превысить запланированные 79,5 кг.

Однако от плана зафиксировать вес на 80 откажусь. Вот два дня назад я был 79,7 (сейчас 77,8), и это всё равно — доходяга и скелет. Видимо, всё, что меньше 83, — это будет болезненная худоба.

16 мая 2021

С одной стороны, голодовка и выход из неё приучают к упорству, аскетизму и силе воли. С другой — делают тебя рабом еды. Бесконечно думаешь, говоришь о ней. Планируешь, что съешь ПОСЛЕ. И даже мечтаешь. Вот я ждал 16-го, сегодняшнего дня, и реально мечтал о кофе и белом хлебе с маслом. Кофе я не пил 46 дней минимум. Хлеб с маслом — ну не знаю, месяца два точно не ел. Дольше даже.

К счастью, у соседа была пачка масла. Поэтому свой план я реализовал на 100%. У него же и нормальный кофе. Неторопливо заварил себе кружку. Принесли кашу и к ней — белый хлеб. Я отломил горбушку, намазал маслом, откусил и запил кофе. Обычно в такие моменты испытываешь лёгкое разочарование: в мечтах и планах это всегда лучше и вкуснее. Но в этот раз — нет. Прямо так хорошо, как мне это чудилось.

Итог голодовки. Всё сделал правильно. С точки зрения большой картины — правильно объявил. Иначе бы тут вообще загнулся без медпомощи, а так вынудил их себя лечить. Ну и сломал общий паттерн пребывания здесь. Навязал свою повестку.

С моральной точки зрения было нелегко — давление «козлов» было неожиданно агрессивное. С точки зрения выдержки, силы воли и терпения — этого опасался больше всего — всё прошло отлично. На 146%. Обнаружил в себе запас силы воли и выдержал всё легко. Задаю себе честный вопрос: мог бы голодать до смерти? И теперь знаю ответ: да, мог бы. С точки зрения чисто физической — тяжело. Реально тяжело. После 18-го дня ходишь еле живой. 22–23-й день прямо чувствуешь — это уже про жизнь и про смерть. Прямо сразу в себе замечаешь меняющийся настрой. В общем, тем, кто голодает вот так вот, по хардкору, — респект.

Однако сразу стало понятно, что большинство голодовок, типа «голодаю на соке с мякотью», — это херня и реально обман. Как и голодовки с инъекциями глюкозы. Мне тут их делали, но это уже 22-й день. Чисто чтобы жизнь поддерживать и способность двигаться. А когда люди с 5–10-го дня колют глюкозу и «витаминки», это не то что обман — всё равно еды нет и тяжело, — но трюк.

Полезный жизненный опыт. Мощнейшее и опасное средство борьбы. Без совершенной необходимости и уверенности в своих силах и правоте этого делать нельзя.

21 октября 2021

Вчера пошёл первый снег. И я решил, что это знак. Я снова должен начать писать.

К снегу мы давно готовы — классические тюремные ватники, шапки-ушанки и зимние сапоги нам выдали ещё несколько недель назад. Мы шлёпали в сапогах по лужам,

а меховые шапки были мокрые от дождя и противные на ощупь.

Поэтому, когда после ужина нас вели строем из столовой, несколько человек по очереди сказало: «О, первый снег» — и начало ловить руками еле заметную белую летящую крупу. Хотя разговаривать в строю запрещается.

Я же сразу подумал про эту книгу. Вообще, я часто про неё думаю. Ища знаки и дополнительные причины, чтобы возобновить её. И сразу же в поисках предлога, чтобы отложить работу на недельку. А потом ещё на недельку. А потом с начала месяца.

Вообще-то книга мне очень нужна.

Во-первых, я очень хочу её написать, я сам всё это затеял, и мне вроде как есть что сказать.

Во-вторых, мои агенты очень мягко и вежливо. С полным сочувствием к ситуации. С пониманием обстоятельств. Но всё чаще напоминают о себе.

А агенты мои — Кэти и Сюзанна — очень классные.

Я всегда хотел написать хорошую книгу и мечтал именно о таких агентах. С которыми можно советоваться, дружить, болтать. И говорить всем: «А мой литературный агент...»

И ещё я помню (увы, очень хорошо), как агенты меня связывали с издателями, которые тоже были супер — ровно как я себе и представлял приятнейших издателей, — и все они обязательно спрашивали: «Алексей, вот ты заявил, что вернёшься в Россию. Мы, конечно, admire your courage[24], но там всякое может быть, в вашей России. А что будет с книгой? Как ты её будешь писать?»

А у меня всегда была наготове шутка. «Понимаю, — отвечал я, — что вы говорите courage, ведь вы вежливые

люди, а думаете — stupidity[25], но вообще если меня посадят, то вам же лучше. В этом случае у меня точно будет куча времени, чтобы писать». И мы смеялись.

Я ужасно, просто катастрофически ошибался. В «красной зоне», такой, как моя, тебя держат постоянно занятым. Тут не то что писать, тут и читать некогда. Тут ты совершенно не мудрый узник, рядом с которым стопка книг. Тут ты болван в мокрой меховой шапке, который всё время идёт куда-то строем.

Но каковы бы ни были обстоятельства, а уговор есть уговор. И, повторюсь, мне самому эта книга нужна.

Причины три и четыре звучат драматично. И если всё это закончится плохо, то это будет часть, на которую прольётся немного слёз у самых чувствительных читателей («Боже, он это предчувствовал, представляю, каково ему было»). А если всё закончится хорошо, то это будет самая стыдная часть. Можно будет, конечно, подредактировать или вообще выкинуть, но я пообещал себе, что это будет очень честная книга.

Три. Если меня тут всё-таки грохнут, то это будет память обо мне.

Четыре. Опять же, если грохнут, то семья получит гонорар и проценты от продаж. А они, по идее, должны быть. Уж если таинственное покушение химоружием, а потом трагическая смерть в тюрьме не продают книги, то я уж не знаю, что продаёт.

Автора книги убивает злодей-президент — это же мечта отдела маркетинга.

Ну так вот. А ничего не выходит у меня, потому что:

а) времени нет. Это реальная причина, но и отговорка

тоже, чего уж там. По полстраницы в день всегда можно писать;

б) всё, что я пишу и храню, либо выношу на встречу с адвокатом, либо с неё — не просто внимательно перечитывается, но и перефотографируется;

в) написанное запросто тупо отнимают. Одну главу, которую я написал в «Матроске» на эмоциях от прилёта, суда и посадки. Чтобы передать её, пришлось разработать целую операцию по обману конвоя, подмене одинаковых, специально купленных тетрадок. Но тогда были суды, и я мог физически что-то передавать. С марта же я людей «с воли» вижу только через стекло и не обладаю правом собственности ни на один предмет. Вторую главу, написанную в тюремной больнице, у меня забрали со словами: «Это надо проверить». И не вернули. Да. Вот просто три месяца говорили: «На следующей неделе, сейчас не работает склад, где это хранится», — а потом, когда я уже взбесился и сказал, что подам в суд, честно ответили: «Мы не можем вернуть, потому что не знаем, где она». Ну, наверное, какие-нибудь ФСБшники забрали.

Это всё сильно демотивировало меня, конечно. Раньше я бы сам сказал: ну изъяли, ну и чего? Сядь и напиши снова. Но писательство (не знаю, как у других, у меня так) работает иначе. Поймал вдохновение-кураж-эмоцию — и само полетело. Пишешь быстро, потому что само выходит, и выходит классно. А потом переписать так же уже не получается.

Ну и главная причина моего писательского кризиса. Что это за книга-то получается? Начал с отравления для затравки, перешёл к биографии. По утверждённому плану

должен был продолжать автобиографию с упором на то, как делал проекты и стал тем, кто я есть. А выходит что? Какой-то хаос из кусков и обрывков. Традиционное повествование, а потом тюремный дневник. А я вот ни капельки не хочу, чтобы книга моя была ещё одним тюремным дневником. Сам-то я их люблю читать, но как жанр — сколько можно.

И уж не говоря о том, что табличка на моей груди с фамилией, фото и жирной косой чертой «экстремиста» ставит под огромный вопрос заход: «А сейчас, читатели, я вам расскажу, как я стал тем, кто я есть».

Но вот под самым первым снегом, бухая сапогами по асфальту, я решил: да и чёрт с ним. Буду писать как есть, о чём хочется, в той последовательности, которая получается. В конце концов, мало ли мы видели книг, где сюжетная линия идёт от конца к началу, из середины наружу и вообще зигзагами, недоступными для понимания.

Будем считать, что это такая гонзо-журналистика. Только, пожалуй, она у меня погонзее, чем у Хантера Томпсона. У него была машина с открытым верхом и «три тысячи таблеток мескалина, двадцать граммов кокаина» и что там ещё. Не помню точно, хоть и обожаю эту книгу и фильм. Помню, эфир ещё был.

А у меня есть меховая шапка, бушлат, сапоги, тюрьма, охранники и их «активисты», лающие овчарки и всё такое прочее. И если Томпсон явно присочинил кое-что, то у меня всё на 100% реальное и аутентичное.

А, у меня ещё и Сахаровская премия есть — главная премия в области прав человека. Только что присудили.

И я сразу автоматически подумал: у Сахарова была шапка как у меня сейчас. На многих известных его фотографиях он в такой зимней шапке-ушанке.

Видимо, это тоже знак.

Ну и раз уж я увидел знак в снеге, выпавшем в октябре, хотя, очевидно, единственное, что подтверждает октябрьский снег, — «это Россия, детка, здесь холодно», то сама сегодняшняя дата — точно знак.

Я очень хорошо помню, в какой день начал свой тюремный дневничок в «Матросской тишине». Не главу в книгу о прилёте в Москву написал, а именно небольшие тюремные заметки о жизни. Просто для себя, а не для публикации. 21.01.21. Потому что с этого и начал: жалко, что такая красивая цифра пропадёт, пожалуй, начну дневник.

А сегодня 21.10.21. Ну символично же, согласитесь.

Если что, я не сумасшедший и не помешанный на знаках и символике. И не очень суеверный даже. Разве что не люблю передавать через порог. Не люблю, когда Юля обходит столб с разных со мной сторон во время прогулки. Ещё крещусь на церкви, что явно тоже суеверие для тру-христиан. Делаю это даже скорее для воспитания христианского смирения. Поскольку все, абсолютно все окружающие смеются надо мной, когда я крещусь на золотые маковки рядом (кто не смеётся открыто из вежливости — закатывает глаза, что является, конечно, насмешкой в квадрате), я решил, что это будет моими страданиями за веру на минималках. Ну, типа, вроде этот момент, когда ситуация напоминает тебе: ты делаешь это

потому, что ты верующий. Но при этом ног и рук не отрезают, камнями не закидывают, львами не травят.

Поэтому «знакоискательство», обнаруженное в себе за последнее время, конечно, рационально объясняю тем, что уже который месяц один, в окружении враждебном. Общаться со мной запрещено, а те, кто общается, назначены специально, чтобы разведывать мои настроения и планы и стучать на меня. Посоветоваться не с кем, просто по-человечески поболтать тоже (за всё время один был момент — Юля приезжала на длительное свидание и можно было выйти в коридор, шептать друг другу на ухо, чтоб не уловили микрофоны камер, открыто установленных через каждые три метра). Ну вот сознание и пытается найти подтверждение правоты собственных решений, верифицировать их через поиск совпадений или необычных вещей, объявляя их знаками. Кроме того, «знак» реально радостно получать. Это, видимо, тоже психологическая реакция организма на стресс враждебной обстановки.

Раз так много об этом пишу, давайте расскажу о двух моих главных пока «знаках».

Первый. Я тут учу Нагорную проповедь. Первые пару месяцев мне же не давали никаких книг, кроме Библии. А Нагорная проповедь восхитительна, и я подумал: «Раз тут приходится бесконечно стоять в строю и смотреть на стену или забор, дай-ка выучу её наизусть. И пока стою, буду про себя повторять». Там всего 111 стихов, но язык, ясное дело, не современный, и чтобы запомнить прям точно, правильно располагая все эти «ибо» и «кольми паче вас», требуются усилия. К тому же я решил, что торопиться не буду, но

постепенно заучу её на четырёх языках: русском, английском, французском и латыни. Забегая вперёд: в результате ювелирной спецоперации, занявшей два месяца, мне удалось получить (по-тюремному «затянуть») сюда 111 карточек, которые сделала по моей просьбе мой пресс-секретарь Кира. У каждой на одной стороне номер строфы, а на другой текст на четырёх языках. Например, 7:20: «И так по плодам их узнаете их» и т. д.

Вот сегодня у меня в кармане пять последних карточек, и, когда добью их, смогу по номеру строфы сразу выдавать текст на русском и английском. Идёт медленно, да и отнимали эти карточки уже у меня, проверяли больше месяца. Видимо, на экстремизм. За это время я всё забыл, пришлось заново начинать.

Ну и вот. Апрель, первые дни голодовки. Довольно тяжело физически, плюс сверху дали команду меня прессовать, чтобы я голодовку прекратил. Зэкам в отряде запретили со мной разговаривать. Разговаривают со мной только дневальные-активисты, и разговор этот заключается в том, что они орут на меня, оскорбляя и угрожая, а я ору на них в ответ, пытаясь превзойти их в оскорблениях и угрозах. Как хорошо, что я много на митингах выступал, теперь орать минут 40 подряд для меня вообще не проблема.

Чтение моей единственной книги — Библии — такое же единственное доступное времяпрепровождение, а заучивание Нагорной проповеди — единственное развлечение. Довольно мрачное в контексте происходящего. Желающих из отряда — я тоже поднимаю руку — ведут в нашу церковь. «Активисты», ходящие за мной по пятам

буквально на расстоянии вытянутой руки (напишу ещё об этом, реально классный метод психологического давления), тоже сразу тянут руки, им тоже срочно захотелось в церковь. Но тут наплевать, в храме всё равно все рядом стоят. Пусть стоят.

Приходим, там два зэка. Они и службу служат, и убирают. Закреплены за церковью, в общем. Один постарше, очень важный и даже надменный немного — ну, с церковнослужителями это нередко бывает. Второй молодой и приятный, но на его лице что-то такое, что сразу думаешь: ну этот точно грохнул кого-то, а сейчас грехи замаливает.

Я из вежливости что-то спрашиваю у них, они отвечают, но крайне сухо. Очевидно, запрет на разговоры со мной доведён и до них. Ну ладно.

Начинается служба. Мы — пришедшие зэки — стоим в носках. Зэки-попы — в тапочках и рясах. Рядом стоит мент с видеорегистратором и снимает всё это. Я всё не могу настроиться ни на службу, ни на внутреннюю молитву тем более. Одновременно отвлекают и мрачные мысли о том, как разруливать это всё, и комичность ситуации. Босые зэки, видеорегистратор, да ещё мои «активисты» на каждое «Господи, помилуй» (а их много!) крестятся и кланяются так неистово, как будто завтра вместо утренней поверки у нас будет Страшный суд.

И в какой-то момент пожилой зэк-поп говорит: «Почитаем Писание, братья», — молодой берёт лежащую перед ним книгу с кучей закладок, открывает на одной из них и монотонно, как это всегда происходит в церкви, начинает: «Глава пятая. И увидев народ, он взошёл на гору,

и когда сел, приступили к нему ученики его».

Блин. Я сначала чуть не упал, а потом неимоверными усилиями сдерживал слёзы, чтобы они каплями шли, а не ручьями.

Уходил из церкви совершенно потрясённый и окрылённый. И есть расхотелось.

В общем, понятно, что знак так себе. Вы подумайте, в христианской церкви зачитали Нагорную проповедь! Вау, такое редко бывает. Всё это я понимаю и понимал, когда шёл обратно в барак. Но всё равно круто же! Нужное время, нужное место. Да, мозг лихорадочно искал что-то, чтобы ободрить сознание своего носителя, выдав это за знак. Но сработало!

Главзнак № 2 тоже связан с религией (чувствую, что вслед за «Вообще я не суеверный» придётся писать дисклеймер «Вообще я не свихнулся на теме религии»).

Уже 18-й или 19-й день голодовки. Я хожу, хотя правильнее сказать — плетусь по продолу, длинному прямому участку барака, вдоль которого стоят двухэтажные железные кровати. Ходить мне не очень хочется. Но знакомый врач — по счастливой случайности один наш сторонник, связавшийся со мной в инстаграме и предложивший научить меня кататься на доске за катером, оказался врачом со своей клиникой лечебного голодания — написал мне, что я должен заставлять себя двигаться. Поэтому утром и вечером я делаю что-то вроде гимнастики, не обращая внимания на «активистов», которые упражняются в юморе. Мы по-прежнему орём друг на друга матом, это всё ещё часть ежедневной рутины, но я уже не так бодр, как раньше, и стараюсь экономить

энергию.

Ну и хожу в течение дня.

Иду вдоль кроватей и металлических табуреток, стоящих возле них. Это самый неудобный вид мебели на свете, но другого нет. Если ты хочешь почитать или просто тупо посидеть — вот тебе табуретка. Садиться на кровать строго запрещено.

На табуретке у своей шконки сидит Никитин. Он самый любопытный мне зэк. Был. Сейчас мне уже не до него, но я помню, что Никитин загадочный.

Ему 54 года (здесь все знают точный возраст окружающих, ведь на твоей кровати висит табличка со статьёй, сроком и годом рождения. Если есть профучёт, как у меня, эта табличка перечёркнута цветной полосой). Вот уж он точно свихнувшийся на религии. Целыми днями молится. И он очень покорный. То есть не то что молча делает, что прикажут, — это тюрьма, и есть чёткие пределы того, что можно требовать от «мужика», а что нет. Даже здесь, в самой «красной» зоне. Но он не просто не возмущается — здесь никто не возмущается, — а совершенно спокойно и равнодушно терпит любую глупость, любой абсурдный приказ. Вас заставляют смотреть в пятый раз один и тот же фильм, хотя сейчас единственный в сутки час, когда разрешается войти в «комнату приёма пищи» и попить чаю? Другой вздохнёт, или пробормочет что-то, или у него просто на лице будет написано: «Блин, какой облом». На лице Никитина не будет написано ничего. Он делает что велено, он смотрит что велено, он выходит на продол и строится, становясь по стойке смирно, столько раз, сколько захочет администрация. Здесь в «Покрове»

в этом нет ничего необыкновенного, если бы не одно «но».

У Никитина на коленях наколки — звёзды. Что по тюремным понятиям означает: «Не встал на колени». И в тот короткий период, когда со мной ещё не запретили разговаривать, вышло так, что я с ним перекинулся парой фраз. Выяснилось, что он изначально сидел не в лагере, а в колонии-поселении (и статья у него, кстати, «ерундовая» — ДТП с тяжкими последствиями), это самый лёгкий режим лишения свободы. Живёшь по ночам в общежитии, днём ходишь на работу на волю. Разрешается иметь деньги и т. д.

Так вот, его с этого посёлка «перережимили» в наш лагерь. А для этого надо, чтоб тебя признали злостным нарушителем режима, несколько раз отправляли в ШИЗО и т. д. Это означает сильнейший конфликт с тюремными властями. «Чем это ты их так достал?» — спрашиваю. Никитин нехотя говорит: «Опера хотели, чтобы я с ними работал, а у меня не было к этому никакого желания».

Ну то есть был человек в «отрицалове», как здесь говорят. А сейчас — вон, молчит и молится. Страшно любопытно, но подробные расспросы не приветствуются. Одно из главных правил: не выясняй. «Зачем выясняешь?» — это слышишь постоянно.

Когда разговаривать со мной запретили, Никитин так же покорно выполнил и этот запрет. Это всеми, и им тоже, без агрессии выполняется. Скажешь: «Отойди» — отойдёт. Скажешь на кухне: «Оставь кипятка» — кивнёт. Там, где приходится ответить «Да/Нет», — ответит. Но общая политика в том, что тебя как бы не замечают.

А Никитин, как мне казалось, ещё и с какой-то досадой

на меня смотрел. Объяснимой, впрочем. Вместе со мной в отряд пришёл тройной контроль, дополнительные камеры, режим до буквы и т. д. Никому не понравится такой сосед.

И вот я волочу ноги по продолу, раз за разом проходя мимо Никитина. Он сидит нога на ногу и смотрит перед собой, на каждом круге своей ходьбы я прохожу мимо него два раза, и, когда иногда встречаюсь с ним взглядом, он сразу же отводит глаза вот именно с этим выражением досады. Я прочитываю в этом нечто вроде: «Век бы тебя не видеть, Навальный, откуда ты только взялся на нашу голову».

И внезапно, в момент, когда я в очередной раз прохожу мимо него, он поднимает на меня голову, глядя в упор, — ясно, что хочет что-то сказать.

— Алексей, на, возьми и носи с собой.

Он протягивает мне прямоугольничек бумаги в пластике. Это иконка, вроде тех, что таксисты раньше магнитами на «торпеду» прикрепляли.

Я беру прямоугольничек и смотрю внимательнее, что там. На одной стороне — «молитва Архангелу», написанная, конечно, каким-то псевдославянским шрифтом. Это как обычно. Во всех религиях так. Общий консенсус в том, что ангелы и архангелы быстрее слетаются туда, где готический шрифт, или «яти», или shall. А если ещё и порядок слов в предложении такой, как будто его составил магистр Йода, то Бог вообще крайне доволен и более склонен проявить свою безграничную милость.

На второй стороне — некто с крыльями и ореолом вокруг головы. Очевидно, архангел.

— Спасибо, — отвечаю я довольно ошарашенно. И дальше стою.

— Возьми, положи в карман и везде носи с собой, — с этими словами Никитин отворачивается с таким же безразлично-досадливым выражением лица.

Поняв, что больше он ничего не скажет и явно не хочет, чтобы нас видели разговаривающими, я ещё раз пробормотал: «Большое спасибо, Валера» — и поплёлся дальше. Хотя, наверное, уже пошёл, а не поплёлся.

Очень сложно описать чувства в тот момент, но карточка эта (я её положил в нагрудный карман и стал носить всегда — и сейчас она со мной) прямо грудь мне жгла и наполняла ликованием. Прям хотелось подойти к камере, ткнуть иконкой в неё и заорать: «Поняли, суки, я не один!» Но это было бы, во-первых, не по-христиански и огорчило бы архангела в моём кармане, а во-вторых, очевидно, сильно повредило бы Никитину.

Этот его жест, такой простой, был настолько для меня в нужное время и в нужном месте, что прям тоже выглядел как знак.

Конечно, всё точно так же продолжилось и без удивительного Никитина и архангела в кармане. Но с ними стало немного легче и морально, и физически. Буквально так, что прям в следующие пару дней на все истерические визги активистов хотелось уже не орать в ответ, а скорее ехидно ухмыляться. У них главная задача — внушить тебе, что ты один и общество тебя осуждает. Людская масса против тебя. Здесь так и говорят: «людская масса», или «масса». Если против тебя все, значит, ты точно не прав и ты точно в опасности. В любой момент с тобой могут

сделать всё что угодно при молчаливом одобрении «массы».

Но я-то уже знал секрет. О том, что недовольство массы сфабриковано и такое же враньё, как и телепередачи, и результаты выборов, и всё в путинской России. И доказательство этого трепещет своими крылышками в моём нагрудном кармане. Ну или бьёт могучими крыльями. С того момента Никитин никак не изменил внешнего отношения ко мне. Не обменивались мы взглядами заговорщиков, не подмигивали, ничего такого.

Но до его освобождения (он вышел пару недель назад, потому и могу это всё написать, зная, что всё, что я пишу, снимает скрытая камера макросъёмки, встроенная в потолок) была с ним ещё отличная история.

Всякого, кто скоро выходит, начинают подкармливать вопросами о воле и всякими шуточками. Количество подколов обратно пропорционально оставшимся тюремным дням.

И вот на кухне, традиционное и ежедневное:

— Ну чё, Валера, сколько дней осталось ещё?

Валера расплывается в улыбке — не выдержал, наверное. Мне кажется, это вообще единственный раз, когда я видел, как он улыбался.

— 64 часа.

Все начинают смеяться и шутить, что со следующего дня Валера будет вести отсчёт в минутах, а потом и в секундах.

И тут кто-то говорит: «Да ты неправильно считаешь. Выходишь в четверг, значит, ещё четверо суток, значит, не может быть меньше 90 часов».

На что Никитин искренне удивляется нашей непонятливости и, обращаясь с интонацией «воспитатель —

неразумным детям», поясняет:

— Ну я же ночные часы не считаю. Когда ты спишь, ты не в тюрьме.

Ух. Вот это отличная мысль. Не знаю, насколько оригинальная, но прямо очень круто. Я сразу подумал: действительно, это ведь так. И ежевечерняя моя (и, знаю, у всех такая же) мысль при расстилании кровати: «Как же меня всё заебало, скорее спать» — она ведь не только о том, что заебало, но и о том, что сейчас миг — закрыл глаза, открыл глаза — вырвешься из этого.

Так мне это понравилось, что с того дня часто говорю себе, засыпая: «Ну что, Алексей, едем на волю на несколько часиков».

В день его освобождения мне ужасно хотелось нормально попрощаться с Никитиным. Почему-то казалось, что должно быть как в кино. Типа, бояться уже нечего, маска спадёт с его лица, обнимемся, и он скажет какие-то напутственные слова. Простые, но очень мудрые. А я, подмигнув, потяну из кармана карточку с архангелом, но покажу только краешек, и так ведь всё понятно. Но меня куда-то вызвали, а когда вернулся, «улитки» — свёрнутого в рулон для переноски матраса — на нарах Никитина уже не было. Так мы и не попрощались.

Вот, кстати, именно поэтому я страдаю, что книга моя из автобиографии с интересным триллером о раскрытии покушения на убийство с использованием химоружия превратилась в тюремный дневник.

Это жанр, настолько набитый штампами, что невозможно не писать ими. Если бы мне дали доллар за каждое «так мы и не попрощались», встреченное в подобной литературе, то я был бы как Илон Маск.

Ноябрь 2021

У меня в отряде есть узбек, зовут его Ильяр. Не очень сложное имя. Легко запомнить (потому что почти как Илья) и не так легко перековеркать по тюремной традиции.

Но по каким-то совершенно недоступным моему пониманию причинам Ильяром этого узбека называю только я. Остальные (большинство) — либо Эдгар (я бы предположил, что в честь Эдгара По, но я тут явно единственный, кто вообще знает о существовании такого человека), либо (ВНИМАНИЕ) Бальтазар.

— ШТО? — сказал я, когда первый раз услышал: «Эй ты, как там тебя, Бальтазар, иди сюда». Как из Ильяра мог получиться Бальтазар. Как вообще у обычного зэка может возникнуть идея назвать кого-то Бальтазаром и употребить это слово.

И теперь я реально каждый раз смеюсь, слыша это его прозвище, ещё и по личной причине, осознавая иронию ситуации.

Мы с Юлей вообще-то так себе богема, но как-то завели себе богемно-декадентскую привычку. В Нью-Йорке у нас есть любимый бар — «Бальтазар». Очевидно, не мы одни его любим, туда обычно очень сложно попасть. Поэтому если мы оказываемся в этом городе и так, что выходные захватываем, то обязательно заранее просим консьержа

в гостинице, чтоб заказал нам стол. В субботу или воскресенье мы там завтракаем. А называем мы это декадентским угаром (хотя признаю, что это декадентство на минималках), потому что завтракаем мы там обычно устрицами и «Кровавой Мэри».

Несчастный узбек ещё и «угловой», то есть в тюремной касте неприкасаемых, делает самую грязную работу. Поэтому раздающееся в бараке: «Эй, Бальтазар!» — обычно дополняется чем-то вроде: «Неси тряпки и швабры» или «Ты какого хуя умывальник так плохо помыл», что делает для меня сравнение двух Бальтазаров таким красочным и ироничным, что не засмеяться невозможно.

А ещё в голове мысли о гарантированно рекурсивной ситуации: если так сложится, что я когда-нибудь окажусь в нью-йоркском «Бальтазаре», абсолютно невозможно будет, запивая устрицы «Кровавой Мэри», изгнать из головы бедолагу-узбека.

Впрочем, сейчас уже маловероятно, что, даже оказавшись там, мы с Юлей снова бы решились на наш «декадентский завтрак». Узнают меня гораздо больше, её тоже. А Нью-Йорк забит русскими. Не очень-то удобно выйдет, если услышишь за соседним столиком разговор: «О, а вот Навальные сидят. Он политик и однажды получил премию Европарламента „За свободу мысли“. Какая приятная пара, вот ещё бы они водку не пили в 9 утра».

---

3 апреля 2022

3 апреля и настоящая русская весна. То есть сугробы до пояса и все выходные идёт снег. А снег — это та вещь, которую ненавидят зэки. Потому что что они делают во время и после снегопадов? Правильно, убирают снег. Аргумент о том, что всё-таки апрель и дней максимум через 10 всё само растает, не просто не работает, а вызывает неподдельное возмущение тюремного начальства: если что-то где-то лежит не по уставу и режиму, то это надо убрать, соскрести и унести. При этом, если честно, уборка снега — это одна из самых осмысленных тюремных активностей, потому что большинство остальных — это просто прямая тупость, чтобы придумать какую-то работу. И поговорка на этот счёт специальная есть: «Чем бы зэк ни занимался — лишь бы заебался».

Вот ровно это я чувствовал все выходные, потому что, хоть в апрельской уборке снега можно найти хоть крупицу смысла, это занятие реально утомительное. Так как я неблагонадёжен, меня даже и не пытаются заставить убирать снег и колоть лёд вместе со всеми на «главной линейке» — основной улице зоны, по которой ходит начальник. Но в своей локалке и со своим отрядом махать лопатой приходится. Вид у нас у всех классический, можно прямо в фильм про ГУЛАГ. Бушлаты, шапки, рукавицы, огромные деревянные лопаты, каждая из которых сама по себе весит столько, что кажется, будто сделана из чугуна. Особенно когда напитается водой и замёрзнет. Точно такие же лопаты были у солдат, чистивших дороги в моём детстве в военном городке. По идее, за 30 лет лопатные технологии должны были шагнуть в сторону более лёгких лопат, но в России, как и со многим другим, это не вышло. Нам

принесли пару лёгких и классных пластиковых лопат, но они сразу сломались. Поэтому перешли к «Да хрен ли думать, пусть деревянные берут, всю жизнь ими убираем, они самые надёжные». Типа, деды эти лопаты изобрели, и не нам ставить под сомнение их мудрость, пытаясь улучшить идеальное.

Так что я со злым лицом в бушлате и с деревянной лопатой, на которой налип снег. Единственное, что хоть немного примиряет меня с реальностью и развлекает меня, — это то, что в эти моменты я кажусь себе героем своего самого любимого анекдота всех времён. Анекдот советский, но и сейчас в каком-то смысле актуален.

Мальчик вышел погулять во двор. А там другие мальчишки играют в футбол. И они зовут его присоединиться. Вообще-то мальчик домашний, но ему же интересно. Он бежит играть и в какой-то момент с размаху бьёт по мячу. И неудачно. Мяч с грохотом разбивает окно полуподвального помещения, где живёт дворник. Неудивительно, что оттуда появляется сам дворник — небритый мужик в шапке и телогрейке, он явно с похмелья. Дворник смотрит на мальчика с озверелым лицом и бросается бежать за ним.

Мальчик убегает со всех ног и думает:

— Ну зачем мне это всё? Ведь я же тихий, домашний мальчик, я люблю читать. Какой футбол, какие мальчишки? Почему я убегаю сейчас от этого ужасного дворника, а не сижу на кушетке с томиком своего любимого американского писателя Хемингуэя?

В это время писатель Хемингуэй сидит в шезлонге на Кубе со стаканом рома и думает:

— Боже, как мне надоел этот ром и Куба. Эти танцы, и крики, и побережье. Ведь я же умный человек. Почему я здесь, вместо того чтобы быть в Париже и беседовать с моим коллегой Жаном-Полем Сартром об экзистенциализме за стаканом кальвадоса?

В это время Жан-Поль Сартр, отхлёбывая кальвадос из рюмки, смотрит перед собой и думает:

— Как я ненавижу Париж. Я не могу смотреть на эти бульвары, мне до смерти надоели восторженные студенты с их революциями. Почему я должен быть здесь, хотя я всем сердцем хочу быть в далёкой Москве и вести увлекательные диалоги с моим другом, русским писателем Андреем Платоновым?

В это время в далёкой Москве русский писатель Андрей Платонов бежит по заснеженному двору и думает:

— Догоню — убью на хуй.

И пусть я, конечно, не Андрей Платонов, но у меня есть и ватник, и шапка. И книгу я тоже пишу. Вот сейчас допишу главу о том, как познакомился с Юлей.

15 августа 2022

Кровать, пристёгивающаяся к стене, сдача матраса рано утром, письменные принадлежности на один час в день и яйцо на завтрак в субботу. Любой, у кого есть необходимый тюремный опыт, догадается, что моё нынешнее место — карцер, более известный под зловещей

аббревиатурой ШИЗО. Традиционное место пыток, истязаний и убийств заключённых. ШИЗО — главное легальное наказание для осуждённого, оно считается крайне суровым. Настолько, что максимальный срок пребывания здесь — 15 суток. Если ты тут, это означает, что администрация тобой очень недовольна. А если же она очень-очень недовольна, то первое, что они сделают, — обойдут правило 15 суток. Это называется — «через матрас». Сидишь 15 суток, выходишь, успеваешь получить матрас и поспать ночь в обычном бараке или камере, а утром тебя снова отправляют в ШИЗО на 15 суток. И так много раз.

Камера здесь — бетонный мешок 2,5 на 3 метра на троих. Сейчас август, и в моей камере очень жарко и почти нечем дышать. Чувствуешь себя рыбой, выкинутой на берег, и мечтаешь о глотке свежего воздуха. А чаще всего это похоже на сырой холодный подвал. Во многих случаях — с водой на полу. Продолжительное пребывание здесь мучительно. Чтобы, не дай бог, зэк не мог немного лучше согреться в своей робе, которую он тайно утеплил какими-то кусками ткани с промзоны, в ШИЗО у него отнимают всю одежду до трусов (совсем недавно и трусы отнимали), заменяя её на стандартный (он же «положняковый», он же «шизовский») комплект с одним, но знаменитым в тюремной России отличием — на спине куртки и правой брючине белой краской через трафарет нарисованы большие буквы: ШИЗО. Клеймо врага. При движении ты должен держать руки за спиной.

Но главное, конечно, не в том, что штрафной изолятор — бетонная конура, где ты не имеешь ничего, кроме кружки. ШИЗО — место пыток. Оно всегда обособленно, здесь всегда

играет громкая музыка. В теории — для того, чтобы арестанты из разных камер не перекрикивались, на практике — для того, чтобы заглушить крики истязаемых.

Где-то пытают тюремщики. Где-то зэки, «актив», работающий на тюремщиков за сигареты, еду и возможность досрочного освобождения.

Уже когда я сидел, случился огромный скандал. Тюремные администрации нескольких областей не просто наладили систему пыток и изнасилований осуждённых, но и записывали это на видео, а запись потом складировали на централизованный сервер с тем, чтобы они сами или сотрудники ФСБ имели быстрый доступ к этим записям на случай, если надо кого-то запугать леденящей кровь записью. Или (насколько я понял, в этом был главный смысл), изнасиловав местного осуждённого, вербовать его, шантажируя, что запись будет распространена. После чего он будет причислен другими арестантами к касте «обиженных».

Насилием занимались прежде всего заключённые-активисты, они же записывали это всё на видеорегистраторы, полученные от сотрудников тюрем. Ну и какой-то гений ФСИН поручил загружать эти записи бывшему айтишнику-зэку. Мало того, этот бедняга сам в своё время был завербован в «актив» через подобные пытки. Неудивительно, что IT-зэк при первом удобном случае стащил весь архив — несколько терабайт записей пыток.

Опубликовали только малую часть. Потом начались какие-то мутные интриги, и я так понял, что система договорилась с хитрым айтишником, что против него

закроют дела какие-то. А может, заплатили. Так или иначе, несколько десятков опубликованных видео хватило и для отставки директора ФСИН, и для возбуждения уголовных дел. И это несмотря на то, что лично Путин явно хотел замять скандал. По крайней мере, когда ему пару раз задавали вопросы об этом на пресс-конференциях, он скупо и неохотно отвечал, что, мол, идёт плановая работа, разбираемся. Неудивительно, ведь получается, что главным заказчиком пыток была ФСБ. И это не «тюремные эксцессы», а именно организованная с самого верха система фашистских пыток.

Интересно, что первые анонсы публикации утёкших записей обещали и мою Владимирскую область — самую пыточную в стране. А значит, наверняка и мою колонию, гордо именуемую на интернет-форумах «одной из главных пыточных России».

Но договорились раньше — Владимирскую область не публиковали.

Почти все видео включали в себя сцену изнасилования человека ручкой швабры. Не знаю почему, может, «фирменный стиль». Может, какой-то больной извращенец из ФСИН или ФСБ тайно грезит такими идеями, вот и велел именно так всех пытать.

Поэтому сегодня, когда утром мне внесли инвентарь для уборки и там были веник, совок и тряпка, но не было швабры, я с трудом удержался от шутки: «А швабра-то где? У вас точно должна быть».

2 сентября 2022

Думаю, мои тюремщики стали считать меня сумасшедшим. По крайней мере, это написано на их лицах — опасливых, но сочувствующих.

Во всём виновата война Алой и Белой розы. Из-за неё у меня из камеры изымают схемы со стрелочками, которым бы позавидовал любой псих. Ну или гений из фильмов вроде «Игр разума».

Я снова в ШИЗО, и та единственная книга, положенная по закону, что у меня есть, — «Краткая история Англии».

Отличное чтение, но только понять что-то можно только ближе к концу. Когда правители Европы перестали бесконечно резать и жениться, жениться и резать. Называть всех своих детей исключительно Генрихами и Эдуардами. Родственники перестали иметь большое значение. И все занялись спокойным и цивилизованным убийством уже сотен тысяч и миллионов людей.

А до этого, в мрачные и кровавые времена, на каждой странице английской истории немыслимые династические хитросплетения людей с очень похожими именами. Так имена ещё и меняются. То он Глостер, то он Ричард.

Но у меня 16 часов свободного времени, и я провожу его, сидя за своим железным столом, напоминающим мне своей поверхностью, пружинящей от нажима, дно ржавой перевёрнутой лодки. Так что вызов английской истории принят.

К сожалению, главное моё оружие борьбы с Генрихами — бумагу и ручку — мне дают только два раза в день. Когда распорядком дня предусмотрено «написание корреспонденции, жалоб и заявлений». Так что в основном я перечитываю по второму и третьему разу то, что уже

прочитал, а когда дают ручку, сажусь и страница за страницей рисую схему: кто чей был сын, любовник или убийца.

Схемы, понятно, выглядят тем безумнее, чем интереснее описываемый эпизод истории. Ну то есть нам сейчас интереснее, а те, кто жил во времена Анны Болейн, явно офигевали от происходящего.

Все мои записи всегда очень аккуратно и тщательно перефотографируют, даже если это каракули на крохотном листочке или квадратики-треугольнички, которые я машинально рисую, разговаривая с адвокатом. Это происходит уже почти два года, и бдительность ни разу не ослабла — наоборот, вижу, что тщательнее начали снимать.

Значит, читают, ну или, вернее, дешифруют — это слово больше подходит к моим бумажкам.

И вот, я уверен, тайный ФСБшник, приставленный ко мне, и мои тюремные оперативники были просто в шоке от вчерашних бумаг из моей камеры. Потому что вчера я решил досконально разобраться в войне Алой и Белой розы. Боже, какой это замес. «Игра престолов» нервно курит в стороне. Вернее, я почти уверен, что она вот примерно с этого списана. Только драконов добавили.

А самое ужасное в том, что я всё разобрал, все дома разнёс по колонкам, все родственные связи описал и установил: Алая роза победила. Автор, очевидно, не рассчитывал на таких тёмных людей, как я, и в книге нет прямо утверждения: «Такая-то роза выиграла». Это общеизвестный факт для всех, кто в школе учился. Я помню, что такое в учебниках истории было, но я всё благополучно забыл сразу после прохождения темы.

Ну так вот. И заканчивается глава тем, что победитель Генрих VII (Алая роза) для прекращения междоусобицы женится на Елизавете Йорк, племяннице Ричарда III (Белая роза), и отныне на гербе две розы, которые и сейчас висят по всей стране в гостиницах и барах. Ну и предложение, убившее меня: на королевском гербе белая роза изображена поверх алой. Да что это означает-то? Кто вообще так пишет?

То есть Белая роза победила?

Внимательно всё проверяю — нет, Алая.

Смотрю на цветную картинку герба на вкладке и фото в середине книги. Вообще непонятно, что означает «поверх». Розы эти дурацкие нарисованы так, что у них бутоны — круги — чередующиеся, алые и белые.

В мирной жизни вообще не проблема, просто гуглишь, кто победил: Алая.

Откладываю все схемы и рисую заново. Алая победила.

Да и сложно-то конфликт в процессе отследить, а то, что вот этот чувак в итоге королём стал, — это ясно. Почему тогда Белая роза поверх? Ох уж эти англичане.

Ну ладно, когда-нибудь выясню. Надеюсь, хоть мои изыскания сподвигнут ФСБшников к аналитическому отчёту в Кремль о том, что я планирую вести антиправительственную деятельность совместно с гражданами Ланкастером, Перси, Йорком и другими. А также, расписывая преступные роли в своей преступной организации, делаю пометку напротив фамилии гражданина Уорика, указывающую на его склонность к предательству.

Вообще у меня на «складе личных вещей» среди полутора сотен книг лежат ещё «Краткая история

Франции», США, Германии и Европы.

История Франции немного страшит. Если всё это разрисовать, то реально можно сойти с ума. Но если в ШИЗО будут сажать постоянно, то другого выбора нет. Придётся заняться и Францией.

Ещё я пытаюсь медитировать, несмотря на всё своё ироническое отношение к подобным восточным духовным практикам. Ну а что ещё делать, когда читать надоедает, и глаза болят от чтения под этой лампой — мутным пластиковым плафоном в железной клетке. Медитация хороша, во-первых, тем, что в теории, если научиться, убьёт пару часов в день из имеющихся 16, а во-вторых (самое важное), для неё ничего не надо, кроме себя самого. Для спорта тоже ничего не надо, но не при температуре +32 на улице и +35 в камере.

Смешно, кстати, — пишу жене: «Найди, плз, в интернете простую инструкцию, как медитировать, а то я хочу начать, но не знаю как». Она отвечает: «Да? А когда ты несколько лет назад каждое утро завывал, сидя в позе лотоса, а я в шоке пила чай на кухне и не знала, что и думать, — это разве не медитация была?» Я ответил ей, что она тёмная женщина и то была дыхательная гимнастика для йоги. Но посмеялся. Действительно, году в 2008-м я решил попробовать заняться йогой. Ничего об этом не знал. Просто пришёл в фитнес-клуб, куда вообще-то я записывался плавать, и попросил тренера. Тренера дали — он практиковал кундалини-йогу. Занятия мне так понравились, что плавать я бросил и несколько раз в неделю стал ходить на йогу, сразу сказав

тренеру, что ко всей прилагающейся духовной фиговине я отношусь уважительно, но скептически. Поэтому пусть он ко мне с ней не лезет. Он и не лез. Просто начинал и заканчивал тренировку со знаменитых в узких кругах йоговских распевов: «Онннг нннамоооо гуру дев нннамоооо...» и т. д. Сначала моей главной задачей было сдержать смех, пока он это делал. Потом тренер облегчил эту задачу, сказав: «Забей на смысл, считай, что это дыхательная гимнастика». Ну, и постепенно я присоединился к этому «онннг...». И дома тоже делал, приводя в лёгкий ужас всю семью, особенно Юлю — она в курсе, что я человек увлекающийся, а куда может увлечь человека, который дома сидит в лотосе и с закрытыми глазами поёт: «Онннг», знает только Будда.

Впрочем, проблема быстро увлекающихся людей — я её разделяю в полной мере — в том, что они и остывают быстро. У тренера изменился график — он не смог заниматься ранним утром, а мне не подходили вечера. Так что йогу я бросил, так и не достигнув просветления. Ну, может, сейчас наверстаю.

К медитации меня подтолкнул Юваль Харари, чью книгу «Сапиенс» я очень-очень высоко оцениваю и всем советую и чей «21 урок для XXI века» я читал в ШИЗО в прошлый раз. В самом конце книги Харари рекомендует заниматься медитацией как практическим способом изучения себя, своего мозга и процесса познания. Пишет он об этом кратко, рационально, безо всяких «тонких тел» и «движения энергии вдоль позвоночника», чем меня и подкупил.

Медитация — просто способ научиться управлять своими мыслями. В том, что делать это очень сложно, может

убедиться каждый — попробуйте не думать ни о чем хотя бы пять секунд.

Вот я теперь делаю несколько попыток в день — сажусь на пол в позу полулотоса (в лотос уже не получается — эх, зачем я бросил йогу) и стараюсь полностью сконцентрироваться на своём дыхании, не думая больше ни о чём. Вдох-выдох-вдох-выдох. Пока получается не очень. Проходит несколько секунд, и я ловлю себя на размышлениях каких-то. Но Харари пишет, что всё получится, главное — практика и самодисциплина. Окей. ШИЗО для того и нужно — дисциплинировать осуждённых. Буду дальше пробовать.

А ещё медитация натолкнула меня вот на какие мысли, дополнительно убедив в том, что она может иметь смысл.

Вот если бы у меня в камере был компьютер с играми! Стратегиями и RPG, как я люблю. Да я бы отсюда и выходить не захотел. Всё моментально изменилось бы от того, что в этой же крохотной, жаркой, ужасной камере появилось место, куда я могу смотреть, фокусируя внимание. Там будут яркие точки, и мой мозг просто дико кайфанёт от того, что я смотрю на эти точки, распознаю паттерны их поведения и управляю ими. И уже и железная лавка не такая кошмарно неудобная. И есть не хочется. И про жару забыл. Ну значит, в теории, если я хозяин своего мозга и процесса мышления, то могу научиться точно так же «втыкать» в пустоту, процесс дыхания или воображаемую точку, как в экран компа. Это крайность, безусловно, причём пугающая. Если всё так, то люди могут научиться ничего не делать и ничего не хотеть, а просто зависать себе в медитации. Но правда может быть где-то посредине, и медитация окажется полезным времяпрепровождением —

и способность к концентрации тренируешь, и ещё один часок до выхода из ШИЗО прошёл.

Эпилог

22 марта 2022

9 лет строгого режима. Это сегодня, 22 марта, мне огласили новый приговор.

До оглашения я записал ставки — решил сыграть с адвокатами. Проигравшие угощают победителя выпивкой в баре. Оля сказала: 11–15 лет, Вадим удивил всех конкретностью прогноза — 12 лет и 6 месяцев, а я выиграл, записав в своём столбике: 7–8 лет. То есть мой прогноз оказался точнее всех.

Решил сразу сесть и записать свои чувства, потому что весь год тренировался, готовясь к ситуации вроде сегодняшней. Воспитывал, как я его называю, «тюремный дзен».

Понятно, что 9 лет, да ещё строгого режима, — огромный срок. В России за убийство в среднем 7 лет дают.

Зэк, получивший такой дополнительный срок, будет, мягко говоря, переживать. Я, как вернулся в барак, обратил внимание, что на меня украдкой поглядывают (все, конечно, уже знали о сроке) таким вот специфическим взглядом: «Как он? Что на лице?» Интересно же посмотреть на выражение лица человека, которому только что сказали,

что у него теперь самый долгий срок на этой зоне. Да ещё и увезут куда-то на строгий режим к убийцам. Подходить и спрашивать никто, конечно, не станет, но всем любопытно, как будут проявляться страдания. Люди и вешаются, и вскрываются в такие дни.

А я — вообще норм. Даже «мой» оперативник сказал во время очень надоевшего полного обыска с раздеванием: «Я смотрю, вы не очень-то расстроились».

Действительно, вообще не расстроился и сел писать это, потому что не силой воли «держал лицо», изображая равнодушие и беспечность, — реально сработал тюремный дзен.

Я с самого начала, конечно, знал, что сажусь не на 2,5 года. А, видимо, пожизненно, с двумя опциями: до конца моей жизни или до конца жизни этого режима.

Такие режимы бывают живучи, и самое глупое в этой ситуации — слушать и самому себе повторять вот это: «Лёша, режиму остался год максимум. Ещё год, самое большее два — всё рухнет, и ты выберешься», ну и всё в таком ключе. Мне это очень часто пишут.

СССР просуществовал 70 лет. Северная Корея и Куба существуют и сейчас. Китай с кучей политзэков существует так долго, что они умирают в тюрьмах, а режим слабины не даёт и никого не выпускает, несмотря на международное давление.

Правда заключается в том, что мы не очень-то понимаем, насколько живучи автократии в современном мире, где они (за редкими-редкими исключениями) защищены от внешнего вторжения международным правом, ООН, суверенитетом и так далее. А Россия, хоть и ведёт прямо

сейчас классическую агрессивную войну против Украины (что умножило на десять разговоры о скором крахе режима), ещё и защищена членством в Совбезе ООН и ядерным оружием.

Экономический крах и обеднение — да, они нас ждут наверняка. Ситуация, при которой власть падёт так, что её обломки, падая, откроют двери тюрем, неочевидна.

У меня, безусловно, нет к этому пассивно-созерцательного отношения, я отсюда стараюсь делать всё, что могу, чтобы сокрушить авторитаризм (или, скажем скромнее, способствовать его сокрушению). Каждый божий день я думаю о том, как действовать более эффективно, что хорошего посоветовать своим коллегам на свободе, где самые уязвимые места режима. Но вот этот wishful thinking[26] — «режим падёт, и я скоро выйду» — в моей ситуации губителен.

Ну и что ж теперь, если я не выйду ни через год, ни через три?

В депрессию впасть? Обвинять всех в том, что они недостаточно стараются, чтобы меня вытащить? Проклинать международных лидеров и вообще общественное мнение за то, что они меня забыли?

Так или иначе, рассчитывать на скорый выход и ждать его — значит самого себя изводить.

Я сразу решил: если выпустят в результате давления или каких-то политических раскладов, то — в течение полугода. Что называется, по горячим следам. А раз этого не произошло, значит, я попал надолго. И к этому надо психологически подстроиться, чтоб, когда будут продлевать срок, я чувствовал себя не менее, а даже более уверенно, чем

в тот момент, когда сел в самолёт в Москву.

Изложу план моей подготовки — может, кому пригодится (хотя лучше бы не пригодился).

Первый приём хорошо известен, о нём часто пишут в книжках: «Представь всё самое худшее и смирись».

Надо сказать, что это реально работает, хотя упражнение слегка мазохистское, конечно. И, думаю, оно не очень подходит тем, у кого настоящая депрессия, — такие могут и до петли доупражняться.

И ещё его довольно легко применять, потому что навык есть у каждого с детства. Помните, как вы рыдали в кровати и со сладким торжеством представляли себе, что вот вы умрёте сейчас всем назло и вот тогда посмотрите на лица этих ужасных родителей? Как они будут плакать, как они поймут наконец, кого потеряли. Как, задыхаясь от слёз, они будут обращаться к вам, тихо и мирно лежащему в гробике, с мольбами встать и пойти смотреть телевизор не то что до десяти, а даже и до одиннадцати вечера, лишь бы жил! Но поздно: вы уже умерли, а значит, непреклонны и глухи к их мольбам.

Ну вот, здесь похоже.

Ложишься на нары, ждёшь команды «Отряд, отбой» с выключением света (лучший момент суток с огромным отрывом) и спрашиваешь себя максимально честно: ну давай прикинем, что может случиться самого плохого, и смиримся с этим, пропуская стадии отрицания, гнева и торга.

Я проведу остаток своей жизни в тюрьме и умру здесь. Никто со мной даже не попрощается. Или наоборот: пока я сижу, переумирают все на воле, и я не смогу проститься.

Пропущу окончания школ и колледжей у детей, квадратные шапочки с кисточками будут подбрасывать без меня. Все юбилеи пройдут без меня. Не увижу внуков, не стану героем ни одной семейной истории. Меня не будет ни на одной фотке.

Обдумывать это надо не иронически, а серьёзно. И вскоре жестокое воображение понесёт вас по вашим страхам так быстро, что к остановке «глаза полны слёз» вы прикатите моментально. И тут важно не изводить себя гневом, ненавистью и мечтами о мщении, а сразу перейти к принятию. Это бывает нелегко.

Помню, один из первых таких сеансов пришлось прервать, потому что от мысли: «Умру здесь, забытый всеми, и меня ещё как зэка похоронят в безымянной могиле, сообщив родственникам, что, согласно закону, место захоронения не раскрывают» — я с трудом удержался, чтобы не вскочить и не начать в бешенстве крушить всё вокруг, переворачивая шконки и тумбочки с криками: «Суки, вы не имеете права хоронить меня в безымянной могиле, это незаконно и несправедливо!» Мне действительно хотелось это кричать.

Но вместо криков нужно спокойно это обдумать. Ну окей. Так случится, ну и что? Бывает ведь похуже.

Мне 45, у меня семья, дети. Я прожил какую-то жизнь, чем-то интересным занимался, что-то полезное сделал. А вот сейчас война — девятнадцатилетний парень едет на броне, осколок в голову прилетел, и всё: ни семьи, ни детей, ни жизни. В Мариуполе сейчас мёртвые мирные жители на улицах валяются, их собаки обгладывают, и для многих из них братская могила будет лучшим исходом. И вообще ведь

ни за что. Я-то сам сделал свой выбор, а там просто жил человек, работал, семью кормил. И в один прекрасный вечер злобный карлик из телевизора — президент соседней страны — объявил его нацистом и заявил, что он должен умереть, потому что Украина была создана Лениным. И завтра к нему в окно прилетит снаряд, и нет у него больше ни жены, ни детей, и самого его нет.

А сколько вокруг зэков невиновных! Ты с пакетом писем сидишь, а у него ни письма, ни передачи. Заболел и умер в тюремной больнице. Один.

А диссиденты в СССР? Марченко умер от голодовки в 1986 году, и через пару лет чёртов Советский Союз развалился.

Так что даже худший из возможных сценариев совсем не такой и худший, если хорошенько подумать. Надо брать. Смиряюсь и принимаю.

Очень мне с этим помогла Юля. Я не хотел, чтоб и её мучило вот это: «А вдруг через месяц отпустят», и — главное — чтоб она понимала, что я тут совсем не страдаю, изнывая от тюремных тягот. Поэтому на первом длительном свидании, гуляя по коридору и переговариваясь в месте, максимально удалённом от натыканных везде камер с микрофонами, шепчу ей на ухо:

— Слушай, я не хочу звучать драматично, но, я думаю, есть большая вероятность, что я отсюда никогда не выйду. Даже если всё рушиться начнёт, они меня просто грохнут при первых признаках краха режима. Отравят.

— Я понимаю, — кивает она. Голос её звучит твердо и спокойно. — Я сама об этом думала.

Мне сразу хочется её схватить и сжать изо всех сил от

радости — так здорово всё-таки! Никаких дурацких слёз. Именно в такие моменты понимаешь, что нашёл правильного человека. Ну, или она нашла тебя.

— Поэтому давай просто для себя решим, что так, скорее всего, и будет. Типа, примем базовый сценарий и станем строить жизнь, исходя из этого, ну а если уж будет лучше, то отлично. Но мы на это не рассчитываем и не надеемся зря.

— Ага, так и сделаем.

Голос её, как обычно, звучит как у какого-то мультяшного персонажа, но она совершенно серьёзна. Смотрит на меня снизу и хлопает своими глазами с огромными ресницами.

Тут уж я не выдерживаю и хватаю её в охапку, сжимая от восторга: ну где ещё найти человека, который такие важные и сложные вещи обсудит с тобой без драм и заламывания рук? Она сама всё отлично понимает и, как и я, надеется на лучшее, но готовится к худшему.

Юля смеётся и вырывается. Я целую её в нос, и мне становится гораздо легче.

Понятно, что во всём этом есть какая-то уловка и самообман. Смиряешься с наихудшим развитием событий, но внутри всё равно звучит голос, который не заглушишь: «Да ну на фиг, не может быть такого». Конечно, уверяя себя в неминуемой горькой участи, очень хочешь, чтобы тебя непременно переубедили.

В общем, какой-то непростой процесс идёт в голове, но на собственном опыте утверждаю: если окажетесь в сложной ситуации — попробуйте, это работает, если думать так честно и серьёзно.

Второй приём вообще не то чтобы блещет

оригинальностью, а стар так, что читатель должен закатить глаза: это, конечно, религия.

Подходит только верующим и, с моей точки зрения, вовсе не требует истовых жарких молитв у окошка барака три раза в день (явление в тюрьмах весьма распространённое).

Я всегда считал и говорил, что верующему человеку и вообще жить проще, а уж оппозиционной политикой заниматься — тем более. Вера упрощает жизнь, а не осложняет.

Исходная позиция упражнения та же. Лежишь, смотришь на нары над собой и предельно честно задаёшь себе вопрос: являешься ли ты верующим христианином? Ну вот по сути. Необязательно верить, что какие-то деды в пустыне когда-то жили по 800 лет и что море буквально перед кем-то расступилось.

Но являешься ли ты последователем религии, основатель которой принёс себя в жертву людям, расплачиваясь за их грехи? Веришь ли в бессмертие души и прочие классные штуки?

Если честный ответ — «да», то чего тогда переживать-то? Зачем по сто раз бубнить себе под нос, читая толстенную книгу, лежащую в твоей тумбочке: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём»?

Моя какая задача? Искать Царства Божия и правды его, а обо всём остальном позаботятся старик Иисус и его родственники. Они не дадут тебя в обиду и порешают все вопросики. Как говорят в этих местах: возьмут рамс на себя.

Россия будет
счастливой!
А

Фотографии

Людмила и Анатолий Навальные с новорождённым Алексеем, 1976 год / семейный архив

Алексей, Людмила, Анатолий и Олег Навальные, 1984 год / семейный архив

Алексей, 1984 год / семейный архив

1992 год. На стене позади Алексея — постеры российских рок-групп / семейный архив

Алексей и Юля до свадьбы, 1999 год / семейный архив

Свадьба Алексея и Юли, 2000 год / семейный архив

Свадьба Алексея и Юли, 2000 год / семейный архив

Алексей (на сцене посередине) ведёт политические дебаты в московском баре, 2006 год / семейный архив

С дочерью Дашей, 2015 год / Алексей Константинов /APE

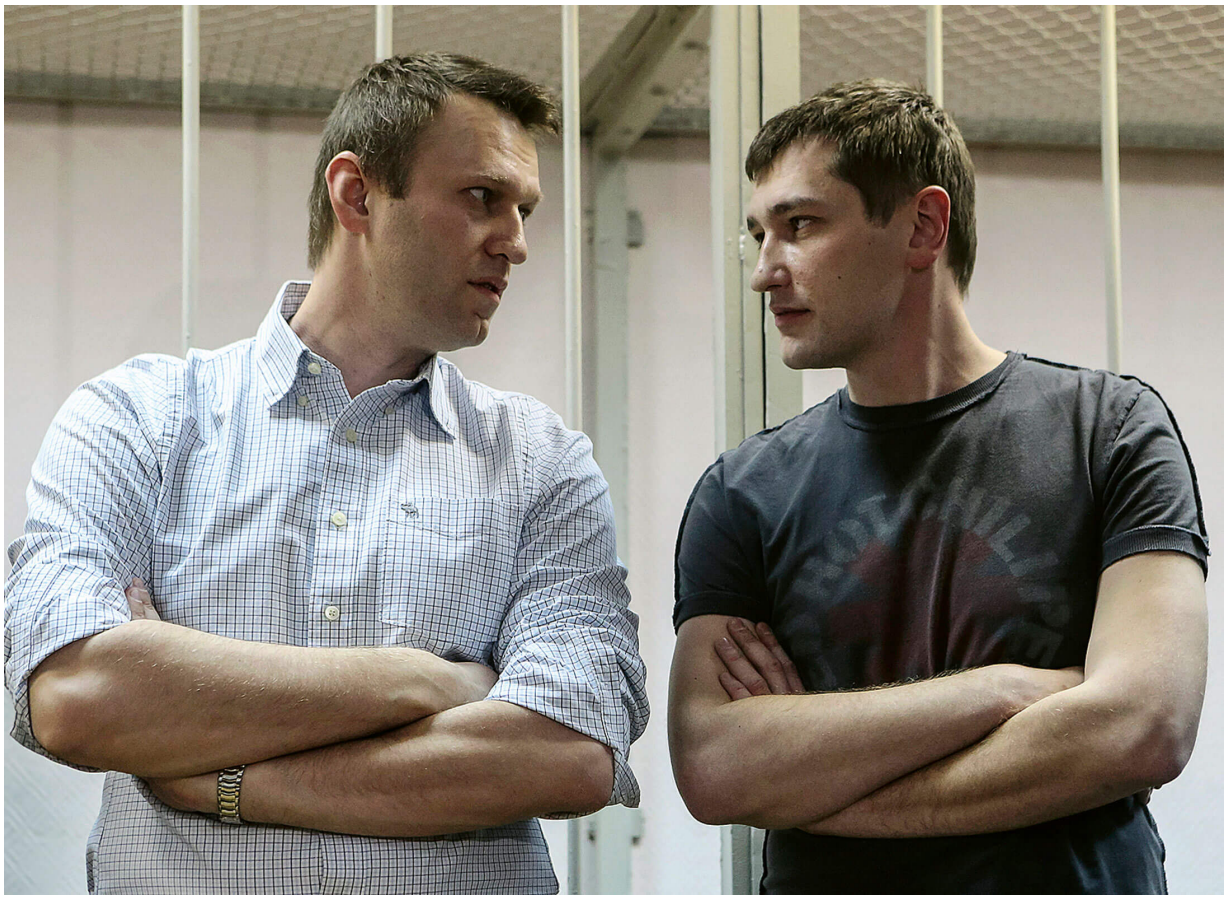
Алексей и Юля в зале Кировского суда сразу после освобождения Алексея, 2013 год / Евгений Фельдман

Алексей и Пётр Офицеров возвращаются в Москву после освобождения из кировской тюрьмы. На вокзале их встречают сторонники. 2013 год / семейный архив

На встрече с избирателями во время мэрской кампании, 2013 год /
семейный архив

Алексей (по центру в нижнем ряду) даёт автографы после встречи с избирателями во время мэрской кампании, 2013 год / Евгений Фельдман

Владимир Ашурков (слева), Алексей и Леонид Волков в день голосования на выборах мэра Москвы, 2013 год / Maxim Shemetov/Reuters/Scanpix



С Олегом Навальным во время суда по делу «Ив Роше», 2014 год / Sergei Karpukhin/Reuters/Scanpix

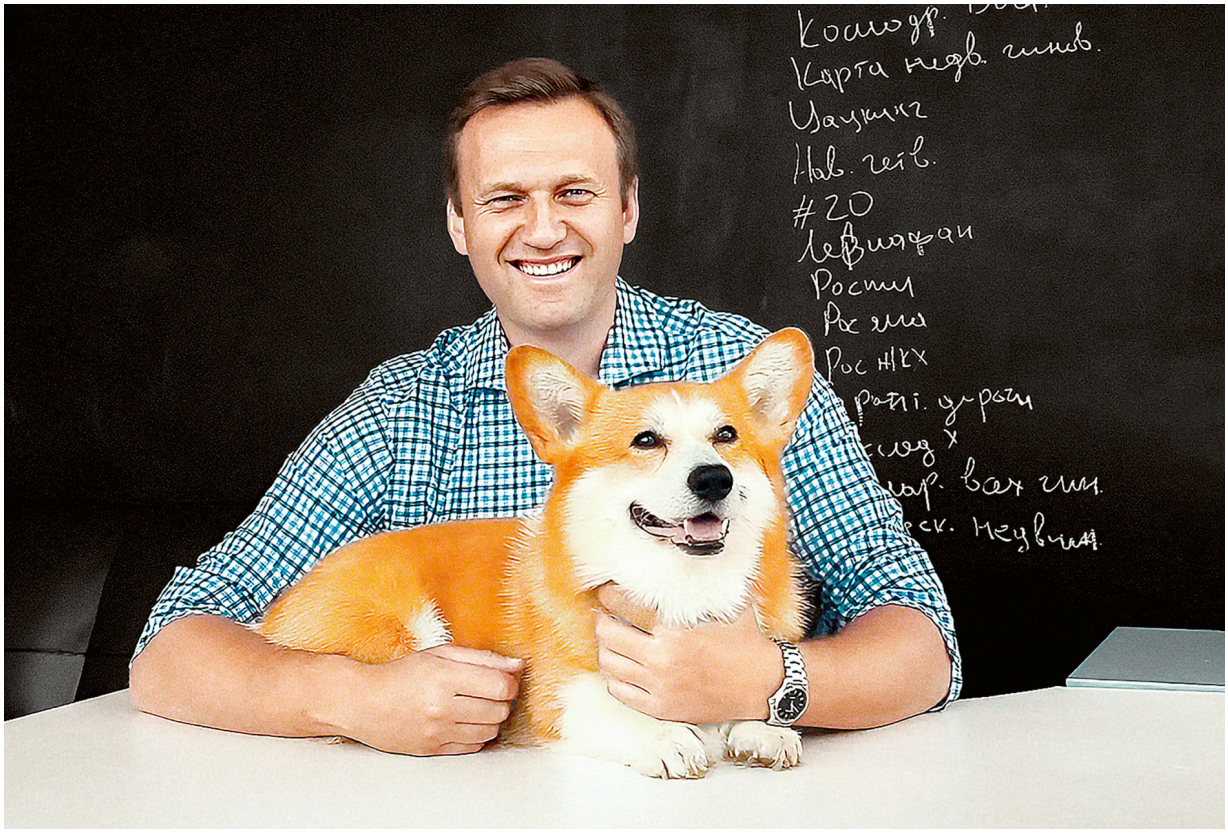
Юля и Алексей на митинге-концерте в поддержку Навального перед выборами мэра Москвы, 2013 год / семейный архив

На отдыхе с семьёй, 2010 год / семейный архив

С сыном Захаром, 2010 год / семейный архив

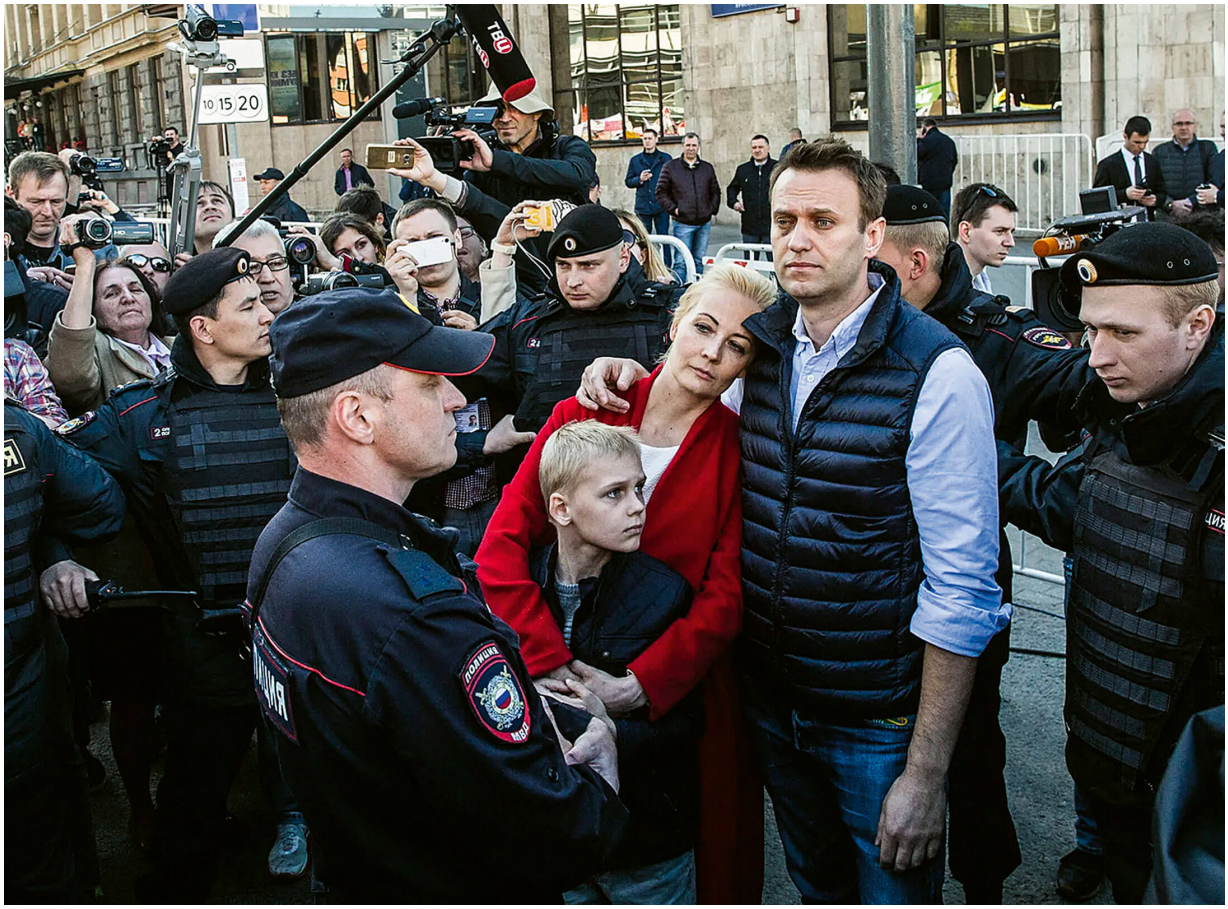
С семьёй, 2016 год / Алексей Константинов/АРЕ

С семьёй, 2016 год / Алексей Константинов/АРЕ



Во время записи расследования про Шувалова, 2016 год / скриншот

Алексея задерживает полиция во время митинга «Он вам не Димон», 2017 год. Позже его арестуют на 15 суток / Евгений Фельдман



Алексей, Юля и Захар на митинге в Москве, 2017 год. Полиция окружила их и вывела с митинга без объяснения причин, не дав Навальному выступить. Его глаз заживает после операции / Евгений Фельдман

Открытие штаба в Волгограде. Провокаторы тащат Алексея наружу, в то время как сторонники пытаются затянуть его внутрь. 2017 год / Евгений Фельдман

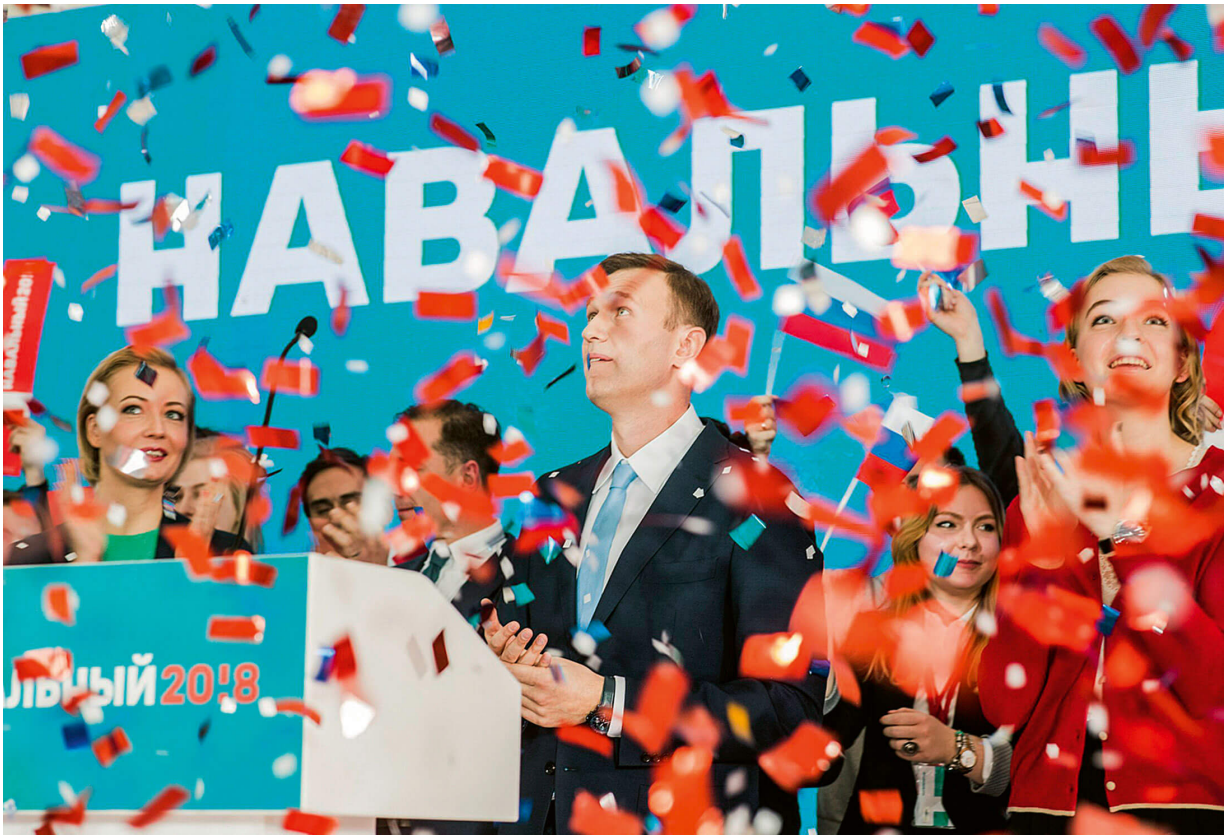
В прямом эфире сразу после нападения с зелёнкой. В зелёнке оказалась токсичная жидкость, из-за которой Алексей позже чуть не лишился глаза, 2017 год / скриншот

В эфире через неделю после нападения, 2017 год / скриншот

На летучке в офисе Фонда борьбы с коррупцией, 2019 год / APE

На митинге в Омске во время президентской кампании, 2017 год / Евгений Фельдман

Алексей дебатирует с единороссом на митинге в Новосибирске во время президентской кампании, 2017 год / Евгений Фельдман



Выдвижение Алексея кандидатом в президенты на встрече в Серебряном Бору, 2017 год / Евгений Фельдман

С коллегами по дороге в Центральную избирательную комиссию, 2017 год
/ Евгений Фельдман

Алексей на митинге «Забастовка избирателей» после того, как его не допустили к участию в президентских выборах, 2018 год. На акции Навальный был задержан и арестован на 15 суток / Евгений Фельдман

Алексей выступает на митинге, 2019 год / семейный архив

День освобождения Олега Навального из тюрьмы, в которой он провёл 3,5 года по сфабрикованному делу «Ив Роше». Алексей встречает брата у ворот колонии, 2018 год / Vasily Maximov/AFP/East News

Алексей и Юля Навальные на митинге с требованием допустить независимых кандидатов на выборы в Московскую городскую думу, 2019 год / Tatyana Makeyeva/Reuters/Scanpix

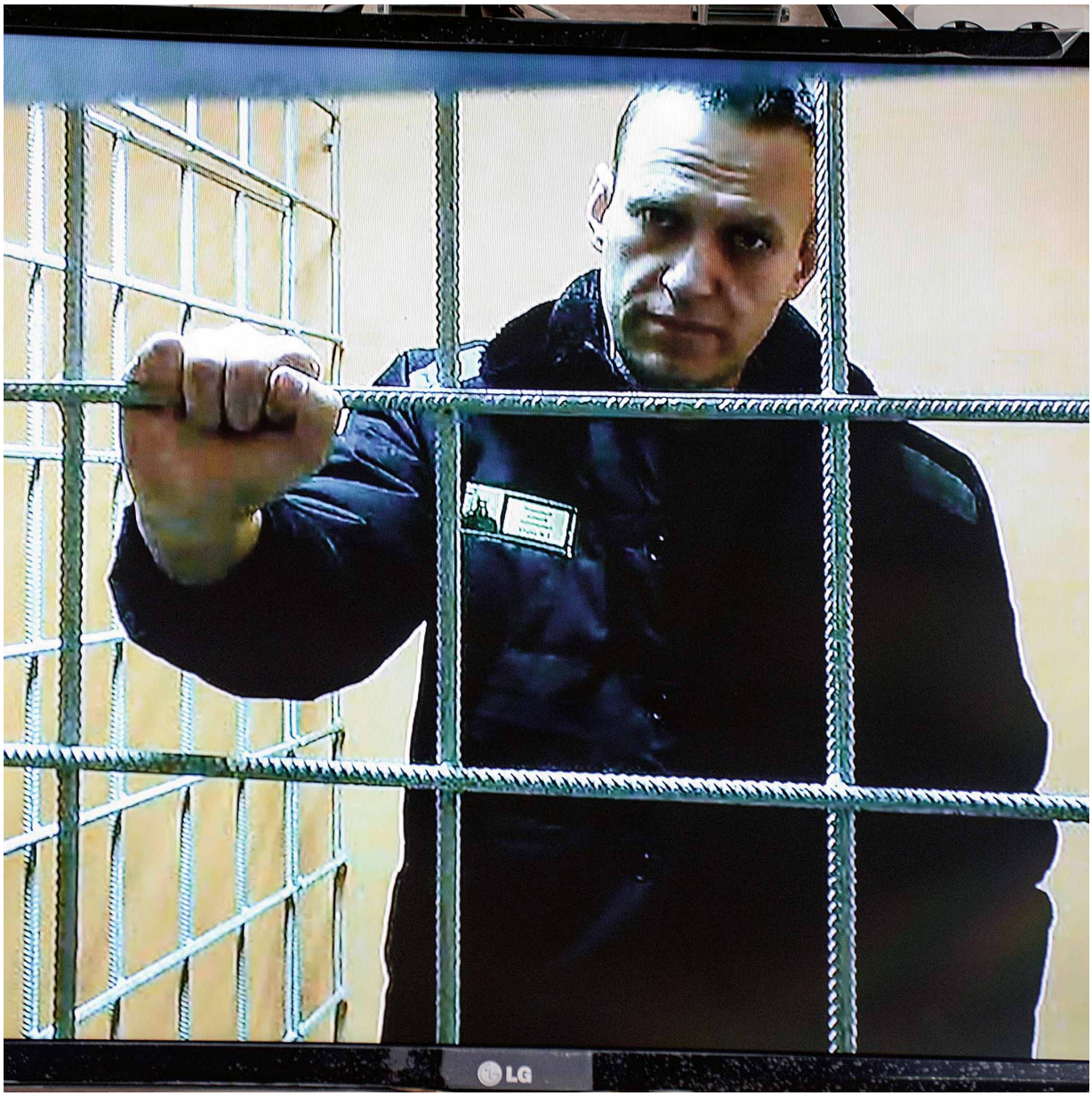
В офисе ФБК. На стене кабинета Алексея висит фотография Сольвеевского конгресса. 2019 год / АРЕ

С семьёй в клинике «Шарите» вскоре после выхода из комы, вызванной отравлением «Новичком», 2020 год / семейный архив

С семьёй во время реабилитации после отравления, 2020 год / семейный архив

Алексей с семьёй, 2020 год / семейный архив

Алексей возвращается в Москву после пяти месяцев реабилитации в Германии, 2021 год / Mstyslav Chernov/AP/East News



Алексей по видеосвязи из колонии во время суда, 2022 год / Denis Kaminev/AP/East News

1 Мелкая знаменитость (*англ.*). — Здесь и далее примечания редактора.
2 Как только объясняешь, кто это, многие его сразу узнают (*англ.*).
3 Привилегия мелкой знаменитости (*англ.*).
4 «Вернём Америке былое величие!» (*англ.*).
5 «Гелендваген», внедорожник Mercedes-Benz G-класса.
6 Распространённое разговорное название — «Сен-Барт».
7 История в развитии (*англ.*).
8 «Иди на… отсюда!» (*англ.*).
9 Движение против нелегальной иммиграции.
10 Общественная наблюдательная комиссия.
11 Вадим Кобзев, адвокат Навального.
12 Кира Ярмыш, пресс-секретарь Навального.
13 Владлен Лось, юрист Фонда борьбы с коррупцией, гражданин Беларуси, был задержан за несколько дней до начала акции в поддержку Алексея Навального, а затем депортирован с запретом на въезд в Россию в течение пяти лет.
14 Текст Нассима Талеба.
15 Екатеринбурга.
16 Стиль танца, для которого характерно движение ногами на месте, напоминающее процесс тасования колоды карт.
17 Главный редактор оппозиционного СМИ «Медиазона».
18 Правила внутреннего распорядка.
19 Один из двух главных героев мультсериала «Рик и Морти».
20 Сотрудник ФСИН, несущий дежурство на «продоле» — так на тюремном жаргоне называется коридор.
21 На тюремном жаргоне — «Идём резать актив».
22 Мошенничество.
23 Приобретение и хранение наркотиков.
24 Восхищаемся твоей отвагой (*англ.*).
25 Глупость (*англ.*).
26 Попытка выдать желаемое за действительное (*англ.*).

Алексей Навальный
ПАТРИОТ

Редакторы Варвара Бабицкая, Юлия Навальная, Кира Ярмыш
Дизайн и вёрстка Даниил Бондаренко
Консультант цифрового издания Владимир Харитонов
Корректор Екатерина Пташкина
Координатор проекта Мария Певчих

Фото на обложке APE

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой её части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам распространения обращаться по адресу
sales@onebookpublishing.org

Алексей Навальный. Патриот. — One Book Publishing, Литва, 2024

ISBN 978-609-8347-02-9

© Алексей Навальный, наследники, 2024
© Юлия Навальная, 2024
© Даниил Бондаренко, дизайн, 2024
© Издательство One Book Publishing, 2024

Содержание

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Тюремные дневники
Эпилог
Фотографии